

Владимир Нафитский

INSTITUTE OF LEGISLATION AND COMPARATIVE LAW
UNDER THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir Lafitsky

**COMPARATIVE
JURISPRUDENCE
IN THE IMAGES
OF LAW**

First Volume

СТАТУТ
MOSCOW 2010

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Нафитский

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В ОБРАЗАХ ПРАВА

Том первый

СТАТУТ
МОСКВА 2010

УДК 340
ББК 67.0
Л 29

Лафитский В.И.

Л 29 Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. — М.: Статут, 2010. — С. 429

ISBN 978-5-8354-0653-1 (в пер.)

Первый том посвящен вопросам истории, теории и методологии сравнительного правоведения, а также тем правовым системам, которые относятся к христианскому сообществу права: славянскому, романо-германскому, общему (англосаксонскому), скандинавскому и латиноамериканскому праву. Во втором томе будут рассмотрены иудейская, исламская, индуистская, буддийская, конфуцианская, синтоистская и традиционные системы права. Помимо этого предметом анализа станут правовые системы бездуховной традиции права, присущей тоталитарным и технократическим обществам.

В книге анализируются не только правовые документы разных цивилизаций и эпох, но и священные писания, памятники литературного и народного творчества, определившие духовную суть, отличительные черты и в конечном счете судьбы основных правовых систем современного мира.

**УДК 340
ББК 67.0**

ISBN 978-5-8354-0653-1

© В. Лафитский, 2010

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2010

Vladimir Lafitsky. Comparative Jurisprudence in the Images of Law

The first volume is devoted to general issues of the history, theory and methodology of comparative jurisprudence and to the legal systems of the Christian tradition of law: Slavic, Roman-German (Continental), Common law, Scandinavian and Latin American law. Second volume will consider Judaic, Hindu, Buddhist, Islamic, Sintoist and traditional systems of law. Besides, it will examine legal systems of non-spiritual tradition of law inherent to totalitarian and technocratic societies.

The research is based not only on legal documents of different civilizations and epochs, but also on holy scriptures, literary and folk monuments, which determined the spiritual heart, distinctive features and eventually the fates of major legal systems of the modern world.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Образы права	10
Часть первая. Введение в сравнительное правоведение	
<i>Глава первая. История сравнительного правоведения</i>	12
Параграф первый. Истоки сравнительного правоведения	12
Параграф второй. В поиске целей и методов сравнительного правоведения.....	36
Параграф третий. Школы сравнительного правоведения	68
<i>Глава вторая. Предмет и методология сравнительного правоведения</i>	85
Введение. Грани сравнительного правоведения	85
Параграф первый. Цели общего сравнительного правоведения	86
Параграф второй. Методология общего сравнительного правоведения.....	90
Параграф третий. Уровни сравнительного правоведения	96
Часть вторая. Правовое сообщество христианской традиции права	
<i>Глава первая. Основы христианской традиции права</i>	123
Параграф первый. История жизни Иисуса Христа	123
Параграф второй. Учение Иисуса Христа.....	131
Параграф третий. Первые христианские общины	151
Параграф четвертый. Христианство в развитии государства и права	160
Параграф пятый. Воплощенные образы Царства Божия.....	173
<i>Глава вторая. Славянское право</i>	200
Параграф первый. Введение в историю славянского права.....	200
Параграф второй. Христианство в созидании правового мира славян	212
Параграф третий. Самоуправление в славянском праве.....	224
Параграф четвертый. Образы права в мелодиях славянского народного творчества	230
Параграф пятый. О правовом гении славян и памятниках его законотворчества	240
Параграф шестой. Об основных чертах славянского права	266

Глава третья. Романо-германское право	275
Параграф первый. Влияние теологии права	275
Параграф второй. Влияние народного духа	
на формирование правового сознания	294
Параграф третий. Рецепция римского права	303
Параграф четвертый. Революционное правотворчество	310
Параграф пятый. Основные черты романо-германского права	321
Глава четвертая. Общее право	330
Параграф первый. Роль судов в становлении общего права	330
Параграф второй. Правовые доктрины в истории общего права	338
Параграф третий. Влияние народного духа на развитие общего права	346
Параграф четвертый. Статутное право и революционные волны законотворчества в истории английского права	358
Параграф пятый. Основные черты и особенности общего права	369
Глава пятая. Скандинавское право	375
Параграф первый. Скандинавские руны права	375
Параграф второй. Особенности развития скандинавского права от эпохи Кальмарской унии до начала XX в.	386
Параграф третий. Развитие скандинавского права на новом этапе региональной интеграции	395
Глава шестая. Латиноамериканское право	401
Параграф первый. История формирования латиноамериканского права	401
Параграф второй. Конституционные идеалы и реалии Латинской Америки	411
Параграф третий. Особенности правовых систем Латинской Америки	419
Послесловие	427

TABLE OF CONTENTS

Preface. Images of Law	10
Part One. Introduction to Comparative Jurisprudence	
<i>Chapter One. History of Comparative Jurisprudence</i>	12
Paragraph 1. Origins of Comparative Jurisprudence.....	12
Paragraph 2. In the Search of Goals and Methods of Comparative Jurisprudence	36
Paragraph 3. Schools of Comparative Jurisprudence.....	68
<i>Chapter Two. Goals, Methodology and Subject of Comparative Jurisprudence</i>	85
Introduction. Facets of Comparative Jurisprudence	85
Paragraph 1. Goals of General Comparative Jurisprudence.....	86
Paragraph 2. Methodology of General Comparative Jurisprudence	90
Paragraph 3. Levels of Comparative Jurisprudence	96
Part Two. Community of the Christian Tradition of Law	
<i>Chapter One. Fundamentals of the Christian Tradition of Law</i>	123
Paragraph 1. History of the Life of Jesus Christ	123
Paragraph 2. Teaching of Jesus Christ	131
Paragraph 3. The First Christian Communities	151
Paragraph 4. Christianity in the Development of State and Law.....	160
Paragraph 5. Embodied Images of the Kingdom of God.....	173
<i>Chapter Two. Slavic Law</i>	200
Paragraph 1. Introduction to the History of the Slavic Law	200
Paragraph 2. Christianity in the Creation of the Legal World of the Slavs	212
Paragraph 3. Self-Government in the Slavic Law.....	224
Paragraph 4. Images of Law in the Melodies of Slavic Folk Creation	230
Paragraph 5. About Legal Genius of the Slavs and Monuments of its Law-Drafting	240
Paragraph 6. About Main Features of the Slavic Law.....	266

Chapter Three. Roman-German (Continental) Law	275
Paragraph 1. The Impact of the Theology of Law	275
Paragraph 2. The Impact of the National Spirit on the Formation of Legal Consciousness	294
Paragraph 3. Reception of Roman Law	303
Paragraph 4. Revolutionary Law Creation	310
Paragraph 5. The main Features of the Roman-German Law	321
Chapter Four. Common Law	330
Paragraph 1. The Role of Courts in the Formation of Common Law	330
Paragraph 2. Legal Doctrines in the History of Common Law	338
Paragraph 3. The Impact of the National Spirit on the Development of Common Law	346
Paragraph 4. Statute Law and Revolutionary Waves of Law Creation in the History of English Law	358
Paragraph 5. Main Features and Peculiarities of Common Law	369
Chapter Five. The Scandinavian Law	375
Paragraph 1. Scandinavian Runes of Law	375
Paragraph 2. Peculiarities of the Development of the Scandinavian Law from the Epoch of Kalmar Union till the Beginning of the XX Century	386
Paragraph 3. Development of the Scandinavian Law at the Modern Stage of Regional Integration	395
Chapter Six. The Latin American Law	401
Paragraph 1. History of Formation of the Latin American Law	401
Paragraph 2. Constitutional Ideals and Realities of Latin America	411
Paragraph 3. Peculiarities of the Legal Systems of Latin America	419
Afterword	427

*Моей дорогой маме
Лафитской Зинаиде Алексеевне (1935–2009)
с любовью и благодарностью посвящается.*

ПРЕДИСЛОВИЕ. ОБРАЗЫ ПРАВА

Жизнь права — это те образы, которые живут в сознании тех, кто его создает, исполняет, применяет либо оценивает. Переменчивые и неповторимые, они вбирают в себя те черты, звуки и краски, которые предопределены, с одной стороны, общественной средой, а с другой — особенностями личного восприятия каждого.

Сказанное объясняет, почему одни и те же акты действуют по-разному, порождают разные последствия, отступают от первоначальных замыслов их творцов.

Я не ставил задачу выявления механизмов создания образов права. Эта тема стала предметом нескольких крупных исследований в теории, социологии и антропологии права. Достаточно указать на блистательные работы Ф. Савиньи, Л.И. Петражицкого, И.А. Ильина и других ученых, которые посвящены правовой культуре, правопониманию и правовому сознанию.

Однако в рамках сравнительного правоведения образы права крайне редко исследовались. А между тем обращение к ним существенно расширяет границы познания¹, раскрывает многие сокровенные тайны, дает возможность почувствовать право в жизни, а не в скучном изложении учебников и монографических исследований. Наиболее полно, хотя и в преломленном отражении, они представлены в текстах законодательных и иных правовых актов. Поэтому в книгу включены фрагменты правовых документов разных цивилизаций и эпох.

Вместе с тем очевидно, что исследование права не может ограничиваться только нормативным материалом. Необходимо изучать свя-

¹ Одной из немногих компаративистских работ стало исследование: *Курильски-Ожвен Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М.* Образы права в России и Франции: Учеб. пособие. М., 1996.

щенные писания, памятники литературного и народного творчества. Ведь именно они определяют духовную суть, отличительные черты и в конечном счете судьбы основных правовых систем современного мира.

Структурно книга построена следующим образом. Первый том посвящен вопросам истории, теории и методологии сравнительного правоведения, а также тем правовым системам, которые относятся к христианской традиции права: славянскому, романо-германскому, общему (англосаксонскому), скандинавскому и латиноамериканскому праву. Во втором томе будут рассмотрены иудейская, исламская, индуистская буддийская, конфуцианская, синтоистская и традиционные системы права. Помимо этого предметом анализа станут правовые системы бездуховной традиции права, присущей тоталитарным и технократическим обществам.

Судьба мне подарила счастье общения со многими ведущими компаративистами XX в.: Августом Алексеевичем Мишиным и Владимиром Александровичем Тумановым, Иосифом Давидовичем Левиным и Юрием Александровичем Тихомировым, Феликсом Михайловичем Решетниковым и Борисом Александровичем Страшуном, Акмалем Холматовичем Саидовым, Гарольдом Берманом, Джоном Хазардом, Альбертом Блаустайном, Кристофером Осаке, Уильямом Дейлом, Виктором Кнаппом и Ульрихом Карпенем. Без их поддержки и советов эта книга вряд ли когда-нибудь увидела бы свет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Параграф первый. Истоки сравнительного правоведения

Сравнительное правоведение имеет столь же давнюю историю, как художественная литература, историческая, географическая и философская науки. Оно рождалось вместе с ними, углубляя познание права, выявляя его достоинства и недостатки, раскрывая общее и особенное в его развитии.

Первоисток эллинского мира

Первые сравнительно-правовые подходы появились еще в поэмах Гомера. Так, описывая странствия Одиссея, поэт отмечал, что его герой «многих людей города посетил и обычаи видел»¹. Некоторые из них, в частности поселения ахейских племен², Трою, Крит, он описывал подробно, сопоставляя и обращая внимание на то, как их традиции переплетались между собой. В этом отношении примечательно описание Крита:

«Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахейя
С первоплеменной породой воинственных критян; киконы
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих...»³

Совершенно иной предстает жизнь отсталых племен, населявших отдаленные острова Средиземного моря:

«Там беззаботно они, под защитой бессмертных имея
Все, ни руками не сеют, ни плугом не пашут; земля там

¹ Гомер. Одиссея. Песнь 1. Строка 3. Здесь и далее — перевод В.А. Жуковского.

² Подробнее см.: Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С. 277–282.

³ Гомер. Указ. соч. Песнь 19. Строки 172–178.

Тучная щедро сама без пахання и сева дает им
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошных кистей винограда
Полные лозы...
Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь»¹.

Более отчетливо линия сравнительного правоведения прослеживается в «Истории» Геродота — в разделах, посвященных описанию и сравнению законов и нравов разных народов — греков, персов, египтян, лидийцев, скифов, массагетов, индийцев и др. В частности, «отец истории» указывал, что лидийцы имели такие же обычаи, как и греки², что персы были склонны к заимствованию чужеземных порядков³ и что, напротив, египтяне и скифы не воспринимали обычаи других народов⁴. Он рассказывал о том, как «при хороших законах Египет достиг великого процветания»⁵ и как возрастало могущество Афин с утверждением равноправия граждан⁶.

Сравнивая законы и обычаи разных народов, Геродот выделял не только их особенности, но и то общее, что их объединяло. Так, рассказывая об обычаях спартанцев, он подчеркивал их сходство с обычаями египтян. Как и в Египте, при вступлении на престол цари Спарты объявляли прощение всех долгов перед царской властью и общинами. В обоих государствах ремесло передавалось по наследству: «...сын флейтиста становился флейтистом, сын повара — поваром, а глашатай — глашатаем»⁷.

Геродот выделял разные формы правления, отмечая достоинства и недостатки демократии, олигархии и монархии. Так, в уста Дария, будущего царя Персии, он вложил слова, которые, несомненно, отражали его собственные представления о наилучшей форме правления: «Если мы возьмем из трех предложенных нам на выбор форм правления каждую в ее самом совершенном виде, т.е. совершенную

¹ *Гомер*. Указ. соч. Песнь 9. Строки 108–115.

² *Геродот*. История. Книга первая. 94. Здесь и далее — перевод Г.А. Стратановского.

³ *Геродот*. Указ. соч. Книга первая. 135.

⁴ Там же. Книга вторая. 91; Книга четвертая. 76.

⁵ Там же. Книга вторая. 124.

⁶ Там же. Книга пятая. 78.

⁷ Там же. Книга шестая. 59–60.

демократию, совершенную олигархию и совершенную монархию, то последняя, по-моему, заслуживает гораздо большего предпочтения. Ведь нет, кажется, ничего прекраснее правления одного наилучшего властелина. Он безупречно управляет народом, исходя из наилучших побуждений, и при такой власти лучше всего могут сохраняться в тайне решения, направленные против врагов. Напротив, в олигархии, если даже немногие лучшие и стараются приносить пользу обществу, то обычно между отдельными людьми возникают ожесточенные распри. Ведь каждый желает первенствовать и проводить в жизнь свои замыслы. Так у них начинается яростная борьба между собой, отчего проистекают смуты, а от смут — кровопролития. От кровопролитий же дело доходит до единовластия, из чего совершенно ясно, что этот последний образ правления — наилучший. При демократии опять-таки пороки неизбежны, а лишь только низость и подлость проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде между подлыми людьми, а, напротив, между ними возникают крепкие дружественные связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, устраивая заговоры. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, а затем этот прославленный вождь быстро становится единодержавным властителем. Отсюда еще раз видно, что единовластие — наилучший образ правления»¹.

Традиция сопоставления законов и обычаев разных народов была продолжена многими историками древности.

Так, Фукидид сравнивал обычаи персов и фракийцев², а также нравы разных греческих полисов. Вместе с тем в его «Истории» акцент смещен в плоскость исторической перспективы развития политических и правовых институтов. Например, сравнивая Платеи и Фивы в период греко-персидских войн, Фукидид отмечал: «Обратите все же внимание на то, при сколь различных политических обстоятельствах... так поступали... Ведь тогда у нас (в Фивах. — В.Л.) не было ни равноправной олигархии, ни демократии. Наш тогдашний государственный строй являл собой полную противоположность законности и правовому порядку и ближе всего был к тираническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей.

¹ Геродот. Указ. соч. Книга третья. 80—82.

² Фукидид. История / Под ред. Я.М. Боровского. М., 1993. Книга вторая. 97.

Правители, надеясь... еще больше укрепить свое личное господство, держали народ в подчинении насилием и призвали мидийского царя в страну»¹.

Впервые сравнительное право предстало как предмет обособленного исследования в книге Платона «Законы». Отправной точкой для великого философа стали законы Крита, которые, согласно преданию, Минос получил непосредственно от Зевса и которые, по мнению Платона, были правильными, поскольку они делали счастливыми тех, кто ими пользуется, предоставляя им все блага².

Цель своего исследования Платон сформулировал предельно ясно — выявить, что «в законах правильно по природе и что ошибочно»³. Решая эту задачу, философ сопоставлял законы Крита, Персии, Египта, древнегреческих полисов и земель — Афин, Спарты, Фив, Мессены, Аргоса и др.

Судьбы этих государств свидетельствовали о недопустимости тех законов, которые устанавливали «могущественные и несмешанные власти», поскольку «государство должно быть свободным, разумным и дружественным самому себе; законодатель должен давать законы, имея в виду именно это»⁴.

Если эти требования нарушались, государство превращалось «в сожительство граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинует»⁵.

Чтобы не допустить такого правового развития, правители должны были стать «служителями закона». Доказывая эту мысль, философ писал: «Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»⁶.

¹ Фукидид. Указ. соч. Книга третья. 62.

² Платон. Законы. Книга первая. 631b. Здесь и далее — перевод А.Н. Егунова.

³ Платон. Указ. соч. Книга первая. 627d.

⁴ Там же. Книга третья. 693b.

⁵ Платон. Указ. соч. Книга четвертая. 713.

⁶ Там же. Книга четвертая. 715c.

Второе основное условие спасения государства — надлежащее устройство судебной власти¹.

Третье условие — добровольное принятие законов, поскольку ни один государственный строй не может долго продержаться, если его опорой стали постоянное насилие и произвол, подавляющие волю подданных².

Наиболее ярко античное сравнительное правоведение предстало в работах Аристотеля. Он не только существенно расширил границы исследования, сопоставив государственное устройство 158 стран и полисов, в том числе Крита и Спарты, Афин и Коринфа, Карфагена и Македонии, Персии и Египта, но и решительно отверг умозрительные подходы Сократа, Платона и других философов, которые пытались создать оторванные от жизни концепции идеального государства и права.

Основной сравнительно-правовой труд Аристотеля, дошедший до наших дней, — «Политика», в которой философ рассмотрел вопросы экономического устройства, форм правления, общей теории полиса, идеального государственного устройства, причины крушения и пути укрепления государств.

Целью любого государства, писал философ, является достижение высшего блага — справедливости³, поскольку «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения»⁴.

Справедливость требует, продолжал Аристотель, «чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами.... Кто требует, чтобы властвовал закон... требует, чтобы властвовало только божество

¹ Платон. Книга шестая. 766d.

² Там же. Книга восьмая. 832с.

³ Аристотель. Политика. М.: АСТ, 2002. С. 15. Книга третья. 7.

⁴ Там же. Книга первая. 2.

и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало... Таким образом, ясно, что ищущий справедливости ищет чего-то беспристрастного, а закон и есть это беспристрастное...»¹

Вместе с тем Аристотель предупреждал, что законы, даже самые идеальные, не могут сами по себе обеспечить благоденствие государства. Необходима правильная организация государственного устройства, включающая три составные части: «законосовещательный орган, рассматривающий дела государства», государственные чиновники и суды².

Многое зависело от искусства правления. Примером образцового правителя мог служить Солон, который, сочетая «силу с правом»³, утвердил порядок властью закона. Не менее важным было воспитание граждан. «Никакой пользы, — утверждал Аристотель, — не принесут самые полезные законы, единогласно одобренные всеми причастными к управлению государством, если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны»⁴.

Идеальным же, в представлении философа, был тот государственный строй, который давал возможность каждому «благоденствовать и жить счастливо»⁵.

Новую страницу в становлении сравнительного правоведения открывает Полибий. Его «Всеобщая история» была создана в период расцвета Римской империи, когда впервые право было включено в общий контекст всемирно-исторического развития. Как писал Полибий, «раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводится к одному концу»⁶.

¹ *Аристотель*. Политика. Книга третья. 11.

² Там же. Книга четвертая. 11.

³ Строчка из поэмы самого Солона, в которой он описывал созданные им законы. Цит. по: *Аристотель*. Афинская полития // *Аристотель*. Сочинения. Калининград, 2002. Глава четвертая. С. 15.

⁴ *Аристотель*. Политика. Книга пятая. 7.

⁵ Там же. Книга седьмая. 2.

⁶ *Полибий*. Всеобщая история. Книга первая. 3. Здесь и далее — перевод Ф.Г. Мищенко.

Развивая теорию общей судьбы, Полибий доказывал, что право всех государств подчиняется единым законам циклического развития. Существующие формы «естественным» образом сменяют друг друга. Так, на смену первичным формам монаршей власти приходит царская власть, которая, в свою очередь, со временем вырождается в тиранию. На смену тирании приходит аристократия, а вслед за ней — олигархия. И наконец, утверждается демократия, чтобы через три поколения подвергнуться разложению. Устанавливается власть толпы, которая вновь рождает первичные формы монаршей власти¹. Каждая из форм государственного устройства в своем развитии проходит пять стадий: зарождение, возрастание, расцвет, изменение, завершение². Действие законов циклического развития от рождения к смерти может быть прервано, если в государственном устройстве будут сочетаться преимущества разных форм, что придаст ему равновесие³. Примером такого смешения форм был Ахейский союз, который, как отмечал Полибий, имел «надежнейшую опору в равенстве и милосердии»⁴.

Следующая новелла его сравнительного подхода — широкая трактовка права. Он убеждал, что основу государственного устройства составляют не только законы, но и нравы, обычаи, религиозные установления. Так, прочность государственного устройства Рима во многом объяснялась тем, что она основывалась на страхе перед богами. Народ, писал Полибий, исполнен легкомыслия, противозаконных стремлений. Удержать его может только религия⁵.

Следующий шаг в развитии сравнительного правоведения сделал Страбон, который впервые представил в книге «География» общую панораму правового пространства, в котором законы и обычаи одних народов нередко заимствовались другими либо совпадали с присущими им. Так, описывая обычаи одного из иберийских племен, Страбон отмечал, что брак у них совершался, как у греков, и что некоторые их обычаи имели сходство с обычаями, существовавшими в древности у египтян⁶.

¹ Полибий. Указ. соч. Книга шестая. 5—9.

² Там же. Книга шестая. 4.

³ Там же. 10.

⁴ Там же. Книга вторая. 38.

⁵ Там же. Книга шестая. 56.

⁶ Страбон. География. Книга третья. Глава 3. 7. Здесь и далее — перевод Г.А. Стратановского.

Особое место в «Географии» Страбона занимает рассказ о законодательстве Древнего Крита. По словам географа, древний законодатель Крита исходил из той предпосылки, что свобода — это «высшее благо государства»:

«Ведь только одна свобода делает блага собственностью тех, кто приобрел их, тогда как блага, приобретенные в рабстве, принадлежат правителям, а не управляемым. Те, кто обладают свободой, должны ее защищать. Далее, согласие возникает только там, где устранены раздоры, проистекающие от своекорыстия и роскоши... Если граждане ведут умеренную и простую жизнь, то нет у них ни зависти, ни заносчивости, ни ненависти по отношению к равным себе»¹.

По мнению географа, правопорядку Крита были близки законы Индии, отличавшиеся простотой и приучавшие к их исполнению².

Завершая книгу, в которой были описаны обычаи, традиции, законы нескольких сотен народов, Страбон отметил основное присущее им свойство: «Объединенные в гражданские общины, они живут по общему закону... Иным путем народным массам в какой-нибудь стране было бы невозможно делать одно и то же в согласии друг с другом (в чем именно и состоит гражданский союз) или вообще вести общественную жизнь. Закон же этот двоякий, так как исходит или от богов, или от людей. Древние... божественный закон считали выше и священнее»³.

Первоисточки Индии

Удивительно мощным потоком идеи сравнительного правоведения льются со страниц великих поэм Индии — «Рамаяны» и «Махабхараты».

История жизни Рамы, героя первой поэмы, начинается с описания правового порядка, утвердившегося в царстве его отца:

«Царь Дашаратха.

Преданный только правде,

Верный трем целям жизни,

Он правил в прекрасной Айодхье,

Как Индра в Амаравати.

В этом лучшем из городов

¹ Страбон. Указ. соч. Книга десятая. Глава 4. 16.

² Там же. Книга пятнадцатая. Глава 1. 53.

³ Там же. Книга шестнадцатая. Глава 2. 16.

Жили добронравные люди,
Щедрые, умные, правдивые,
Довольные своею участью.
В этом лучшем из городов
Не было бедных домохозяев,
У которых недоставало имущества,
Коров, лошадей или денег...
Не было злодеев, воров, нищих,
Детей от смешанных браков.
Брахманы, победившие чувства,
Знатоки вед и искусства дарения,
Скромные в своих притязаниях,
Всегда соблюдали карму...
Кшатрии почитали брахманов,
Вайшьи были послушны кшатриям,
Шудры, зная свои обязанности,
Служили первым трем варнам»¹.
Порядок в царстве поддерживали восемь министров:
«Удачливые, великие духом,
Изучившие шастры, решительные,
Они всегда добивались цели
И делали то, что обещали...
Справедливые и в суде, и в дружбе,
Они, если требовал закон,
Могли наложить наказание
Даже на собственного сына.
Они исправно собирали налоги,
Укрепляли царское войско,
Не преследовали даже недругов,
Если те не шли на злодеяние.
Мужественные и деятельные,
Искусные в управлении царством,
Они были во всем покровителями
Добронравных жителей страны...
Имея таких советников,
Наделенных всеми достоинствами,

¹ Рамаяна. Книга первая. Песня 6. М., 2006.

Великий царь Дашаратха
Справедливо правил землею...
Охраняя подданных силой закона»¹.

И совершенно иными предстают в «Рамаяне» те государства, в которых не было царской власти. Лишенные милости богов, они были обречены на многие несчастья.

«В стране без царя Парджанья,
Увенчанный сонмом молний,
Гремящий громом, не орошает
Небесным дождем землю.
В стране без царя земледельцы
И горсти зерна не сеют,
В стране без царя не почитают
Дети — отца, а жены — мужа...
В стране без царя нет правды.
В стране без царя люди
Не встречаются в зале собраний,
Не разбивают сады и парки,
Не возводят в радости храмы...
В стране без царя богатые
Земледельцы и скотоводы
Не спят под надежной охраной,
Оставив двери открытыми...
В стране без царя не видно
Купцов со своими товарами:
Не будучи в безопасности,
Они не ездят из дальних стран.
В стране без царя мудрецы,
Погруженные в размышление,
Не смеют без страха странствовать
И ночевать где придется.
В стране без царя никто
Не чувствует себя защищенным...
Как стадо, брошенное пастухом,
Страна, в которой нет государя»².

¹ Рамаяна. Книга первая. Песня 7.

² Там же. Книга вторая. Песня 67.

Вторая великая поэма Индии — «Махабхарата»¹ — посвящена междоусобной войне между двумя царственными родами и тем бедам, которые она принесла. Основная идея поэмы — необходимость единства государства. Поэтому она содержит подробное описание древних законов, обычаев, искусства правления.

Заметное место в поэме занимало сравнение государств и действовавшего в них права. В частности, отмечалось, что в городе Махишмати женщины пользовались «полной свободой»², тогда как в других царствах они полностью подчинялись мужьям и старшим мужчинам рода. Поэма описывала оседлые и кочевые племена, «не имеющие определенного места жительства»³, государства, отвергавшие и допускавшие, как в Магадхе, человеческие жертвоприношения.

Особо в поэме подчеркивалась цель единения, создания «великодержавного государства». Правители древности ее достигали разными средствами: упразднением налогов, защитой своих подданных, аскетическими подвигами, силой, богатством. Так, Джарасандха, сын Брихадратхи, заслужил титул великодержавного государя благодаря таким качествам, как чувство справедливости, богатство, искусная политика⁴.

Поэма описывала судьбы разных государств. Там, где законы исполнялись, они пользовались всеми благами жизни, находясь под защитой царей, воплощавших закон⁵.

И, напротив, там, где законы нарушались, наступали неисчислимые беды:

«С истреблением рода гибнут
неизменные рода законы;
если ж гибнет закон, то род весь
погружается в беззаконье.
С воцарением беззаконья
развращаются женщины рода;
когда женщины рода растлились,
наступает всех варн смешенье.
Варн смешенье приводит к аду

¹ Цит. по.: Махабхарата. М.: Наука, 2006, 2007. Т. 1 (2006), Т. 2—4 (2007).

² Махабхарата. Книга вторая. 28.

³ Там же. Книга вторая. 47.

⁴ Там же. Книга вторая. 14.

⁵ Там же. Книга первая. Глава 45.

весь тот род и губителей рода,
ибо падают в ад их предки
без воды и без жертвенных клещек.
Так злодеи, рода убийцы
и виновники варн смешенья
растлевают и каст законы,
и законы вечные рода»¹.

В «Рамаяне» и «Махабхарате» основной целью сопоставления государств и действовавшего в них права было создание учения о правильном правлении. Эту традицию продолжили многие писатели и ученые Индии. В их числе был Каутилья, советник царя Чандрагупты. Согласно преданию, он создал «Артхашастру» — свод наставлений по управлению государством.

Свод отразил опыт разных царств Индии. Изучая его, Каутилья сформулировал общие положения, раскрывавшие суть правовых и политических событий. Примечательны следующие строки «Артхашастры»: «Дхарма, судебное разбирательство, обычай, царский указ — на этих четырех опорах основывается решение спорного дела. Каждая последующая из них сильнее предыдущей. При этом дхарма основана на истине, судебное разбирательство — на свидетелях, обычай — на общем мнении людей, а указ — это царское распоряжение. Собственная дхарма царя, охраняющего подданных согласно дхарме, приводит его на небо, а того, кто не охраняет или налагает неверное наказание, напротив, в ад. Ведь только наказание охраняет мир этот и иной, если наложено царем беспристрастно, в соответствии с преступлением, будь преступником сын или враг»².

Первоисточки Китая

В Китае традиция сравнительного правоведения берет начало в трудах Конфуция. В поисках Дао — должного пути — философ изучил правопорядок многих древних и современных ему государств. Как отмечал один из его учеников, «когда Учитель прибывал в какое-нибудь государство, он непременно хотел узнать о методах правления»³.

¹ Бхагавадгита (входит в состав Махабхараты). Глава первая. М., 1999. Перевод В.С. Семенцова.

² Цит. по: Вигасин А.А., Самозванцев А.М. Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984. С. 37.

³ Лунь юй. Глава 1. 10. Здесь и далее — перевод Л.С. Переломова.

Но самое большое значение он придавал изучению истории государств, утверждая, что оно дает возможность узнать их судьбу даже через сто поколений¹. Впрочем, он был сдержан в своих оценках, когда не хватало свидетельств — текстов либо устных советов мудрецов².

Конфуций выделял общее и особенное в государственном устройстве. Так, он утверждал, что правление в царствах Лу и Вэй — «это правление братьев»³, подчеркивая сходство установленного в них правопорядка. Однако чаще он отмечал различия государств, в основном по степени их отступления от Дао — истинного пути, заключавшегося «в высветлении светлой благодати, породнении с народом и остановке на совершенном добре»⁴.

Своим исследованиям Конфуций пытался придать практическую направленность. Он утверждал: «Одна реформа в царстве Ци — и оно будет как царство Лу, одна реформа в царстве Лу — и в нем воцарится Дао-Путь»⁵.

Более того, он стремился эти реформы осуществить, даже сознавая тщетность своих усилий. Однажды он сказал: «Если бы в Поднебесной царил Дао-Путь, то я не добивался бы вместе с вами перемен»⁶. И, продолжая, с горечью заметил: «Не служить — значит нарушить долг... Благородный муж идет на службу, дабы выполнить свой долг, а о том, что его Дао-Путь неосуществим, он знает заранее»⁷.

Наиболее полно сравнительно-правовые подходы представлены в трудах «отца» китайской историографии Сыма Цяня. Свое повествование об истории Китая он начал со времени правления первого императора Хуан-ди. Оно стало отправной точкой не только исторического, но и сравнительно-правового исследования. Сыма Цянь сравнивал законы и порядки Поднебесной в разные периоды ее истории, а после раскола — сопоставлял правопорядок царств и княжеств, возникших на ее руинах.

Он подчеркивал достоинства тех реформ, которые провел Гуан Чжун в княжестве Ци. «Указы для нижестоящих, — повторял историк

¹ Лунь юй. Глава 2. 23.

² Там же. Глава 3. 9.

³ Там же. Глава 13. 7.

⁴ Да сюэ. Перевод А.И. Кобзева.

⁵ Лунь юй. Глава 6. 24.

⁶ Там же. Глава 18. 6.

⁷ Там же. Глава 18. 7.

слова Гуан Чжуна, — подобны источнику воды, они делают сердца людей послушными. Указы должны быть ясными и немногословными, чтобы народу легко было их выполнять. Предоставьте народу то, что он желает, и поскорее избавьте от того, что он отвергает»¹.

Иными были реформы Шан Яна, который впервые в истории не только обосновал, но и осуществил идею тоталитарного государства: «Было приказано так. Народу разделиться семьями на пятерки и десятки, которые должны были заботиться друг о друге, отвечать за поступки соседей. Тот, кто не доносил о преступившем закон, подлежал обезглавливанию. Тот, кто доносил о преступившем закон, награждался наравне с человеком, в бою отсекившим голову противника... Тот, кто прилагал все силы в основных занятиях — земледелии и ратном деле, кто производил больше зерна и шелка, — освобождался от трудовых повинностей. Всех, кто извлекал выгоды из занятия второстепенным делом, впавших в нищету... следовало превращать в казенных рабов... Многие циньцы, вначале заявлявшие о непригодности новых законов, приходили и говорили теперь об их правильности; однако вэйский Ян (т.е. Шан Ян) говорил: «Эти люди познали вкус смуты», — и всех их переселял в пограничные города. Теперь уже никто из жителей не осмеливался обсуждать новые законы»².

Нередко Сыма Цянь расширял рамки исследования, описывая обычаи иноземных государств и народов. Наиболее подробно он рассказывал о гуннах (по-китайски — сюнну), которые многие столетия тревожили северные границы Поднебесной³.

Сопоставляя законы «цивилизованных» царств Китая и варварских народов, историк нередко высказывался в пользу последних. Примечателен в этом отношении диалог правителя циньской династии Му-гуна и посланника княжества жунов Ю-юя:

«Му-гун... спросил: «Срединные государства осуществляют управление на основе стихов и исторических записей, обрядов и музыки, законов и установлений, но, несмотря на это, в них часто происходят беспорядки. Ныне у диких жунов ничего этого нет. Как же у них строится управление? Разве не возникает трудностей?»

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. М., 1996. Т. 7. С. 35.

² Там же. С. 88.

³ Там же. 2003. Т. 2. С. 30–31.

Ю-юй со смехом ответил: «Именно в этом причина беспорядков в срединных государствах, ведь с тех пор как мудрейший Хуан-ди выработал обряды и музыку, законы и установления, он лично подавал пример их исполнения, почти не прибегая к управлению. Его же потомки день ото дня становились все более высокомерными и развращенными. Они строго надзирали за низшими и наказывали их, опираясь лишь на силу законов и установлений. В результате низшие уставали до крайности и, ратуя за человеколюбие и справедливость, начинали роптать на высших. Так между высшими и низшими возникла взаимная борьба из-за нанесенных обид. Убийства с целью захвата власти и даже уничтожения целых родов — все подобные явления порождены этой причиной. Совсем не так у жунов и и. Высшие, обладая простотой и добродетелью, применяют их в отношениях с низшими, а низшие, сохраняя искренность и преданность, служат высшим. Управление целым государством подобно управлению собственным телом; когда не думают, с помощью чего оно управляется, то это действительно управление мудрых»¹.

В своих оценках Сыма Цянь стремился быть объективным, раскрывая не только суть, но и те способы, посредством которых осуществлялось правление. Так, он отмечал, что новая империя, созданная Цинь Ши-хуанди, утверждалась на таких началах, как «твердость, решительность и крайняя суровость». В то время «считалось, что только жестокость и угнетение без проявлений человеколюбия, милосердия, доброты и справедливости могут соответствовать порядку пяти добродетельных сил (стихий). И чиновники «до крайности усердствовали в применении законов и долго никого не миловали»².

Описывая империю Цинь Шихуанди, Сыма Цянь создал поразительно точную картину тоталитарного государства, в котором отвергаются все ценности, кроме одной — воли единовластного правителя.

О том, каким был тот строй, можно судить по следующим строкам: «Первый советник Ли Сы сказал: «...ученые все восхваляли древность с целью опорочить современность; они прикрывались лживыми словами, чтобы запутать существующее, цenia лишь свои учения, они отрицали все, что было создано государями. Ныне Вы, император-властитель, объединили под своей властью Поднебесную, отделили

¹ Сыма Цянь. Указ. соч. 2002. Т. 8. С. 323–353.

² Там же. 2003. Т. 2. С. 63.

черное от белого и установили одно почитаемое людьми учение... Я предлагаю, чтобы чиновники-летописцы сожгли все записи, кроме циньских анналов; все в Поднебесной, за исключением лиц, занимающих должности ученых при дворе, кто осмеливается хранить у себя Ши цзин и Шу цзин¹ и сочинения ученых ста школ, должны явиться к начальнику области или командующему войсками области, чтобы там свалить эти книги в кучу и сжечь их. Всех, кто после этого осмелится толковать о Ши цзине и Шу цзине, подвергнуть публичной казни на площади; всех, кто на примерах древности будет порицать современность, подвергнуть казни вместе с их родом, чиновников, знающих, но не доносящих об этом, карать в той же мере. Тех, кто за тридцать дней после издания указа не сожжет эти книги, подвергнуть клеймению и принудительным работам на постройке крепостных стен. Не следует уничтожать книги по медицине, лекарствам, гаданиям на панцирях черепах и стеблях, по земледелию и разведению деревьев. Кто пожелает изучать законы и указы Цинь, пусть берет наставниками чиновников». В повелении императора говорилось: «Быть по сему»².

Государство Цинь Шихуанди, как убеждал Сыма Цянь, было бесконечно далеко от тех заветов, которые были составлены первыми правителями Китая³. В человеколюбии они были подобны Небу⁴, старались улучшать добродетели народа, «облегчать его жизнь, умножать его богатства, побуждали людей служить полезному и искоренять дурное, стремиться к добродетели и избегать насилия»⁵. Государства, основанные на таких началах правления, были долговечными в отличие от империи Цинь Шихуанди, рухнувшей через три года после его смерти.

¹ Ши Цзин («Книга песен») и Шу Цзин («Книга истории») — труды, которые, согласно традиции, приписывались Конфуцию.

² *Сыма Цянь*. Указ. соч. 2003. Т. 2. С. 77–78.

³ Впрочем, отметим, что и сам Цинь Шихуанди противопоставлял свою империю древним царствам. Так, в надписи, высеченной по его приказу на камне и установленной на горе Чжифу, было сказано: «При пяти императорах и трех ваннах древности знания и наставления не были едиными, законы и правила не были ясными; ложно прикрываясь могуществом земных и небесных духов, правители притесняли далекие земли. Суть их дел не отвечала названиям... Ныне властитель-император соединил воедино все земли... проникся истиной и творит добродетельные дела» (Цит по: *Сыма Цянь*. Указ. соч. 2003. Т. 2. С. 70).

⁴ Там же. 2001. Т. 1. С. 136.

⁵ Там же. С. 108.

Первоисточники исламского Востока

В состав одного из крупнейших государств раннего Средневековья — Арабского халифата — вошли огромные территории Иберийского полуострова, Северной Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии. Объединение столь разных частей света дало импульс к изучению и сопоставлению действовавших там законов, обычаев, нравов. На эту тему писали арабские завоеватели и наместники, ученые, купцы, путешественники, например ал-Баладури, ибн Хордадбе, ат-Табари, ибн Фадлан, ал-Масуди, ал-Хамдани, ибн Русте и многие другие.

Нередко такие исследования проводились по указанию халифов. Так, халифы ал-Мансур, Харун ар-Рашид отправляли в разные части света ученых, чтобы они изучали религию, государственное устройство, достигнутый в этих странах уровень научных знаний. На средства халифов приобретались и переводились на арабский язык греческие, римские, индийские, персидские книги. В начале IX в. появились первые книги арабских авторов, посвященные Ближнему Востоку, Северной Африке, Индии¹.

Эту традицию продолжили многие исламские правители, в том числе Махмуд Газнави, завоевавший многие царства Центральной Азии и Индостана. По его приказу они стали объектом исследований многих ученых. В их числе был и аль-Бируни. Плененный после разрушения родного Хорезма, он в течение 13 лет (1017—1030) собирал сведения об Индостане. Впоследствии они были изложены в книге «Индия», в которой представлен один из первых очерков исламского сравнительного правоведения.

Аль-Бируни писал: «Греки получали религиозные и гражданские законы от своих мудрецов, таких как Солон, Дракон, Пифагор, Минос и им подобные, которые были призваны для этого дела и якобы пользовались божественной помощью... Во времена Дария Первого, правившего после Кира, римляне отправили послов к афинянам и получили от них законы в двенадцати книгах... Точно так же обстоит дело с индийцами, так как они полагают, что их религиозный закон и его отдельные предписания исходят от риши — мудрецов, столпов их религии, а не от пророка»².

¹ См. по этому вопросу: *Халидов А.Б., Эрмиан В.Г.* Предисловие // *Бируни А.Р.* Индия. М., 1995. С. 11—12.

² *Бируни А.Р.* Индия. М., 1995. С. 127—128.

Аль-Бируни сопоставлял разные государственные и социальные институты, выделяя общее и особенное в праве исламского и неисламского мира. Так, рассуждая о становлении кастовой системы, ученый отмечал: «Индийцы в наши дни обладают всеми этими сословными и кастовыми установлениями в изобилии, так что наша полная противоположность им в этом и то, что у нас — все равны, кроме как в страхе перед Аллахом, является огромным препятствием, которое отделяет их от ислама»¹.

Интересен анализ влияния религиозных заповедей на светские законы об уголовной ответственности. Обращаясь к этой теме, аль-Бируни писал: «Обычаи индийцев в этом отношении схожи с обычаями христиан, ибо строятся на принципах добра и воздержания от зла, а это — полный отказ от убийства, отдавать тому, кто отнял верхнюю одежду, рубаху, подставлять правую щеку тому, кто ударит по левой, благословлять врага и возносить молитвы за него. Клянусь жизнью, этот образ действия превосходен! Однако обитатели этого мира далеко не все философы, а в большинстве своем — невежественные и заблуждающиеся люди, которых можно держать на прямом пути только мечом и бичом. С тех пор, как Константин Победитель обратился в христианство, меч и бич не знали покоя, ибо без них нельзя было бы управлять.

Индийцы следовали тем же путем, ибо передают, что дела правления и войны в прошлом принадлежали брахманам, но мир от этого пришел в расстройство, так как они осуществляли управление, согласно с требованиями религиозных книг, умозрительным путем. Но они ничего не могли поделать с порочными и злыми людьми, и для них стало почти невозможным руководить по законам религии. Они смиренно молились своему Господу, пока Брахма не выделил для них те обязанности, которые они несут, и не отдал управление и ратное дело кшатриям. С тех пор... наказание людей за грехи осуществляется не учеными, а царями»².

Сравнительно-правовые приемы исследования широко применялись и суфийским мудрецом аль-Газали. В книге «Наставление правителям» он создал учение об основах управления государством, опираясь не только на слова Корана, других священных книг, но и на сопоставление государств и форм правления.

¹ Бируни А.Р. Указ. соч. С. 124.

² Там же. С. 474.

Основной его целью был поиск праведного пути. Он искал его в историях о жизни правителей, легендах, пословицах и притчах, высказываниях мыслителей прошлого — Аристотеля, Сократа, Платона, аль-Басри, ибн-Кайса и др.

Аль-Газали рассказывал о царях Древнего Ирана, которые «правили делами мира четыре тысячи лет». Их правление было столь долгим, объяснял он, потому что они «были справедливы по отношению к подданным, и потому, что они соблюдали строгость в делах»¹.

Он раскрывал таинства праведного правления, обобщая опыт многих царств: «Прежние правители придавали большое значение строительству, потому что они знали: чем больше будет процветать государство, тем богаче и благодарнее будут подданные. И они знали, что правы мудрецы и ученые, которые сказали: «Религия держится царем, царь — войском, войско — деньгами, деньги — развитием страны, а страна — справедливостью между подданными». Они не мирились с несправедливостью и жестокостью и не соглашались с нарушением прав и притеснением своих подданных, так как знали, что подданных не удержать жестокостью, а земли и страны рушатся, если власть над ними берут тираны»².

Примером для аль-Газали служил Хосров Ануширван Справедливый, который правил в Иране в середине VI в. и объяснял таинства своего правления так: «Я ничего не приказываю по незнанию, и если я приказываю что-то, я завершаю это и не бросаю его из-за страха или по просьбе, и я, поистине, не меняю ничего из того, что я приказал»³.

Достойным было и правление халифа ал-Мамуна, который выделял два дня в неделю для дискуссий с законоведами⁴.

Вместе с тем аль-Газали доказывал, что правитель должен быть не только справедливым, мудрым, твердым в решениях, но и добродетельным в жизни, потому что «простой народ портится и становится безнравственным вслед за правителями»⁵.

«Разве ты не знаешь из истории о том, — продолжал он, — что во время правления Валида ибн Абдель-Малика из династии Омейядов люди занимались строительством и сельским хозяйством, при правлении

¹ Аль-Газали А.Х. Наставление правителям. М., 2005. С. 50.

² Там же. С. 55–56.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 60.

Сулеймана ибн Абдель-Малика люди погрязли в чревоугодии, увлеклись украшением мест для принятия пищи и окуриванием их благоуханиями, удовлетворением своих желаний и исполнением прихотей. А при Умаре ибн Абдель-Азизе люди проводили свое время в поклонении и воздержании... Во все времена подданные берут пример со своего правителя, поступают как он и подражают его делам, дурным или благим»¹.

Первоисточники Западной Европы

В Западной Европе традиции сравнительного правоведения были заложены составителями хроник и летописей, церковных историй и биографий правителей, в которых описывались и сопоставлялись действовавшие в разных странах законы и обычаи.

Так, Беда Достопочтенный в книге «Церковная история народа англов» рассказывал об обычаях бриттов, пиктов, скоттов, саксов, англов, населявших Британские острова, и о многочисленных государствах, образованных ими, — Нортумбрии, Эссексе, Кенте, Мерсии, Дейре и др.

Особое внимание он обращал на то, как христианство постепенно смягчало нравы, изменяя сознание людей. Без духовной идеи, убеждал Беда, общество обречено. И чем больше в нем становится богатств, тем быстрее наступает распад. Доказывая этот тезис, он рассказывал о призвании в Британию саксов: «С прекращением вражеских нападений на острове случился такой обильный урожай зерна, какого прежде никто не помнил. За изобилием пришла роскошь, сопровождаемая всеми видами преступлений; в особенности возросли зависть, ненависть к истине и любовь ко лжи, так что те, кто были мягче прочих и более привержены истине, без жалости оскорблялись и избивались, как если бы они были врагами Британии. И не только простые люди были повинны в этих преступлениях, но и паства Господня, и даже ее пастыри. Отвергая легчайшее бремя Христова, они взваливали на себя ношу пьянства, злобы, сварливости, раздора, зависти и других подобных грехов. В это время на испорченный тот народ внезапно напала губительная чума, которая весьма быстро скосила такое количество людей, что оставшихся в живых не хватало даже на то, чтобы похоронить мертвых. Но тех, кто выжил, ни смерть родных, ни даже страх собст-

¹ Аль-Газали А.Х. Указ. соч. С. 60–61.

венной гибели не смогли излечить от чумы духовной, порожденной их грехами; поэтому вскоре на погрязший в грехе народ обрушилась новая, еще более тяжкая кара за его преступления... Они согласились с тем, что следует призвать на помощь саксов из-за моря. Как показали дальнейшие события, это зло было послано им Божиим промыслом в наказание за все их нечестивые дела»¹.

Чтобы избежать такого развития событий, необходимо было следовать христианским заповедям так, как это было в Нортумбрии, где под властью короля Эдвина «царил такой мир, что женщина с грудным младенцем на руках могла пройти через весь остров от моря до моря безо всякого вреда для себя». Продолжая, Беда Достопочтенный писал: «Этот король так заботился о благе своего народа, что велел установить на дорогах возле источников с чистой водой столбы и повесить на них медные кубки для утоления жажды путников. Никто не смел уносить их или использовать не по назначению — не из страха, но из любви к королю»².

Во многом те же идеи принижывали книгу Эйнхарда «Жизнь Карла Великого». Ее он начал с описания правления Меровингов, указывая, что в этом роде уже давно «не было никакой жизненной силы и ничего замечательного, кроме пустого царского звания»³. Иным образом была представлена новая династия Каролингов, и прежде всего Карл Великий, который не только укрепил государство франков, но и создал на его основе великую христианскую империю, в которую вошли многие страны Западной и Центральной Европы.

Эйнхард отмечал, что империю Карла Великого населяли разные народы, в каждом из которых были свои законы и обычаи. Даже в самом франкском государстве право не было единым. Действовали законы салических и рипуарских франков, которые в свою очередь «во многих местах весьма различались»⁴.

По свидетельству Эйнхарда, Карл Великий, став императором, решил усовершенствовать законы франков — «добавить то, что недоставало, устранить расхождения и исправить плохо или с ошибками изложенное». Кроме того, «он приказал записать и письменно изло-

¹ *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада (<http://www.vostlit.info>).

² Там же.

³ *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого. М., 2005. С. 55.

⁴ Там же. С. 115.

жить устные законы всех подвластных ему народов»¹. По сути, была поставлена задача проведения полномасштабной правовой реформы. Но в ее решении Карл Великий не преуспел — ничего из задуманного не исполнил, «если не считать того, что добавил к законам несколько глав, но и они не были завершены»². Такое едва скрываемое негодование, возможно, было вызвано тем, что Эйнхард сам участвовал в подготовке реформы, будучи одним из ближайших сподвижников Карла Великого. Впрочем, Эйнхард дал и вполне понятное объяснение отказа от ее проведения: слишком «сильные различия»³ существовали между законами и обычаями не только самих франков, но и остальных народов, населявших империю, — саксов и данов, славян, аварцев и др.

В развитии сравнительного правоведения заметное место принадлежит «Хронике» епископа Титмара Мерзебургского, в которой описаны обычаи скандинавских народов до принятия христианства⁴, а также религиозные и правовые нормы славянских племен — поляков и лютичей.

Как отмечал летописец, в Польше «много различных обычаев, хоть и свирепых, но иногда достойных похвалы», потому что «без суровых наказаний нельзя править ко благу правителя» и потому что «в наше время более, чем право и обычаи, господствует свобода грешить»⁵.

Описывая общественное устройство лютичей, он подчеркивал, что ими «не управляет какой-то один правитель» и что решения у них «обсуждаются в общем собрании, после чего все должны дать согласие на проведение его в исполнение»⁶.

Существенные особенности отличали и правовое устройство Бургундского королевства. В нем была ослаблена «узда законности», а король, по сути, лишен власти. «Никто, как я слышал, — отмечал Титмар Мерзебургский, — не правит королевством так, как он; он обладает лишь титулом и короной»⁷.

¹ Эйнхард. Указ. соч. С. 115.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 85.

⁴ Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. С. 12

⁵ Там же. С. 165, 166.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 145.

С тревогой он писал и о Киевской Руси, разделенной после смерти святого князя Владимира между его сыновьями: «Я опасаюсь, что последует то, исполнения чего предвещает голос истины; ведь говорит Он: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет» и прочее. Пусть молится все христианство, дабы Бог изменил этот приговор в тех землях»¹.

Первоисток Русской Земли

На Руси традиции сравнительного правоведения были заложены «Повестью временных лет» — первым ее летописным сводом.

После потопа, повествовал летописец Нестор, трое сыновей Ноя Сим, Хам и Иафет разделили между собой всю землю. Иафету достались северные и западные страны. От племени Иафета произошли многие народы, в том числе и славяне: моравы и чехи, белые хорваты и сербы, поляки и многие племена земли Русской — поляне и древляне, дреговичи, полочане, северяне и вятичи, радимичи и др.²

У каждого из славянских племен было свое княжение. И все они имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждое — свой нрав. Так, поляне имели «обычай отцов своих кроткий и тихий» и были «стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями».

Иными в летописи предстают обычаи других славянских народов, которые «жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды... И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон»³.

Свои законы и обычаи были у других народов земли. Ссылаясь на византийского летописца Георгия Амартола, Нестор отмечал, что «каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов»⁴. В под-

¹ *Титмар Мерзебургский*. Указ. соч. С. 163.

² Повесть временных лет // Повести Древней Руси. М., 2002. С. 47–48.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 52–53.

тверждение он не только воспроизводил вслед за Георгием Амартолом законы и обычаи сирийцев, бактрийцев, индусов, персов, британцев. Он дополнял эту картину своими рассказами о нравах половцев с целью не только показать различия половецких и славянских племен, но и подчеркнуть единство христианского мира, «где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру» и имеют «единый закон, поскольку... крестились во Христа и во Христа облеклись»¹.

Первоисточки Скандинавских стран

В Скандинавии традиции сравнительного права были заложены скальдами, которые в сагах рассказывали об обычаях и нравах других народов. Вершиной творчества скальдов стал «Круг земной», составленный в XIII в. исландским поэтом Снорри Стурлусоном.

Свое повествование он начинает с незапамятно далеких времен, когда северными народами правил Один. Он ввел первые законы и учил им, как и другим искусствам, рунами и песнями².

После Одина законы провозглашали скальды-законоговорители, а с утверждением королевской власти — ярлы и конунги. О некоторых из них Снорри Стурлусон рассказывал подробно. Так, описывая норвежского конунга Хальвдана Черного, скальд отмечал, что он был умным, правдивым и справедливым правителем, который «вводил законы, соблюдал их сам и заставлял других соблюдать их»³. Мудрыми законодателями были Хакон Добрый, установивший законы в Северной Норвегии, и Святой Олав, принявший христианство и попытавшийся искоренить обычаи варварских времен. Интересен рассказ Снорри Стурлусона, который раскрывает образ Олава как мудрого законодателя. По словам поэта, он «много расспрашивал знающих людей об обычаях в разных странах и особенно часто спрашивал он о христианской вере и о том, как она соблюдается на Оркнейских, Шетлендских и Фарерских островах. Из рассказов он узнал, что там далеко не все хорошо. Он часто вел такие беседы или говорил о законах и порядках в стране»⁴.

В «Круге земном» были описаны законы и обычаи не только Скандинавских государств — Норвегии, Швеции, Дании, но и других

¹ Повесть временных лет. С. 53—54.

² Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980. С. 14.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 197.

стран, в том числе Руси, в которой, по свидетельству скальдов, царил «нерушимый мир»¹.

Параграф второй. В поиске целей и методов сравнительного правоведения

Новый этап в истории сравнительного правоведения наступил на рубеже XIV—XV вв., когда эпоха Возрождения пробудила дремавшие в народах Европы силы, а Великие географические открытия раскрыли перед ними необъятный мир. В работах философов, историков, юристов все чаще появляются очерки, посвященные сравнительному анализу законов. Постепенно формулируются цели, методы и приемы такого анализа, намечается тенденция к обособлению и выделению сравнительного правоведения из состава тех наук, в недрах которых оно было рождено.

Ибн Халдун (1332–1406)

В Новое время истории сравнительного правоведения необходимо продолжить рассказом о замечательном арабском мыслителе и судьбе ибн Халдуна. Его родители были выходцами из Андалусии и бежали во время реконкисты из Испании в Тунис.

Ибн Халдун состоял на службе у многих арабских эмиров — правителей Туниса, Феса, Кордовы, Тлемсена. С 1382 г. он жил в Каире, занимая должности сначала профессора, а затем верховного судьи (кади).

Основное сочинение ибн Халдуна — «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле». В этой книге, состоявшей из четырех частей, он описал историю, географию, экономику, законы и обычаи не только мусульман, но и западных и восточных христиан, народов Индостана и Африки. А первой книгой большого труда стала «Мукаддима» («Введение в историю»), в которой он представил свое видение развития цивилизаций и эволюции государства и права.

Поставленные перед ним задачи ибн Халдун определил так: «Ученый в этой области (историографии. — *В.Л.*) должен знать принципы политики, природу вещей и различия между народами, место и время существования форм общественной жизни, характерные особенности,

¹ *Снорри Стурлусон*. Указ. соч. С. 101. Речь идет о времени княжения святого Владимира. О правопорядке Швеции см. с. 216, о правопорядке Дании см. с. 280.

обычаи, секты, школы и все остальное. Далее, он должен обладать всеобъемлющим знанием о современном положении дел в этих вопросах. Он должен сравнивать схожие черты и различия между настоящим и прошлым. Он должен знать причины схожих черт в одних случаях и различия в других. Он должен быть осведомлен о различающихся корнях и началах династий и религиозных групп, а также о причинах и обстоятельствах, вызвавших их к жизни, и, кроме того, об истории и обстоятельствах жизни тех людей, которые их поддерживали. Его цель — полное знание о причинах каждого явления и познание истоков каждого явления»¹.

Всемирную историю ибн Халдун рассматривал в общем контексте развития цивилизаций, которые он различал в зависимости от форм общественной жизни². Основными типами цивилизаций были цивилизации пустынь (в частности, бедуинская) и оседлые цивилизации. И каждой из них были присущи свои формы организации общественного хозяйства и государственного устройства, свои формы правления и законы, поскольку все они «стремились к сохранению цивилизации»³. Цивилизации, по мнению ибн Халдуна, развивались в географических поясах с умеренным климатом. За их пределами — в знойных пустынях Африки и холодных пустынях Севера — цивилизации не было. Там обитали народы, которые не знали ни религии, ни законов и чей образ жизни был подобен звериному⁴.

Основные различия между народами определялись тем, как они обеспечивали свое существование⁵. В цивилизациях пустынь не было излишеств в одежде, питании, жилищах и в организации общественной жизни. Там действовали только «необходимые обычаи и законы»⁶. Такими были цивилизации не только бедуинов, но и многих других народов — берберов, тюрков, туркменов, славян, не подвергавших себя «городскому игу»⁷. Эти народы были свободными — свободными от многих ограничений и обязательств. И, что важно, они были свободны от роскоши, порождавшей многие пороки, присущие оседлым

¹ *Ibn Haldun. The Mugaddimah. An Introduction to History. Princeton, 2005. P. 24.*

² *Ibid. P. 35.*

³ *Ibid. P. 40.*

⁴ *Ibid. P. 59.*

⁵ *Ibid. P. 91.*

⁶ *Ibid. P. 92.*

⁷ *Ibid. P. 92–93.*

народам. Они, продолжал ибн Халдун, были «ближе к первоначальному естественному состоянию и более далеки от дурных привычек оседлых народов, которые впечатаны в их души по причине множества уродливых и достойных порицания обычаев»¹.

Благодаря плодам цивилизации «оседлые народы привыкают к ленивой и спокойной жизни. Они утопают в благополучии и роскоши. И доверяют защиту своей собственности и своих жизней правителю, который управляет ими, и стражникам, которым поручено их охранять... Они становятся похожи на женщин и детей, зависимых от хозяина дома. В конечном счете, это сказывается на их нравах, вытесняя из них природные задатки»².

Оседлые цивилизации, убеждал ибн Халдун, обречены на уничтожение, поскольку в них все подвергается разложению, даже религия. А как только религия утрачивает свое значение, приходится вводить «ограничивающие» законы, которые приносят много дурного, так как они уничтожают в людях доблесть³.

Одной из основных причин падения оседлых цивилизаций была утрата чувства единства⁴.

Чувство единства, по мнению ибн Халдуна, — это одна из главных отличительных черт народов цивилизаций пустынь. Некоторое время оно сохранялось и после завоевания ими оседлых цивилизаций: «Где бы мы ни наблюдали народ, обладающий чувством единства и завоевавший контроль над многими землями и народами, мы обнаруживаем в нем страстное желание добра и добрых нравов, таких как щедрость, прощение ошибок, терпимость к слабым, гостеприимство к гостям, забота о бедных, терпение в сложных обстоятельствах, преданное исполнение обязательств, отказ от денег во имя сохранения свободы, уважение к религиозному закону и ученым, которые сведущи в нем»⁵.

Но народы пустыни, завоевав оседлые народы, меняют свой образ жизни. Они наслаждаются роскошью, размеренной и спокойной жизнью. Как следствие, чувство единства разрушается. К четвертому поколению оно, как правило, исчезает. А вместе с ним исчезают и те

¹ *Ibn Haldun*. Op. cit. P. 94.

² *Ibid*. P. 94—95.

³ *Ibid*. P. 96.

⁴ *Ibid*. P. 101.

⁵ *Ibid*. P. 112.

династии, которые когда-то пришли к власти, опираясь на мощное чувство единства своего народа¹.

Процесс падения династий мог быть ускорен либо замедлен. Как свидетельствовала история, его ускоряли многие факторы, в частности объединение в одном государстве разных племен и народов, порочность правителей, несовершенство систем правления и законов, неудачные войны, ошибки в организации и ведении общественного хозяйства.

Особое внимание ибн Халдун обращал на тот факт, что в современных ему исламских государствах многие религиозные законы не соблюдались, а светские законы не соответствовали законам религии и требованиям разума: «Все продиктованное силой, чувством превосходства либо несдерживаемым гневом является тиранией и несправедливостью и должно порицаться с точки зрения требований как религиозного права, так и политической мудрости»².

Вместе с тем он отмечал, что религиозное право «не осуждает королевскую власть и не запрещает ее осуществление. Оно просто осуждает то зло, которое от нее исходит, например, тиранию, несправедливость, стремление к удовольствиям»³.

Религиозное право не осуждало и бушевавшие в простых подданных чувства, но стремилось к тому, чтобы эти чувства «служили допустимым целям во благо общественных интересов для того, чтобы человек стал деятельным слугой Бога, добровольно исполняющим божественные повеления»⁴.

Наиболее подробно ибн Халдун описывал существовавшие системы правления, проводя сравнения между разными исламскими государствами и некоторыми христианскими странами и отмечая присущие им достоинства и недостатки, которые во многом определяли судьбы современных ему и давно исчезнувших династий и цивилизаций⁵.

Столь же внимательно он изучал системы управления и ведения общественного хозяйства, анализируя наиболее распространенные ошибки и просчеты, нарушавшие устойчивость цивилизаций. Так, он призывал

¹ *Ibn Haldun*. Op. cit. P. 115, 137.

² *Ibid.* P. 154–155.

³ *Ibid.* P. 157.

⁴ *Ibid.* P. 161.

⁵ *Ibid.* P. 158–221.

правительства ограничить свое участие в ведении хозяйственных дел, так как оно препятствовало развитию частных хозяйств и торговых отношений¹. Столь же пагубными были нападки на собственность людей, поскольку они устраняли стимулы к ее приобретению и приумножению².

Продолжая, ибн Халдун писал: «Величайшей несправедливостью, ведущей в наибольшей степени к разрушению цивилизации, было необоснованное возложение повинностей и привлечение подданных к принудительным работам... Но еще большей несправедливостью, которая еще быстрее вела к разрушению цивилизации, было изъятие собственности у народа по цене как можно более низкой и перепродажа народу товаров по наиболее высокой цене посредством принудительных актов купли-продажи»³.

Обобщая формы и методы государственного управления, ибн Халдун выделил две модели правления — утопическую и рациональную. В свою очередь, рациональное правление подразделялось на две разновидности. При первой внимание было сконцентрировано на общем интересе, а интересы правителя рассматривались только в контексте организации управления государством. Таким было правление древних персов и первых арабских халифов. Вторая разновидность рациональной политики «сконцентрирована на интересах правителя и на том, как он может поддерживать свое правление посредством силовых методов власти. Общий интерес в этом случае имеет второстепенное значение. Такую политику проводят все правители, как мусульмане, так и неверующие. Однако мусульманские правители осуществляют эту политику согласно требованиям мусульманской религии, конечно, в той мере, в которой они способны на это. Поэтому нормы политического правления предстают здесь как смесь религиозных законов и этических правил, а также норм, которые являются естественными в общественной организации»⁴.

Впрочем, главными, убеждал ибн Халдун, должны оставаться нормы религиозного права, поскольку оно регулирует поступки всех верующих мусульман «как обязательные, запрещенные, рекомендуемые, не одобряемые либо допустимые»⁵.

¹ *Ibn Haldun*. Op. cit. P. 237.

² *Ibid.* P. 238.

³ *Ibid.* P. 241.

⁴ *Ibid.* P. 257.

⁵ *Ibid.* P. 344—345.

Никколо Макиавелли (1469–1527)

Бурные события, сотрясавшие Флоренцию в последней декаде XV в. и вынудившие Макиавелли отправиться в изгнание, во многом определили его стремление к познанию истинной природы человека, подлинных основ общественного устройства, реальных форм правления. Он постоянно об этом думал: и в те годы, когда был на службе республиканского правительства Флоренции (1489–1512), и в годы опалы, наступившей после возвращения к власти Медичи (1512–1527).

Плодом этих изысканий стали такие труды, как «Государь» (1513 г.), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513–1516), «О военном искусстве» (1519–1520), «Рассуждение о способах упорядочения дел во Флоренции после смерти герцога Лоренцо» (1520 г.), «Описание событий в городе Лукке» (1520 г.), «Жизнь Каструччо Кастракани» (1520 г.), «История Флоренции» (1520–1525).

В этих книгах Макиавелли широко использовал приемы сравнительного правоведения, оценивая и сопоставляя правопорядок государств, существовавших не только в его время, но и в далеком прошлом.

Обращение к истории не было случайным, поскольку «во всех государствах и у всех народов всегда бытовали и бытуют одни и те же желания и одни и те же настроения»¹. Более того, Макиавелли полагал, «что мир всегда был устроен одинаково и всегда в нем было столько же хорошего, сколько и плохого», хотя эта картина и менялась в зависимости от многих обстоятельств².

Он раскрывал тайны истории, политики и права, чтобы передать их другим: «Ведь долг каждого честного человека — учить других тому добру, которое из-за тяжелых времен и коварства судьбы ему не удалось осуществить в жизни, с надеждой на то, что они будут более способными к этому»³.

Была еще одна причина. Познав историю, можно было не только понять настоящее, но и заглянуть в будущее. «Желающий предвидеть будущее, — писал Макиавелли, — должен обратиться к прошлому, потому что все события в мире во всякое время могут быть сопоставлены с подобными же им в старину. Происходит это от того, что действуют

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 94.

² Там же. С. 137–138.

³ Цит. по: Рутенбург. Жизнь и творчество Макиавелли // Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987. С. 359–360.

в них люди, и прежде и ныне обуреваемые одними и теми же страстями, и это с необходимостью приводит к одинаковым результатам»¹.

Описывая современные ему города-государства Италии — Флоренцию, Милан, Венецию, Сиену, Геную и др., — он отмечал, что одной из самых больших бед стало правление порочных властителей, «которые занимались больше грабежом, нежели исправлением своих подданных, и не столько объединяли их, сколько сеяли семена раздора»².

Такие же семена раздора сеяла и церковь, оставляя страну «разобщенной»³, «раздробленной и бессильной»⁴.

Второй бедой была порочность самого народа. В нем, по мнению Макиавелли, объединилось все, «что может быть испорчено и что может заразить порчей других»: молодежь бездельничала, старики развратничали, мужчины и женщины в любом возрасте предавались дурным привычкам. Даже самые лучшие законы были бессильны воспрепятствовать этому, потому что их губило дурное применение. Такое общество порождало во всех гражданах «жадность... и стремление не к подлинной славе, а к недостойным почестям — источнику всякой ненависти, вражды, раздоров»⁵.

Порокам своей эпохи Макиавелли противопоставил добродетели Древнего Рима. Он рассказывал о мужестве, честности, справедливости его народа: «Римский народ... пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, а, напротив, он с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам»⁶.

По мнению Макиавелли, для преодоления пороков общества требовался «великий переворот, на который могли решиться немногие»⁷. Но преодолеть распад общества иным образом было нельзя.

Здесь средства права были бессильны: «Не существует законов и предписаний, способных остановить всеобщее разложение. Ведь

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 289.

² Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 377.

³ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 45.

⁴ Макиавелли Н. История Флоренции. М., 1987. С. 22.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 130.

⁷ Там же. С. 57.

чтобы сохранить добрые нравы, необходимы законы, а для соблюдения законов нужны добрые нравы»¹.

Подтверждая это суждение, он вновь обращался к опыту Древнего мира: «По мере распространения испорченности среди граждан издавались разные законы, ограничивающие действия граждан, как, например, закон о прелюбодеяниях, закон против роскоши, против властолюбия и так далее. Но так как государственные устои, уже непригодные при всеобщем разложении, оставались незыблемыми, новые законы не могли поддержать добронравие в людях»².

Более того, в извращенном обществе даже самые лучшие законы становились орудием зла. В качестве примера Макиавелли приводил Древний Рим, где каждый мог предложить народу принятие закона и каждый мог высказываться как в пользу, так и против него. Такой обычай служил на благо общества до тех пор, пока народ был добродетельным. Но как только «нравы испортились, дурным стал и обычай»³.

По мнению Макиавелли, государство в своем развитии проходит те же стадии, что и любой живой организм. Оно растет, стареет и умирает, чтобы воскреснуть вновь. Этот процесс он описывал так: «Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку». Такой круговорот был неизбежным. Его не мог остановить даже полный распад государства, поскольку оно, находясь в состоянии полного упадка, не могло пасть еще ниже и по необходимости должно было идти на подъем⁴.

С такой же закономерностью чередовались формы правления. Виды правительств, по словам Макиавелли, «легко сменяют друг друга: принципат может быстро стать тиранией, правление оптиматов — сосредоточить власть в руках меньшинства, народное правление без труда переходит в произвол»⁵.

Прервать этот круговорот сложно. Редко, отмечал Макиавелли, появлялись законодатели, которые могли объяснить народу, «в чем

¹ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 9.

⁴ *Макиавелли Н.* История Флоренции. С. 181.

⁵ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 15.

состоит зло и в чем заключается истинное благо»¹, и создать законы, которые могли удовлетворить интересы как народа, так и знати и наряду с этим лишить их возможности совершать зло.

Все события в политике и праве он оценивал в преломленном свете одной идеи — идеи спасения Италии. Ради нее он был готов на все. «Когда на весы положено спасение родины, — писал Макиавелли, — его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и свободу»².

И он обращался к правителям Италии, наставляя их в искусстве управления и следуя «настоящей, а не воображаемой правде вещей»³.

Многие его наставления, обобщившие опыт правителей, были страшными:

«Государь... бывает часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии»⁴.

«Можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия. Первый способ применяется людьми, а второй — дикими животными, но поскольку первого часто бывает недостаточно, требуется прибегать ко второму. Поэтому государь должен уметь подражать и зверю, и человеку»⁵.

Вместе с тем Макиавелли подчеркивал необходимость осторожности и умеренности в правлении: «Следует действовать умеренно, сохраняя благоразумие и человечность, чтобы излишняя доверчивость не обратилась в неосторожность, а чрезмерная подозрительность не сделала правление невыносимым»⁶.

Главное — не вызывать ненависти народа. «Лучшая крепость, — отмечал Макиавелли, — это не быть ненавистным народу; ибо если народ тебя ненавидит, крепости не спасут»⁷.

¹ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 119.

² Там же. С. 344.

³ Макиавелли Н. Государь. С. 403.

⁴ Там же. С. 411.

⁵ Там же. С. 409.

⁶ Там же. С. 407.

⁷ Там же. С. 424.

Продолжая наставления, Макиавелли доказывал, что государь должен проявлять заботу о своих подданных, показывая себя покровителем доблести на всех поприщах и поощряя лиц, отличившихся в искусстве. Кроме того, он должен был внушать гражданам, что они могут спокойно заниматься своими делами: «...торговлей, земледелием и прочими предприятиями, дабы сельский житель мог украшать свое имение, не опасаясь, что оно будет отнято, а купец перевозить товары, не страшась налогов. Желających поступать так и всех, кто собирается приумножить владения и богатства государства, правитель должен вознаграждать»¹.

Следующий совет правителям — опираться на право. Гораздо легче подчинить людей законам, чем навязывать им свои прихоти². Более того, власть начинает уходить у них из рук, как только они усваивают «привычку нарушать законы, а также древние нравы и обычаи, которыми люди руководствовались на протяжении долгого времени»³.

Вместе с тем правители должны были постоянно заботиться об исполнении законов и применять при необходимости силу. «Нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру, — писал Макиавелли. — Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными»⁴.

Эразм Роттердамский (1469–1536)

Великий голландский философ Эразм Роттердамский стал одним из первых ученых Нового времени, который обосновал необходимость сравнительно-правовых исследований. «Дело царской мудрости, — писал он, — узнать характер и нравы всех народов, получив эти сведения отчасти из книг, отчасти из воспоминаний мудрых и опытных людей, если он не считает, что ему необходимо объездить все земли и моря, подобно Улиссу»⁵.

Свой опыт познания законов, обычаев и нравов разных народов он изложил в книге «Воспитание христианского государя». В ней он представил удивительно точный сравнительный анализ неправедных и праведных правителей — тиранов и царей, который

¹ Макиавелли Н. Государь. С. 427.

² Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. С. 245.

³ Там же. С. 245.

⁴ Макиавелли Н. Государь. М., 2002. С. 373.

⁵ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. М., 2001. С. 94.

не утратил своей актуальности и в наши дни. Поэтому приведем его полностью:

«Тирану свойственно поступать так, как душе угодно, царю же, напротив, — так, как будет правильно и честно; тирану награда — богатства, царю — почет, следствие добродетелей; тиран правит с помощью страха, коварства и злобных ухищрений, царь — с помощью мудрости, честности и милости; тиран берет власть для себя, царь — для государства; безопасность тирана охраняет свита варваров и банда наемников, царь полагает достаточной защитой для себя свою милость к гражданам и расположение граждан к себе. К тиранам относятся с недоверием и ненавистью все граждане, в какой-то мере обладающие добродетелью, благоразумием или влиянием. Царь надежно окружен их помощью и дружбой. Тиран радуется или глупцов, которых обманывает, или преступников, которых использует как опору для своей тирании, или льстецов, от которых слышит то, что охотно делает. Напротив, царь наиболее приятен самым мудрым, которые могут помочь ему советом; а если есть какой хороший человек, он тем более старается, чтобы можно было положиться на его верность, и любит независимых друзей, общение с которыми делает его лучше. И у царя, и тирана много рук, много глаз, но тела совершенно разные. Тиран делает так, чтобы богатства собирались у немногих, худших из них, и, уменьшая силы своих подданных, укрепляет свое могущество; царь из всех сил стремится к тому, чтобы в его казне было столько же, сколько в руках у граждан. Тиран поступает так, чтобы законами и доносами заставить всех раболепствовать перед собой, царь любезен гражданам свободолюбием. Тиран старается напугать, царь — вызвать любовь. У тирана ничего не вызывает большего недоверия, чем благополучие граждан и согласие в обществе, чему особенно радуются добрые государи. Тиран радуется, когда среди граждан зарождаются партии и раздоры; он усердно лелеет и разжигает вражду, возникшую по воле случая, и использует такие события для укрепления своей тирании. А единственная забота царя — укреплять согласие среди граждан, если зародится какой раздор, он постарается неустанно улаживать дела между ними, понимая, что это, без сомнения, величайшая пагуба для государства. Тиран, если почувствует, что государство процветает, развязывает войну, изыскивая повод или раздражив врагов, чтобы под этим предлогом истощить силы своих подданных. Напротив, царь сделает и терпит все, что даст

государству вечный мир, понимая, что из войны проистекает всяческое зло для государства. Законы, установления, эдикты и договоры, как священные, так и мирские, тиран издает или приспособливает для защиты своей жизни. Царь же все это соизмеряет с общественным благом»¹.

Показав различия двух правлений, Эразм Роттердамский переходит к описанию основных требований, которые предъявляются к праведному правителю, и к той политике, которую он проводит.

«Добрый государь, — учит он, — должен относиться к своим гражданам не иначе как добрый отец семейства — к своим домочадцам. Что есть царь, как не отец многих? Он стоит выше, но принадлежит к тому же роду, будучи человеком, он властвует над людьми, свободный над свободными, а не над скотом»².

Государственное устройство должно соответствовать божественному порядку вещей. Поэтому, по убеждению Эразма Роттердамского, из всех форм правления наиболее благотворной была монархия, но такая, при которой царь, «подобно Богу, превосходил всех мудростью, добротой и прочими добродетелями и ни в чем не нуждался, ни к чему другому не стремился, кроме блага государства»³.

Но если царь не отвечал этим требованиям, государство начинало вырождаться в тиранию. Чтобы остановить этот процесс, Эразм Роттердамский предлагал «смягчить монархию примесью аристократии и демократии»⁴.

Но основной задачей было возвращение к христианским основам государственности. «Всегда помни о том, — учил он, — что «господство», «власть», «царство», «величие», «могущество» — языческие, а не христианские слова; христианская власть есть не что иное, как управление с помощью благодеяний и защиты»⁵.

¹ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. С. 34–35.

² Эти суждения основаны на высказывании Аристотеля (см.: *Аристотель*. Политика. Книга первая. 1254). К этой мысли он возвращался неоднократно. Так, в «Жалобе мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного», Эразм Роттердамский писал: «Пусть... государь помнит, что, будучи человеком, он управляет людьми, что будучи свободным человеком, он управляет свободными людьми, и, наконец, будучи христианином, он управляет христианами» (см.: Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. С. 121).

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же. С. 44.

Христианскую концепцию государства он выразил кратко: «Служить, а не царствовать. Это и есть прекраснейший род царствования»¹.

О том, каким должно быть это служение, Эразм Роттердамский говорил так: «Тот, кто взял в свои руки кормило правления, тот обязан отныне помышлять лишь об общественных, а отнюдь не о своих частных делах; не отступать ни на вершок от законов, коих он и автор и исполнитель; следить постоянно за неподкупностью должностных лиц и судей, вечно быть у всех перед глазами, как благодетельная звезда, охраняющая своим чудодейственным влиянием род человеческий, или как зловещая комета, всем несущая гибель»².

Искусство христианского правления должно было проявляться во всех сферах — в экономической и социальной жизни, политике и правотворчестве.

Одной из первых задач экономической политики было сокращение налогового бремени. Прежде всего государь должен заботиться о том, чтобы как можно «меньше тягот выпало слабым», ведь толкать бедняков к голоду и к петле столь же бесчеловечно, сколь и небезопасно³.

А чтобы не увеличивать налоги и сборы, необходимо было учиться правильно распоряжаться государственной казной, а не увеличивать ее. Рецепты были просты: пресечь лишние расходы, отказаться от праздных служб, избегать войн, обуздать жадность чиновников⁴.

Вторая задача заключалась в том, чтобы предотвратить чрезмерное неравенство состояний⁵.

Третьей задачей было обеспечить надежность и устойчивость национальной валюты. «При чеканке монеты добрый государь сохраняет ее надежность», как утверждал Эразм Роттердамский, и не позволяет увеличивать либо убавлять ее стоимость только потому, что это выгодно для государственной казны⁶.

В социальной политике христианский государь должен был оказывать добрые услуги всем, кому может. И никого не должен был считать чужим, если только он не был чужд Христовым таинствам и не чинил

¹ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. С. 46.

² Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 2000. С. 304.

³ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. С. 76.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 78

беззаконий¹. В своей политике, по мнению философа, государь не должен «делать из одного народа два — знать и простонародье, одному из которых становится лучше за счет другого». Там, где это происходит, нет государства².

Подробно Эразм Роттердамский описал и основные начала законотворчества. Принимая законы, как убеждал он, следует в первую очередь сделать так, чтобы «они не служили выгоде казны или частным интересам, но во всем служили образцом честности и общей пользы». Вместе с тем законы должны быть справедливыми и соразмерными³.

Его наставления законодателям были простыми и вместе с тем глубокими по содержанию. «Пусть государь, — писал он, — предлагает такие законы, которые не только извещают о наказании виновных, но также убеждают в том, что не следует грешить... Дело государя — позаботиться о том, чтобы учредить такие законы, которые понравятся всем добрым людям, и помнить, что даже самое ничтожное в них должно отвечать общему мнению... Пусть закон учитывает все... соображения, почет и позор, выгоду и ущерб. А тех, у кого совершенно рабская натура или, скорее, скотская, можно обуздать оковами и кнутом... Пусть государь постарается, чтобы его граждане оценивали себя по добродетели и нравам, а не по имуществу... Следует держать в почете полезные ремесла и не называть благородством бесполезную праздность... Множество зол порождается роскошью и расточительностью... В целом законы должны быть направлены на то, чтобы никому не было обиды, ни бедному, ни богатому, ни знатному, ни простолюдину, ни рабу, ни свободному, ни чиновнику, ни частному лицу. Однако пусть они сильнее склоняются к тому, чтобы помогать беспомощным, поскольку удел слабых более уязвим перед несправедливостью. Так пусть человечность законов возместит им то, в чем они обделены судьбой»⁴.

Томас Гоббс (1588–1679)

Приемы сравнительного правоведения широко использовались и английским философом Т. Гоббсом. Он отмечал: первые законода-

¹ Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. С. 79.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 80–85.

тели государств в стремлении удержать народ в повиновении и мире внушали ему, что законы «продиктованы каким-нибудь богом или духом». Так появились законы у римлян во время правления Нумы Помпилия, в Перу при становлении государства инков, у арабов во времена Магомета¹.

Изучая опыт древних и современных ему народов, Т. Гоббс определял общее и особенное в развитии государства и права. Он отмечал, что «законодателем во всех государствах является лишь суверен, будь то один человек, как в монархии, или собрание людей, как в демократии или аристократии». При этом он полагал, что только государство может предписывать «соблюдение тех правил, которые мы называем законом»².

Развивая этот тезис, философ утверждал, что «законодателем является не тот, чьей властью закон впервые издан, а тот, чьей волей он продолжает оставаться законом». Поэтому там, где в пределах одного государства имеются разные провинции и эти провинции имеют разные законы, последние сохраняют свое действие не потому, что они ошечены временем, а потому что их признает государство³.

Только государство может придать закону правовую силу⁴, и только ему принадлежит право его толкования⁵.

Вместе с тем воля государства не была абсолютной. Ее ограничивали божественные законы. «Государи, — писал Гоббс, — сменяют друг друга, и один судья уходит, а другой приходит; мало того, небо и земля могут исчезнуть, но ни один пункт естественного закона не исчезнет, ибо это вечный божественный закон»⁶. Поэтому философ требовал, чтобы судьи имели «ясное понимание» основного естественного закона — справедливости⁷, и не признавал законами несправедливые акты⁸.

Законы могли быть облечены в разные формы. Так, Кодекс Юстиниана содержал нормы семи видов «гражданских законов», многие

¹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 80–81.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ Там же. С. 238.

из которых имели аналоги в английском праве¹. Продолжая исследование источников права, Т. Гоббс высказал суждение о том, что в государстве помимо обычных есть основные законы, т.е. такие акты, по упразднении которых «государство, подобно зданию, у которого разрушен фундамент, должно рухнуть и окончательно распасться»².

Впрочем, он был убежден в том, что такова судьба всех существующих государств, потому что они отклонились от истинного пути. Этот путь был открыт перед народом Израиля, когда он заключил завет с Богом — договор, в котором определялись основные начала его государственности и права³.

Таким же путем должен был пойти и христианский мир, создавая Царство Божие — «государство, установленное с согласия тех, кто должен стать его подданными, в целях гражданского управления ими и для регулирования их поведения не только по отношению к их Царю — Богу, но и по отношению друг к другу согласно правилам справедливости, а также по отношению к другим народам во время мира и войны»⁴.

Только такое государство, доказывал Т. Гоббс, может называться государством. Любое другое есть не что иное, как Левиафан — библейское чудовище, которое грозит уничтожением миру.

Джон Локк (1632–1704)

Познание государства и права на основе сравнительно-правового анализа было продолжено Джоном Локком. В одной из первых работ — «Опыты о законе природы» (1664 г.) — философ дал критический анализ теорий естественного права. Не отвергая их в целом, он отмечал принципиальные различия в восприятии базовых этико-правовых понятий: «То, что у соседствующих и близких друг другу народов Европы, быть может, считается разумным и принимается всеми, народы Азии и Америки, отделенные от нас огромными расстояниями и не знакомые с нашими нравами и представлениями, могут совершенно игнорировать, не ставить ни во что и не считать себя связанными этими законами»⁵.

¹ Гоббс Т. Указ. соч. С. 194–195.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ Локк Дж. Опыты о законе природы. М., 1988. Т. 3. С. 28.

В частности, различными были представления о справедливости — «главном законе природы». Целые народы, как писал Дж. Локк, занимались пиратством и разбоем. Это не считалось позорным, напротив, было похвальным: «Сами римляне, явившие, как говорят, всему миру примеры добродетелей, чем стяжали себе почести, триумфы и немеркнущую память, если не воровством и грабежами, которыми опустошили всю Вселенную? Чем иным была прославляемая с таким восторгом их знаменитая доблесть, чем иным, повторяю, если не насилием и несправедливостью? И такое несоответственное понимание справедливости не исчезло до нашего времени»¹.

Разными были представления о целомудрии и чистоте. У одних народов полигамия «рассматривается как право, у других — как преступление, у одних она установлена законом, у других — наказывается смертью»². В некоторых племенах дети убивают немощных и престарелых родителей, а родители — тех детей, которых не могут прокормить, превосходя в этом жестокостью диких зверей³.

Подводя итоги, философ отмечал: «...мы повсюду встречаем не только отдельных людей или незначительные группы, но целые народы, у которых невозможно обнаружить никакого представления о законе и нравственности. Есть и другие народы, и их очень много, которые пренебрегают теми или иными предписаниями закона природы, не сознавая при этом за собой никакой вины... При таком положении есть все основания сомневаться, обязывает ли закон природы целиком весь род человеческий, непоседливый и непостоянный, живущий по совершенно разным обычаям, движимый совершенно противоположными побуждениями? Ведь трудно поверить, что требования природы столь темны и неясны, что оказываются скрытыми от целых народов»⁴.

Вместе с тем Дж. Локк доказывал, что законы природы существуют, что узы их «вечны и неотделимы от существования рода человеческого», что они вместе с ним рождаются и вместе с ним исчезнут⁵.

Законы природы, в частности, повелевали повиноваться вышестоящим и сохранять гражданский мир⁶. Каждый из этих законов

¹ Локк Дж. Опыты о законе природы. Т. 3. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 40—41.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 8.

содержал в себе все необходимое для того, чтобы быть законом. «Ибо, во-первых, — пишет Дж. Локк, — это проявление высшей воли, в чем, по-видимому, и состоит формальное основание закона... Во-вторых, он предписывает, что должно и чего не должно делать, а это и есть собственный признак закона. В-третьих, он обязывает людей, ибо содержит в себе все, что формирует обязательство»¹.

Призывая бережно хранить законы природы, Дж. Локк в то же время отвергал призывы отождествлять их с волей народа. Более того, он решительно выступал против тех, кто пытался уподобить глас народа гласу Божию. «Сколь неверно, — писал философ, — сколь лживо это утверждение, какими несчастьями чревато оно, с какими партийными пристрастиями, с каким жестоким умыслом бросали в толпу эту зловещую поговорку... если бы мы захотели прислушаться к этому гласу как к глашатаю Божественного закона, мы в результате потеряли бы веру в существование Бога»².

Свою концепцию государства и права Дж. Локк развил четверть века спустя в работе «Два трактата о правлении» (1689 г.).

Все люди, как утверждал он, являются «по природе свободными, равными и независимыми» и «никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия». Единственный путь, посредством которого человек может отказаться от своей естественной свободы и надеть на себя узы гражданского общества, — «это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества»³.

Такой общественный договор не мог предоставить государству в целом и законодательным собраниям в частности неограниченную власть. Власть не может простирается далее, нежели это необходимо для общего блага. Продолжая, Дж. Локк утверждал: «И кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизиро-

¹ Локк Дж. Опыты о законе природы. С. 4.

² Там же. С. 27.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении. М., 1988. Т. 3. С. 317.

ванных указов; править с помощью беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов, и применять силу сообщества в стране только при выполнении таких законов... И все это должно осуществляться ни для какой иной цели, но только в интересах мира, безопасности и общественного блага народа»¹.

Пределы власти, установленные общественным договором, законами Бога и природы, действуют для всех государств и при всех формах правления².

Впрочем, в полной мере гарантировать безопасность они не могли. Об этом свидетельствовал опыт многих государств Древнего мира и Нового времени. Поэтому Дж. Локк выдвинул несколько концепций, которые были призваны защитить права и свободы народа. В частности, он предлагал учредить «власть, которая следила бы за исполнением тех законов, которые созданы и остаются в силе»; обеспечить разделение законодательной и исполнительной власти³; признать право народа «устранять или заменять» законодательный орган, если он действует вопреки оказанному доверию⁴; смещать с должности чиновников, нарушающих законы, поскольку там, где кончается закон, там начинается тирания⁵.

Дж. Локк верил, что настало время перемен. «Вещи в этом мире, — писал он, — находятся в таком непрерывном изменении, что ничто не остается долго в том же состоянии... Народы, богатства, торговля, сила меняют свое местонахождение; могущественные цветущие города превращаются в руины и с течением времени оказываются забытыми пустынными уголками, в то время как другие отдаленные места становятся многолюдными странами, изобилующими богатством и населением»⁶.

Право должно отражать происходящие в жизни изменения, «ведь законы создаются не ради самих законов, но для того, чтобы они... служили узами, связывающими общество». Иначе оно может пре-

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 337.

² Там же. С. 346.

³ Там же. С. 347.

⁴ Там же. С. 349.

⁵ Там же. С. 379.

⁶ Там же. Т. 3. С. 354.

вернуться в «беспорядочную массу», лишенную всякого порядка и связи¹.

Джамбатиста Вико (1668–1744)

Новые подходы к разработке проблем сравнительного правоведения с использованием методов исторического, философского и лингвистического анализа были предложены итальянским юристом Дж. Вико.

Историю развития народов он рассматривал как «поступательное движение», свидетельствующее о «единообразном постоянстве» сменяющих друг друга фаз. Сперва был Век богов, затем ему на смену пришел Век героев, а вслед за ним — Век людей. И каждому из них соответствовал определенный вид права и государства² с четко детерминированными внутренними связями. Как писал Вико, «правления должны соответствовать природе управляемых людей... законы должны устанавливаться соответственно правлению, а по этой причине и истолковывать законы следует в соответствии с формой правлений»³.

Первым видом права было право божественное. Ему соответствовал свой вид «юриспруденции» — мистическая теология, или наука о языке богов, которую люди познавали через божественные откровения. «Эта юриспруденция, — писал Вико, — считала справедливым только то, что сопровождалось торжественными обрядами божественных церемоний; здесь — корни суеверного отношения римлян к торжественным юридическим актам»⁴.

В этом праве все определялось волей богов, и только богов «простые и грубые люди» призывали в свидетели своего права⁵. Одним из проявлений такого божественного суда был судебный поединок, сохранявшийся в течение многих тысячелетий.

Вико одним из первых обратил внимание на то, что первые законы у всех народов были составлены в стихах⁶. Объясняя этот феномен, Вико отмечал, что, поскольку людям были непонятны абстрактные

¹ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 388–389.

² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1994. С. 377.

³ Там же. С. 388.

⁴ Там же. С. 383.

⁵ Там же. С. 390–391.

⁶ Там же. С. 182. Об этом феномене права см.: Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003.

формы, они «воображали вместо них телесные формы, причем они воображали их соответственно своей природе одушевленными... Соответственно такой природе людей древняя юриспруденция была насквозь поэтической. Она представляла себе совершившееся несовершившимся и несовершившееся совершившимся, рожденных еще не рожденными, живых — мертвыми, а мертвых — живущими в их наследстве. Она ввела множество масок без субъектов, так называемые *jura imaginaria*, т.е. созданные фантазией права; и всю свою славу она полагала в том, чтобы найти такие мифы, которые сохраняли за законами их важность, а для фактов указывали бы право»¹.

В поэтическом праве нормы представляли в виде изображений, образов, уподоблений, сравнений, метафор, фраз, объясняющих вещи их естественными свойствами, описаний самых ничтожных или особенно заметных явлений, а также нередко «излишних» добавлений².

В познании древнего поэтического права Вико призывал использовать методы сравнительной лингвистики, утверждая, что «простонародные языки» являются «наиболее важными свидетелями древних народных обычаев»³.

Так, он отмечал, что латинское слово *reges* («цари») произошло от глагола *regere*, что значит в собственном смысле «поддерживать» и «направлять»⁴, и что именно такое значение определяло суть правления первых царей. Из того, что греческое слово «номос» означало и «закон», и «пастбище», Вико делал вывод о том, что первые законы регулировали вопросы пользования пастбищными угодьями⁵. Он проводил параллели между правовыми терминами разных языков, утверждая, что они во многом имеют один источник. Например, в римской юриспруденции слово *poter* значит «право». У греков похоже звучит слово «закон»⁶.

Веку героическому соответствовало героическое право. Это было право силы, которая сдерживалась только религией. Последняя ограничивала силу там, где не было человеческих законов. В эту эпоху появляются новые суды, которые «вследствие своего недавнего проис-

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 431.

² Там же. С. 176.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же. С. 444.

⁶ Там же. С. 160.

хождения от Судов Божественных» были совершенно упорядоченными. В них «с наивысшей педантичностью обращали внимание на слова», поскольку в божественных вещах «не может быть изменена даже самая незначительная буква»¹.

О том, каким было право в героический век, можно судить по поведению Улисса (Одиссея) Гомера, который говорил хитро, преследуя собственную пользу и «всегда сохраняя буквальное значение своих слов». Так же поступали и древние римские юристы, которые славилась своим умением составлять сделки и давать разъяснения правовых норм.

В этот век формируется также новый вид понимания права — государственный смысл, называемый римлянами *civilis aequitas* («гражданская справедливость». — В.Л.) и который, как отмечал Ульпиан, от природы известен не каждому, «но лишь немногим опытным правителям, которые умеют усмотреть то, что необходимо для сохранения рода человеческого»². В Древнем Риме гражданская справедливость «заключалась в щепетильном отношении к словам, выражающим законы; суеверно соблюдая слово законов, римляне прямолинейно применяли их ко всем фактам, даже там, где они оказывались суровыми, жестокими и тяжкими»³.

Третьим видом права стало человеческое право, продиктованное «развитым человеческим разумом»⁴. Воля законодателя, выражаемая в его законе, называется *jus* («право»). Это — «воля граждан, объединенных в представлении об общей разумной гражданской пользе»⁵. В этой модели права действуют «совершенно упорядоченные» суды, в которых «господствует истинность фактов» и в которых «под диктовку совести, везде, где встретится нужда, на помощь им приходят милостивые законы во всем том, чего требует равная для всех полезность причин»⁶.

Новое понимание права, по мнению Вико, стало следствием новых условий, а также измененного восприятия жизни: «...стремление к удобству, нежность к детям, любовь к женщинам и жажда жизни...

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 395.

² Там же. С. 386.

³ Там же. С. 387.

⁴ Там же. С. 379.

⁵ Там же. С. 432.

⁶ Там же. С. 399.

ныне люди по природе склонны заботиться о мельчайших фактических обстоятельствах, уравнивающих их личную пользу: это — *aequit bonum* («совершенная справедливость». — В.Л.)... юристы зовут его *aequitas naturalis* (естественной справедливостью); только его и способно уразуметь большинство, так как последнее рассматривает наиболее внешние, относящиеся к нему мотивы справедливости, которые проявляются в отдельных видах фактических обстоятельств»¹.

Такую перемену в праве Вико объяснял тем, что законодательство должно рассматривать человека таким, каким он является в действительности, «чтобы извлечь для этого пользу для человеческого общества»².

Но на смену этому виду государства и права, как утверждал Вико, должен был прийти новый, четвертый вид, в котором «люди честные и хорошие» будут верховными господами. О таком государстве когда-то писал Платон, и именно такое государство «Провидение наметило ввести с самого начала зарождения наций»³.

Шарль Монтескье (1689–1755)

Сравнительное правоведение как обособленное научное направление впервые предстало в работах французского юриста и философа Ш. Монтескье. В своем главном труде «О духе законов» он нарисовал удивительно яркую картину правового пространства мира в его историческом развитии и многообразии форм.

Отправной точкой для его исследования послужил анализ природы трех основных видов правления — демократии, аристократии и деспотии. Описывая их, Монтескье беспристрастно проанализировал пороки каждого из них.

Так, раскрывая природу демократического правления, Монтескье отмечал, что оно часто подвергается разложению, поскольку сложно сохранить в неприкосновенности его основу — добродетели. Как только они исчезают, демократия умирает. Этот процесс он описывал так: «Честолюбие овладевает всеми сердцами, которые могут вместить его, и все заражаются корыстолюбием. Предметы желаний меняются; что прежде любили, того уже не любят; прежде была свобода по законам,

¹ Вико Дж. Указ. соч. С. 388.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 463.

теперь хотят свободы противозаконной; каждый гражданин ведет себя как раб, убежавший от своего господина; что было правилом, то стало казаться строгостью, что было порядком, то стало стеснением... Прежде имущества частных лиц составляли общественную казну, теперь общественная казна стала достоянием частных лиц. Республика становится добычей, а ее сила — это власть немногих и произвол всех»¹.

Демократия разлагается также тогда, когда дух равенства в ней утрачивается либо доводится до крайности, когда каждый стремится быть равным с теми, кого он избрал в свои правители².

Недостатки аристократической (монархической) формы правления он видел в том, что она признавала господство только одного сословия, которое обуздывало другие сословия, но с трудом обуздывало себя. «Природа этого государственного строя такова, — отмечал Монтескье, — что он как будто в одно и то же время и ставит людей под власть закона, и освобождает их от нее»³.

Судьба этого строя зависит от того, насколько в нем соблюдается принцип умеренности. Чаще всего монархии гибнут тогда, когда государь пытается изменить существующий порядок вещей, когда он не имеет правильного представления о силе своей власти, когда он правит, руководствуясь своими страстями и прихотями⁴.

На иных началах строится деспотия. Ее основами являются страх и нищета⁵. Поэтому она непрерывно разлагается. И если другие государства гибнут вследствие особых обстоятельств, нарушающих их принципы, то деспотическое государство погибает вследствие своего внутреннего порока⁶, поскольку «все, что соединяется с деспотизмом, утрачивает свою силу»⁷.

Определив начала каждого из видов правления, Монтескье удивительно точно определил особенности действующих в них законов:

«При монархическом правлении законы не могут отличаться такой простотой, как при деспотическом правлении. Здесь нужны суды. Эти суды выносят приговоры. Приговоры эти надо хранить и изу-

¹ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 28.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 105–106.

⁵ Там же. С. 59, 63.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Там же. С. 115.

чать для того, чтобы суд действовал сегодня так же, как он действовал вчера, и чтобы собственность и жизнь граждан были столь же прочно и определенно обеспечены, как и само государственное устройство... Поэтому не следует удивляться, что законы этого государства отличаются таким обилием правил, оговорок и распространений, благодаря которым умножается количество частных случаев и самый разум обращается, по-видимому, в особого рода искусство.

Установленное в монархиях различие людей по их званию, происхождению, положению часто приводит к установлению различий в характере их имущества, и законы этого государственного строя могут увеличивать количество таких различий. Так у нас имеется имущество собственное и общее, или сообща приобретенное... разного рода движимость, имущество свободное и ограниченное... родовое и неродовое, имущество дворянское – белопоместное и простонародное. Каждый вид имущества подчинен особым правилам...

Монарх, знающий положение каждой из своих провинций, может создавать различные законы и допускать существование разнообразных обычаев. Но деспот ничего не знает и ни за чем не может следить; его приемы всегда одинаковы; он всем управляет своею суровою волею, которая всюду одинакова; все уравнивается под его стопами...

Я даже не нахожу там никакого повода для деятельности законодателя или судьи. Так как вся земля принадлежит государю, то там нет почти никаких гражданских законов о земельной собственности. Так как государь наследует своим подданным, то нет там также и законов о наследстве. Принадлежащее государю исключительное право торговли в некоторых странах устраняет надобность во всяком торговом законодательстве. Браки, заключаемые с рабынями, делают ненужными гражданские законы о приданом и о правах жены. Из этого всеобщего рабства вытекает еще и то следствие, что там почти вовсе нет людей, которые имели бы собственную волю и поэтому могли бы отвечать перед судьей за свое поведение. Большая часть нравственных действий обусловлена там волей отца, мужа, господина и определяется ими, а не судьями¹.

Обобщив практику законотворчества трех видов правления, Монтескье пришел к выводу о том, что в деспотических государствах нет законов, поскольку там законом становится сам судья. Иная роль

¹ Монтескье *Ш.Л.* Указ. соч. С. 70–71.

отведена законам в монархических и республиканских государствах. В монархиях законы действуют. Если они ясны, то судьи должны руководствоваться ими, а если их нет, то судьи должны уразуметь их дух. При республиканском правлении закон играет еще бóльшую роль. Судьи не могут там отступать от буквы закона. Его нельзя истолковывать во вред гражданам, когда дело касается их имущества, чести и жизни¹.

В сохранении прав и свобод особое значение Монтескье придавал принципу разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Он писал: «Если власти законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их. Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем. Все погибло бы, если в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, или дворян, или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»².

Права и свободы гарантировались не только разделением властей, но и религией, поскольку определяемые ею правила поведения восполняли недостатки гражданского законодательства и ограничивали произвол³. Монтескье отмечал благотворное влияние Корана, Вед, священных книг Древней Персии и Индии. Но особо он подчеркивал значение христианского Нового Завета, который призывал законодателей к постоянному совершенствованию⁴ с тем, чтобы люди имели «наилучшие политические и гражданские законы»⁵.

¹ Монтескье Ш..Л. Указ. соч. С. 73.

² Там же. С. 138–139.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ Там же. С. 378.

Монтескье прослеживал влияние на право и других факторов, в том числе природных, политических, экономических социальных, духовных. Так, он отмечал, что законы очень тесно связаны с теми способами, которыми народы добывают себе средства к жизни. Народ, занимающийся торговлей и мореплаванием, нуждается в более обширном своде законов, чем народ, который довольствуется возделыванием своих земель; последний — в более обширном, чем народ, живущий скотоводством; и скотоводческий в свою очередь — в более обширном, чем народ, который живет охотой¹.

Анализируя сложные процессы взаимодействия факторов, влияющих на право, Монтескье отмечал следующую закономерность: чем более усиливается в народе действие одной из причин, тем более ослабевает действие других. Так, над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Риме в более время господствовали принципы правления и нравы старины².

Эти факторы формируют «общий дух народа», с которым должен считаться каждый законодатель³.

Сравнительно-правовой анализ законов Древнего мира и Нового времени позволил Монтескье сформулировать ряд общих правил, которым должен был следовать каждый законодатель.

«Дух умеренности, — писал он, — должен быть духом законодателя»⁴.

«Слог законов должен быть простым. Прямые выражения всегда доступнее пониманию, чем изысканные... Существенное условие — чтобы слова закона вызывали у всех людей одни и те же понятия... Если в законе были точно определены известные понятия, не следует более возвращаться к неясным выражениям... Законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства. Когда закон не нуждается в исключениях, ограничениях и видоизменениях, то всего лучше обходиться без них. Такие подробности влекут за собою новые подробности. Не следует делать изменений в законе без достаточного к тому основания... Когда приводится мотивировка закона, нужно, чтобы мотивировка эта была

¹ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 244.

² Там же. С. 260.

³ Там же. С. 261.

⁴ Там же. С. 491.

достойна закона... Презумпция закона лучше презумпции человека... Когда презумпцию делает судья, то приговор становится произвольным; когда же презумпцию делает закон, он дает судье постоянное правило... Подобно тому, как бесполезные законы ослабляют действие необходимых законов, законы, от исполнения которых можно уклониться, ослабляют действие законодательства... Законом должна быть присуща известная чистота. Предназначенные для наказания людской злобы, они должны сами обладать непорочностью»¹.

«Федералист» (очерки Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона, Джона Джея)

Возможности использования сравнительного правоведения для решения практических задач политики и права были раскрыты в очерках, написанных А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джеем в защиту проекта Конституции США 1787 г. Эти очерки публиковались под названием «Федералист» в ряде нью-йоркских газет с октября 1787 г. по май 1788 г.

И в первом из них была четко определена их цель: доказать, что от принятия Конституции зависит существование Союза, безопасность и благополучие входящих в него частей, судьба новой нации².

Авторы «Федералиста» раскрывали преимущества нового государственного устройства, широко применяя сравнительно-правовые материалы, включающие описания государств Древней Греции и Древнего Рима, современных государств — Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Нидерландов, Польши, Швейцарии, а также тринадцати североамериканских штатов, изначально образовавших Союз. Эти материалы содержали «немало полезных уроков». Из них можно было извлечь пользу без уплаты той цены, которую пришлось заплатить другим³.

Так, доказывая необходимость прочного Союза, А. Гамильтон писал: «Нельзя читать историю крошечных республик Греции и Италии, не испытывая ужаса и отвращения по поводу безумия, непрерывно охватывавшего их, и следовавших в быстрой последовательности

¹ Монтескье Ш.Л. Указ. соч. С. 500–503.

² Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 2000. С. 29 (очерк № 1).

³ Там же. С. 48 (очерк № 5).

революций. В результате эти республики находились в состоянии постоянных потрясений между крайностями тирании и анархии»¹.

Следуя предложенной Монтескье классификации государств на демократические, аристократические и деспотические, авторы «Федералиста» неизменно подчеркивали огромное разнообразие форм государственного устройства, обусловленное, как отмечал Дж. Мэдисон, в основном различным и неравным распределением собственности: «Те, кто ею владеет, и те, у кого ее нет, всегда составляют в обществе группы с противоположными интересами. Те, кто является кредиторами, и те, кто состоит в должниках, равным образом противостоят друг другу. У цивилизованных народов необходимо возникают интересы земледельцев, интересы промышленников, интересы торговцев, интересы банкиров и многих других меньших по значению групп, разделяя общество на классы, которыми движут различные чувства и взгляды. Урегулирование этих многообразных и противостоящих интересов и составляет главную задачу современного законодательства, неизбежно окрашивая партийным и групповым духом все необходимые и повседневные действия правительства»².

Существованию правительств угрожали многие силы. Поскольку их было невозможно «истребить», спасение следовало искать в средствах, которые смогли бы умерить их действие. Именно эту задачу и решала Конституция, ставя высокую цель — «...обезопасить общественное благо и права личности... и в то же время сохранить дух и форму народного правления»³.

Прежде всего необходимо было сдерживать центристские тенденции, которые разрушали единство Союза и были вызваны к жизни любовью к власти ряда политиков⁴. О том, к каким разрушительным последствиям может привести неспособность обуздать эту страсть, свидетельствовала судьба Польши, отданной по вине местных суверенов «на милость» могущественных соседей⁵.

Вторая основная задача Конституции заключалась в защите нации от деспотизма. Как показывал опыт других государств, необходимо было принять меры по защите, чтобы отвести угрозу посягательств.

¹ Федералист. С. 72 (очерк № 9).

² Там же. С. 80–81 (очерк № 10).

³ Там же. С. 82 (очерк № 10).

⁴ Там же. С. 116 (очерк № 15).

⁵ Там же. С. 139 (очерк № 19).

Так, честолюбию следовало противопоставить честолюбие, интересы одних ведомств — интересам других. Как отмечал Дж. Мэдисон, «эту игру на противоположных и соперничающих интересах, за недостатком лучших побуждений, можно проследить на всей системе человеческих взаимоотношений, частных, равно как и общественных»¹.

Поэтому в проекте Конституции США его составители заложили основы представительной республики, где носители исполнительной ветви власти были строго ограничены как в объеме, так и в сроке своих полномочий. Была ограничена и численность законодательного собрания: она была достаточно большой, «чтобы чувствовать все страсти, владеющие толпой», и вместе с тем не столь великой, чтобы сделать невозможным осуществление тех целей, «какие внушают эти страсти, средствами, предписываемыми разумом»².

Особое значение в этом государственном строе придавалось судам. Они были наделены властью толковать и определять истинный смысл и действие законов³. По убеждению А. Гамильтона, суды должны были осуществлять также функции конституционного надзора: «Конституция является и должна рассматриваться судами как основной закон. Они должны определять ее значение, как и значение любых конкретных актов, исходящих от законодательного органа. Если при этом возникают непримиримые противоречия между ними, следует отдавать предпочтение высшим обязательствам, которые и имеют силу, или, другими словами, конституцию следует ставить выше статута, намерение народа выше намерений его представителей»⁴.

Авторы «Федералиста» не стремились создать какую-либо теорию государства и права. Более того, анализируя практическое воплощение механизмов власти, они подчеркивали условность любых классификаций. В этой связи примечательно следующее высказывание Дж. Мэдисона: «Вековой опыт, накопленный трудами просвещеннейших законодателей и правоведов, не послужил разграничению ряда предметов и разнесению их по темам или иным кодексам и судам. Даже в Великобритании, где точность в такого рода делах соблюдается с бóльшим тщанием, нежели в любой другой стране, так и не установ-

¹ Федералист. С. 347 (очерк № 51).

² Там же. С. 333 (очерк № 48).

³ Там же. С. 158 (очерк № 22).

⁴ Там же. С. 505 (очерк № 78).

лены ясно и окончательно четкие границы общего права, статутного права, морского права, церковного права, корпоративного права и других местных прав и обычаев»¹.

Обосновывая отказ от универсальных конструкций, авторы «Федералиста» подчеркивали, что многие термины, используемые в исследованиях, отличаются условностью и даже «вопиющей неточностью»² и что «приливы», наблюдаемые в человеческих делах, различаются по длительности, силе и направлению и редко повторяются³.

Но вместе с тем они призывали изучать политику и законы других государств⁴, а также законы отдельных штатов⁵, указывая, что без этих знаний правительство не может действенно осуществлять внутреннюю и внешнюю политику.

Фридрих Карл фон Савиньи (1779–1861)

Огромный вклад в становление сравнительного правоведения внес великий немецкий юрист, основатель исторической школы права, Фридрих Карл фон Савиньи. В опубликованной в 1814 г. работе «О призвании нашей эпохи в законодательстве и юриспруденции» Ф. Савиньи провел сравнительный анализ трех гражданских кодификаций Франции, Пруссии и Австрии и по сути впервые определил природу и особенности романо-германской системы права.

Одна из главных идей его книги — право должно основываться на изучении его истории.

«История даже младенчества народа, — писал Савиньи, — остается всегда благородной учительницей, а в такой век, как наш, у нее появляется еще одна и более святая функция, которую она должна исполнить. Ведь только она сохраняет живую связь с первоначальным состоянием народа; с утратой этой связи любой народ теряет лучшую часть своей духовной жизни»⁶.

Чтобы сохранить неприкосновенной «духовную жизнь» народа, Савиньи призывал изучать обычаи и древние законы отдельных земель,

¹ Федералист. С. 241 (очерк № 36).

² Там же. С. 254 (очерк № 39).

³ Там же. С. 426 (очерк № 64).

⁴ Там же. С. 361 (очерк № 53).

⁵ Там же. С. 377 (очерк № 56).

⁶ *Savigny F.C. von. The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. Birmingham, 1986. P. 136.*

выявлять через них «корни» существующих правовых систем и активно использовать их в действующем праве, поскольку они непосредственно исходят от народа¹.

В его учении право предстало как живой организм, который «рос вместе с народом и обретал силу по мере его усиления, и, наконец, умирал, когда народ терял свою государственность»². Он развивался «благодаря внутренним и бесшумно действующим силам, а не благодаря произвольной воле законодателя»³. Поэтому в нем все имело значение. Даже давно бездействующие нормы, как утверждал Савиньи, могут быть возрождены «если не в их буквальном значении, то в соответствии с их духом»⁴, отражающим «особенности народа, его язык, нравы и учреждения»⁵.

К такому восприятию права он призывал не только ученых-юристов, но и законодателей и судей, убеждая их осуществлять свою деятельность на научных началах⁶.

Бережное отношение к истории права исключало необдуманные и поспешные правовые реформы, «слепую страсть к совершенствованию законов»⁷, учило воспринимать историю права как «богатство» и как основу «подлинного национального права»⁸.

Сказанное объясняет, почему Савиньи выступал решительным противником рецепции Гражданского кодекса Наполеона 1804 г., хотя и признавал достоинства этого акта как «очень талантливой работы»⁹. Более того, он противопоставлял его сводам гражданского законодательства Пруссии и Австрии. Последние, по его мнению, намного более бережно хранили древние обычаи и нормы и могли в дальнейшем послужить основой для более совершенной кодификации.

Впрочем, Савиньи призывал не торопиться с ее проведением, поскольку для этого не было необходимых предпосылок¹⁰; «создание

¹ *Savigny F.C. von.* Op. cit. P. 137.

² *Ibid.* P. 27.

³ *Ibid.* P. 30.

⁴ *Ibid.* P. 138.

⁵ *Ibid.* P. 24.

⁶ *Ibid.* P. 150.

⁷ *Ibid.* P. 20.

⁸ *Ibid.* P. 154–155.

⁹ *Ibid.* P. 71.

¹⁰ *Ibid.* P. 65.

права еще не стало делом нации в целом»¹. Но ученый верил, что это время скоро придет, поскольку «нет прусского или баварского языка и литературы, но есть немецкий язык и литература, и точно так же дело обстоит и с древними источниками наших законов в их историческом познании»².

При разработке будущего гражданского кодекса объединенной Германии особое значение следовало придать не только сохранению преемственной связи с ранее действовавшим правом, отражению в его тексте «совокупности существующего права»³, но и языку этого акта.

Его нормы, «весомые и выразительные»⁴, должны были влиять на сознание людей с разными характерами и разными способностями и вместе с тем создавать в их сознании «волшебный образ Христа». Образцом такого «простого, по-настоящему народного стиля» могли служить древние хроники. Освоив такой язык права, можно было создать истинно «народный кодекс»⁵.

Параграф третий. Школы сравнительного правоведения

К середине XIX в. формируется несколько школ сравнительного правоведения, сперва во Франции и Германии, несколько позже в Великобритании, США, Италии и России. В первой половине XX в. национальные школы сравнительного правоведения появляются во многих государствах мира.

Франция

Сравнительное правоведение Франции, у истоков которого стояли Ф. Бомануар, Я. Куяций, Ж. Боден и Ш. Монтескье, оформилось как самостоятельное научное направление и учебная дисциплина в 1831 г., когда в Колледж де Франс была учреждена специальная кафедра Общей истории и философии сравнительного законодательства. В 1834 г. начал издаваться «Журнал зарубежного и французского законодательства и политической экономики» с целью совершенствования законодательства Франции на основе его сравнения с законодательством других государств. Журнал выходил до 1850 г. и внес

¹ Savigny F.C.von. Op. cit. P. 173.

² Ibid. P. 174.

³ Ibid. P. 35.

⁴ Ibid. P. 69. Примером в этом могли служить Уголовные ординансы Карла V.

⁵ Ibid. P. 181–182.

большой вклад в становление науки сравнительного правоведения во Франции.

На юридическом факультете Сорбонны с 1838 г. читались лекции по сравнительному уголовному праву, а в 1846 г. была создана кафедра уголовного права и сравнительного уголовного законодательства.

В 1869 г. в Париже учреждается Общество сравнительного законодательства, которое и сейчас сохраняет статус ведущего центра компаративистики Франции. О том, какую оно играло роль, можно судить по следующему факту: в 1876 г. Министерство юстиции Франции сформировало Комитет зарубежного законодательства, основной целью которого было изучение и перевод на французский язык кодексов других стран мира. Эта работа в основном осуществлялась силами Общества сравнительного законодательства.

В 1900 г. в Париже был проведен первый Конгресс сравнительного права, в котором приняли участие представители многих государств Европы. На нем была сформулирована концепция сравнительного права как правовой науки, тесно связанной с философией, историей права, этнографией, социологией и нацеленной на разработку всеобщего права. Основными докладчиками на Конгрессе были Р. Салейл и Э. Ламберт, что во многом стало признанием их вклада в развитие науки сравнительного правоведения.

В 1903 г. Э. Ламберт издает книгу «Функция сравнительного гражданского права»¹. В том же году выходит книга А. Эсмена «Основы конституционного права Франции и сравнительного права»², которая в течение 25 лет выдержала восемь переизданий.

В 1920 г. Э. Ламберт основывает Институт сравнительного права в Лионе, а в 1932 г. Г. Леви-Ульман учреждает Институт сравнительного права при юридическом факультете Сорбонны. Аналогичные научные центры создаются во многих других университетах Франции.

В период между двумя мировыми войнами французская школа компаративистики играет ведущую роль в мире. Во многом благодаря ее усилиям в 1924 г. образована Международная академия сравнительного права — одно из самых авторитетных международных юридических сообществ. Первым ее президентом стал профессор Сорбонны А. Вейс. Выходит несколько фундаментальных работ, в ряду которых

¹ *Lambert E. La fonction du droit civil comparé. Paris, 1903.*

² *Esmein A. Éléments de droit constitutionnel français et comparé. Paris, 1903.*

следует особо отметить книгу Р. Салейла «Юридические лица в истории и теории» (1922 г.)¹.

С 1949 г. выходит в свет «Международный журнал сравнительного правоведения».

Заметным событием в истории сравнительного правоведения стало издание в 1964 г. книги Р. Давида «Основные правовые системы современности». В этой работе была обоснована концепция деления национальных правовых систем на правовые семьи. Книга Р. Давида была переведена на многие языки, в том числе на русский, и оказала большое влияние на развитие компаративистики в мире. Неслучайно после ее издания многие университеты ввели специальный учебный курс «Основные правовые системы современности».

В ряду блистательных французских компаративистов того времени следует отметить также Л. Жуллио де ла Морандьера, М. Анселя, М. Дюверже, Э. Тюнка и Д. Таллона. В последние годы заметная роль в развитии сравнительного правоведения принадлежит Ж. Марку, Б. Фоварк-Коссон и Р. Леже².

Германия

В Германии сравнительное правоведение первоначально развивалось силами двух соперничавших школ — исторической и естественно-правовой, возглавляемых соответственно Ф. Савиньи и А. Тибо. Каждая из них имела свой журнал. Первая школа издавала «Журнал исторической юриспруденции» с 1815 по 1850 г.; вторая — «Проблемный журнал юридической науки и зарубежного законодательства», выходивший в свет с 1829 г. в Гейдельбергском университете. И каждая из школ по-своему понимала значение и возможности сравнительно-правовых исследований³.

Более широкие подходы к сравнительному правоведению, основанные во многом на идеях Г. Лейбница⁴ и Л. Фейербаха, формируются

¹ *Saleilles R.* De la personnalité juridique: histoire et théories. Paris, 1922.

² Более подробно о становлении французских школ сравнительного правоведения см. очерк Б. Фоварк-Коссон, опубликованный в книге: *The Oxford Handbook of Comparative Law* / Ed. by M. Reimann, R. Zimmermann. N.Y., 2008. P. 35–67.

³ Подробнее см.: *Константинеско Л.-Ж.* Развитие сравнительного правоведения // Очерки сравнительного права / Под ред. В.А. Туманова. М., 1981. С. 107–119.

⁴ Г. Лейбниц, более известный как великий математик, был доктором права. В 19 лет он разработал одну из первых классификаций правовых систем и представил ее в виде таблицы для лучшего понимания и преподавания права.

со второй половины XIX в. В 1878 г. начинается издание «Журнала сравнительной юридической науки».

При разработке законов законодатели все чаще обращаются к материалам сравнительного правоведения — законам разных земель Германии, а также Франции, Нидерландов, Великобритании. Наиболее заметную роль они сыграли при создании таких актов, как Общий торговый кодекс Германии 1861 г., Закон о гражданском процессе 1880 г., Закон о банкротстве 1881 г., Германское гражданское уложение 1900 г.

В 1893 г. формируется Ассоциация сравнительной правовой и политической науки, а годом позже по инициативе Ф. Майера — Международная ассоциация сравнительного правоведения и политической экономики.

Среди наиболее ярких работ того времени следует указать удивительные по глубине монографические исследования Р. фон Йеринга («Борьба за право», «Дух римского права на различных ступенях его развития», «Цель в праве», «Юриспруденция обыденной жизни»), Г. Еллинека («Общее учение о государстве», «Декларация прав человека и гражданина», «Право меньшинства» и др.) и Й. Колера («Право как элемент культуры»)¹.

Важную роль в развитии сравнительного правоведения в Германии сыграл Э. Рабель, уроженец Вены, переехавший для продолжения научной карьеры в Германию. В 1916 г. он основывает при Мюнхенском университете Институт сравнительного права. С 1925 г. он возглавляет в Берлине Институт кайзера Вильгельма по сравнительному и международному частному праву. Одновременно он входит в состав Совета Института частного права в Риме и становится одним из основных авторов первого проекта единообразного закона о международной купле-продаже товаров, положенного в основу Гаагской конвенции 1964 г. Однако школа Э. Рабеля просуществовала недолго. С приходом к власти нацистов его как еврея сначала вынудили уйти в отставку, а в 1939 г. — эмигрировать в США.

После войны Институт Э. Рабеля был переименован в Институт Макса Планка по сравнительному и международному частному праву, и вскоре он стал одним из ведущих центров компаративистики не только Германии, но и мира². В 1950 г. было воссоздано Общество

¹ Большая часть указанных работ была опубликована в России в дореволюционный период.

² В настоящее время Институт Макса Планка располагается в Гамбурге.

сравнительного права ФРГ. Стали создаваться новые научные центры в Мюнхене, Фрайбурге, Франкфурте-на-Майне, других городах Западной Германии. Сравнительное правоведение развивалось быстрыми темпами и в Восточной Германии.

Несколько работ заслуживают особого внимания. В 1961 г. К. Цвайгерт выдвигает концепцию деления правовых систем на основании присущих им «стилевых особенностей». В 1971 г. в соавторстве с Х. Кетцом он публикует фундаментальное «Введение в сравнительное правоведение», которое впоследствии было переведено на многие языки, в том числе на русский.

Отметим также работы Й. Эссера, У. Дробнига, У. Карпена, К. фон Бара, Р. Циммермана, а также издаваемую Институтом сравнительного и международного частного права «Международную энциклопедию сравнительного права» (в настоящее время опубликовано 17 томов)¹.

Великобритания

Сравнительное правоведение Великобритании берет начало в 1861 г., когда знаменитый историк права сэр Генри Мэн был назначен профессором исторической и сравнительной юриспруденции Оксфордского университета.

В своих исследованиях «Древнее право» (1861 г.), «Древнейшая история учреждений», «Древний закон и обычай. Исследование по истории древнего права» Г. Мэн стремился создать универсальную теорию правового развития на основе изучения индусского, древнеримского, германского, кельтского и славянского права.

Традиции исторического сравнительного правоведения были продолжены сэром Ф. Поллоком, А. Дайси, Е. Мейтландом, Дж. Брайсом, В. Брауном, Дж. де Монморанси и другими учеными, которые пытались исследовать особенности развития национального права и выявить его дух, формировавшийся на протяжении многих столетий.

Появляются новые работы, которые заметно расширяют область сравнительного правоведения прежде всего с целью изучения правовых институтов в различных частях Британской империи (таковы труды Э. Дженкса, Дж. Макдоннелла, С. Висея-Фитцджеральда и др.).

¹ Более подробно о становлении немецких школ сравнительного правоведения см. очерк И. Швензера, опубликованный в книге: The Oxford Handbook of Comparative Law. P. 69–106.

Постепенно на первый план выходит задача, сформулированная еще Г. Мэном — обеспечить «совершенствование права на практике». С целью ее решения в 1894 г. учреждается Британское общество сравнительного законодательства. Оно издает собственный журнал, который с 1917 г. носит название «Журнал сравнительного законодательства и международного права».

После Первой мировой войны в британской компаративистике появляются новые громкие имена, в ряду которых следует прежде всего отметить Х. Гаттериджа, Ф. Уолтона, М. Эймса.

В 1946 г. Х. Гаттеридж издает фундаментальный труд «Сравнительное право: введение в исследование сравнительного метода в изучении права и правовых исследованиях»¹. Роль сравнительного правоведения, как утверждает Гаттеридж, в основном состоит в использовании сравнительно-правового метода. Иные задачи, в том числе по унификации права, вызвали у него скептическое отношение.

Более широкий подход к сравнительному правоведению отстаивал Ф. Уолтон, написавший ряд интересных работ по праву Шотландии, Квебека, Египта и Франции. В 1920 г. вышел в свет его двухтомный труд «Обязательственное право Египта: сравнительное исследование с особым вниманием к французскому и английскому праву»².

Сэр М. Эймс стал одним из первых британских компаративистов, который отстаивал допустимость рецепции лучших образцов права. По его мнению, качественный закон, например Кодекс Наполеона, может быть введен в действие в любой стране, какими бы ни были ее язык, религия, социальные и политические традиции.

После Второй мировой войны в британском сравнительном правоведении появляются новые «звезды» — Б. Николас, написавший «Континентальное право глазами юриста общего права» (1955 г.)³ и А. Уотсон, опубликовавший в 1970 г. книгу «Правовые трансплантации: подход сравнительного права»⁴.

В последние годы большой вклад в развитие сравнительного правоведения внесли Институт углубленных правовых исследований,

¹ *Gutteridge H.C. Comparative Law: An Introduction to the Comparative Method of Legal Study and Research. London, 1946.*

² *Walton F. Egyptian Law of Obligations: A Comparative Study with Special Reference to the French and English Law. London, 1920.*

³ *Nicholas B. A Common Lawyer Looks at the Civil Law. London, 1955.*

⁴ *Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. Edinburg, 1970.*

учрежденный в 1946 г. в рамках Лондонского университета, и Британский институт международного и сравнительного права, созданный в 1958 г. в результате слияния Общества сравнительного законодательства и Общества Г. Гроция.

Италия

Одна из первых компаративистских работ XIX в. — «Критика науки сравнительного законодательства» (1857 г.) — была написана итальянским ученым Е. Амари. Но какого-либо заметного влияния на развитие сравнительного правоведения в Италии Амари не оказал, возможно, по той причине, что многие годы он жил в эмиграции.

Более заметным было влияние других школ — французских (до конца XIX в.) и немецких (в первые десятилетия XX в.).

Новый этап в развитии итальянских национальных школ компаративистики наступает в 1930-е гг., когда публикуются работы Т. Аскарелли, М. Ротонди, А. Сраффы. В 1934 г. в Милане создается первый научный центр — Институт сравнительного права при Университете Боккони.

Но подлинный расцвет сравнительного правоведения происходит только в послевоенное время. Наиболее значительный вклад внесли работы основателя флорентийской школы М. Капеллетти «Доступ к правосудию» (1978 г.) и «Интеграция через право» (1985 г.), фундаментальный труд основателя римской школы Дж. Горла «Контракт» (1955 г.) и монография основателя туринской школы Р. Сакко «Введение в сравнительное право» (1980 г.)¹. Последняя работа заслуживает особого внимания, поскольку в ней впервые была сформулирована концепция «правовых составляющих» как ключа к познанию правовых институтов и норм.

В 1971 г. была основана Итальянская ассоциация сравнительного права. Сравнительное право прочно вошло в университетские учебные программы. И если в 1971 г. в Италии на полной ставке был только один профессор сравнительного права, то к 2006 г. их насчитывалось больше 100 (51 специализировался на частном и 56 — на публичном сравнительном праве).

Появляется большое число работ, посвященных праву Китая и Советского Союза, государств Африки и Арабского Востока, религиозному праву, антропологии права. Среди этих работ привлекают внимание

¹ Sacco R. Introduzione al diritto comparato. Torino, 1980.

книги С. Маттеи «Модель общего права» (2005 г.)¹ и П. Галло «Великие правовые системы» (1997 г.)².

Итальянские школы сравнительного правоведения занимают одно из ведущих мест в мировой компаративистской науке. Они осуществляют многие международные проекты, в частности Проект общих начал Европейского частного права, в котором участвуют более 200 ученых из государств Европейского союза и других частей света; разрабатывают Принципы и правила Международного гражданского процесса и Проект Гражданского кодекса Европы³.

Соединенные Штаты Америки

Сравнительное правоведение в США зарождается в первой половине XIX в., когда появился ряд работ, в которых сопоставляются правовые институты США и других, в основном западноевропейских, стран (первыми в русле новой дисциплины работали С. Ливермор, Дж. Стори, Ф. Либер, Д. Хофман, Л. Кашинг).

Однако первым компаративистским исследованием можно считать книгу О.В. Холмса «Общее право» (1881 г.), в которой будущий судья Верховного суда США сформулировал идею «живого права». «Право, — писал он, — олицетворяет развитие нации на протяжении многих столетий, и с ним нельзя обходиться так, как будто оно, подобно учебнику по математике, содержит только аксиомы и теоремы»⁴. Этот тезис он доказывал на примере многих правовых систем древности.

Курсы сравнительного права постепенно вводятся в учебные программы Айовского (У. Хэммонд), Гарвардского (Дж. Эймс), Йельского (Дж. Хэдли и С. Балдуин) и Колумбийского (М. Смит) университетов.

В 1904 г. в Сент-Луисе прошел Всеобщий конгресс адвокатов и юристов, в котором участвовали юристы из 14 государств мира и который дал мощный импульс не только к сравнительно-правовым исследованиям, но и к организационному объединению юристов, работающих в этом направлении.

¹ *Mattei U.* Il modello di common law. Torino, 2005.

² *Gallo M.* Grandi sistemi giuridici. Torino, 1997.

³ Более подробно об итальянских школах сравнительного правоведения см. очерк Э. Гранде, опубликованный в книге: *The Oxford Handbook of Comparative Law*. P. 107–130.

⁴ *Holmes O.W.* The Common Law. Boston, 1963. P. 5.

В 1907 г. Американская ассоциация юристов создает Бюро сравнительного права, которое издает первый ежегодный компаративистский журнал и публикует много работ по зарубежному праву и сравнительному правоведению не только американских, но и зарубежных ученых. Так, в 1909 г. был опубликован перевод книги знаменитого русского правоведа Н.М. Коркунова «Общая теория права». Осуществляется издание переводов законодательных актов, среди которых наиболее известно многотомное (24 тома) издание «Торговые законы мира».

В 1925 г. учреждается Американская ассоциация иностранного права. Расширяется круг периодических изданий, ориентированных на сравнительное правоведение. В 1949 г. при Университете Тулейн создается Институт сравнительного права.

Новый этап в организационном становлении американской компаративистики приходится на 1950-е гг.: в 1951 г. учреждается Американское общество сравнительного права (первоначально оно носило название Американской ассоциации сравнительного изучения права), а в 1952 г. начинается издание «Американского журнала сравнительного права».

Американская наука занимает видное место в мировой компаративистике. Наиболее яркий след в ней оставили работы Р. Паунда «Дух общего права» (1921 г.)¹, «Право и мораль» (1924 г.)², «Эра становления американского права» (1936 г.)³, в которых была обоснована необходимость расширения предмета сравнительного права и применения к нему инструментов социологии права.

Столь же значительными были работы Дж. Вигмора — «Эволюция права» в трех томах (1915–1918, в соавторстве)⁴ и «Панорама правовых систем мира» в трех томах (1928 г.)⁵. Последняя работа заслуживает особого внимания. В ней Дж. Вигмор сформулировал концепцию правовых институтов как основного объекта сравнительного анализа, который должен исследоваться в контексте действующих социальных,

¹ Pound R. The Spirit of the Common Law. Boston, 1922.

² Pound R. Law and Morals. Chapel Hill, 1924.

³ Pound R. The Formative Era of American Law. Boston, 1936.

⁴ Особого внимания заслуживает первый том, посвященный источникам древнего и примитивного права Kocourek A., Wigmore J. Sources of Ancient and Primitive Law. Boston, 1915. Vol. 1.

⁵ Wigmore J. A Panorama of the World's Legal Systems. Washington, 1936.

экономических, религиозных, расовых и иных факторов и обстоятельств.

Бурное развитие сравнительного правоведения в США начинается в послевоенное время.

Появляются фундаментальные работы, которые вошли в «золотой» фонд мировой компаративистики, — труды Г. Бермана, Дж. Хазарда, Р. Шлесинджера, Дж. Мэримена.

Особо следует отметить книги Г. Бермана «Право и революция: формирование западной традиции права» (1983 г.; в русском переводе: «Западная традиция права: эпоха формирования»)¹ и «Право и революция: влияние протестантской реформации на западную традицию права» (2004 г.)².

К настоящему времени в США во всех 184 общепризнанных юридических университетских центрах преподается один либо несколько курсов сравнительного правоведения. Американское общество сравнительного права стало крупнейшим объединением компаративистов мира, в которое входят более ста организаций и несколько тысяч индивидуальных членов.

Латинская Америка

В странах Латинской Америки сравнительное правоведение как научное направление складывается в первой половине XIX в.

Его основателем по праву считается венесуэльский и чилийский ученый А. Белло, автор ряда фундаментальных научных трудов (в том числе «Институтов римского права», 1848 г.) и Гражданского кодекса Чили 1855 г. — одного из величайших памятников правотворчества, созданного на основе изучения гражданского законодательства многих стран (Франции, Австрии, Баварии, Пруссии, Нидерландов, Сардинии и т.д.).

Методы сравнительного правоведения широко применял и Х. Окампо Давила, составитель Торгового кодекса Чили 1852 г.

В Бразилии первым компаративистом стал Т. де Фрейташ, создатель консолидированного Свода законодательства Бразилии 1858 г. В Аргентине возможности сравнительного правоведения одним из первых применил Д. Велес, автор Гражданского кодекса, в который были

¹ Berman H.J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Harvard, 1983.

² Berman H.J. Law and Revolution. The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition. Harvard, 2003.

инкорпорированы нормы гражданского законодательства Чили, Бразилии, Аргентины, Франции, России, американского штата Луизиана, римского права.

Первые доктринальные работы по сравнительному правоведению принадлежат бразильскому ученому К. Бевилакке, автору «Краткого изложения сравнительного законодательства в частном праве» (1898 г.) и создателю бразильского Гражданского кодекса 1916 г.

Одним из крупнейших латиноамериканских компаративистов был Ф. де Миранда, который издал фундаментальный труд «Трактат частного права» в 60 томах (1954–1969)¹.

Отметим также работы Х. Диаса и Х. Авила — «Гражданско-правовая ответственность» (1944 г.)² и «Торговые кодексы латиноамериканских стран» (1961 г.)³ соответственно.

Во многих латиноамериканских странах издаются специализированные журналы, среди которых «Мексиканский бюллетень сравнительного права».

Восточная Европа.

В государствах Восточной Европы сравнительное правоведение имеет давние традиции, сложившиеся еще в XIX в.

К середине XX в. сформировалось несколько школ. Их яркими представителями были: в Чехии — В. Кнапп и П. Каленски; в Польше — С. Розмарин, Е. Врублевский, Л. Гарлицкий, В. Чаплинский; в Венгрии — И. Сабо, Д. Эрши, З. Петери, А. Хармати, В. Болгар и А. Шайо; в Румынии — С. Попеску, Д. Гечиу и И. Эминеску; в Хорватии — М. Дамашка и С. Родин; в Словении — И. Зупанчич и в Болгарии — Ж. Сталев и Н. Неновски. Одной из лучших компаративистских работ была книга В. Кнаппа «Великие правовые системы: введение в сравнительное правоведение». Сперва она была издана в Германии и только через 20 лет (в 1996 г.) — в Чехии.

Заслуживают внимания работы Д. Эрши «Сравнительное гражданское (частное) право: типы права, группы правовых систем, пути правового развития» (1976 г.) и М. Дамашки «Лики правосудия и государственной власти: сравнительный подход к правовому процессу» (1986 г.).

¹ *De Miranda F. Tratado de Direito Privado. Vols. 1–60. Rio De Janeiro, 1954–1969.*

² *Dias J. Da Responsabilidade Civil. San Paulo, 1944.*

³ *Avila J. Los Codigos de Comercio Latinoamericanos. Santiago de Chile, 1961.*

Из исследований последних лет отметим книгу польского ученого В. Садурского «Конституционное правосудие на Востоке и Западе: демократическая законность и конституционные суды в посткоммунистической Европе в сравнительной перспективе» (2002 г.), а также работы чешских ученых — «Введение в сравнительное торговое право» (2000 г.) И. Пеликановой и «Сравнительное право: правовая культура» (2008 г.) П. Хунгра.

Украина

В последние годы сравнительное правоведение стремительно развивается на Украине. Сформировалось несколько школ в Киеве, Харькове, Одессе, Мариуполе, Хмельницком, других крупных университетских центрах страны.

С 2002 г. Институтом государства и права им. В.М. Корецкого (с 2006 г. — совместно с Украинской ассоциацией сравнительного правоведения) и во многом благодаря усилиям О.А. Кресина публикуется серия научных изданий — «Энциклопедия сравнительного правоведения». К настоящему времени вышли справочные издания «Сравнительное правоведение. Сравнительная политология: систематический библиографический указатель» (2002 г.) и «Сравнительное правоведение: отечественные и зарубежные специализированные центры исследования и преподавания» (2005 г.); монография «Сравнительное правоведение в системе юридических наук: проблемы методологии» (2006 г.); сборники «Выдающиеся компаративисты: творческий путь, идеи, труды» (2007 г.) и «Сравнительное правоведение: антология украинской компаративистики XIX–XX вв.» (2008 г.).

С 2007 г. Институт государства и права им. В.М. Корецкого и Украинская ассоциация сравнительного правоведения при участии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского и Киевского университета права публикуют серию научно-методических изданий «Академия сравнительного правоведения», в которой издаются материалы открытых лекций (мастер-классов), прочитанных авторитетными учеными на ежегодных международных научных семинарах.

С 2005 г. Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины совместно с Мариупольским государственным гуманитарным университетом издает международный научный журнал «Порівняльно-правові дослідження» («Сравнительно-правовые исследования»), который выходит два раза в год.

Публикуется много компаративистских работ таких видных украинских ученых, как А.Д. Тихомиров, О.Ф. Скакун, Л.А. Луць, А.В. Кресин, Х. Бехруз, А.Н. Костенко и др.

Россия

В России традиции современной науки сравнительного правоведения были заложены еще С.Е. Десницким в книге «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности» (1785 г.). В большей части последующих отечественных работ российских юристов были разделы о праве зарубежных стран. Такое внимание к истории и тенденциям развития зарубежного законодательства объяснялось прежде всего стремлением к совершенствованию российского права.

Наиболее яркими были работы сравнительно-исторического направления. Его идейным лидером стал М.М. Ковалевский, опубликовавший несколько общетеоретических работ: «О методологических приемах при изучении раннего периода в истории учреждений» (1878 г.), «Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права» (1888 г.), «Закон и обычай на Кавказе» (1887 г.), «Происхождение современной демократии» (в четырех томах, 1895–1897).

Второй крупнейший представитель российской сравнительно-исторической школы — П.Г. Виноградов, который стал преемником Г. Мэна и Ф. Поллока на кафедре сравнительной юриспруденции в Оксфордском университете. Среди его работ необходимо отметить «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии» (1881 г.), «Очерки по теории права» (1915 г.), «Исследования по исторической юриспруденции» (1920 г.).

Столь же значимы произведения Б.Н. Чичерина «О народном представительстве» (1866 г.), «Собственность и государство» (1882 г.); В.И. Сергеевича «Русские юридические древности» (1890–1896); Н.А. Максимейко «Сравнительное изучение истории права (1898 г.)¹, «Мнимые архаизмы уголовного права Русской правды» (1905 г.)², «Опыт критического исследования Русской правды» (1914 г.); Ф.В. Тарановского «Сравнительное правоведение в конце XIX в.» (1902 г.)³, «Учебник энциклопедии права» (1917 г.).

¹ Записки Императорского Харьковского университета. Книга первая. 1898.

² Вестник права. 1905. № 3–4.

³ Записки Общества Истории, Филологии и Права при императорском Варшавском университете. 1902. Вып. 1.

В сравнительной цивилистике наиболее значительными были вклады Г.Ф. Шершеневича и С.А. Муромцева.

Г.Ф. Шершеневич, автор классических работ – многотомного «Курса торгового права» (1888–1889), «Науки гражданского права в России» (1893 г.), «Учебника русского гражданского права» (1894 г.), «Общей теории права» (1910–1912), «Истории философии права» (1904–1905), – в которых представлен обстоятельный анализ частноправовых отношений и институтов.

Заметную роль в развитии сравнительной цивилистики сыграли работы С.А. Муромцева «Очерки общей теории гражданского права» (1878 г.), «Определение и основное разделение права» (1879 г.), «Гражданское право Древнего Рима» (1883 г.), «Рецепция римского права на Западе» (1886 г.), «Основы гражданского права. Человек и общество» (1908 г.).

В сравнительном уголовном праве наиболее известны работы Н.С. Таганцева «О преступлениях против жизни по русскому праву» (1870 г.) и фундаментальные многотомные издания «Курс русского уголовного права» (1874–1880) и «Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая» (1887–1892).

Но наиболее широко материалы сравнительного правоведения использовались в работах российских государствоведов.

Прежде всего речь идет о следующих работах А.Д. Градовского: «Начала русского государственного права» в трех томах (1875–1883), «Германская конституция» в двух томах (1875–1876), «Государственное право важнейших европейских держав. Часть историческая» (1886 г.) и Н.М. Коркунова: «Лекции по общей теории права» (1886 г.), «Общественное значение права» (1890 г.), «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав» (1890 г.), «Русское государственное право» (1893 г.), «Указ и закон» (1894 г.).

Отметим также следующие труды: «Вопросы местного управления» (1904 г.) В.М. Гессена, «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора» (1907 г.) С.А. Котляревского, «Лекции по русскому государственному праву. Том первый. Конституционное право» (1908 г.) Н.И. Лазаревского и «Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентского строя» (1912 г.) К.Н. Соколова.

Сравнительное правоведение продолжало развиваться и в послереволюционной России, несмотря на жесткие идеологические установки и ограничения. Центром компаративистики стал Всесоюзный институт

юридических наук (ВИЮН), созданный в 1925 г. и в настоящее время именуемый Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Основателем школы компаративистики ВИЮНа был М.Н. Гернет, один из его первых руководителей, блестящий ученый, автор многих фундаментальных работ по уголовному праву и социологии права: «Социальные факторы преступности» (1905 г.), «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916 г.), «Преступность за границей и в СССР» (1932 г.).

Во Всесоюзном институте юридических наук работали многие выдающиеся ученые, которые внесли большой вклад в развитие отечественного сравнительного правоведения: в цивилистике — Е.А. Флейшиц, Л.А. Лунц, М.М. Агарков, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский, С.Н. Братусь, О.Н. Садилов, М.И. Брагинский, А.Л. Маковский и В.В. Залесский; в истории права — С.В. Юшков и А.Б. Утевский; в уголовном праве — М.М. Исаев, Б.С. Никифоров и Ф.М. Решетников; в государственном праве — Ю.А. Тихомиров и Б.С. Крылов.

В институте начинали свою научную карьеру и крупнейшие теоретики сравнительного правоведения В.А. Туманов и А.А. Тилле.

Не менее мощной была компаративистская школа Института государства и права Российской академии наук, основанная блестящим теоретиком права Е.Б. Пашуканисом. Наиболее известны исследования по теории сравнительного правоведения В.А. Туманова, В.С. Нерсесянца, С.Л. Зивса, В.П. Казимирчука, В.М. Чхиквадзе, А.И. Ковлера, Л.Р. Сюкияйнена и по сравнительному конституционному праву — И.Д. Левина, В.Е. Топорнина, Б.М. Чиркина, В.Ф. Котока, М.А. Крутоголова, Ю.А. Юдина. По сравнительной цивилистике были опубликованы фундаментальные работы Р.О. Халфиной и А.А. Рубанова; по сравнительному трудовому праву — С.А. Иванова; сравнительному уголовному праву — В.П. Кудрявцева, И.П. Трайнина, В.М. Савицкого и В.В. Лунева.

Компаративистские школы формировались и во многих российских вузах: в Московском государственном университете (А.А. Мишин, М.Н. Марченко, Г.В. Барабашев, Д.Л. Златопольский, П.Н. Галанза и В.П. Грибанов); Московском государственном институте международных отношений (В.Н. Дурденевский, И.П. Ильинский, Ф.И. Кожевников, С.Б. Крылов, Р.Л. Нарышкина, Л.М. Энтин, Ю.И. Лейбо и Г.П. Толстомятенко); Московской государственной юридической

академии (О.Е. Кутафин, З.М. Черниловский, Б.А. Страшун, В.П. Мо-
золин и С.Ю. Кашкин); Российском университете дружбы народов
(О.А. Жидков, А.Ф. Шебанов, Г.И. Муромцев, В.В. Безбах); Санкт-Петер-
бургском государственном университете (А.В. Венедиктов, О.С. Иоф-
фе, Ю.К. Толстой); Уральской государственной юридической академии
(С.С. Алексеев, Б.А. Стародубский, П.И. Савицкий).

Многие вузы создают специализированные кафедры и лаборатории.
Первым был юридический факультет МГУ, учредивший лабораторию
социально-правовых исследований и сравнительного правоведения.
В Институте международного права и экономики имени А.С. Гри-
боедова в 2000 г. был образован Центр сравнительного правоведе-
ния. Юридический институт Сибирского федерального университета
впервые в истории российского высшего образования в 1998 г. открыл
Отделение сравнительного правоведения.

Из наиболее значимых компаративистских работ, опубликованных
в последние 40 лет, необходимо указать следующие: «Сравнитель-
ный метод в юридических дисциплинах» А.А. Тилле, Г.В. Швекова
(1973 г.); «Социалистическое сравнительное правоведение» А.А. Тилле
(1975 г.); «Сравнительное правоведение» (под ред. В.А. Туманова)
(1978 г.); «Очерки сравнительного права» (под ред. В.А. Туманова)
(1981 г.); «Источники права» С.Л. Зивса (1981 г.); «Правовые системы
стран мира» Ф.М. Решетникова (1993 г.); «Элементы сравнительного
государствоведения» В.Е. Чиркина (1994 г.); «Курс сравнительного
правоведения» Ю.А. Тихомирова (1996 г.); «Образы права в России
и Франции» Ш. Курильски-Ожвен, М.Ю. Арутюнян, О.М. Здравомы-
словой (1996 г.); «Курс сравнительного правоведения» М.Н. Марченко
(2002 г.); «Антропология права» А.И. Ковлера (2002 г.).

С 2000 г. Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации осуществляет уникальный
проект по изданию конституций государств мира. В 2001 г. выходят
в свет «Конституции государств Европы» (в трех томах), в 2006 г. —
«Конституции государств Америки» (в трех томах), в 2010 г. — «Кон-
ституции государств Азии» (в трех томах).

В последние годы на русском языке появилось несколько моногра-
фических и учебных переизданий зарубежных авторов. Наибольшую
известность приобрела книга Р. Давида «Основные правовые систе-
мы современности», выдержавшая три переиздания (1967 г.; 1988 г.;
1999 г. — в соавторстве с К. Жоффре-Спинози). В 1995 г. в России

вышла книга Цвайгерта К. и Кетца Х. «Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права».

В 2008 г. публикуется книга американского исследователя К. Осаке «Сравнительное правоведение: схематический комментарий», а в 2009 г. — работа французского ученого Р. Леже «Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход».

Издано несколько книг замечательного узбекского компаративиста А.Х. Саидова: «Введение в сравнительное правоведение» (1988 г.), «Сравнительное правоведение и юридическая география мира» (1993 г.), «Национальные парламенты мира: энциклопедический справочник» (2005 г.), «Сравнительное правоведение» (2007 г.).

Отметим также книги известных украинских исследователей О.Ф. Скакун «Общее сравнительное правоведение. Основные типы (семьи) правовых систем мира» и А.Д. Тихомирова «Юридическая компаративистика: философские, теоретические и методологические проблемы».

В 2000 г. было учреждено Российское общество сравнительного правоведения, объединившее многих ведущих компаративистов страны. Оно выпустило в 2001–2004 гг. несколько номеров «Ежегодника сравнительного права». Появляется «Российский журнал сравнительного права». Но в свет выходят только два номера. Более успешным был проект Института права и публичной политики по изданию с 1993 г. журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

Широкий круг вопросов общей теории и методологии сравнительного правоведения, развития зарубежного права освещается в ежеквартальном «Журнале зарубежного законодательства и сравнительного правоведения». Он издается с 2005 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, и на его страницах публикуются труды ведущих российских ученых и зарубежных компаративистов из Франции, Германии, США, Китая, Украины, Беларуси, Казахстана, Узбекистана и многих других стран.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Введение. Грани сравнительного правоведения

В долгом историческом развитии сравнительное правоведение обрело четыре качества: научного метода, научного направления, учебной дисциплины и способа решения научно-практических задач. И каждому из них присущи свои цели, предмет и область применения.

Сравнительное правоведение как метод научного познания права позволяет выявлять общие тенденции его развития, единые начала и особенности правовых явлений.

Сравнительное правоведение как научное направление вбирает в себя совокупность научных знаний о правовом пространстве мира в его историческом развитии и многообразии.

Сравнительное правоведение как учебная дисциплина дает учащимся знания об основных закономерностях и особенностях развития права разных эпох и в разных частях света.

Сравнительное правоведение как способ решения научно-практических задач используется для совершенствования законодательной и правоприменительной практики.

Еще одна грань сравнительного правоведения, значение которой раскрыл В.А. Туманов, — это обеспечение взаимопонимания между народами, их научного и культурного сотрудничества¹.

Восприятие сравнительного правоведения как многогранного явления в последние годы стало господствующим. Все большее число ученых признают его самостоятельной комплексной юридической наукой.

Так, А.Х. Саидов предмет сравнительного правоведения как науки (научного направления) определяет как «автономное изучение зарубежного (иностранного) права на уровне правовых систем в целом, на уровне отдельных отраслей права и основных правовых институтов» с целью создания юридической географии, подобно тому, как

¹ Туманов В.А. Вступительная статья // Очерки сравнительного права. М., 1981. С. 6.

в прошлом стремились воспроизвести на основе сравнения всеобщую историю права: «Цель такого макросравнения — дать ответ на вопросы о том, что происходит на правовой карте мира, как развиваются основные правовые системы современности, как отразились изменяющиеся условия на национальных правовых системах различных государств»¹.

Основой сравнительного правоведения как научного направления являются знания о праве других государств либо составных частей одного государства. В их сопоставлении и рождается сравнительное правоведение, которое существует в следующих формах:

- общее сравнительное правоведение, изучающее правовое пространство мира, типологию, классификацию, общие и особенные черты, а также тенденции развития национальных правовых систем;

- историческое сравнительное правоведение, раскрывающее многообразие форм исторического развития права;

- институциональное сравнительное правоведение, описывающее составные части («компоненты») права — правовые отрасли, институты и нормы;

- функциональное сравнительное правоведение, анализирующее практику применения законодательных и иных норм права;

- практическое сравнительное правоведение, используемое в целях совершенствования правотворческой и правоприменительной практики, унификации и рецепции права, уяснения правовых конструкций и дефиниций, применения в судах норм иностранного права.

Предметом этой книги является общее сравнительное правоведение.

Параграф первый. Цели общего сравнительного правоведения

Главные цели общего сравнительного правоведения следующие: во-первых, научное познание, изучение и информирование; во-вторых, практическое использование; в-третьих, критика чужого и пропаганда собственного правового развития. В отличие от других вспомогательных и дополнительных целей главные цели, как отмечал Ю.А. Тихомиров, — это «основные и стабильные целевые установки, которые обеспечивают устойчивое и постоянное развитие сравнительного правоведения»².

¹ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2007. С. 27.

² Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 36.

Первая цель сравнительного правоведения заключается в научном познании правового пространства мира, законов его развития; комплексном изучении семей, групп и сообществ правовых систем; сравнительном исследовании правовых институтов и норм разных государств; выявлении тенденций правового развития; анализе факторов, обуславливающих правовые явления.

Соответственно объектами научного познания являются не только законы, иные нормативные акты и правоприменительная, главным образом судебная, практика. В рамках сравнительного правоведения изучаются также правовая идеология, правовое сознание и правовая культура, поскольку именно они определяют целевые установки, стереотипы мышления и модели поведения представителей власти, институтов гражданского общества и населения в целом. Без учета этих факторов невозможно понять механизмы действия права.

Сравнительное правоведение не может ограничиваться только перечислением фактов и иной первичной обработкой материалов. Необходимо выявление общего, особенного и единичного в праве разных государств, истоков и причин правовых явлений. Такой анализ должен осуществляться в общем контексте развития правового пространства мира.

В этой связи уместно привести следующее высказывание К. Цвайгерта и Х. Кетца о применении сравнительного метода: «Опыт показывает, что сравнительный метод действует наиболее эффективно, когда автор, во-первых, излагает наиболее существенные материалы, касающиеся национального права по каждой стране, во-вторых, использует их как основу для углубленного критического анализа и, в-третьих, предлагает собственные выводы, имеющие значение для толкования своего национального права»¹.

Результаты научного познания оформляются в виде монографических и учебных изданий, статей в научных и иных журналах, а также в виде аналитических обзоров, справок, материалов, подготовленных научными учреждениями, временными творческими коллективами, отдельными учеными по собственной инициативе либо по поручению государственных органов и заказу коммерческих и некоммерческих структур.

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1995. С. 14.

В этом отношении показательна работа Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. За последние десять лет он издал более двадцати крупных компаративистских исследований¹.

Во многих заключениях Института на проекты федеральных законов дается сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран. По поручениям Правительства, Администрации Президента, Федерального Собрания Российской Федерации, по запросам федеральных министерств и ведомств, государственных органов субъектов Российской Федерации, а также коммерческих структур готовятся тематические аналитические обзоры и справки.

Вторая цель сравнительного правоведения — использование результатов компаративистских исследований на практике. В этом случае, как отмечал Ю.А. Тихомиров, «критерии сопоставления как бы заданы функционально, т.е. стремлением обнаружить общее и специфическое и возможностью использования зарубежного правового опыта для решения конкретных правовых задач. Проверить, верно ли определяется место правового акта в общей системе, его форма и связи, получить подтверждение правильности собственных правовых решений... Бывает полезно для получения доказательств общеправовой тенденции, устойчивости форм и методов правового регулирования провести сопоставление возможного (даже в будущем) соотношения своей национальной системы с иностранными правовыми системами»².

¹ Основные институты гражданского и торгового права зарубежных стран / Под ред. В.В. Залесского. М., 2009; Конституции государств Азии: В 3 т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010; *Хабриева Т.Я.* Миграционное право России: теория и практика. М., 2008; *Лафитский В.И.* Воскресение права. Часть первая: Дни соиздания. Часть вторая: В мире распятого Христа. М., 2008; *Егизаров В.А.* Транспортное законодательство государств — участников СНГ. М., 2007; Конституции государств Америки. В трех томах / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2005; Правительство Российской Федерации / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2005; *Лафитский В.И.* Выборы в Европейский Парламент. М., 2005; Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом / Под ред. И.С. Владова. М., 2004; *Доронина Н.Г., Семилютина Н.Г.* Государство и регулирование инвестиций. М., 2004; *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003; Трудовое и социальное право зарубежных стран: основные институты. Сравнительно-правовое исследование / Под ред. Э.Б. Френкель. М., 2002; Институты конституционного права иностранных государств / Под ред. Д.А. Ковачева. М., 2002; Конституции государств Европы: В 3 т. М., 2001; *Клюкин Б.Д.* Горные отношения в странах Западной Европы и Америки. М., 2000; и др.

² *Тихомиров Ю.А.* Указ. соч. С. 39.

Игнорирование этих требований приводит к грубым законотворческим ошибкам, в результате которых в законодательстве появляются «инородные тела», которые в правоприменительной практике отторгаются либо приводят к иным, неожиданным, как правило отрицательным и нередко разрушительным, последствиям.

Примерами результатов плодотворного применения возможностей сравнительного правоведения могут служить гражданские кодексы Нидерландов (1992 г.) и Квебека (1994 г.), а также Закон Германии «Об обязательствах» 2002 г.

Сфера применения сравнительного правоведения не ограничивается только законотворчеством. Оно широко используется в толковании законов и в правоприменительной практике с целью отыскания оптимальных правовых решений. В этом отношении показательна деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, который широко применяет компаративистские приемы при разработке правовых позиций.

В целом, как отмечали К. Цвайгерт и Х. Кетц, сравнительное правоведение «создает условия для более глубокого изучения правового материала, чтобы добиться его адекватного осмысления и в конечном счете поднять право на более высокий качественный уровень»¹.

Следующее направление практического использования результатов компаративистских исследований — обеспечение гармонизации и сближения законодательства разных государств, которые осуществляются в рамках деятельности надгосударственных образований, международных организаций и объединений государств.

Третья цель сравнительного правоведения — критика чужого и пропаганда собственного правового развития. Наиболее ярко она проявлялась в XX в., в эпоху противостояния двух формаций — капиталистической и социалистической. На рубеже двух столетий центр идеологической борьбы смещается. Основные противоречия разворачиваются между идеями западных демократий и ислама, модернизации и сохранения прежних духовных и национальных ценностей.

Критический настрой в отношении других правовых систем и восхваление национальной системы права встречаются и при менее значительных противоречиях, например между представителями романогерманского и общего права, различными направлениями буддистской традиции права, разными школами ислама.

¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 17.

Такое «контрастирующее» сравнительное правоведение порождает много недостатков, искажая картину правовой действительности и ограничивая возможности компаративистских исследований.

Параграф второй. Методология общего сравнительного правоведения

Как отмечал польский исследователь Е. Врублевский, «правовая компаративистика невозможна без соответствующей методологии, которая определяет способы проведения исследований, а также систему информации, адекватной выполняемым сравнениям»¹.

Основным инструментом компаративистики является сравнительный метод, который позволяет раскрывать свойства правовых явлений, тенденции их развития посредством сопоставления.

В зависимости от объекта исследования различают макросравнение и микросравнение.

Объектами макросравнения являются общее правовое пространство, семьи, группы и сообщества правовых систем.

Объектами микросравнения становятся определенные компоненты или элементы правовых систем: отрасли, институты, нормы права. В этом случае объектами сравнения могут быть не только правовые институты и нормы, но и конституции, кодексы, иные нормативно-правовые акты, регулирующие определенный круг сходных общественных отношений, материалы судебной практики, правовые доктрины и т.д.

Макросравнение и микросравнение иногда различают и по уровню научных задач. Макросравнение решает общие задачи, а микросравнение — частные правовые задачи².

Сравнение может быть синхронным и диахронным. В первом случае правовые явления исследуются в одном временном состоянии. Во втором — объектами исследования становятся правовые явления, которые происходят в разное время — прошлом, настоящем и будущем.

Соответственно можно выделить три направления исследований — изучение динамики развития, исследование статичного состояния, прогнозирование будущего развития и состояния.

Проведение компаративистских исследований требует соблюдения ряда правил: объекты сравнения должны быть сравнимыми; они

¹ Врублевски Е. Методологические проблемы сравнительного анализа правовых систем // Сравнительное правоведение. М., 1978. С. 147–148.

² См., например: Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 12–14.

должны изучаться в их связи с окружающим миром; они не должны подвергаться деформациям или искажениям¹.

Ю.А. Тихомиров выделяет пять методологических правил, которыми целесообразно пользоваться в сравнительно-правовых исследованиях:

«1. Правильный выбор объектов сравнительного анализа и корректная постановка целей, обусловленных его природой и потребностями субъекта сравнительного правоведения.

2. Проведение правового сравнения на разных уровнях, с использованием методов системно-исторического, логического анализа, аналогии для выяснения как внутренних связей и зависимостей в рамках сравниваемых правовых систем, так и их развития в контексте конкретного государства и общества.

3. Правильное определение признаков сравниваемых правовых явлений, норм, институтов и т.п., установление общественных и государственных задач, решение которых обусловило их появление и развитие.

4. Выявление степени сходства и различий юридических понятий и терминов, используемых в сопоставляемых правовых системах, актах и т.д.

5. Разработка и применение критериев оценки сходства, различий и несопоставимости правовых явлений, институтов и норм.

6. Определение результатов сравнительно-правового анализа и возможностей их использования в нормотворческой деятельности, в развитии законодательства и его отраслей, в правоприменительной практике»².

Различают несколько стадий сравнительно-правового анализа. Так, по мнению К. Цвайгерта и Г. Путтфаркена, первичная цель сравнения «состоит в том, чтобы лучше узнать иностранное право (отправляясь от своего права)». Она может достигаться как на теоретическом уровне, так и на практико-прикладном уровне, например при применении судами иностранного права. Второй шаг — «сравнительное изучение описательного характера, то есть детальное описание сходств и различий двух или нескольких правовых систем... Следующий шаг — при-

¹ Подробнее см.: *Тилле А.А., Швеков Г.В.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1973. С. 13.

² *Тихомиров Ю.А.* Указ. соч. С. 57–58.

дание такому описанию более теоретического характера, основанного на различных концепциях теории и философии права, изучении доктрин и анализе отдельных правовых институтов, их содержания и функций, выяснении характерных особенностей правовой системы в целом и т.д.»¹.

Несколько иным образом стадия сравнения представлена в работах венгерского ученого З. Петери. Он выделяет три основных этапа:

«А) установление сравнимости, иначе говоря, выбор критерия сравнения (*tertium comparationis*), позволяющего практически осуществить сравнение между изучаемыми явлениями;

Б) выявление сходства и различий между изучаемыми явлениями на базе критерия сравнения;

В) на основе этого сходства и различий:

а) выявление существенных признаков изучаемого явления и, исходя из этого, определение понятия о нем;

б) выявление тенденций его развития;

в) оценка конкретных форм, в которых это явление обнаруживается»².

Интересные суждения о методологии сравнительно-правовых исследований представлены в работе профессора Мюнстерского университета Н. Янсена. На первой стадии осуществляется сравнение с целью выявления сходства и различий между отдельными явлениями. На первый план в силу самой природы восприятия окружающего мира выходит поиск отличительных черт («отличительное сравнение»)³.

Дальнейший анализ раскрывает не только отличия, но и сходство исследуемых явлений. Его итогом становится выявление и классификация их свойств.

На следующей стадии определяются степени сходства и различий, что позволяет более точно определить качественные свойства явлений. Они служат основой для формулирования сравнительно-правовых оценок. Как отмечает Н. Янсен, «сравнительные оценки преимущественно зависят от позиций компаративиста, восприятия им научных знаний

¹ Цвайгерт К., Куттфаркен Г. О возможности сравнения правовых институтов // Очерки сравнительного права. М., 1981. С. 157.

² Петери З. Задачи и методы сравнительного правоведения // Сравнительное правоведение. М., 1978. С. 81.

³ Jansen N. Comparative Law and Comparative Knowledge // The Oxford Handbook of Comparative Law. P. 310.

и предварительно сформулированных им ожиданий»¹. Из этого он делает вывод о том, что компаративистские исследования в определенной мере субъективны, что они не могут быть полностью нейтральными. Но при этом Янсен добавляет, что такие исследования не произвольны, так как они отражают реально существующие явления.

Многое зависит от того, какие избраны критерии сравнения. При этом очевидно, что такие комплексные явления, как демократия и правовая система в целом, не могут оцениваться по одному критерию. Вместе с тем Н. Янсен утверждает, что полноценное компаративистское исследование не может быть проведено только на основе даже тщательно подобранных критериев.

Для познания природы многих социальных явлений необходимо применение концепции М. Вебера об «идеальных типах» права, явления, таких общественных формаций, как феодализм и капитализм. Конечно, продолжает Н. Янсен, «реальность не вписывается полностью в такие клинически идеальные стандарты», но их использование позволяет избежать многих заблуждений и чрезмерного усложнения классификаций².

Этапы и технология выполнения работ во многом зависят от целей сравнительно-правовых исследований. Существенные отличия можно выделить в методологии прикладных работ.

По мнению Ю.А. Тихомирова, участвовавшего в подготовке многих законопроектов, прикладные компаративистские исследования должны начинаться с четкого уяснения исполнителем поставленной задачи и сбора нормативно-правового материала.

Исполнитель должен проверить аутентичность исследуемых актов, желательно по официальным изданиям либо официальным сайтам соответствующих государственных органов. Одновременно со сбором нормативно-правового материала осуществляются сбор литературы, статистического и иного материала, изучение международно-правовых норм по соответствующему вопросу.

Дальнейшая работа с собранным материалом, по описанию Ю.А. Тихомирова, предполагает следующие этапы и виды действий:

«распределение собранного материала по основным вопросам темы;

¹ *Jansen N. Op. cit. P. 302.*

² *Ibid. P. 316.*

сравнение нормативно-правовых решений по одним и тем же вопросам и выявление общих черт и отличий с их количественными характеристиками. При необходимости составляются соответствующие таблицы, отображающие их количественные характеристики;

качественная оценка сравниваемых нормативно-правовых решений с точки зрения их соответствия существующим потребностям практики, обеспеченности финансово-материальными средствами и сопоставление этих решений с имеющимися в нашей стране и за рубежом наиболее удачными решениями однотипных вопросов;

оценка сравниваемых нормативно-правовых решений с точки зрения их конституционности, законности, соответствия нормам международного права;

подготовка итоговых документов, содержащих полученные в процессе исследования материалы;

разработка при необходимости рекомендаций заинтересованным органам с целью совершенствования правовых норм, регулирующих данную сферу общественных отношений;

обсуждение, если это целесообразно, подготовленных итоговых документов и рекомендаций в заинтересованных органах и учреждениях;

определение списка заинтересованных органов, учреждений и должностных лиц, которых следует ознакомить с результатами исследований, и направление им указанных материалов»¹.

Сравнительно-правовые исследования требуют комплексного изучения права. Как отмечал К. Цвайгерт, «сравнительное правоведение, как и любое другое глубокое постижение права, не может сводиться к изучению концепций и доктрин. Оно изучает правовую действительность, «право в действии»»².

Но чтобы познать подлинное, действующее право, недопустимо ограничиваться только сравнительным методом. Необходимо использовать и другие методы научного познания: диалектический, исторический, формально-юридический, функциональный, системный, структурный и др.

Так, диалектический метод обуславливает исследование всех сторон правового явления в контексте законов диалектики: перехода

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 63–64.

² Цвайгерт К., Пунтфаркен Г. Указ. соч. С. 158.

количественных изменений в качественные и обратно; развития как результата борьбы противоположностей; уничтожения старого новым и перехода одного качественного состояния в другое. Законы диалектики хорошо прослеживаются на примере смены исторических форм или типов права в России.

Исторический метод позволяет раскрыть истоки правовых явлений, проследить их развитие на разных этапах истории, оценить современное их состояние. Так, невозможно понять природу систем общего или романо-германского права, не обратившись к истории их формирования. Исторический метод позволяет раскрыть механизмы широкомасштабной рецепции права (в частности, права Древнего Рима в Западной Европе и исламского права на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Северной Африке) и более частных заимствований отдельных правовых решений, а также актов других государств (например, Германского гражданского уложения Японией в 1898 г. и Гражданского кодекса Швейцарии Турцией в 1926 г.).

Формально-юридический метод выявляет основные элементы, черты и свойства правовых явлений. Без познания таких «правовых элементов» сравнение становится беспредметным. Невозможно сравнивать модели правового регулирования собственности, трудового договора, выборов и т.д., не уяснив природы этих правовых институтов.

Функциональный метод позволяет оценивать правовые явления по поставленным перед ними целям и вызванным ими последствиям. Необходимость использования этого метода предопределена тем, что многие на первый взгляд сходные либо близкие по содержанию институты и нормы действуют в разных правовых системах по-разному. В таких случаях возникает потребность в сравнении способов решения правовых проблем, а не норм разных правовых систем¹.

В сравнительно-правовых исследованиях должен использоваться и системный подход, исключающий рассмотрение норм права в отрыве от других норм, содержащихся в том же акте, и общего правового контекста. В этой связи венгерский ученый Д. Эрши указывал, что невозможно сравнивать мост Ватерлоо и Эйфелеву башню по кускам

¹ Подробнее см.: Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 50–52. В последние годы чрезмерное увлечение функциональным методом, к которому с 1971 г. настойчиво призывал К. Цвайгерт, вызывает все большую критику. См.: Michaels R. Functional Method in Comparative Law // The Oxford Handbook of Comparative Law. P. 340–381.

металла, из которого они сделаны, и что в этом случае необходимо сравнить их в целом¹. Системный метод дает возможность не только комплексно оценивать правовые явления, но и выявлять пробелы в правовом регулировании².

Структурный анализ позволяет выявлять внутренние связи различных компонентов права, закономерности и динамику их развития.

В завершение следует отметить, что плодотворными компаративистские исследования могут стать только тогда, когда они не ограничиваются только юриспруденцией, но используют результаты исследований базовых наук — философии, истории, социологии, этнографии, а также родственных научных направлений — сравнительного религиоведения, сравнительной лингвистики, сравнительной политологии.

Только при таком комплексном подходе может быть исполнен завет Э. Рабеля — бороться за выполнение задач сравнительного правоведения «с той тщательностью, которой требует научный идеал»³.

Параграф третий. Уровни сравнительного правоведения

Объектами сравнительно-правовых исследований являются многие явления, которые можно разделить на несколько уровней.

Уровень первый. Правовое пространство мира

Существует единое правовое пространство мира, о котором, если перефразировать слова Апостола Павла, можно сказать: в нем нет права иудейского и права эллинского, права американского и российского, права исламского и индуистского и права китайского, но есть единое право с едиными историческими корнями, одной общей судьбой и общей целью, едиными ценностями и общими инструментами регулирования отношений между людьми.

Увы, мы не видим, не чувствуем его. Оно теряется в многоцветии правовых систем. А между тем оно действует, обретая форму идей, ценностей, принципов, которые присущи во все времена всем правовым системам без исключения. Необходимо изучать их, определять формы их влияния на национальные правовые системы в разрезе не толь-

¹ Тилле А.А. Социалистическое сравнительное правоведение. М., 1975. С. 83.

² По этому вопросу интересные суждения высказывает Г. Даннеман. См.: *Dannemann G. Comparative Law: Study of Similarities or Differences // The Oxford Handbook of Comparative Law*. P. 416–417.

³ Цит. по: Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 53.

ко законодательных и иных нормативных актов, но и практики их применения, поскольку отвергнутые законодателем идеи, ценности, принципы правового пространства мира находят воплощение в иных измерениях — в правовом сознании, правовых обычаях и традициях. Изучение этих процессов — одна из главнейших задач сравнительного правоведения.

Впервые такую задачу сформулировал Р. Салейл в 1900 г. на Первом конгрессе сравнительного права. 60 лет спустя его идею развил японский ученый К. Танака, обосновав теорию всемирного права¹. Но далее общей постановки проблемы они не пошли. Более того, правовое пространство мира в их трактовке предстало искусственным образованием. По мнению Р. Салейла, его необходимо было создать усилиями правоведов-компаративистов. Согласно концепции К. Танаки, правовое пространство мира должно быть сформировано международным правом. С этими позициями можно согласиться. Но только частично. Поэтому рассмотрим этот вопрос подробнее.

Право имеет единые исторические корни. Оно не только появляется на определенном, общем для всех цивилизаций этапе общественного развития, но и приобретает единые черты и формы. Еще в XVIII в. итальянский ученый Дж. Вико сделал вывод о том, что право всех народов первоначально развивалось в поэтической форме. В XIX в. этой доктрины придерживались немецкий юрист и писатель Я. Гримм и французский историк Ж. Мишле. В XX в. указанный феномен первичных форм права описывал голландский философ Й. Хейзинга.

Обоснованию этой концепции посвящена и другая книга автора — «Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней». В ней утверждалось следующее: «На протяжении многих столетий, а возможно и тысячелетий, право было облечено в поэтическую форму. Это была единственно возможная и вместе с тем естественная форма существования права в условиях, когда государство еще не сформировалось, а право находило источник своей силы в магии слова, проникновенной, идущей из глубин души»². В книге прослеживается историческое развитие, расцвет и закат поэтической традиции права в различных правовых системах Древнего и современного мира.

¹ *Tanaka K. Du droit international au droit mondial // Edutes juridiques offertes à Léon Juliot de la Morandière. Paris, 1964.*

² *Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. С. 7.*

Существование правового пространства мира подтверждается не только едиными истоками, но и общностью цели. Эта цель – всеобщее благо. Она определяет содержание и формы исторического развития права. Так было в древности. Так остается и в наши дни.

В свою очередь, единство цели определяет единые ценности, общие для всех правовых систем, какими бы ни были различия между ними. Это ценности, направленные на сохранение устоев общества, поддержание мира, защиту духовного наследия, обеспечение действия права.

Едиными для всех правовых систем остаются и средства правового воздействия: запрещение, дозволение, признание, вменение в обязанность, наказание и поощрение. Едино также основные формы права – закон и обычай.

Эти, по определению М. Анселя, «универсальные черты права»¹, несомненно, должны быть в центре внимания компаративистской науки, исследующей не только закономерности развития правового пространства, но и его влияние на национальные системы мира.

Уровень второй. Основные правовые сообщества

Еще в 1900 г. на Первом конгрессе сравнительного правоведения было предложено различать пять правовых сообществ: французское, англо-американское, германское, славянское и мусульманское.

В дальнейшем было разработано множество разных классификаций.

Например, Рене Давид выделял семьи романо-германского, общего и социалистического права, а также иные правовые системы, включая мусульманское, индуистское и иудейское право, правовые системы Дальнего Востока, а также Африки и Мадагаскара.

К. Цвайгерт различал восемь правовых кругов, объединенных единством правового стиля: романский, германский, скандинавский, англо-американский, социалистический, дальневосточный, исламский и индуистский.

А.Х. Саидов в правовую карту мира включает романо-германскую правовую семью, к которой примыкают правовые системы Скандинавских стран, Латинской Америки, Японии; социалистическую правовую семью; правовую семью общего права; религиозные и традиционные правовые семьи, в том числе мусульманскую и индуистскую, даль-

¹ Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. С. 38.

невосточную и африканскую правовые семьи; смешанные правовые системы (в частности, Израиля, ЮАР, ряда других государств).

По классификации Ю.А. Тихомирова правовые семьи разделяются на континентальную (романо-германскую) систему права, систему общего права, социалистическое право; славянское или евразийское право; правовые семьи религиозно-нравственной ориентации; систему североевропейского права; латиноамериканскую правовую семью; «кочующие» правовые семьи.

Оригинальная классификация предложена канадским ученым П. Гленном, который использовал в качестве основного критерия правовые традиции: первородные (*chthonic*), талмудическую, цивилистическую (континентальную), исламскую, общего права, индуистскую, азиатскую¹. Исследование традиций, по мнению П. Гленна, позволяет рассматривать право не в статичном состоянии, а в динамике его развития. Преимущества такого подхода заключаются также в том, что он позволяет исследовать «потoki правовой нормативности» (*flows of legal normativity*), действующие вне зависимости от территориальных границ и юрисдикций государств².

Отметим также проект юридического факультета университета Торонто «Правовые системы мира» по классификации правовых систем современных государств. Наряду с «чистыми» системами континентального и общего права ученые университета Торонто выделяют несколько групп смешанных правовых систем. По их мнению, смешанная система континентального и общего права действует в 10 государствах, например в Гайане, на Кипре, в Мальте, на Филиппинах, в ЮАР, а также в отдельных автономиях и субъектах федераций — в Шотландии (Великобритания), Квебеке (Канада), Луизиане и Пуэрто-Рико (США). Смешанная система континентального и обычного права сформировалась в 26 государствах (в Бурунди, Китае, Конго, Мадагаскаре, Монголии, Северной Корее, Эфиопии, Японии и др.); континентального и мусульманского права — в 12 государствах (Египте, Ираке, Иране, Ливане, Ливии, Палестине, Сирии, Тунисе и др.); континентального права, мусульманского права и обычного права — в семи государствах (Индонезии, Иордании, Кувейте, Омане и т.д.); континентального права,

¹ Glenn P. Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity in Law. N.Y., 2007.

² Glenn P. Comparative Legal Families and Comparative Legal Traditions // The Oxford Handbook of Comparative Law. P. 438.

обычного права и общего права — в пяти государствах (Зимбабве, Камеруне, Шри-Ланке и т.д.); континентального права, мусульманского права, общего права и обычного права — в четырех государствах (Бахрейне, Йемене, Катаре и Сомали); континентального права, общего права, иудейского права и мусульманского права — в одном государстве (Израиле)¹. При всей условности предложенной классификации и оспоримости решений по отнесению многих национальных правовых систем к смешанным либо к однородным следует отметить значимость самого проекта по классификации существующих в современном мире правовых систем.

В основу практически всех классификаций положены разные критерии, поскольку национальные правовые системы формируются под воздействием многих факторов. И тем не менее один из них представляется определяющим. Это — традиции и ценности права, сложившиеся в рамках определенного религиозного или этико-правового мировоззрения. Они действуют вне зависимости от их признания государством, степени отражения в законодательстве, роли церкви в общественной жизни.

Так, законодательство государств Европы, Северной и Южной Америки развивалось в основном в русле христианских ценностей свободы; законодательство большей части государств Западной Азии и Северной Африки — в соответствии с исламскими ценностями социального единства; законодательство Монголии, Непала, Бутана, Шри-Ланки, ряда других государств — в системе буддийских ценностей праведной жизни; законодательство Китая — на основе конфуцианских ценностей гармонии мира.

Таким образом, основная линия разлома правового пространства мира проходит между правовыми системами разных религиозных традиций, объединенных общностью духовных (этических) ценностей².

¹ Проект JuriGlobe — World Legal Systems. Вторая редакция 2008 г. (<http://www.juriglobe.ca/eng/propos/edition2.php>).

² Впервые идею классификации правовых систем по такому критерию, как общность религиозных ценностей, высказал в 1899 г. Ф. Уолтон, профессор университета Мак Гилл, который утверждал, что системы общего права и романо-германского права являются двумя великими правовыми системами христианства (*Walton F.P. The Civil Law and the Common Law in Canada // Juridical Review. 1899*). Однако в дальнейшем компаративисты крайне редко обращались к вопросам религиозных начал права или, по определению Г. Бермана, «религиозному измерению права» (см.: *Berman H. Comparative Law and Religion // The Oxford Handbook of Comparative Law*). Только в конце XX — начале XXI в. появляются работы с углубленным видением проблемы взаимо-

И это неслучайно, поскольку религия и право на протяжении многих веков развивались как единое целое. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть страницы Библии, Корана, других священных книг, в которых собраны религиозные каноны, заветы, пророчества, а также нормы, регулирующие повседневную жизнь.

О первородном единстве религии и права свидетельствуют и древние языки. Так, в латыни слова «религия» и «закон» имели общую корневую основу (религия — *religare*; закон, законы — *lex, leges*) и применялись в одном значении: «связывать», «обязывать», «устанавливать».

Между религией и правом всегда существовало кровное родство¹. Религия обосновывала божественное происхождение права и светской власти. А светская власть огнем и мечом охраняла религию.

Между ними и сейчас сохраняется много общего. Обращаясь к этой теме, один из крупнейших правоведов XX в. Г. Берман писал: «Подобно религиям, право повсеместно распространяет свои ценности (а) через ритуал, иными словами, через формальные процедуры законодательства, разрешения судебных дел и ведения административных дел... (б) через традицию, то есть через определенные правовые язык и практику... (в) через силу авторитета... (г) через всеобщность... Такие проявления права имеют тенденцию к наделению его качествами святости... Среди тех людей, кто верит в Бога как в высший источник права, особенно среди последователей иудаизма, христианства и ислама, вера в право является частью их религиозной веры»².

В современном мире сохранилось восемь сообществ правовых систем, объединенных общностью духовных ценностей, — христианской, мусульманской, индуистской, буддистской, иудейской, конфуцианской, синтоистской и языческих традиций права.

Кроме того, существует еще два сообщества правовых систем, которые строятся на отрицании духовных (этических) ценностей. Это правовые системы тоталитарных и технократических сообществ.

Различны формы воздействия религии на право. В сообществе христианской традиции права связь религии и права не столь заметна,

влияния религии и права (прежде всего речь идет о трудах Г. Бермана, П. Гленна, В. Менски и Э. Хаксли).

¹ См.: *Schirmacher T.* «Lex» (Law) as Another Word for «Religion»: A Lesson from the Middle Ages // <http://contra-mundum.org>.

² *Berman H.* Comparative Law and Religion // *The Oxford Handbook of Comparative Law*. P. 746, 747.

как в большей части других сообществ. Во многом это предопределено требованием самого Евангелия: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»¹. Осуществив это требование, христианство сделало государство и право свободными. Впрочем, эта свобода не была безусловной, поскольку в своем развитии право следовало, как за путеводной звездой, за христианскими заповедями свободы, справедливости, равенства, милосердия и любви. Эти заповеди и сейчас определяют дух и основные начала христианской традиции права, несмотря на то, что конституции большей части государств отрицают связь религии и права.

Впервые отторжение религии от права было закреплено первой поправкой к Конституции США, запретившей Конгрессу издавать законы, устанавливающие религию либо не допускающие ее свободного исповедания. Этой нормой, по словам Томаса Джефферсона, была возведена «стена разделения» между церковью и государством.

Впрочем, в самих Соединенных Штатах она долгое время не препятствовала взаимопроникновению религии и права. Об этом свидетельствуют многие акты, принятые в XVIII и XIX вв. Так, в Ордонансе о Северо-Западных территориях 1787 г. (повторно он был утвержден в год принятия первой поправки к Конституции США) содержалась следующая норма: «Религия, мораль и знания необходимы для доброго правления и счастья человечества и должны всегда поощряться, так же как школы и образование».

И только с середины XX в. в США происходит заметное ослабление роли религии. К ней все реже обращаются политики. Законодательство практически полностью исключает упоминание о ней. В немалой степени этому способствовала позиция Верховного суда США, который потребовал в решении по делу «Эверсон против Управления образования» (1947 г.) полного отделения религии от государства. Религии была отведена сугубо церемониальная роль. Президент Соединенных Штатов, иные высшие должностные лица федерации и штатов при вступлении в должность приносят присягу на Библии². На американских банкнотах имеется надпись «В Бога мы веруем». В каждой из палат Конгресса остались службы капелланов (священнослужителей), созданные в 1791 г.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 22. Стих 21.

² После выборов 2006 г. впервые в американской истории один из членов Палаты представителей принес присягу на Коране.

В наши дни «стена разделения» между религией и правом существует в большей части государств христианской традиции права. И только некоторые из них сохраняют более тесную связь религии и права. Так, в Великобритании монарх является главой англиканской церкви. Конституция Норвегии закрепляет статус евангелическо-лютеранской религии как официального вероисповедания (§ 2). Конституция Коста-Рики указывает, что римско-католическая апостольская религия является государственной религией и что «государство оказывает ей поддержку, не препятствуя свободному отправлению в Республике других религиозных культов, не противоречащих общественной морали и добрым нравам» (ст. 75).

Более полно связь религии и государства раскрывается в конституциях Греции и Ирландии.

Конституция Греции закрепляет не только «господствующую» роль в государстве православной религии (ст. 3), но и особый статус Святой горы Афон, сохраняющей право самоуправления под «духовной юрисдикцией» Вселенской патриархии (ст. 105)¹.

Конституция Ирландии провозглашает, что Пресвятая Троица является источником всех властей и что к ней как к «последней надежде» должны быть направлены все действия человека и Государства².

Впрочем, отметим, что такие конституционные нормы для стран христианской традиции права в общем нетипичны. Преобладает тенденция к формальному отрицанию роли религии, что, однако, не мешает ей оказывать глубокое воздействие на развитие права.

Совершенно иным образом дело обстоит в странах исламского мира, где право и религия не теряли кровного родства.

Так, Конституция Ирака прямо указывает, что «ислам — официальная религия государства и основной источник законодательства» и что «ни один закон не может быть принят, если он противоречит установленным нормам ислама» (ч. 1 и 2 ст. 2).

В Конституции Афганистана 2004 г. сказано, что Афганистан является «исламской республикой» (ст. 1), что его религией является «священная религия ислама» (ст. 2), что ни один закон не должен противоречить ее догматам.

¹ Текст Конституции Греции см.: Конституции государств Европы: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 639–696.

² Текст этого акта см.: *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. С. 317–358; Конституции государств Европы. М., 2001. Т. 1. С. 778–816.

Конституцией Йемена 1994 г. ислам провозглашен государственной религией и источником всего законодательства (ст. 2–3). Такая же формула содержится в Конституции Объединенных Арабских Эмиратов (ст. 7).

А в Саудовской Аравии установлено, что ее Конституцией является «Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка» (ст. 1) и что основами правления в соответствии с исламским шариатом являются «справедливость, принцип консультации и равенство» (ст. 1 и 8 Основного Низама о власти Королевства Саудовская Аравия 1992 г.).

Наиболее последовательно связь права и религии закреплена и в Конституции Ирана 1979 г. Так, ст. 2 указывает, что система правления в Иране строится на вере в единого Бога, а также в следующее: Бог устанавливает законы шариата, и человек должен покориться его воле; божественным откровениям принадлежит основополагающая роль в толковании законов; существует Страшный суд, и он играет созидательную роль в совершенствовании человека на пути к Богу; Божественная справедливость проявляется в создании и установлении законов шариата; признается преемственность имамов, и им вверяется опека над обществом; человек, его благородство и свободы являются высшей ценностью, и он несет ответственность перед Богом. Символ конституционной веры, закрепленный в ст. 2, находит отражение и в других нормах основного закона Ирана. Так, ст. 5 и 110 закрепляют обширные властные полномочия духовного лидера как главы государства. Статья 4 устанавливает, что все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные и политические законы и уставы Ирана должны быть основаны на нормах ислама. Контроль в этой сфере осуществляют факихи (исламские правоведы) из Совета по охране Конституции и исламских норм.

Тесные связи религии и права присущи не только исламскому миру, но и государствам других религиозных традиций.

Так, Конституция Бутана подчеркивает, что «буддизм является духовным наследием Бутана, содействующим принципам и ценностям мирного существования, отказа от насилия, сострадания и терпимости» (ст. 3). А Конституция Шри-Ланки устанавливает, что буддизм занимает в республике «ведущее место» и что обязанностью государства являются «защита и содействие учению Будды» (ст. 9).

Значительна роль иудаизма в Израиле, синтоизма в Японии, индуизма в Индии, языческих (традиционных) верований в государствах Тропической Африки и т.д.

Более того, можно отметить тенденцию к определенному усилению роли религии в развитии права государств Азии, Африки, Латинской Америки. Этот процесс объясняется одним обстоятельством — в условиях глобализации расшатываются основы существующих цивилизаций, поэтому они все чаще обращаются к тем религиям, которые дали им жизнь, с надеждой обрести в них новые силы.

Уровень третий. Семьи и группы правовых систем

В рамках многих сообществ выделяются семьи правовых систем, которые объединяются общими национальными и историческими корнями, едиными целями, структурно-функциональными и стилевыми особенностями права. Это — следующая линия разлома правового пространства мира.

Так, в сообществе христианской традиции права можно выделить семьи романо-германского, или континентального, англосаксонского, или общего, скандинавского, латиноамериканского и славянского права.

Между ними много общего, прежде всего потому, что они входят в единое правовое сообщество с единым мировоззрением, общими ценностями и образами права, берущими начало в христианстве. Именно этим предопределено сходство, например, романо-германского (континентального) права и славянского, в частности российского, права, а не тем, что одно было поглощено другим. В этой связи отметим, что в большей части славянских правовых систем заимствование отдельных чужеродных моделей имело ограниченный характер и не влияло на правовое развитие в целом.

Многие семьи правовых систем разделяются на меньшие группы. Так, в рамках общего права можно выделить группы правовых систем государств Британского Содружества, а в нем — более узкие подгруппы правовых систем Австралии и Новой Зеландии, а также государств Карибского бассейна. В славянском праве обособленно предстают правовые системы западнославянских, восточнославянских и южнославянских государств.

Столь же неоднородно сообщество исламской традиции права. В нем отчетливо различаются правовые семьи суннитской (Египет, Сирия, Иордания и др.) и шиитской (Иран, Йемен) традиций права, а в их рамках — обособленные правовые группы, формировавшиеся под воздействием различных доктринальных течений и школ (мазхабов).

В буддистской традиции права два основных течения: тхеравада и махаяна. Тхеравада («Учение старейших») господствует в Шри-Ланке

и в государствах Юго-Восточной Азии — Камбодже, Лаосе, Мьянме, Таиланде. Махаяна («Великая колесница») преобладает в тибетских государствах — Бутане и Непале.

Многообразно сообщество языческих традиций права, сохраняющихся главным образом в государствах Тропической Африки.

Деление на семь характерно и для сообществ бездуховной традиции права — технократического и тоталитарного, в том числе на социалистическую и национал-социалистическую (фашистскую) правовые системы.

Остальные сообщества правовых систем действуют в основном в границах тех государств, в которых они изначально появились: индуистское — в Индии, конфуцианское — в Китае, синтоистское — в Японии, иудейское — в Израиле.

Отнесение национальной правовой системы к тому или иному сообществу, семье или группе зависит от того, какой из факторов либо какая совокупность факторов преобладает.

Так, группа романо-германского (континентального) права объединяет правовые системы государств, образованных романскими и германскими народами Западной, Южной и Центральной Европы. Право в этих государствах формировалось под мощным влиянием древнеримского права. При этом многие из них не только заимствовали его отдельные правовые конструкции, но и признавали прямое действие его норм. Этот феномен исторического развития права романских и германских народов подробно описан в классическом труде П.Г. Виноградова «Римское право в средневековой Европе» (1910 г.).

Конечно, романо-германское право развивалось не только под влиянием древнеримского права. Глубокое воздействие на него оказал национальный дух, проявляющийся в особенностях национального языка, стереотипах мышления, обычаях и традициях. Последние, по словам Ф. Савиньи, формируют «истинное право»¹ — море, берегами которого являются писанные законы².

Как в зеркале, национальный дух отражен в языке. Поэтому столь важно исследовать его особенности, выявляя те мыслительные образы, которые он создает и которые в конечном счете определяют подлинное содержание права.

¹ *Savigny F.C. von. Op. cit. P. 33.*

² Сравнение действующего права с морем принадлежит знаменитому французскому юристу Ж. Порталису, одному из основных разработчиков Кодекса Наполеона. См.: *Savigny F.C. von. Op. cit. P. 96.*

В подтверждение можно привести несколько примеров, раскрывающих основы другой ветви христианской правовой семьи — славянского права.

В славянских языках право тесным образом связано с такими понятиями, как «справедливость», «правда», «праведность», «правильное». Все они имеют один корень. Такую же семантическую связь можно обнаружить и в других языках. Но что отличает славянские языки, так это то, что в них право ассоциируется не только с правдой и справедливостью, но и с такими понятиями, как «править», «правитель», «правительство». В результате в сознании возникают устойчивые мыслительные образы, в которых право предстает в основном как продукт воли правительства, народ — как объект управления, а справедливость — как то благо, которое дарует правительство.

Еще одна черта, присущая славянским языкам, — они связывают право не только с материальной, но и с духовной жизнью¹. В праве часто звучат религиозные либо мистические мотивы. Так, корневая основа слова «закон» — «кон» означает рубеж, предел, границу, начало и вместе с тем конец. Неслучайно на протяжении многих столетий слово «закон» ассоциировалось в основном со Священным Писанием — Библией.

Ноты другого мира звучат во многих словах, определяющих природу и пути развития права: «суд» — это судьба, от которой невозможно уйти; «богатство» — это то, что исходит от Бога и что человек не может присвоить себе.

Еще одна важная черта славянских языков — они отражают приоритет общественного над личным. Так, слово «порядок» означает строй, установленный по договору («ряду») между членами общества, а слово «общество» — такую социальную организацию, основу которой составляют общие экономические, политические и духовные связи. Примечательно, что даже слово «счастье» понимается как единство части и целого.

Отметим еще одну черту правового языка славян — драматичность и глубину его звучания. На это впервые обратила внимание французская исследовательница Шанталь Курильски-Ожвэн. В частности, описывая звучание таких терминов, как «преступление», «наказание»,

¹ По этой теме большой интерес представляют следующие исследования: *Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О.М.* Указ. соч. М., 1996; *Осибян Б.А.* Дух правомерности или основание межеврологии права. М., 2009.

она отмечала, что они звучат очень драматично, напоминают нам о Достоевском, что «эти понятия вызывают моральное осуждение, чаша-тота и сила которого удивительны для французского менталитета»¹.

Заметное воздействие на право оказывают национальные обычаи и традиции, что ранее было блистательно показано в классических работах С. Мэна и М.М. Ковалевского, а в наши дни — в трудах Н. Рулана, Н.А. Крашенниковой, А.И. Ковлера, ряда других авторов. К сожалению, систематического исследования этих вопросов в наши дни нет, что не только обедняет науку, но и оставляет власть в неведении, в какой среде действуют и как трансформируются в жизни принятые ими акты.

В этой связи заслуживает внимания опыт царского правительства России, которое «в интересах хорошего управления» создавало центры проведения этнографических исследований для изучения обычаев и нравов народов, населявших Россию².

Такие же центры должны создаваться и в наше время, поскольку очевидно, что без учета национальных обычаев и традиций, иных факторов, влияющих на развитие права, невозможно обеспечить не только его полноценное изучение, но и эффективное применение.

Конечно, деление правовых систем на сообщества, семьи и группы во многом условно. И дело не только в условности любых классификаций. Национальные правовые системы постоянно трансформируются под мощным воздействием разных факторов, о чем будет сказано ниже.

Национальное право может сочетать в себе признаки различных правовых традиций. Так, во многих федеративных государствах (государствах с автономными образованиями) существуют смешанные правовые системы и «анклавы» иных правовых групп и сообществ. Так, в состав Российской Федерации входят республики, в которых возрождаются традиции исламского и буддистского права. В американском штате Луизиана сохраняются традиции романо-германского права. Такая же ситуация складывается в канадской провинции Квебек.

Несомненно, что такие «правовые анклавы», а также национальные и местные традиции оказывают мощное влияние на развитие национальных правовых систем. Они препятствуют проникновению

¹ *Курильски-Ожвен Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М.* Указ. соч. С. 38.

² Подробнее см.: *Ковалевский М.М.* Клан у аборигенных племен России // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 130.

общенационального права в те отношения, которые традиционно регулируются ими на протяжении многих веков. Нередко они заполняют вакуум, образованный пробелами в праве. Иногда вытесняют его, обеспечивая то регулирование, которое в большей степени отвечает потребностям экономики и ожиданиям общества.

Такие процессы взаимовлияния разных правовых систем и традиций, безусловно, должны быть предметом исследования как общего, так и «внутреннего» сравнительного правоведения¹.

Уровень четвертый. Формирующиеся правовые системы и сообщества

Границы между сообществами, семьями и группами правовых систем достаточно подвижны. Они меняются в соответствии с законом диалектики о переходе количественных изменений в качественные. Например, рост численности населения иного вероисповедания приводит к трансформации одной системы права в другую. Так было, в частности, в Ливане, где доля мусульманского населения возросла с немногим более 40% в 1920-е г. до 60% в 1950-е гг.

Новые либо смешанные правовые системы могут формироваться и насильственно — в результате военной экспансии, как это было в период многих религиозных и иных войн.

Они могут формироваться и под влиянием процессов региональной интеграции.

Самым ярким примером, безусловно, является Европейский союз. В настоящее время он объединяет 27 государств Западной и Центральной Европы, сочетая в себе признаки как международного, так и государственного образования.

Сходным образом может пойти развитие в Центральной Америке, в Африке, арабских государствах, Содружестве Независимых Государств.

Так, еще в 1907 г. был учрежден Верховный суд Центральной Америки. С декабря 1960 г. действует общий рынок государств региона. А в 1991 г. был сформирован Центрально-американский парламент. В его состав входят представители шести государств: Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Никарагуа, Панамы и Сальвадора.

¹ Термин «внутреннее сравнительное правоведение» для изучения права государств с усложненной формой государственного устройства был предложен Созер-Холлом: *Sauser-Hall. Fonction et méthode du droit comparé. Geneve, 1913.*

Из центральноамериканских государств в нем не представлена только Коста-Рика.

Конституционный акт от 11 июля 2000 г. преобразовал Организацию африканского единства в Африканский Союз. В настоящее время он объединяет 53 государства «черного континента» (в состав Союза не входит только Марокко). Уже сформированы Общеафриканский парламент, Комиссия, Центральный банк развития, ряд других институтов, созданных по «образу» общеевропейских институтов и органов.

В марте 2005 г. начался новый этап в развитии Лиги арабских государств. Были поставлены задачи формирования общего рынка, парламента, иных учреждений, единых для 22 арабских стран.

Иная модель региональной интеграции, в которой не предусмотрено формирование наднациональных органов, сформировалась в Северной Америке. Ее основной целью было создание общего рынка: на первом этапе – Соединенных Штатов и Канады (Соглашение 1989 г.), на втором этапе – США, Канады и Мексики (Соглашение 1994 г.). Вскоре наступит третий этап развития общего рынка, когда он охватит все государства Америки, за исключением Кубы. По той же модели идет развитие таких международных объединений, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (21 государство) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (10 стран).

Процессы региональной интеграции оказывают мощное влияние на национальные правовые системы. При этом отметим, что конституции не только отражают, но и нередко, как в Латинской Америке, опережают достигнутый уровень региональной интеграции.

Так, Конституция Бразилии 1988 г. провозглашает, что Бразилия стремится к экономической, политической, социальной и культурной интеграции народов Латинской Америки с целью формирования латиноамериканского сообщества наций¹ (ст. 4).

Ту же цель ставит Конституция Венесуэлы 1999 г.: «Республика стимулирует и способствует взаимной интеграции со странами Латинской Америки и Карибского бассейна в целях создания содружества народов и защиты его экономических, социальных, культурных, политических интересов и окружающей среды... В политике интеграции со странами Латинской Америки и Карибского бассейна Республика

¹ Конституции государств Америки. Т. 3. М., 2006. С. 124

отдает приоритет отношениям с Иbero-Америкой. Нормы, принятые в рамках договоров об интеграции, являются неотъемлемой частью действующей правовой системы, имеют прямое действие и верховенство по отношению к внутреннему законодательству»¹ (ст. 153).

Аналогичные нормы содержит ст. 227 Конституции Колумбии 1991 г.: «Государство содействует экономической, социальной и политической интеграции Колумбии с другими странами, особенно с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна, посредством заключения соответствующих договоров, основывающихся на принципах справедливости, равенства и взаимности, а также участвует в учреждении наднациональных организаций, в том числе для поддержания общности, образованной на базе латиноамериканского сообщества наций. Закон может устанавливать порядок проведения прямых выборов в Андский парламент и Латиноамериканский парламент»² (ст. 227).

На этом фоне очевидно несоответствие правовой базы государств — участников СНГ тем задачам, которые должны быть решены в целях обеспечения региональной интеграции.

Остановимся на одном примере. Ялтинское соглашение от 19 сентября 2003 г. «О формировании Единого экономического пространства» составлено... на трех страницах. Оно ограничивается в основном декларациями. Но такой «правовой инструмент» действовать не может. В Соглашении нет четкого плана действий. Оно не предусматривает системы органов, иных механизмов обеспечения его исполнения, в том числе принудительных. Оно разительно отличается от учредительных документов о формировании единого экономического пространства Европейского союза, Северной Америки, ряда других регионов мира, которые содержат тщательно сформулированные нормы об основах организации единого рынка, механизмах его действия, согласительных, третейских, судебных процедурах. Этим вопросам, например, в Договоре об учреждении Европейского сообщества посвящено около 100 страниц. Не менее подробно они регламентируются в учредительных документах иных межгосударственных объединений. Так, Североамериканское соглашение о свободной торговле содержит около 150 страниц. При этом отметим, что указанный документ даже не ставит задачи какого-либо дальнейшего сближения трех государств

¹ Конституции государств Америки. Т. 3. С. 346.

² Там же. С. 616.

Северной Америки, развития (углубления) форм региональной интеграции по примеру Европейского союза.

Уровень пятый. Национальные правовые системы

Следующий объект сравнительного правоведения — национальные правовые системы. Основное внимание на этом уровне обращено на историю формирования, источники и отрасли национального права, основные тенденции его развития. Значительно реже исследуются вопросы правовой идеологии и правового сознания, правоприменительной практики, юридической профессии. И практически не затрагивается такой сюжет, как факторы внешнего воздействия и внутреннего развития национальных правовых систем. Поэтому остановимся на этой теме подробнее.

Факторы внешнего воздействия. В сравнительно-правовых исследованиях помимо воздействия общего правового пространства, права наднациональных образований необходимо учитывать факторы взаимовлияния национальных правовых систем. Модели правового регулирования, законодательные акты, нормы права государств, доминирующих в экономике и внешней политике, часто служат образцом для других государств. Вместе с тем и они находятся под влиянием других правовых систем, в том числе тех, которые сложились под их воздействием.

Так, право бывших колоний Великобритании — США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, островных государств Карибского бассейна — формировалось в основном в русле английской традиции общего права.

Право большей части государств Латинской Америки и сейчас сохраняет тесную связь с испанским правом. А право государств постсоветского пространства — с теми традициями, которые складывались во времена имперской России и Советского Союза.

Иногда право государств, доминирующих в экономике и во внешней политике, полностью заменяет право тех государств, которые находятся в орбите их влияния. Так было в период строительства социалистической системы, когда право СССР было воспринято законодательством многих стран социалистической ориентации. Так было и во время крушения социалистической системы, когда государства так называемых новых демократий стали создавать новые правовые системы, взяв за образец западные модели права.

Влияние других национальных систем проявлялось не только в форме колониальной экспансии либо «экспорта» актов государств, доми-

нирующих в экономике и внешней политике. Часто вступал в действие другой механизм — механизм добровольного заимствования или рецепции наиболее действенных правовых моделей других государств.

Так, на конституционное развитие большое воздействие оказала Конституция Соединенных Штатов. Заимствовались не только ее базовые принципы: верховенство права, разделение властей, федерализм, — но и более частные конституционные решения по организации власти, регулированию экономических отношений и т.д.

В сфере гражданского законодательства самый яркий отпечаток оставил Гражданский кодекс Наполеона 1804 г. Он и сейчас, по прошествии двух столетий, служит образцом регулирования в сфере частного права. Заметное влияние на правовое развитие многих государств Европы оказали Германское гражданское уложение 1900 г., Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.

Впрочем, слепого копирования не было. Конституции, кодексы, иные законодательные акты государств Европы, Азии, Латинской Америки меняли содержание заимствованных актов, вводили новые нормы, которые способствовали их политическому, экономическому и социальному развитию¹.

Так, появились нормы, направленные на поддержку конкуренции, ограничение прав крупной собственности, усиление регулирующей роли государства. Они опережали уровень экономического развития, прокладывая дорожку для структурной перестройки экономики и ее дальнейшего роста.

Наиболее стремительно эти процессы проходили после Второй мировой войны. С этого времени право начинает базироваться на новых идеях социальной функции государства, усиления его регулирующей роли, ограничения прав собственности, защиты окружающей среды. Они оказывают мощное воздействие на право всех государств мира вне зависимости от уровня их экономического и политического развития, религиозных и идеологических факторов.

Впрочем, следует отметить, что «инородное» право может проникать в национальную правовую среду не только через законодательство, но и по другим каналам, в частности через обычаи и традиции мигрантов, которые живут не по законам страны пребывания, а по законам

¹ Так, например, при разработке Гражданского кодекса Чили 1857 г. его автор А. Бельо помимо законодательства Испании использовал все доступные ему гражданско-правовые акты, начиная с Кодекса Юстиниана.

собственной страны. Этот феномен «кочевого права» впервые описал Ю.А. Тихомиров в «Курсе сравнительного правоведения»¹.

В заключение темы взаимовлияния правовых систем следует отметить, что оно может быть не только созидательным (или позитивным), но и разрушительным. В этой связи уместно вспомнить слова французского ученого М. Анселя: «Право любой страны — это часть ее национального достояния. В определенном смысле оно — порождение традиций, наследие предков и способ самовыражения данного общества. Поэтому нужно не сближать право с другими системами, а, наоборот, обеспечить его независимость, охранить от искажений иностранного происхождения»².

Факторы внутреннего развития. Закон занимает ведущее место в системе источников права большей части государств. Помимо международных обязательств, о чем сказано выше, его ограничивают только конституционные рамки. Как правило, они касаются разграничения функций между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также гарантий демократических прав и свобод.

Разделение властей определяет цель закона — формулирование общих правил, исполнение и применение которых возложено на исполнительную власть и суды.

Гарантии прав и свобод указывают те границы, через которые закон не может переступить, не вторгаясь в сферу гражданского общества. При этом проявляется следующая закономерность: чем подробнее в конституциях регламентируются социально-экономические и политические отношения, тем более узким становится поле регулирования закона.

Общая схема регламентации сферы законодательства в федеративных государствах дополняется разграничением предметов ведения между федерацией и ее субъектами, при котором каждый из двух уровней государства имеет право осуществлять законодательную власть в установленных конституцией границах. Во многом сходным образом определяются предметы ведения в государствах с автономными образованиями.

Ограничение сферы законодательства применяется и как способ ущемления демократических институтов. И происходит это не только

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 139–141.

² Ансель М. Указ. соч. С. 37.

при тоталитарных режимах, но и в отдельных демократических государствах, таких как Франция и Нидерланды. Так, Конституция Франции устанавливает особый перечень вопросов, по которым допускается издание законов. Столь необычное для унитарного и демократического государства решение объясняется стремлением не только сузить власть парламента, но и закрепить за исполнительной властью право фактически ничем не ограниченного нормотворчества.

В конституционной практике ограничения подобного рода носят исключительный характер, но они отражают общую для всех государств тенденцию к усилению роли исполнительной власти.

Рост правительственного и ведомственного нормотворчества вступает в противоречие с конституционными требованиями многих государств. Если следовать логике разделения властей, ни один государственный орган, кроме парламента, не может издавать общенормативные акты. Однако фактически во всех государствах сложилось своеобразное разделение труда между парламентом и исполнительной властью, при котором за первым остается решение общих вопросов, а за второй — конкретизация законодательных норм. Во многих государствах эта практика конституционно оформлена признанием права исполнительной власти издавать подзаконные акты, причем нередко они подменяют закон.

Этим вторжение исполнительной власти в законодательную сферу не ограничивается. Парламенты большей части государств наделяют правительства (глав государств в президентских республиках) правом регламентировать общественные отношения, еще не охваченные законодательством, тем самым уступая или делегируя исполнительной власти функцию законотворчества в ее полном объеме.

В целом в последние годы роль закона в системе источников права снижается, несмотря на то, что только законодательный процесс позволяет обеспечить должный учет интересов различных социальных и политических сил.

Основная цель закона — найти адекватный ответ на требования и веления общества, которые нуждаются в едином решении — в том, по словам Г. Иеринга, «конечном пункте», где сходятся, переплетаясь, интересы многих социальных сил¹. В противном случае закон не сможет достигнуть поставленной цели, и общество отторгнет его.

¹ Иеринг Г. Цель в праве. СПб., 1906. С. 30.

Это суждение можно пояснить, показав хотя бы в общих чертах механизм действия закона, его вхождения в ткань социальной действительности. Абстрактные формулы законы закрепляют за каждым лицом, физическим и юридическим, определенное правовое состояние, т.е. комплекс юридически значимых прав и обязанностей, которые, в свою очередь, должны быть признаны государством и обществом. В признании государством его же собственных законов особых проблем не возникает. В правовом государстве вся деятельность государственных органов направлена на должное исполнение законов. Другое дело — общество. Здесь закон вступает в иную и во многом, с учетом отчужденности государства, враждебную среду. Здесь ему предстоит доказать свое право на жизнь в борьбе с теми силами, о которых сказано выше, — национальными и местными обычаями, нормами религии и этики, «функциональными» установлениями. И нередко закон уступает им.

Прежде всего речь идет о местных обычаях, которые складываются в пределах определенных местностей. Иногда они носят ярко выраженный религиозный либо национальный характер (в основном в местах компактного проживания представителей одной веры либо национальности). Но чаще они не имеют какой-либо связи с религиозными канонами и национальными традициями. Они формируются под воздействием других факторов — исторических, экономических, социальных, демографических, географических.

В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации на заре его истории, в 1920-е гг., был проведен ряд крупных исследований причин преступности, в которых был сделан вывод о взаимосвязи отклоняющегося («девиантного») поведения с обычаями, которые сложились в определенных местностях России¹.

Такую же взаимосвязь можно проследить и в XXI в. Более высокий уровень преступности, иных форм отклоняющегося поведения присущ не только тем регионам, которые испытывают экономические трудности, но и тем регионам, в которых складываются устойчивые стереотипы противоправного поведения. Передаваемые из поколения в поколение, такие обычаи гибнут только с гибелью общества, в котором они рождены.

¹ См., например: Хулиганство и хулиганы. М., 1928; Проблемы преступности. Вып. 1. 1925; Вып. 2. 1927; Вып. 3. 1928; Вып. 4. 1928.

Иную картину дают законопослушные местные сообщества, в которых обычаи не противостоят действующему законодательству либо сосуществуют с ним, не вступая в открытое противостояние. Ясно, что власть должна бережно относиться к ним, всемерно поддерживая сложившиеся обычаи и традиции, основанные на религиозных ценностях милосердия, самозабвенного труда, уважительного отношения к власти и к правам других лиц. Такие обычаи ни один закон не может подменить. В этом отношении заслуживает внимания опыт ряда государств, в том числе Узбекистана, где признается прямое действие местных обычаев и традиций¹.

Во всех правовых системах существенное место занимают «функциональные» обычаи, которые сложились в определенных сферах деятельности либо профессиях.

Многие из них имеют многовековую историю и признаются международными и законодательными актами. Так, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. указывает, что «стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях». Более того, если стороны не договорились об ином, считается, что к их договору применяется обычай, о котором они знали или должны были знать и «который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли»² (ст. 9).

Такие же формулировки содержатся в законодательстве многих государств. Так, Гражданский кодекс Украины определяет обычай как «правило поведения, не установленное актами гражданского законодательства, но являющееся устойчивым в определенной сфере гражданских отношений» (ст. 7). Аналогичным образом трактуется «обычай делового оборота» в Гражданском кодексе РФ. Под ним понимается «сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством» (ст. 5). При этом не имеет значения, был ли обычай зафиксирован письменно.

На протяжении по меньшей мере пяти столетий законодательство вытесняло «функциональные» обычаи из правовой жизни. Но в последние десятилетия складывается иная тенденция. Государство не только

¹ См., например, ст. 6 Гражданского кодекса Узбекистана.

² См. официальный сайт ЮНСИТРАЛ (www.uncitral.org).

признает существующие обычаи, но и призывает профессиональные сообщества осуществлять самостоятельное регулирование соответствующих сфер деятельности посредством принятия собственных актов на праве самоуправляемых объединений. Наиболее широко эта тенденция проявилась в банковском и страховом деле, строительстве, в отраслях высокотехнологичных производств.

Такие явления правовой действительности также входят в круг объектов сравнительного правоведения.

Уровень шестой. Международное право в развитии правового пространства мира и национальных правовых систем

Как сказал Екклесиаст, «всему свое время... время разбрасывать камни, и время собирать камни»¹.

Такую функцию собирания камней в современном праве осуществляет международное право. Его принципы и нормы, разработанные в рамках Организации Объединенных Наций, других международных организаций, не только восстанавливают расщепленное правовое пространство, но и формируют его новый пласт.

Во многом этот процесс хаотичен, он порождает внутренние противоречия и вызывает отторжение². В новых наслоениях правового пространства мира нет логики внутреннего развития, нет прежней ясности и чистоты. Это право технократического века, в котором царствует «буква», а не дух. Поэтому многие нормы современного международного права бездействуют, остаются «бумажным правом», применяются ограниченно, служат другим целям, а не тем, что в них провозглашены.

И тем не менее в последние десятилетия достигнут немалый прогресс в обеспечении единства правового пространства. В основном он осуществляется посредством гармонизации или сближения национальных правовых систем.

В юридической науке различают несколько направлений и форм решения этой задачи. Так, по классификации Ю.А. Тихомирова, выделяются:

«а) сближение законодательства, когда определяется общий курс государств в данной сфере, направления, этапы сближения, способы сближения;

¹ Екклесиаст. Глава 3. Стихи 1, 5.

² Неслучайно в последние годы столь мощно развилось движение антиглобалистов.

б) гармонизация законодательства, когда согласовываются общие подходы, концепции развития национальных законодательств, вырабатываются общие правовые принципы и отдельные решения;

в) принятие модельных законодательных актов;

г) унификация законодательства, когда разрабатываются и вводятся в действие общеобязательные единообразные юридические нормы (правила)»¹.

Направления и формы обеспечения единства правового регулирования можно различать также по их территориальному распространению.

Так, примером двусторонних инициатив может служить Договор об образовании сообщества России и Беларуси.

Двусторонние инициативы нередко перерастают в региональные, охватывающие больший круг стран. Так, в программы правового сотрудничества США и Канады была вовлечена Мексика, что послужило основой для создания зоны свободной торговли Северной Америки. В настоящее время идет работа по ее расширению за счет других государств Центральной и Южной Америки, а также стран Карибского бассейна (за исключением Кубы).

В качестве примера региональных инициатив по обеспечению единства правового регулирования следует указать Содружество Независимых Государств, в рамках которого за период с декабря 1991 г. по 1 января 2009 г. было принято 1827 документов. Из них вступили в силу 1799².

Более ста лет действует программа Правового сотрудничества Нордических стран, которая охватывает Данию, Швецию, Норвегию, Финляндию, Исландию и ставит целью гармонизацию законодательства в регионе³. Из наиболее крупных единообразных актов, разработанных в рамках Правового сотрудничества, можно указать акты об оборотных документах, торговых знаках, торговом реестре, фирмах и т.д. К настоящему времени практически полностью гармонизировано законодательство по вопросам заключения и исполнения коммерческих договоров, транспортным перевозкам, авторскому и патентному

¹ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 75.

² По данным официального сайта Исполнительного комитета СНГ (www.cis.minsk.by).

³ Подробнее см. официальный сайт Совета Нордических стран (Nordic Council) (www.norden.org).

праву, брачно-семейным отношениям. В последние годы в Правовое сотрудничество Нордических стран активно вовлекаются Балтийские страны – Латвия, Литва, Эстония.

Следующая форма – всеобщие инициативы по обеспечению единства правового пространства, реализуемые под эгидой Организации Объединенных Наций Комиссией ООН по праву международной торговли, Международной организацией труда, Всемирной организацией здравоохранения, Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Международной организацией стандартизации, Международной организацией гражданской авиации, иных международных организаций.

Так, Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) подготовила следующие конвенции: о договорах международной купли-продажи товаров (1980 г.), о морской перевозке грузов (1978 г.), о международных переводных векселях и международных простых векселях (1988 г.); типовые законы: о международном торговом арбитраже (1985 г.), о международной электронной торговле (1996 г.) и др.

Необходимо отметить также деятельность Международного института по унификации частного права (UNIDROIT), учрежденного в 1925 г. Лигой Наций и подготовившего за время своего существования более 70 международных конвенций, модельных законов, иных документов, в том числе следующие конвенции: о международной купле-продаже товаров (1964 г.), о международном факторинге (1988 г.), по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (1995 г.), о международном финансовом лизинге (1988 г.), а также Принципы международных коммерческих договоров (2004 г.), Модельный закон о раскрытии информации о договорах франчайзинга (2002 г.) и т.д.

Международные договоры, конвенции, модельные и типовые законы, рекомендации и стандарты не только формируют новый пласт правового пространства мира. Они оказывают мощное воздействие на развитие национальных правовых систем, стирая многие различия, существующие между ними.

При этом они во многих случаях непосредственно входят в национальные правовые системы, становятся их частью. Впервые этот принцип был закреплен Конституцией США 1787 г. В ней было предусмотрено, что международные договоры наряду с самой Конститу-

цией и федеральными законами являются верховным правом страны (ст. VI).

Модель, предложенная Конституцией США, была воспринята другими государствами не сразу. Например, Конституция Франции 1791 г. ограничилась только упоминанием права короля заключать с другими государствами мирные, союзные, торговые и иные договоры при условии их ратификации законодательным корпусом (п. 3 отд. III гл. 4).

Последующие конституции Франции XVIII–XIX вв. прямое действие международных договоров, как правило, не признавали. И только Конституция 1799 г. сделала исключение для договоров о мире, союзе и торговле, установив, что они должны предлагаться, обсуждаться и обнародоваться в качестве законов (ст. 50).

Нерешенность вопроса о правовой силе международных договоров и формах их влияния на внутреннее право сохранялась во многих основных законах: Конституции Бельгии 1831 г, Статуте Королевства Сардинии 1848 г., Конституции Германской империи 1849 г., Основных государственных законах Российской империи 1906 г. и др.

Перелом в конституционном восприятии международного права происходит только в XX в. Многие конституции по примеру Конституции США закрепляют принцип прямого действия международных договоров. Так, ст. 96 Конституции Испании 1978 г. установила следующие нормы: «Международные договоры, заключенные в соответствии с установленными требованиями, становятся после их опубликования в Испании составной частью внутреннего законодательства. Их положения могут быть отменены, изменены или приостановлены только в порядке, установленном в самих договорах, или в соответствии с общепризнанными нормами международного права». Аналогичные положения установлены Конституцией Литвы 1992 г. (ст. 138), Конституцией Македонии 1991 г. (ст. 119), Конституцией Перу 1993 г. (ст. 35), Конституцией Португалии 1976 г. (ст. 8), Конституцией Румынии 1991 г. (ст. 11) и т.д.

Некоторые из них провозглашают приоритет международных актов перед нормами внутреннего законодательства. Так, Конституция РФ провозглашает не только принцип прямого вхождения в национальную правовую систему общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, но и положение о том, что нормы международных договоров имеют приоритет перед законодательными нормами (ч. 4 ст. 15). Таким же образом эти вопросы решаются ст. 5

Конституции Болгарии 1991 г., ст. 91 Конституции Польши 1997 г., ст. 7 Конституции Словакии 1992 г., ст. 134 Конституции Хорватии 1990 г., ст. 163 Конституции Эквадора 1998 г., некоторыми другими конституционными актами.

Отдельные основные законы не только ссылаются на действующие международно-правовые акты (например, ст. 8 Конституции Молдовы закрепляет обязательство Республики соблюдать Устав ООН; ст. 53–52 Конституции Франции 1958 г. устанавливает норму о признании юрисдикции Международного уголовного суда), но и воспроизводят их положения либо предусматривают непосредственное их действие. В частности, Конституция Боснии и Герцеговины 1995 г. устанавливает, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к указанной Конвенции имеют прямое действие на территории Республики (п. 2 ст. II).

В целом влияние международно-правовых норм, с одной стороны, на правовое пространство мира, с другой стороны, на национальное право все более возрастает, что предопределяет необходимость исследования этих процессов в рамках сравнительного правоведения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРАВОВОЕ СООБЩЕСТВО ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПРАВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПРАВА

Параграф первый. История жизни Иисуса Христа

Новый Завет сохранил немногие свидетельства жизни Христа — несколько слов о Его рождении в Вифлееме от Девы Марии, воспитании в Назарете, трех годах мессианской деятельности и мученической смерти на кресте.

Самым ярким событием первых лет Его жизни были паломничества в Иерусалим. В то тревожное время Иудея была полна разбойничьих шаек¹. Поэтому паломники шли большими группами — семьями, родами, большими соседскими общинами. В этот общий поток вливались все новые и новые волны паломников, одержимых одной целью — дойти до Иерусалима, чтобы помолиться в Храме.

Странствие от Галилейского Назарета до Иерусалима было трудным. Паломников в пути поджидали многие опасности. Но они поддерживали друг друга, показывая пример иных, более совершенных отношений. Возможно, в этих странствиях, в горах Галилеи и Самарии, в сознании Иисуса сперва смутно, а потом все более отчетливо стали звучать мечты о Царстве Божием. Их навевали псалмы, которые Он пел вместе с другими паломниками. В одном из них были следующие слова:

«Воспойте Господу песнь новую... Скажите народам: Господь царствует! Потому что тверда Вселенная, не поколеблется. Он будет судить народы по правде. Да веселятся небеса, и да торжествует земля; да шумит море и что наполняет его. Да радуется поле и все, что на нем, и да ликуют все деревья дубравные пред лицом Господа; ибо идет судить землю. Он будет судить Вселенную по правде, и народы — по истине Своей»².

¹ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. М., 2004. Т. 2. С. 291.

² Псалтирь. Псалом 95. 1, 10–13. См. также псалмы 9, 18, 26, 32, 44, 65, 94, 99, 103, 121, 137 и др.

Вечерами, после долгого пути, Он слушал рассказы паломников о приходе Мессии, о грядущем Царстве Божиим, которые нередко переходили в ожесточенные споры между фарисеями и саддукеями, ессеями и zelотами, последователями Иуды Гавлонита и других вождей религиозных направлений и школ¹.

Судя по тому, каким в будущем станет учение Иисуса, оно формировалось в основном под влиянием ессеев и Иуды Галилеянина.

По описанию Иосифа Флавия, в учении ессеев многое было воспринято из идей пифагорейцев. Ессеи требовали предоставлять все на волю Божию; признавали бессмертие души и считали стремление к справедливости своей высшей целью. У них были свои религиозные обряды. И хотя они доставляли в Иерусалимский храм пожертвования, но сами жертв не приносили. Поэтому им был запрещен доступ в общий Храм, и они совершали свои богослужения отдельно.

Продолжая, Иосиф Флавий писал: «Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достойно удивления то чувство справедливости, которое... укоренилось у них не со вчерашнего дня, а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общей, равной жизнью; имущество у них общее, и богач пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк... Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливости, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они услуживают друг другу. Для заведования доходами и произведениями почвы они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов»².

Менее подробным было описание идей Иуды Галилеянина. Иосиф Флавий считал, что от учения фарисеев их отличало одно — «ничем не сдерживаемая любовь к свободе». Последователи Иуды Галилеянина отвергали светские власти, полагая, что их единственным владыкой был сам Господь. Поэтому они с радостью шли на смерть и равнодушно

¹ Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991. С. 92–100.

² Иосиф Флавий. Указ. соч. Т. 2. С. 304–305; см. также: Плиний Старший. Естественная история. Книга пятая. 17, 73; Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1988. С. 49–56.

воспринимали смерть других, в том числе своих родных и близких, «лишь бы не признавать над собой главенства человека»¹.

Впрочем, воззрения ессеев и Иуды Галилеянина не были господствующими даже в среде бедных и простосердечных жителей Галилеи.

Вопросы веры находились под практически полным контролем фарисеев, призывавших следовать во всем букве закона и следивших за строгим соблюдением разнообразных религиозных запретов и церемоний. Они считали, что все происходит по воле судьбы, но при этом подчеркивали, что человек должен сам решать, по какой дороге ему идти — добра или зла. Они верили, что душа бессмертна и что после смерти людей ожидает награда за добродетельную жизнь либо, напротив, наказание за жизнь греховную: «грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть». По свидетельству Иосифа Флавия, фарисеи имели «чрезвычайное влияние на народ», поскольку все были убеждены, что они на «деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому»².

Влияние саддукеев, второго основного религиозного течения, отвергавшего идеи бессмертия души, отрицавшего роль преданий и признававшего только священные тексты Торы, было не столь значительным. Оно распространилось в основном среди высшей знати и практически не имело сторонников в простонародье³.

Между ревнителями разных религиозных течений и школ постоянно возникали споры. Чаше всего их ареной становился грандиозный храмовый комплекс Иерусалима с его многочисленными залами, галереями, внутренними дворами и переходами⁴. Иногда они выливались в вооруженные столкновения, свидетелем которых, а возможно, и невольным участником был Иисус. Впрочем, эти волнения быстро стихали ввиду общего врага — римлян, завоевавших

¹ Иосиф Флавий. Указ. соч. Т. 2. С. 305; см. подробнее: Карлейл Дж. Разгадка происхождения христианства. М., 2002. С. 22–34.

² Там же. С. 303–304; см. также: Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 48.

³ Там же. Т. 2. С. 304.

⁴ После реконструкции, осуществленной при Ироде Великом, его длина составила около 400 м, а ширина более 180 м. Подробнее см.: Карлейл Дж. Разгадка происхождения христианства. М., 2002. С. 88.

Иудею за несколько десятилетий до этого и вызывавших всеобщую ненависть¹.

Причин было много: оскорбление религиозных чувств, экономический гнет, стремление к обретению прежней независимости, остро ощущавшийся распад прежних общественных устоев и т.д.

Но все попытки вновь обрести свободу были безуспешны. У иудеев не было сил, чтобы сломить мощь Римской империи. Поэтому в их сознании все чаще возникал образ Мессии, который должен был освободить земли Израиля и, объединив их в одно государство, утвердить в нем Царство Божие.

Пришествие Мессии предрекали многие проповедники. Нередко они увлекали за собой тысячи людей, вдохновляя их призывами: «Ищите Господа и силы Его, ищите лица Его всегда»².

Эти призывы, несомненно, слышал и Иисус, и, возможно, именно они вдохновили Его отправиться в дальние странствия, о которых Евангелия сохранили едва различимые свидетельства.

Такое свидетельство содержится, в частности, в рассказе о том, как дьявол искушал Иисуса, показывая Ему «все царства мира и славу их»³. Так в иносказательной форме Евангелие сохранило предание о долгих странствиях Христа.

О странствиях Христа можно судить по тем наставлениям, которые много лет спустя Он давал Своим ученикам, предупреждая о тех опасностях, которые ожидали их в языческих городах: «На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите. А идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; ходя же проповедуйте, что пришло Царство Небесное»⁴.

Следуя Его примеру, Его ученики должны были зарабатывать на хлеб своим трудом: «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания»⁵.

И, продолжая, советовал: «В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему.

¹ В 63 г. до н.э.

² Псалтырь. Псалом 104. Стих 4.

³ Евангелие от Матфея. Глава 4. Стих 8.

⁴ Там же. Глава 10. Стихи 5–7.

⁵ Там же. Глава 10. Стихи 9–10.

И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших»¹.

Догадка о долгих странствиях Христа подтверждается рядом других свидетельств Евангелия. Так, когда Он вернулся в Назарет, многие Его не узнавали и растерянно спрашивали друг друга: не это ли сын Иосифа и Марии, не Его ли братья и сестры живут среди них².

Такая реакция могла быть вызвана только одним: Иисуса не было в Галилее многие годы. Неслучайно Евангелия полностью пропускают восемнадцатилетний период жизни Христа (с 12 до 30 лет).

Отметим также в этой связи, что дома Его удерживало немного. Много лет спустя Он утверждал: «Враги человеку — домашние его»³. И с горечью добавлял: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем»⁴.

Можно только догадываться о том, где проходили дороги Его странствий. Возможно, Он был в Кумране, где обосновалась одна из ессейских общин. К такому выводу склоняются многие ученые, сравнивая найденные там свитки Мертвого моря с теми заповедями Иисуса, которые сохранили Евангелия⁵.

В частности, обращают внимание на то, что кумранские ессеи называли себя «сынами света» и «общиной нищих». Они призывали к духовному покаянию, избавлению от собственности, созданию новой общности верующих людей, основанной на началах всеобщего труда, равенства и справедливости. Как и многие, они верили в пришествие Мессии. В этой вере, как отмечал И.Д. Амосин, выражалась не только религиозно-мифологическая идея, но и глубокая жажда перемен, мечта о переустройстве мира. Вместе с тем она была «свидетельством отчаяния, вызванного сознанием невозможности только своими силами искоренить зло и социальную несправедливость на земле»⁶.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 10. Стихи 11–14.

² Там же. Глава 13. Стихи 55–56.

³ Там же. Глава 10. Стих 36.

⁴ Там же. Глава 13. Стих 57.

⁵ См.: Амосин И.Д. Кумранская община. М., 1983; Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 50–56.

⁶ Амосин И.Д. Указ. соч. С. 162.

Это отчаяние и стало причиной их ухода из мира и самоизоляции в пустынном крае Мертвого моря.

Впрочем, очевидно также то, что Иисус отверг избранный ими путь. Неслучайно, как отмечала И.С. Свенцицкая, отдельные места Евангелий «звучат как прямая полемика с кумранскими правилами»¹. «Для того ли приносится свеча, — говорил Иисус, — чтобы поставить ее под сосуд или под кровать...»² «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы»³.

Дальнейшие пути Его странствий теряются в глубине веков. Можно предположить, что в поисках Царства Божия Он побывал во многих странах Востока, ставших со времени ассирийского пленения местом рассеяния потомков Авраама.

Эту версию косвенно подтверждают некоторые свидетельства Евангелия. Так, в Евангелии от Матфея рассказано о бегстве Иисуса из Иерусалима «в страны Тирские и Сидонские»⁴, вероятно, уже знакомые Ему по предыдущим странствиям. Отметим также, что в мировоззрении Христа прослеживается в основном влияние религиозных и эзотерических учений Востока, а не философских школ эллинского мира.

В странствия Он отправлялся вместе с паломниками, которые приходили в Иерусалим из самых отдаленных стран и для защиты которых во времена Ирода Великого были построены крепости вдоль караванных путей⁵.

Они шли через пустыни и горы, останавливаясь в тех городах и селениях, где жили единоверцы. Там можно было найти помощь, узнать новости, совершить религиозные обряды.

Средоточием жизни иудейских общин были синагоги — молитвенные дома, где собирались для чтения проповедей, религиозных споров, обсуждения житейских проблем. По словам Э. Реннана, они были «небольшими обособленными мирами, которые сохраняли не только национальный дух, но и свободу, поскольку каждому предоставлялась возможность быть чтецом и толкователем священных текстов»⁶.

¹ Свенцицкая И.С. Указ. соч. С. 55.

² Евангелие от Марка. Глава 4. Стих 21.

³ Евангелие от Матфея. Глава 5. Стих 14.

⁴ Там же. Глава 15. Стих 21.

⁵ Иосиф Флавий. Указ. соч. Т. 2. С. 254.

⁶ Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 132—133.

Возможно, в одной из таких синагог Иисус и прочитал Свою первую проповедь. В дальнейшем их было много. В них Он оттачивал искусство слова, умение отражать яростные нападки оппонентов.

А их было много. Неслучайно, вернувшись в Галилею, Иисус призывал:

«Остерегайтесь книжников, которые любят ходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвозлежания на пиршествах, которые поедают дома вдов и лицемерно долго молятся»¹.

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные»².

С особой страстью он призывал беречься «закваски фарисейской», которая порождала лицемерие³, меняла нравственные устои общества, лишала надежды на Царство Небесное.

Обвиняя фарисеев, Он утверждал: они «затворили Царство Небесное»⁴; они извратили суть закона, забыв важнейшее — «суд, милость и веру»⁵. В их учении были сохранены только внешние обряды и церемонии. Да и они сохранялись в основном для того, чтобы скрыть царившее в мире зло. По образному сравнению Иисуса, фарисеи «очищали внешность чаши и блюда», между тем как внутри они были «полны хищения и неправды»⁶.

Столь же беспощадным Иисус был по отношению к законникам, которые налагали на людей «бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагивались до них», которые взяли «ключ разума», но сами не вошли в Царство Небесное и воспрепятствовали тем, кто хотел в него войти⁷.

В странствиях Иисус не нашел Царство Божие. Везде, где бы Он ни был, в больших и малых городах, царствах с разными религиями и законами, Он видел одно и то же: угнетение, бесправие и нищету.

¹ Евангелие от Луки. Глава 20. Стихи 46–47.

² Евангелие от Матфея. Глава 7. Стих 15.

³ Евангелие от Луки. Глава 12. Стих 1.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 23. Стих 13.

⁵ Там же. Глава 23. Стих 23.

⁶ Там же. Глава 23. Стих 25.

⁷ Евангелие от Луки. Глава 11. Стихи 46, 52.

И так было везде, что подтверждали встречавшиеся на Его пути купцы, ремесленники, рабы из самых отдаленных уголков земли.

И чем больше Он видел земных царств, тем сильнее становилось желание изменить этот мир, начав с малого — с «горчичного зерна», которое Он должен был посадить в Иудее, чтобы из него выросло новое древо жизни, под ветвями которого могли бы укрыться небесные птицы и те, кто живет на земле¹.

Там будет созидаться Его земное Царство. Вряд ли Он отчетливо представлял, каким оно будет. Этот образ сложился позднее, на берегах Галилейского моря, и впоследствии постоянно менялся, наполняясь новыми звуками и красками.

Но уже тогда, в годы странствий, Он хорошо знал то древо зла, которое предстояло срубить и бросить в огонь², чтобы изгнать «князя мира сего»³, а вместе с ним всех князей народов и вельмож, которые убивали, отдавали на распятие, били в синагогах и гнали из города в город тех «пророков, и мудрых, и книжников», которых посылал к ним Господь⁴.

Впрочем, зло распространилось повсеместно — среди богатых и бедных, мужчин и женщин, юных и старых. Из их сердец исходили «злые помыслы»; они совершали все мыслимые и немыслимые преступления: «убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления»⁵.

Он вернулся в Иудею, когда Ему было около 30 лет⁶. В то время народ жил в ожидании⁷ Мессии, чье пришествие возвестил Иоанн Креститель. Новый пророк призывал иудеев «вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения»⁸ — обряда «крещения покаяния для прощения грехов»⁹. Этот обряд Иоанн совер-

¹ Евангелие от Матфея. Глава 13. Стихи 31–32; см. также: Евангелие от Луки. Глава 13. Стих 19; Евангелие от Марка. Глава 4. Стих 31.

² Там же. Глава 7. Стихи 18–19.

³ То есть сатану, см.: Евангелие от Иоанна. Глава 12. Стих 31.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 23. Стихи 34–35.

⁵ Там же. Глава 15. Стих 19.

⁶ Евангелие от Луки. Глава 3. Стих 23.

⁷ Там же. Стих 15.

⁸ *Иосиф Флавий*. Указ. соч. Т. 2. С. 318.

⁹ Евангелие от Луки. Глава 3. Стих 3.

шал в Иордане, привлекая многие тысячи людей, которые приходили к нему с надеждой на спасение и с верой в то, что он проложит путь Господу, сделав его прямым¹.

Такое же крещение принял и Иисус, и тогда, как повествует Евангелие, «Дух Святый нисшел на Него»².

Некоторое время Иисус жил в общине Иоанна Крестителя. А потом стал сам проповедовать, что вызвало недовольство некоторых учеников Иоанна³. Впрочем, соперничество продолжалось недолго. Своими страстными обличениями Иоанн Креститель навлек гнев Ирода Антипы, был заключен в тюрьму и вскоре казнен.

Ученики Иоанна рассеялись. Ушел и Иисус. Он «удалился в Галилею»⁴, вернувшись после долгих скитаний домой.

Об этих днях Евангелия рассказывают немного, сохранив предание только об одном событии: «И пришел в Назарет, где был воспитан⁵, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное». И закрыв книгу и отдав ее служителю, сел, и глаза всех в синагоге были устремлены на Него, и Он начал говорить им: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами...»»⁶

Началась мессианская деятельность Иисуса, которую оборвет три года спустя мученическая смерть на кресте.

Параграф второй. Учение Иисуса Христа

В основу учения Христа была положена идея двух царств — небесного и земного. Первое существует в горних высотах вечности. Второе

¹ Евангелие от Луки. Глава 3. Стих 4.

² Там же. Стихи 21–22. О крещении Иисуса подробнее см.: *Мережковский Д. Иисус Неизвестный*. М., 2007. С. 148–190.

³ Евангелие от Иоанна. Глава 3. Стихи 26–28.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 4. Стих 12.

⁵ В этих словах скрыто еще одно свидетельство долгих странствий Христа. Назарет упоминается как город, где Он был воспитан, а не как место, где Он жил 30 лет до начала мессианской деятельности.

⁶ Евангелие от Луки. Глава 4. Стихи 16–22.

предстояло создать на земле, чтобы спасти обездоленных — нищих и рабов, тех, кто страдал и был чист сердцем, кто был милостив и кроток, кто искал правду.

Вернувшись в Галилею, Он проповедовал его приближение, призывая к покаянию, обличая и исцеляя от болезней и немощей¹.

Одну из проповедей Он произнес на склоне горы, спускавшейся к Галилейскому морю:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня»².

В Нагорной проповеди два царства — небесное и земное — не различаются. Но очевидно, что основное место в ней занимало земное. Этот вывод подтверждают многие свидетельства Евангелия.

Он обещал новую землю, на которой будет обитать правда³. И призывал ее, вознося к Всевышнему молитву: «Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе»⁴.

Это не был призыв к пассивному ожиданию. Напротив, Иисус убеждал, что Царство Божие можно утвердить только собственными силами. Обращаясь к ученикам, Он говорил, что «Царство Небесное силою берется» и что только «употребившие усилие восхищают его»⁵.

Иисус знал, что борьба за земное Царство будет жестокой. «Огонь пришел Я низвести на землю», — говорил Он и мечтал о том, чтобы это пламя возгорелось как можно скорее. «Думаете ли вы, что Я пришел

¹ Евангелие от Матфея. Глава 4. Стихи 17, 23.

² Там же. Глава 5. Стихи 3—11.

³ Второе соборное послание святого Апостола Петра. Глава 3. Стих 13.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 6. Стих 10.

⁵ Там же. Глава 11. Стих 12. Позже Апостол Павел скажет в этой связи, что «Царство Божие не в слове, а в силе» (Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 4. Стих 20).

дать мир земле? — продолжал Он, — Нет, говорю вам, но разделение»¹. «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее»². Тем же, кто последовал за Ним, Он советовал продать одежду и купить меч³, потому что без борьбы было невозможно изгнать «князя мира сего»⁴ и судить этот мир, «чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы»⁵.

Многие «дивились Его учению, ибо Он учил как власть имеющий», а не как книжники и фарисеи⁶. Но еще большее удивление вызывало то, что Он ставил под сомнение многие заповеди Ветхого Завета, утверждая, что они несовершенны и недостаточны, чтобы создать Царство Божие.

Так, Он утверждал:

«Вы слышали, что сказано древним: «не убивай; кто же убьет, подлежит суду». А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...

Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем...

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А я говорю вам: кто разведется с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Еще слышали вы, что сказано древним: «не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет»; а что сверх этого, то от лукавого.

Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб». А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати

¹ Евангелие от Луки. Глава 12. Стихи 49–51.

² Евангелие от Матфея. Глава 10. Стих 35.

³ Евангелие от Луки. Глава 22. Стих 36.

⁴ Евангелие от Иоанна. Глава 12. Стих 31.

⁵ Там же. Глава 9. Стих 39.

⁶ Евангелие от Марка. Глава 1. Стих 22; см. также: Евангелие от Матфея. Глава 7. Стих 29.

к нему и другую. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных... Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»¹.

Вместе с тем в Его словах не было отрицания норм Ветхого Завета. Напротив, Он пытался наполнить их более глубоким содержанием, подкрепить новыми заповедями. Поэтому Он утверждал: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все»².

Свои наставления Он часто давал в притчах. Как сказано в Евангелии от Марка, «многими притчами проповедывал им слово, сколько они могли слышать; без притчи же не говорил им; а ученикам наедине разъяснял все»³.

«Вам дано знать тайны Царствия Небесного, — обращался Он к ним, — а им не дано... Потому говорю им притчами, что видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют»⁴.

В этих притчах, как отмечал Александр Мень, «Он обращался не к одному интеллекту, а стремился затронуть все существо человека. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из Его рассказов»⁵.

Вместе с тем притчи позволяли скрыть от непосвященных сокровенные тайны. Ведь говорить открыто о земном Царстве Божиим было опасно. Именно это объясняет следующие слова Иисуса: «Доселе Я го-

¹ Евангелие от Матфея. Глава 5. Стихи 21–22, 27–28; 31–45; 48.

² Там же. Стихи 17–18.

³ Евангелие от Марка. Глава 4. Стихи 33–34.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 13. Стихи 11–13.

⁵ Мень А. Сын Человеческий. М., 2006. С. 79.

ворил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвешу вам об Отце»¹.

Он создавал Царство Божие, чтобы «взыскать и спасти погибшее»². «Сын Человеческий — говорил Он, — пришел не губить души человеческие, а спасать»³. Поэтому Он так часто отправлялся в странствия по Галилее, утешая несчастных, излечивая больных и увечных, воскрешая из мертвых. А когда у Него не было сил, Он отправлял в дорогу Своих учеников.

Идите к «погибшим овцам дома Израилева», наставлял Он, и проповедуйте приближение Царства Небесного; «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте; бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте»⁴.

Эта миссия была невероятно трудна, потому что необъятным было море несчастных и обездоленных. «Жатвы много, — говорил Он, — а делателей мало. Итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою»⁵.

Он создавал Царство праведности, призывая Своих последователей превзойти в праведности книжников и фарисеев⁶, ибо «неправедные Царства Божия не наследуют»⁷.

Его заповеди были просты.

«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки»⁸.

«Блаженнее давать, нежели принимать»⁹.

«Терпением вашим спасайте души ваши»¹⁰.

В Его Царстве каждый должен был жить «в духе и истине»¹¹, служа не только Господу, но и другим людям. Для этой заповеди не было исключений. Даже в заповедное время человек должен был делать

¹ Евангелие от Иоанна. Глава 16. Стих 25.

² Евангелие от Матфея. Глава 18. Стих 11.

³ Евангелие от Луки. Глава 9. Стих 56.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 10. Стихи 6–8.

⁵ Там же. Глава 9. Стихи 37–38.

⁶ Там же. Глава 5. Стих 20.

⁷ Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 6. Стих 9.

⁸ Евангелие от Матфея. Глава 7. Стих 12.

⁹ Деяния Апостолов. Глава 20. Стих 35.

¹⁰ Евангелие от Луки. Глава 21. Стих 19.

¹¹ Евангелие от Иоанна. Глава 4. Стихи 23–24.

добрые дела¹, поскольку суббота создана для человека, а не человек для субботы².

Он создавал Царство милосердия, в котором особую заботу необходимо было проявлять прежде всего к отверженным — нищим, мытарям, грешникам. «Не здоровые имеют нужду во враче, — учил Он, — но больные; пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»³.

А однажды, увидев бедную вдову, которая положила деньги в храмовую сокровищницу, Он сказал ученикам: «Эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу; ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое»⁴.

Вместе с тем Его Царство было царством любви и радости. О Нем говорили, что Он «любит есть и пить вино»⁵, что Он приглашает на общие трапезы многих людей. Как и Он, они не постились, потому что в Его «чертоге брачном» не было места печали⁶.

Иисус отвергал частную собственность. Она была несовместима с тем миропорядком, который Он создавал. «Никакой слуга не может служить двум господам, — утверждал он, — ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне»⁷.

Частная собственность была постоянным источником корысти — одной из самых больших угроз Его Царству. «Смотрите, — предупреждал Он, — берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени»⁸.

Земные богатства непрочны. Они вызывают зависть. Их легко потерять. Поэтому Он учил: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирай-

¹ Евангелие от Матфея. Глава 12. Стихи 8, 12.

² Евангелие от Марка. Глава 2. Стих 27.

³ Евангелие от Матфея. Глава 9. Стихи 12–13.

⁴ Евангелие от Марка. Глава 12. Стихи 43–44.

⁵ Евангелие от Матфея. Глава 11. Стих 19.

⁶ Там же. Глава 9. Стих 15.

⁷ Евангелие от Луки. Глава 16. Стих 13; см. также: Евангелие от Матфея. Глава 6. Стих 24.

⁸ Там же. Глава 12. Стихи 14–15.

те себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»¹.

Его призывы к отречению от собственности у многих вызывали опасения. Он пытался их развеять, призывая не заботиться о том, что есть и во что одеться. «Взгляните на птиц небесных, — убеждал Он, — они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?.. И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них... Итак не заботьтесь, и не говорите: что нам есть? Или: что пить? Или: во что одеться? Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом»².

В Его Царстве все осуществлялось по воле Божьей³. Сам Он постоянно слышал либо ощущал ее. «Мое учение — говорил Он, — не Мое, но Пославшего Меня»⁴. «Я не один, но Я и Отец, пославший Меня»⁵. Ибо «Я в Отце и Отец во Мне»⁶.

Иисус был убежден в несовместимости воли Божией и воли светских правителей. О них Он говорил с презрением, утверждая: «Что высоко у людей, то мерзость пред Богом»⁷.

Это было Царство «не от мира сего»⁸. В нем, согласно древнему завету, Иисус должен был низложить сильных с престолов и вознести смиренных, исполнить алчущих благ, а богатых отпустить ни с чем⁹.

В Своем Царстве Он правил как добрый пастырь. Эту миссию Он описывал так: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить; Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком. Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец... Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают

¹ Евангелие от Матфея. Глава 6. Стихи 19–21.

² Там же. Стих 26–32.

³ Там же. Глава 7. Стих 21.

⁴ Евангелие от Иоанна. Глава 7. Стих 16.

⁵ Там же. Глава 8. Стих 16.

⁶ Там же. Глава 14. Стих 10.

⁷ Евангелие от Луки. Глава 16. Стих 15.

⁸ Евангелие от Иоанна. Глава 18. Стих 36.

⁹ Евангелие от Луки. Глава 1. Стихи 52–53.

Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца, и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь. Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее; имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее; сию заповедь получил Я от Отца Моего»¹.

В Его Царстве не было судов, потому что люди должны были прощать друг друга. Обосновывая Свое видение, Он повторял слова Всевышнего: «Милости хочу, а не жертвы»². И призывал: «Не судите и не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»³.

Он объяснял, как улаживать споры, не прибегая к светскому суду: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви; а если и церковь не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь»⁴.

Но и в этом случае Он призывал к прощению. А на вопрос, сколько раз прощать согрешившему человеку, Иисус отвечал: прощайте до седмижды семидесяти раз⁵.

Он отменял наказания, установленные законом Моисея, указывая на то, что «Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи»⁶. О том, как осуществлялась эта власть, повествует одна из историй Евангелия.

Когда Он был на горе Елеонской, к Нему привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди толпы, сказали Ему: «Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?» Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. «Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая

¹ Евангелие от Иоанна. Глава 10. Стихи 10–18.

² Евангелие от Матфея. Глава 12. Стих 7.

³ Там же. Глава 7. Стихи 1–2.

⁴ Там же. Глава 18. Стихи 15–17.

⁵ Там же. Глава 18. Стих 22.

⁶ Там же. Глава 9. Стих 6.

на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И, опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого кроме женщины, сказал ей: женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши»¹.

Евангелия сохранили много историй, повествующих о том, как Иисус создавал Свое Царство Божие. Самая яркая из них — повесть об умножении хлебов:

«Когда же настал вечер, пришли к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное, и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи. Но Иисус сказал им: не нужно им идти; вы дайте им есть. Они же говорят Ему: у нас здесь только пять хлебов и две рыбы. Он сказал: принесите их Мне сюда. И велел народу возлечь на траву и, взяв пять хлебов и две рыбы, воззрел на небо, благословил и преломив дал хлебы ученикам, а ученики — народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей»².

Чудо умножения хлебов имело вполне земное объяснение. Иисус отдал все, что было у Него. И тогда каждый стал делиться со всеми тем, что мог отдать.

Было ли здесь чудо? — задавал вопрос Д. Мережковский. И отвечал: да, было. «Там, на горе Хлебов, сделал человек Иисус то, чего никто из людей никогда, от начала мира, не делал и до конца не сделает, — разделил хлеб между людьми, сытых уравнил с голодными, богатых с бедными, не в рабстве, ненависти, вечной смерти, как это делают все мятежи — «революции», а в свободе, в любви, в жизни вечной... Глядя на Него, Сына Человеческого, (люди. — *прим. ред.*) вспомнили, что все они — братья, дети одного Отца; поняли, как еще никогда не понимали, что значит: «душу твою отдашь голодному и напиташь душу страдальца; тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень» (Ис. 58:10)»³.

¹ Евангелие от Иоанна. Глава 8. Стихи 1–11.

² Евангелие от Матфея. Глава 14. Стихи 15–21.

³ Мережковский Д. Указ. соч. С. 355–356.

В том Царстве, которое Иисус создавал на земле, не было не только светских, но и церковных властей, поскольку все, как «живые камни», составляли «священство святое»¹, призванное Им «из тьмы в чудный Свой свет»².

Не было в Его Царстве ни храмов, ни молитвенных домов, потому что каждый в нем должен был стать храмом Божиим, в которой живет Божий Дух³.

Такое восприятие религиозной жизни исключало пышные и сложные обряды. Напротив, они были столь же просты и безыскусны, как жизнь тех рыбаков, ремесленников и женщин Галилеи, которые последовали за Ним. Поэтому Иисус учил: не будьте «как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми...». И обращался к каждому: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец вас, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него»⁴.

Созидаая Царство Божие на земле, Иисус часто шел наперекор светским и церковным властям. Одно из таких столкновений произошло в Иерусалимском храме:

«И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей. И говорил им: написано — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников»⁵.

Этот поступок Иисуса вызвал возмущение церковных властей. Когда позже Он появился в храме, к Нему приступили первосвященники и старейшины, требуя объяснить, кто дал Ему такую власть⁶.

Опасения церковных и светских властей Иерусалима не были беспочвенны. Проповеди, слова, поступки Иисуса нередко воспринимались как призывы к восстанию «против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебес-

¹ Первое соборное послание святого Апостола Петра. Глава 2. Стих 5.

² Там же. Стих 9.

³ Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 3. Стихи 16–17.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 6. Стихи 2–8.

⁵ Там же. Глава 21. Стихи 12–13.

⁶ Там же. Стих 23.

ных»¹. Многие ждали, что Он «упразднит всякое начальство и всякую власть и силу»².

Неслучайно Евангелие сохранило рассказ о том, что в Галилее многие, признав Его за Мессию, хотели «взять Его и сделать царем»³.

Точно так же хотели поступить жители Иерусалима, когда Он вошел в город перед последней Пасхой Своей земной жизни. Его встречало множество людей, которые бросали Ему под ноги ветви, срезанные с пальм, и кричали: «Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господня»⁴. «Благословен Царь, грядущий во имя Господне! Мир на небесах и слава в вышних!»⁵

Слыша эти слова, некоторые фарисеи требовали, чтобы Он заставил своих последователей молчать. Но Он возражал, утверждая, что, когда они умолкнут, «камни возопиют»⁶

Однако миг торжества было недолгим. Вскоре Он был схвачен, предан суду и казнен по требованию толпы, которая еще несколько дней назад восторженно встречала Его. Казнен по обвинению в государственном преступлении, указанном на трех языках в надписи, прикрепленной к распятию: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский»⁷.

Судя по многим свидетельствам, Иисус задолго до смерти понял, что Ему не суждено создать Царство Божие на земле. Но Он продолжал Свой крестный путь, веря, что Его смерть станет тем семенем, которое даст свои всходы.

Царство Божие, учил Он, подобно семени, брошенному человеком в землю. Человек и не знает, «как семя всходит и растет, не знает он; ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе»⁸.

Впрочем, добрые всходы могли появиться только в сознании тех, кто был готов созидать Его Царство здесь, на земле. Эту тайну

¹ Послание к ефесянам святого Апостола Павла. Глава 6. Стих 12.

² Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 15. Стихи 24–26.

³ Евангелие от Иоанна. Глава 6. Стих 15.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 21. Стихи 8–9.

⁵ Евангелие от Луки. Глава 19. Стих 38.

⁶ Там же. Глава 19. Стихи 39–40.

⁷ Евангелие от Матфея. Глава 27. Стих 37.

⁸ Евангелие от Марка. Глава 4. Стихи 26–28. Из образов, созданных Иисусом, отметим также сравнение Царства Божия с закваской, которая квасит все тесто (Евангелие от Матфея. Глава 13. Стих 33).

Он раскрыл в притче о сеятеле, чьи семена гибли, когда падали при дороге, где их клевали птицы. Они погибали также тогда, когда падали на каменистую почву, где, не имея глубоких корней, засыхали на солнце. Гибли они и тогда, когда оказывались в тернии, где их заглушали другие растения. И только семена, которые падали на добрую почву, приносили добрые плоды. Раскрывая смысл притчи, Он объяснял:

«Выслушайте значение притчи о сеятеле: ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда наступит скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать»¹.

Он пытался укрепить в сознании слушателей созданный Им образ Царства Божия, предупреждая, что тот, кто не слушает Его слов и не исполняет их, уподобляется человеку безрассудному, который строит свой дом на песке: «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое»².

Избрав Царство Божие, Его сторонники должны были стойко следовать по избранному пути. Укрепляя их дух, Он призывал: «Возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия»³.

Вместе с тем Он не скрывал тех тягот, которые ждали его последователей на этом пути: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков; итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что

¹ Евангелие от Матфея. Глава 13. Стихи 18–23.

² Там же. Глава 7. Стихи 26–27.

³ Евангелие от Луки. Глава 9. Стих 62.

сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется»¹.

В борьбе за земное Царство Иисус испытал много разочарований и потерь. И чем больше их становилось, тем чаще Он обращался к идее второго — Небесного — Царства.

Оно принадлежит немногим, рассказывал Он, ибо «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»².

По этому пути пройдут только избранные. «Много званых, — указывал Он, — а мало избранных»³.

Избранными для Царства Небесного были дети, потому что в них не было греха⁴.

Избранными становились те, кто был рожден свыше, — от воды и Духа⁵, кто был праведен и чист сердцем, кто был нищ и страдал за правду, кто принимал Царство Божие, как дитя⁶.

Царство Небесное было открыто также для тех, кто искренне раскаялся в грехах. «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, — утверждал Он, — нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии»⁷.

Заслужить Царство Небесное могли не только праведные, не только раскаявшиеся, но и прощавшие обиды. «Если вы будете прощать людям согрешения их, — учил Иисус, — то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»⁸.

Для того чтобы войти в Царство Небесное, необходимо было не только отречься от пороков, не только обуздать страсти, но и избавиться от собственности. Только так можно было достичь совершенства. «Истинно говорю вам, — объяснял Иисус, — трудно богатому войти в Царство Небесное. И еще говорю вам: удобнее

¹ Евангелие от Матфея. Глава 10. Стихи 16–22.

² Там же. Глава 7. Стих 14.

³ Там же. Глава 22. Стих 14.

⁴ Там же. Глава 19. Стих 14.

⁵ Евангелие от Иоанна. Глава 3. Стих 5.

⁶ Евангелие от Марка. Глава 10. Стих 15.

⁷ Евангелие от Луки. Глава 15. Стих 7.

⁸ Евангелие от Матфея. Глава 6. Стихи 14–15.

верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»¹.

В последние дни Своей земной жизни Он все чаще говорил о том, что в Небесное Царство сможет войти лишь тот, кто верит в Него. «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется»². «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную»³. «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня»⁴. «Иду от вас и приду к вам»⁵. «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во мне мир»⁶.

Раскрывая значение этих слов, Он использовал поэтический образ виноградной лозы, столь трепетно воспринимаемый во многих восточных странах:

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а отец Мой — Виноградарь; всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены чрез слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам»⁷.

Эти слова Он обращал к каждому, кто вел праведную жизнь и был готов последовать за Ним. Среди них были не только иудеи, но и язычники. Так, однажды Он воскликнул: «И в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковым в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов»⁸.

Иудеи теряли не только небесное, но и земное Царство. «Неужели вы никогда не читали в Писании, — обращался Он к ним, — камень,

¹ Евангелие от Матфея. Глава 19. Стихи 23–24.

² Евангелие от Иоанна. Глава 10. Стих 9.

³ Там же. Глава 5. Стих 24.

⁴ Там же. Глава 14. Стих 6.

⁵ Там же. Глава 14. Стихи 27–28.

⁶ Там же. Глава 16. Стих 33.

⁷ Там же. Глава 15. Стихи 1–7.

⁸ Евангелие от Матфея. Глава 8. Стихи 11–12.

который отвергли строители, тот самый сделался главою угла... Поэтому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его»¹.

Евангелие называет последователей Иисуса учениками, а созданное ими сообщество — братством и Церковью Христовой².

Необходимость создания новой Церкви Иисус объяснял с помощью образных, но предельно точных сравнений: «Никто не приставляет заплат к ветхой одежде, отодрав от новой одежды... И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут. Но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое»³.

Вместе с тем Он призывал сохранить связь с существующей церковью, как никто зная, что ни один, пив «старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит: старое лучше»⁴.

Создание Церкви Христовой, как отмечали многие исследователи, было обусловлено еще одной причиной — невозможностью создания Царства Божия на земле. Его пришествие было отсрочено. По образному выражению Д. Мережковского, оно прошло мимо человечества, «как чаша мимо уст». Вместо Царства была создана Церковь. Был выбран путь в чужую страну, а не в отчий дом; «пост вместо пира, плач вместо песни; разлука вместо свидания; время вместо вечности»⁵.

С таким выводом трудно согласиться, поскольку Иисус никогда не противопоставлял Царство Божие и Церковь. Они были неразделимы. Царство Божие было невозможно построить без Церкви. Церковь без Царства утрачивала свое предназначение.

Церковь Христова имела стройную организационную структуру.

Иисус был главой Церкви. Он принимал решения по самым важным вопросам, давал указания ученикам и вместе с тем нес ответственность за каждого из них⁶. Он всегда был с ними. «Где двое или трое собраны во имя Мое, — говорил Иисус, — там Я посреди них»⁷.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 21. Стих 43.

² О понятии «церковь» см.: Евангелие от Матфея. Глава 16. Стихи 18–19; Глава 18. Стих 17.

³ Евангелие от Луки. Глава 5. Стихи 36–38.

⁴ Там же. Стих 39.

⁵ Мережковский. Д. Указ. соч. С. 417.

⁶ Евангелие от Матфея. Глава 18. Стихи 11–13.

⁷ Там же. Глава 18. Стих 20.

Ближайший Его круг составляли Апостолы. Из них Он особо выделял Симона Петра, Иакова и Иоанна, сыновей Заведеевых. Он раскрывал им сокровенные тайны и делился с ними печальями. С ними Он поднялся на гору Фавор, чтобы они стали свидетелями Его преображения¹. Перед ними Он раскрывал таинство воскрешения из мертвых². И призвал их к Себе в Гефсиманском саду, когда был охвачен смертной скорбью, и не было больше сил переносить ее в одиночестве³.

Следующий круг составляли ученики Иисуса, которые хотя и не вошли в число Апостолов, но были близки к Нему.

И наконец, в Церковь Христову входили рядовые последователи Иисуса, которые шли к Нему в надежде не только на «жизнь вечную»⁴, но и на обретение нового братства: «Всякий, — обещал Он, — кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»⁵.

Он учил не только на словах, но и на Своих поступках. Однажды, когда Он читал проповедь, кто-то сказал Ему: «Вот, Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою». На это Он ответил: «Кто мать Моя, и кто братья Мои?» И указав рукою на учеников Своих, сказал: «Вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать»⁶.

Иисус создавал Церковь, основанную на началах свободы, равенства, любви, служения обществу.

Это была Церковь свободы, потому что никто не принуждался вступать в нее и не удерживался в ней силой.

Требовалось только одно: соблюдать Его заповеди. «Если заповеди Мои соблюдете, — говорил Иисус, — пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви... Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»⁷.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 17. Стихи 1–9.

² Евангелие от Марка. Глава 5. Стихи 35–43.

³ Евангелие от Матфея. Глава 26. Стихи 36–39.

⁴ Евангелие от Иоанна. Глава 3. Стих 16.

⁵ Евангелие от Матфея. Глава 19. Стих 29; см. также: Евангелие от Марка. Глава 10. Стихи 29–30.

⁶ Там же. Глава 12. Стихи 47–50.

⁷ Евангелие от Иоанна. Глава 15. Стихи 10, 14.

Главная заповедь сводилась к следующему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя»¹.

Вторая заповедь призывала к смирению и милосердию: «Вам слушающим говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»².

Третья заповедь наставляла в вере. «Кто не со Мною, — учил Иисус, — тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает»³. «А кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня»⁴.

Вера дарила Ему невероятные силы, и Он надеялся, что столь же необъятные силы раскроются в Его учениках. «Все возможно верующему», — объяснял Иисус⁵. Все, что попросите в молитве с верою, получите⁶. Даже если «будете иметь веру с горчичное зерно» и скажете горе перейти на другое место, она непременно перейдет, потому что нет ничего невозможного для тех, кто верит⁷.

Вступая в Его церковь, ученики должны были отречься от всего земного: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе власяница и сапожники, сокроуище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается, и где моль не съедает. Ибо, где сокровище ваше, там и сердце ваше будет»⁸.

Тот, кто не мог отрешиться от земного, не мог быть Его учеником. «Соль добрая вещь, — объяснял Он, — но если соль потеряет силу, чем исправить ее?»⁹

Он создавал Церковь равенства, потому что в ней все служили одной цели — созидали Царство Божие. «Сеющий и жнущий, — говорил

¹ Евангелие от Матфея. Глава 22. Стихи 36–40.

² Евангелие от Луки. Глава 6. Стихи 27–31.

³ Евангелие от Матфея. Глава 12. Стих 30.

⁴ Там же. Глава 10. Стих 40.

⁵ Евангелие от Марка. Глава 9. Стих 23.

⁶ Евангелие от Матфея. Глава 21. Стих 22.

⁷ Там же. Глава 17. Стих 20.

⁸ Евангелие от Луки. Глава 12. Стихи 33–34.

⁹ Там же. Глава 14. Стих 34.

Он, — вместе... один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились; другие трудились, а вы вошли в труд их»¹.

Обращаясь к ученикам, Он говорил им: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего»².

Он называл их братьями³ и Своими детьми⁴, призывая хранить мир между собой⁵ и решительно пресекая попытки кого-либо из учеников возвыситься над другими. Однажды они поспорили, кто из них первый. Тогда Иисус, «взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня»⁶. «Ибо кто из вас меньше всех, тот будет велик»⁷.

Эту заповедь Он часто повторял: «Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится»⁸. «И кто хочет быть первым между вами, да будет вам рабом; ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»⁹.

Он создавал Церковь любви, в которой каждый должен был любить другого так, как Он любил каждого из них¹⁰.

Любви Он учил не только на словах. Однажды, встав с вечери, Он «снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался; потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан». Пораженные этим событием, не в силах объяснить его, ученики молчали. И тогда Иисус обратился к ним: «Если Я, ваш Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу: ибо Я дал вам пример, чтоб и вы делали то же»¹¹.

¹ Евангелие от Иоанна. Глава 4. Стихи 36–38.

² Там же. Глава 15. Стих 15.

³ Евангелие от Матфея. Глава 23. Стих 8.

⁴ Евангелие от Иоанна. Глава 13. Стих 33.

⁵ Евангелие от Марка. Глава 9. Стих 50.

⁶ Там же. Глава 9. Стихи 36–37.

⁷ Евангелие от Луки. Глава 9. Стих 48.

⁸ Евангелие от Матфея. Глава 23. Стихи 11–12.

⁹ Евангелие от Марка. Глава 10. Стихи 44–45.

¹⁰ Евангелие от Иоанна. Глава 13. Стихи 34–35.

¹¹ Там же. Глава 13. Стихи 4–13.

С той же любовью они должны были относиться ко всем ближним, потому что Его Церковь была Церковью служения обществу.

Иисус настойчиво требовал: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте». И добавлял при этом: «Даром получили; даром давайте»¹.

На пир, учил Он, не зовите своих друзей, родственников или богатых соседей, но зовите нищих, увечных, хромых и слепых: «Блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных»².

Значение этих слов Он объяснил позже так: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей. И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»³.

Служение в Его Церкви требовало полного самоотречения. «От всякого, кому дано много, — говорил Он, — много и потребует; и кому много вверено, с того больше взыщут»⁴.

Его ученики должны были нести свет в общество, преобразовывая его на новых началах. «Вы — свет мира, — убеждал Иисус. — Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит

¹ Евангелие от Матфея. Глава 10. Стихи 7–8.

² Евангелие от Луки. Глава 14. Стихи 12–13.

³ Евангелие от Матфея. Глава 25. Стихи 31–40.

⁴ Евангелие от Луки. Глава 12. Стих 48.

свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»¹.

Открытость Церкви, ее неразрывная связь с обществом, стремление изменить его делали неизбежными столкновения с властью. Предстояла борьба, которая устрашала многих. И Иисус призывал: «Не бойтесь их: ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне»².

Это вызывало ненависть к Нему и к Его Церкви. «Если мир вас ненавидит, — объяснял Он, — знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое... вы не от мира... потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал Вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше»³.

Его жизни часто угрожали. Об одной истории рассказал Апостол Иоанн: «Тут опять Иудеи схватили камни, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты... человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание, — Тому ли, Которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий?»⁴

Круг, смыкавшийся вокруг него, становился все уже. Он мог бежать, скрывшись в чужеземных странах, в горах Галилеи, в пустыне, примыкавшей к Мертвому морю. Но оставить Свою Церковь Он не мог.

Была еще одна, возможно, главная причина. Своей смертью Он мечтал искупить зло, существовавшее в мире, и открыть новые врата Небесного Царства, дав вечную жизнь другим.

¹ Евангелие от Матфея. Глава 5. Стихи 14–16.

² Там же. Глава 10. Стихи 26–28.

³ Евангелие от Иоанна. Глава 15. Стихи 18–20.

⁴ Там же. Глава 10. Стихи 31–36; Глава 8. Стих 59.

Свой выбор Он объяснял так: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно: а если умрет, то принесет много плода»¹.

Он отдавал жизнь за жизнь мира², чтобы «всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»³.

На одной из последних встреч «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил его и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»⁴.

Значение этих слов, положенных в основу обряда Евхаристии, ясно. Уходя из жизни, Он желал, чтобы Его ученики, когда ели хлеб, вспоминали Его, а когда пили вино, грезили о Нем.

Параграф третий. Первые христианские общины

После смерти Иисуса Его учение стремительно распространилось благодаря мессианской деятельности Апостолов и безвестных проповедников, которые во множестве рассеялись по Римской империи. К началу II в. христианские общины появились практически во всех ее городах.

В христианские общины вступали не только иудеи. Однажды это вызвало столкновение между Апостолом Петром и другими членами иерусалимской общины. Они настаивали на том, что язычники не могут быть посвящены в таинства учения Христа. На это Апостол Петр возражал, утверждая, что и на язычников сошел Дух Святой. «Если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, — говорил он, — то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?»⁵.

Впрочем, яростные споры между сторонниками «иудейской чистоты» и межэтнического единения существовали еще долгое время. Во время одного из них иерусалимская община решила не возлагать на «язычников» бремени большего, чем самое необходимое. В частности, они должны были воздерживаться от идоложертвенного, крови и блуда и не делать другим того, что не желают себе⁶. И только

¹ Евангелие от Иоанна. Глава 12. Стих 24.

² Там же. Глава 6. Стих 51.

³ Там же. Глава 3. Стих 16.

⁴ Евангелие от Матфея. Глава 26. Стихи 26—28.

⁵ Деяния святых Апостолов. Глава 11. Стихи 15—17.

⁶ Там же. Глава 15. Стихи 28—29.

со временем, во многом усилиями Апостола Павла, укоренились общие принципы организации христианских общин:

«Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех»¹.

«Все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом»².

«Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса... Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»³.

О первых христианских общинах Деяния Апостолов рассказывают так: «Они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа»⁴.

Благодаря этому свидетельству об устройстве первой христианской общины можно выделить несколько ее черт: общая собственность, распределение имущественных благ по нужде каждого, единые ритуалы (священнодействия) в виде общих молитв и преломления хлеба, руководящая роль Апостолов, которые посредством обучения и общения прививали своим последователям новые нормы поведения и отношений с окружающим миром.

В подтверждение приведем еще одно свидетельство: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»⁵.

Это была община, основанная на труде и милосердии. Им Апостолы учили на собственном примере. Так, Апостол Павел говорил: «Ни се-

¹ Послание к римлянам святого Апостола Павла. Глава 10. Стих 12.

² Первое послание коринфянам святого Апостола Павла. Глава 12. Стих 13.

³ Послание к галатам святого Апостола Павла. Глава 3. Стихи 26–28.

⁴ Деяния святых Апостолов. Глава 2. Стихи 42–47.

⁵ Там же. Глава 4. Стихи 32–35.

ребра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал; сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать»¹.

Но возможно главное, что отличало христианские общины — это стремление пробудить в каждом дремлющие в нем силы или дары Святого Духа. Обращаясь к этой теме, Апостол Павел писал: «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу: одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков»².

Эти дары предназначались прежде всего нищим и обездоленным. Их «избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его»³.

Они, «как живые камни», должны были построить из себя «дом духовный, священство святое». Их призвал Христос «из тьмы в чудный Свой свет»⁴.

Новая вера отличалась от других религий и культов. «Мы проповедуем, — говорил Апостол Павел, — Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие»⁵.

Но именно этот образ стал краеугольным камнем нового миропорядка, в котором христиане были служителями духа, потому что «буква убивает», и только дух животворит⁶.

Так формировалась новая общность людей — еkkлeзия, в которой объединялись все последователи Христа⁷.

¹ Деяния святых апостолов. Глава 20. Стихи 33–35.

² Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 12. Стихи 4–10.

³ Соборное послание святого Апостола Иакова. Глава 2. Стих 5.

⁴ Первое соборное послание святого Апостола Петра. Глава 2. Стихи 5, 9.

⁵ Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 1. Стих 23.

⁶ Второе послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 3. Стих 6; см. также: Послание к римлянам святого Апостола Павла. Глава 7. Стих 6.

⁷ Подробнее см.: *Зом Р.* Церковный строй в первые века христианства. М., 2005. С. 32–45.

Но не только этим привлекали Апостолы. Они учили тому, как обрести свободу. «Кто вникнет в закон совершенный, — призывал Апостол Иаков, — закон свободы, и пребудет в нем, тот будучи не слушателем забывчивым, но и исполнителем дела, блажен будет в своем действовании»¹.

Свобода предполагала ответственность. Поэтому Апостол Иаков призывал: «Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы»².

А это, в свою очередь, предполагало ведение добродетельной жизни, свершение добрых дел. Как говорил Апостол Петр, «покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь»³.

Продолжая эту тему, Апостол Иоанн сказал: «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь... Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас»⁴.

Эти начала во многом предопределили организационное развитие христианских общин. Они приобретали все более сложный характер.

Так, в иерусалимской общине в помощь двенадцати Апостолам были избраны семь диаконов, «исполненных Святого Духа и мудрости» для ведения хозяйственных дел⁵. Со временем число Апостолов увеличилось. Был сформирован совет пресвитеров — старейших членов общины. Вместе с Апостолами они принимали «определения» по разным вопросам организации иерусалимской общины⁶. Появились новые должности, в частности «мужей начальствующих между братьями»⁷.

Как сказано в одном из посланий Апостола Павла, Господь «поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова»⁸.

Формировались даже собственные суды для разрешения споров между членами общин. Эта практика утвердилась настолько прочно,

¹ Соборное послание святого Апостола Иакова. Глава 1. Стих 25.

² Там же. Глава 2. Стих 12.

³ Второе соборное послание святого Апостола Петра. Глава 1. Стихи 5–7.

⁴ Первое соборное послание святого Апостола Иоанна. Глава 4. Стихи 8, 12.

⁵ Деяния святых Апостолов. Глава 6. Стихи 1–3.

⁶ Там же. Глава 16. Стих 4.

⁷ Там же. Глава 15. Стих 22.

⁸ Послание к ефесянам святого Апостола Павла. Глава 4. Стихи 11–12.

что когда Апостол Павел узнал, что христиане Коринфа передают свои споры в светские суды, он разразился не свойственной для него яростной тирадой: «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? Если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела? Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские? А вы, когда имеете житейские тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значущих в церкви. К стыду вашему говорю: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими?»¹

Следует заметить, что в христианской общине не было той строгой иерархической соподчиненности, которая была присуща существовавшим тогда государственным и церковным властям. Она строилась на совершенно других началах. Так, Апостол Павел подчеркивал необходимость свободы слова: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»². Именно эти начала страстно умолял сохранить Апостол Петр: «Пастырей ваших умоляю я... пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия. И не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду... Также и младшие, повинуйтесь пастырям; все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать»³.

Апостолам не был присущ приказной тон. Они стремились объяснять, убеждать либо умолять своих последователей следовать заповедям Христа.

«Умоляю вас, братия, — обращался к римлянам Апостол Павел, — милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего...»⁴

Вместе с тем он постоянно призывал задумываться над смыслом его слов: «Я говорю вам, как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю»⁵. По сути, это было общение равных.

¹ Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 6. Стихи 1—5.

² Там же. Глава 11. Стих 19.

³ Первое соборное послание святого Апостола Петра. Глава 5. Стихи 1—5.

⁴ Послание к римлянам святого Апостола Павла. Глава 12. Стих 1.

⁵ Первое послание к коринфянам святого Апостола Павла. Глава 10. Стих 15.

Одной из постоянных забот Апостолов было укрепление новых общин. «Обходя их всех»¹, они следили за тем, как были усвоены новые правила христианской жизни и насколько они единообразно соблюдались. В этих целях принимались «определения, постановленные Апостолами и пресвитерами в Иерусалиме»².

Христианские общины постоянно стремились укрепить связи между собой, поддерживая друг друга в беде. Так, в голодные годы ученики антиохийской общины посылали «каждый по достатку своему пособие» христианам, жившим в Иудее³.

Апостолы часто призывали к смирению перед властью. Обращаясь к этой теме, Апостол Петр писал: «Будьте покорны всякому человеческому начальству... как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии»⁴.

Таким образом, в самом призыве к повиновению власти была заложена идея ее неприятия. Обращаясь к этой теме, русский историк христианства Н.А. Заозерский отмечал, что Апостолы учили не только Божественному закону, но и тому, как устроить «личную жизнь соответственно этому закону, совершенно независимо от того, будет ли такое поведение согласоваться со сложившимся социальным укладом и даже с политическими законами. Да, евангельский закон безусловен. Он не делает уступок или приспособлений к национальным, социальным и политическим условиям, но господствует над ними, их облагораживая, возвышая до себя. Он открыт всему человечеству, призываемому в Новый Завет, или союз с Богом-Отцом, в союз сыновства и любви...»⁵

Плоды этих трудов долгое время определяли уклад христианских общин, о чем свидетельствуют яркие описания со страниц книг Тертулиана.

В таких общинах все, как рассказывал он, были равны. Не было различий между мужчинами и женщинами, представителями разных племен: «Душа снизошла с неба не для латинян только и греков. Все

¹ Деяния святых Апостолов. Глава 9. Стих 32.

² Там же. Глава 16. Стих 4.

³ Там же. Глава 11. Стих 20.

⁴ Первое соборное послание святого Апостола Петра. Глава 2. Стихи 13–16.

⁵ *Заозерский Н.А. О сущности церковного права // Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. М., 2005. С. 258.*

народы — один человек, различно имя; одна душа, различны слова; один дух, различны звуки»¹.

Христиане составляли единую общность благодаря познанию религии, единству учения и союзу надежды. «Мы собираемся, — писал Тертуллиан, — чтобы читать Священное Писание, из которого, смотря по обстоятельствам, черпаем необходимые для нас сведения и наставления. Святыми словами мы воспитываем веру, укрепляем надежду, утверждаем мужество, никакими распрями не мешая учению наставников. Тут же происходят увещевания, исправления и приговоры божественные (*censura divina*). Ибо суд производится со всей строгостью исследования и с уверенностью в присутствии Божиим, а потому-то уже служит явным предзнаменованием будущего осуждения, если кто проступками заслуживает быть отлученным от общения в молитвах и собраниях и во всяком святом деле. Председательствуют люди честные и старейшие, приобретшие эту честь не деньгами, а общим одобрением, ибо на деньгах не основывается никакое дело Божие»².

Праведный образ жизни христиане хранили и после собраний, возвращаясь «не в шайки убийц, не в толпы бродяг, не для совершения разврата, но для той же заботы о скромности и умеренности»³.

Так христиане сосуществовали с другим, греховным миром, не соприкасаясь с ним. «С язычниками дозволено сосуществовать, — писал Тертуллиан, — но не умирать в грехе... У нас одна душа, но не одно учение, мы совместно владеем миром, но не заблуждением»⁴.

Вместе с тем их многое сближало.

Они отдавали своих детей в общие школы, поскольку без этого было невозможно получить религиозное образование⁵.

Они не отказывались от большей части общественно значимых дел. Обращаясь к неверующим, Тертуллиан писал: «Мы с вами и плаваем, и отправляем военную службу, и занимаемся сельским хозяйством, и торгуем... Я не понимаю, каким образом мы кажем-

¹ Тертуллиан. О свидетельстве души // Тертуллиан. Апология. М., 2004. С. 307.

² Цит. по: Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. С. 268. Перевод Н.А. Заозерского.

³ Тертуллиан. Апология. С. 279.

⁴ Тертуллиан. Об идолопоклонстве // http://www.tertullian.org/russian/De_idols.

⁵ Там же.

ся бесполезными для торговых дел, с которых и от которых мы живем»¹.

Напротив, христиане всегда стремились служить общественному благу. «Пусть Юпитер протянет руку, — убеждал Тертуллиан, — тогда и он получит помощь, ибо наше милосердие иногда больше тратит на улицах, чем ваша религиозность в храмах»².

Впрочем, христианское милосердие не допускало какого-либо содействия идолопоклонству. По словам Тертуллиана, «никакое ремесло, никакое занятие, никакая торговля, которые служат созданию идолов или их украшению», не могут считаться дозволенными³.

Христианин должен был всегда думать о том, как его слово и дело соотносятся с запретом на поклонение идолам.

Какое бы высокое положение ни занимал христианин, он не мог совершать жертвоприношений, поддерживать их весом своей власти, распределять обязанности по уходу за языческими храмами и обеспечивать их денежным довольствием. Он не имел права устраивать зрелища за свой либо общественный счет, председательствовать на них либо клясться. Ему запрещено было быть судьей по уголовным делам и по делам об оскорблении, выносить приговоры, распорядиться о заключении в кандалы, тюрьмы либо о применении пыток⁴.

Идолопоклонство, предупреждал Тертуллиан, находило себе убежище не только в языческих храмах, но и в театрах и цирках. Поэтому христианам было запрещено посещать их⁵.

Учение, да и сам образ жизни христиан вызывали сперва недоумение, неприязнь, а потом и ненависть. Молва приписывала христианам одни злодеяния, обвиняла во всех общественных бедствиях. Тертуллиан пытался найти истоки этих нападков. И находил — в жестоких правителях, в сенаторах, погрязших в пороках, в торговцах, поглощенных погоней за прибылью. Они искали расположения черни⁶, этих «ангелов безбожия»⁷, и натравливали их на христиан.

¹ Тертуллиан. Апология. С. 263.

² Там же. С. 264.

³ Тертуллиан. Об идолопоклонстве.

⁴ Там же.

⁵ Тертуллиан. Апология. С. 263.

⁶ Там же. С. 295.

⁷ Тертуллиан. О воскресении плоти // Тертуллиан. Апология. С. 48–49.

Обличая гонителей, Тертуллиан восклицал: «Ваши всегда заполняют темницы, ваши издают стоны в рудниках, ваши всегда насыщают зверей, ваши всегда составляют стада преступников... Там нет ни одного христианина; а если и есть, то потому только что христианин; а если он там по другой причине, то он уже не христианин... Только мы одни невинны»¹.

Но, конечно, главным врагом христианства был император. Одной из причин его ненависти был отказ христиан называть его Богом². Не менее важным было то, что они проповедовали верность иной власти: «Ничто нам так не чуждо, как политическая жизнь. Мы признаем одно всеобщее государство — мир»³.

Этот мир и предстояло завоевать воинам Христа.

С Христом, убеждал Тертуллиан, «каждый верующий гражданин является солдатом»⁴. Как воин хочет войны, так и христианин хочет страдать. Тертуллиан пишет: «Наше сражение состоит в том, что мы вызываемся на суд, чтобы бороться за истину под страхом лишиться жизни»⁵.

Это была «битва против... учреждений предков, против авторитетов жрецов; против законов повелителей; против аргументации философов, против древности, привычки, судьбы; против примеров, пророчеств, чудес» — против всего, на чем держалась власть языческих богов⁶.

Чтобы воспитать истинных воинов Христа, требовалось много усилий. И Тертуллиан не жалел сил.

«Ты, — обращался он к своим слушателям, — являешься странником в этом мире, гражданином Иерусалима, Небесного Града»⁷.

Поэтому не стоит бояться смерти: «Свет, ежедневно исчезающий, снова появляется; точно так же и тьма после своего исчезновения снова возвращается. Потухшие звезды снова испускают лучи. Времена там начинаются, где оканчиваются. Плоды созревают и снова растут. Семена только такие дают обильный рост, которые сгнили. Все сохраняется, погибая, и все восстанавливается через погибель. Ты, человек...

¹ Тертуллиан. Апология. С. 265.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 276.

⁴ Тертуллиан. De Corona. Приводится по: http://www.tertullian.org/works/de_corona.htm.

⁵ Тертуллиан. Апология. С. 295.

⁶ Тертуллиан. К язычникам // Тертуллиан. Апология. С. 179.

⁷ Тертуллиан. De Corona.

господин всего того, что умирает и оживает, неужели умрешь для того, чтобы не восстать?»¹

В борьбе за утверждение христианства было много жертв. И тем не менее его никто не мог сломить. Возможно, потому, что многие из первых христиан вслед за Апостолом Павлом могли сказать: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены, мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем... Мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей»².

Эта жертвенная борьба вскоре дала свои всходы. Христианство стало государственной религией сперва в Армении (301 г.), потом в Эфиопии (325 г.), Грузии (337 г.) и, наконец, в Римской империи (380 г.).

Параграф четвертый. Христианство в развитии государства и права

Христианство влияло на развитие государства и права в нескольких направлениях.

Прежде всего оно сдерживало благодаря заповедям единой веры, милосердия, смирения и любви те силы, которые разрушали христианский мир и целостность государств по национальным и социальным линиям разлома.

Вместе с тем оно служило мощным фактором их экономического роста. Оно прививало традиции добросовестного труда и братства. Церковные общины скрепляли людей крепкими узами. Во многом именно они определяли уклад экономической и социальной жизни, становясь первыми ячейками нового гражданского общества.

Велико значение христианства для развития экономических связей не только в христианском, но и другом, иноверном, мире. Как отмечал Фюстель де Куланж, христианство вместе с идеей Единого Бога принесло также понятие о единстве человеческого рода, запрещавшее ненависть к представителям других вероисповеданий и рас³.

Следует отметить, что в первые века после утверждения христианства его влияние на государство в основном не было прямым. Цер-

¹ Тертуллиан. Апология. С. 293.

² Второе послание коринфянам святого Апостола Павла. Глава 4. Стихи 8—11.

³ Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община Древнего мира. СПб., 1906. С. 454.

ковь не вмешивалась в дела государства. В свою очередь государство не вмешивалось в дела религии и церкви. Государство обрело свободу, которую ранее сковывали языческие религии. И «никакая иная власть, кроме власти нравственного закона, ее более не стесняла»¹.

Но наряду с этим пространственные пределы государственной власти стали более узкими. Государство уступило церкви регулирование многих областей — брачно-семейных и наследственных отношений, воспитания и образования, духовной жизни и нравственности.

Акты, принятые церковью, формировали свод канонического права. Следует отметить, что он никогда не был единым, поскольку христианская церковь изначально была раздроблена на множество течений и школ. Они нередко соперничали между собой. Так, в IV в. борьба за право стать духовным центром христианства развернулась между Римской, Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской церквями. С IX в. определяющим становится раскол между римской католической и православной церквями. Окончательно он оформился в 1054 г., когда римский папа и константинопольский патриарх предали анафеме друг друга.

Одной из причин раскола стало расхождение в понимании места и роли церкви в государстве и обществе. В условиях распада централизованных государств католическая церковь пыталась утвердить за собой положение не только независимой, но и верховной власти. Таким было первое разделение властей в эпоху Средневековья.

О тех процессах, которые происходили в то время, Г. Берман говорит так: «Церковь вознамерилась переделать и саму себя, и окружавший мир посредством права. Церковь сделалась юридическим лицом, видимой корпоративной общностью, не зависящей ни от имперских, ни от королевских, феодальных или городских властей. Были сформулированы автономные своды права, сначала в рамках церковной сферы власти, а затем и в рамках разных областей светской сферы, — отчасти чтобы сохранить связность каждой власти, отчасти чтобы произвести реформу каждой из них, а отчасти чтобы уравновесить их все»². Так начиналась, по словам Г. Бермана, папская революция XI в., которая перевернула Западный мир, утвердив в нем новые начала права.

¹ *Фюстель де Куланж Н.Д.* Указ. соч. С. 456.

² *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 91.

Для православной церкви, развивавшейся под сенью мощной, не утратившей сил Византийской империи, такое развитие событий было невозможным.

Следующий большой раскол произошел в XVI–XVII вв., когда от католической религии отделились протестантские церкви. Это была вторая великая религиозная революция, сформировавшая новые контуры раздробленной Западной Европы.

Единство христианства постоянно нарушалось и за счет множества ересей, появлявшихся на протяжении многих веков.

И тем не менее христианство всегда оказывало мощное воздействие на светское законодательство христианского мира.

Так, еще в ноябре 451 г. византийский император Маркиан издал совместно с римским императором Валентинианом совместную Конституцию, согласно которой все акты, изданные в нарушение церковных канонов, признавались недействующими. Это требование было смягчено в Конституции, принятой в октябре 530 г. В ней содержалась норма о том, что «божественные каноны имеют силу не меньшую, чем законы». В более развернутом виде это положение было закреплено в 545 г. в 131-й новелле Юстиниана: «Предписываем, чтобы священные церковные каноны, изданные или подтвержденные четырьмя святыми соборами, а именно — Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским, имели ранг законов; ибо догматы четырех вышеназванных соборов мы признаем наподобие святых писаний, а их каноны храним, как законы».

Христианство смягчало многие нормы *Кодекса Юстиниана*. Под действием его идей были внесены нормы о предоставлении бывшим рабам всех прав римского гражданства, об отмене уголовных наказаний в виде обращения в рабство, о запрещении жестокого обращения с детьми, предоставлении имущественных прав женщинам¹.

Значительным было влияние христианства и на варварские правды, иные законодательные акты, которые появились после распада Римской империи.

Так, в *Аахенском капитулярии Карла Великого 802 г.* содержались следующие примечательные строки:

«Светлейший и христианнейший государь император Карл избрал из своих вельмож разумнейших и мудрейших мужей, как архиеписко-

¹ См.: *Литвиц Е.Э.* Право и суд в Византии в IV–VIII вв. М., 1976. С. 114–120.

пов, так и прочих епископов, а заодно и почтенных аббатов, и благочестивых светских лиц, и направил их во все свое королевство, и через них предоставил всем последующим жить согласно правому закону. Если же что где в законе установлено иначе, нежели по праву и справедливости, то он повелел тщательнейшим образом исследовать и доводить до его сведения, ибо он желает сам, с соизволения Божьего, исправить это. И никто да не дерзает, по умыслу своему или по лукавству, нарушать, как это многие часто делают, писанный закон или (чинить) самому себе правосудие, и да не притесняет ни церквей Божьих, ни бедных, ни вдов, ни сирот, и никаких вообще христиан; но да живут все вместе, согласно предписанию Божьему, праведно и правосудно, и... да пользуются светские лица и миряне правильно, без лукавого обмана, своими законами, да живут все в совершенном взаимном благоволении и мире, и да проводят те (государевы) посланцы тщательное следствие везде, где только какой-либо человек заявил бы, что он претерпел несправедливость от другого; и запретил своим верующим вражду, тем паче — человекоубийства...»¹

Отметим в этой связи, что империя Карла Великого современники называли Христианской империей².

Самый древний памятник славянского права, дошедший до наших дней, — *болгарский Закон судный людям*. Он был издан вскоре после принятия христианства в 865 г. Одно из основных его требований — «достойно о Божьей правде говорить». Прежде всего это требование касалось судопроизводства: «Во всяком споре обвинения и заявления князю и судьям следует не слушать без свидетелей (послухов) многих, но говорить спорящим — и обвинителям и заявителям, — если не представите свидетелей, как и закон Божий велит, принять ту же казнь ожидайте, какую готовили другим... По всем этим (делам) подобает во всяком споре князю и судьям со всяческим вниманием и терпением производить расследование и не осуждать без свидетелей, но требовать свидетелей правдивых, богобоязненных, уважаемых и не имеющих никакой вражды, ни лукавства, ни ненависти, ни тяжбы, ни спора, но свидетельствующих из страха перед Богом и ради его правды»³.

¹ Аахенский капитулярий Карла Великого. Перевод В.М. Корецкого.

² Berman H. Law and Revolution. Vol. II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Traditions. Harvard, 2003. P. 32.

³ Закон судный людям. Здесь и далее — перевод Е.А. Тихомировой.

Книга Суда (Doom Book – первый английский свод законов короля Альфреда (конец IX в.)) содержала изложение десяти заповедей (Декалога) Моисея и некоторых других норм Ветхого Завета, перевод Нагорной проповеди Христа и пересказ отдельных деяний Апостолов. Многие ее положения были навеяны заповедями Библии. Так, в этом своде законов было следующее наставление судьям: «Суди очень ровно: не приговаривай одного приговора богатому, а другого бедному и не приговаривай одного твоему другу, другого твоему недругу»¹.

Еще более полно христианские заповеди были отражены в *Законах Кнута*, завоевавшего Англию в 1017 г. «Первое, чего я желаю, – повелевал новый король, – это чтобы вводились хорошие законы и усердно уничтожалось всякое беззаконие, и чтобы всякая несправедливость выкорчевывалась и искоренялась, как только возможно, в этой стране. И пусть установится правда Божья, и пусть отныне каждый, бедный и богатый, будет под защитой народного права, и да судят их по справедливости... И мы предписываем, чтобы по ничтожному делу не присуждали христианина к смерти, но устанавливали лучше мягкие наказания ко благу народа, дабы не погибало из-за ничтожного дела Божье создание и то добро, что он приобрел дорогою ценою... И мы предписываем, чтобы принялись заботливо очищать страну во всех концах и оставили всяческие преступные деяния; и если будут пойманы ведьмы или волхвы, убийцы или блудницы, то пусть их усердно изгоняют из этой страны или совершенно уничтожают в ее пределах, разве только они отстанут (от своих дел) и пожелают наисурово искупить их... Необходимо также хорошенько заняться улучшением мира и улучшением денег: улучшением мира, как это приятнее всего домохозяину и неприятнее всего вору, и улучшением денег так, чтобы одна и та же монета имела хождение по всей стране без всякой порчи, и никто не мог бы отказывать (в приеме ее)»².

Новый этап в истории христианского права наступил во времена римского папы Григория VII, который стал идейным вдохновителем Папской революции, заложившей фундамент нового правопорядка Западной Европы. О том, какими эти основания были, можно судить по следующему призыву Григория VII. «Кто не знает, – писал он, – что

¹ Sourcebook Medieval The Anglo-Saxon Dooms, 560–975 // <http://www.fordham.edu/halsall/source/560-975doods.htm>.

² Законы Кнута. Перевод В.М. Корещкого.

короли и князья ведут свое происхождение от людей, не знавших Господа, которые возвысились над своими собратьями благодаря гордости, грабежу, предательству, убийству, короче, благодаря всевозможным преступлениям, подстрекаемые Дьяволом, князем мира сего, людей, ослепленных жадностью и невыносимых в своей наглости?.. Короли и князья земли, соблазненные пустой славой, предпочитают свои собственные интересы вещам духовным, в то время как благочестивые понтифики, презируя тщеславие, ставят вещи Господние выше вещей телесных... Первые, чрезмерно предавшиеся мирским делам, мало думают о духовных вещах, вторые же, жадно размышляя о небесных предметах, презируют вещи от мира сего»¹.

Подводя итоги Папской революции, Г. Берман отмечал, что после Григория VII церковь приняла многие отличительные черты государства в его современном понимании. Церковь стала независимой, иерархически построенной публичной властью. Ее глава, папа, имел право издавать законы собственной властью либо с помощью созываемых им церковных соборов². О том, как эта право осуществлялось, можно судить по папским Диктатам 1075 г., в которых существовавший политический и правовой порядок был объявлен отмененным. Папа объявлял себя «единственным судьей всех» и утверждал за собой право «создавать новые законы в соответствии с нуждами времени»³.

На волне Папской революции, как отмечает Г. Берман, «возникли новая система канонического права и новые светские правовые системы, а с ними и класс профессиональных адвокатов и судей, иерархия судов, юридические школы, юридические трактаты и концепция права как автономного, интегрированного, развивающегося свода принципов и процедур. Западная традиция права формировалась в контексте тотальной революции, целью которой было установление «правильного порядка вещей» или «правильного порядка мира»⁴.

Акты пап Григория VII, Александра III, Иннокентия III, Григория IX, Латеранских соборов, труды великих католических богословов Грациана и других были положены в основу нескольких компиляций

¹ Цит по: *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. С. 115.

² Там же. С. 118.

³ Цит. по: *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. С. 110.

⁴ Там же. С. 122.

(*corpus juris canonici*) – предвестников первой современной редакции католического Кодекса канонического права 1918 г.¹

В сферу канонического права вошли не только вопросы внутренней организации церкви, но и брачно-семейные и наследственные отношения, а также регулирование церковной собственности, которая охватывала не менее четверти земельных владений в Западной Европе.

Принципы христианского права были подтверждены и развиты во многих актах не только духовной, но и светской власти. Начиная с конца XI в. во многих христианских государствах принимаются акты «О Мире Господнем» с целью остановить царившие в то время насилие и зло. Они призывали к примирению, отказу от насилия, использованию судебных процедур, иных законных средств для разрешения споров, утверждая тем самым новое право².

А первым актом, воплотившим многие христианские заповеди, стали *Ассизы Ариано 1140 г.* – свод законов короля Сицилии Рожера II. В пространной преамбуле этого акта провозглашается, что основными его целями являются справедливость, милосердие и сохранение правопорядка: «Поскольку мы по Его благоволению наделены властью хранить справедливость и законы, мы должны их частично усовершенствовать и частично заменить новыми, и те из нас, кто сохраняет милосердие, должны решать все дела более милосердно и толковать их более добрым образом, особенно в тех случаях, когда проявляемая в делах жестокость становится в определенной мере бесчеловечной... Поэтому мы желаем и повелеваем, чтобы вы преданно и с радостью приняли положения, которые мы представили обществу в настоящем своде и которые были обнародованы нами либо вновь подтверждены»³.

Примечательна первая статья Ассиз Ариано, посвященная толкованию законов: «Мы повелеваем, чтобы новые законы, принятые Нашим Величеством и смягчающие благодаря чувству благочестия чрезмерную строгость и поощряющие благожелательное правление и устраняющие из законов все, что является неясным, полностью соблюдались всеми. Принимая во внимание разнообразие различных

¹ Современная редакция на русском языке: Кодекс канонического права. М., 2007.

² Первоначально это движение началось в аббатстве Ключи на юге Франции. Подробнее см.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 97–98, 463–472.

³ The Assizes of King Roger // Text of Cod, Vat., lat. 8782 (www.leeds.ac.uk).

народов, находящихся под нашим правлением, традиции, обычаи и законы, действующие среди них, не будут отменяться, если только их исполнение не вступает в явное противоречие с нашими повелениями, изложенными здесь»¹.

Христианские идеи оказали глубокое влияние и на *Саксонское зеркало* — свод законов Саксонии, составленный Э. фон Репковым в 1220—1235 гг. В этом акте была впервые обоснована концепция единства прав и обязанностей, благодаря чему право предстало в новом качестве — как целостное явление, которое обладало четкой структурой внутренних связей.

Э. фон Репков последовательно защищал права и свободы. «Бог, — писал он, — создал человека по своему подобию и своими стараниями освободил одного так же, как и другого. Ему бедный так же близок, как и богатый»². Божественный порядок вещей требовал, по его мнению, признания личной свободы. «По правде говоря, — продолжал автор Саксонского зеркала, — мой ум не может понять того, что кто-нибудь должен быть в собственности другого»³.

Право должно было защищать не только собственность, иные права и свободы личности, но и политические права народа. Прежде всего речь шла об избрании верховной власти. Это требование было непосредственно отражено в Саксонском зеркале: «Немцы должны выбирать короля по праву»⁴. Более того, этот свод законов закреплял право народа на сопротивление произволу власти: «Каждый может... оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь в обороне от них всяким способом... и этим он не действует против своей обязанности верности»⁵.

Большой интерес представляют *Кутюмы Бовези* — сборник обычного права северо-восточной части Франции, составленный в 1282 г. одним из крупнейших юристов того времени Филиппом Бомануаром. В этом документе органично сочетались библейские заветы, королевские установления, нормы древнего права. В подтверждение приведем лишь несколько норм, посвященных обязанностям балы — чиновни-

¹ The Assizes of King Roger.

² Саксонское зеркало. М., 1985. С. 95.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Там же. С. 111.

ка, следившего за соблюдением законов во вверенных ему местах. Как и в Декалоге, Кутюмы Бовези закрепляли десять заповедей:

«Человек, желающий быть справедливым и честным бальи, должен обладать десятью добродетелями, из которых одна является главной и госпожей над всеми другими, и без нее не могут существовать другие добродетели правителей. И эта добродетель называется мудростью... Вторая добродетель, которую должен иметь бальи, это то, что он должен сильно любить Бога — нашего Отца и Спасителя, а также из любви к Богу святую церковь. И речь идет не о любви, которую некоторые слуги питают к своим сеньорам, любви, основанной на страхе и боязни, а о подлинной любви, той, которой сын должен любить отца... Третья добродетель, которой должен обладать бальи, — это спокойствие и доброта; ему должны быть чужды свирепость и жестокость. Но он не должен быть добр ни к изменникам, ни к жестоким, ни к совершающим преступления, потому что к такого рода людям он должен показать себя строгим и даже суровым, чтобы положить конец их злодеяниям... И нет большего блага для бальи, как выкорчевать зло при помощи скорого суда. И так, когда мы говорим, что бальи должен быть добр, это значит, что он должен быть добр к тем, кто желает блага и к простому народу, а также в тех случаях, которые произошли больше по несчастью, чем по злему умыслу... Четвертая добродетель, которой должен обладать бальи, — это терпение и умение внимательно выслушать, способность не выходить из себя ни в каком случае, ибо бальи, который спешит с выводами или терзает и гневается, не может уяснить себе всего, что предлагают ему в суде. А если он не может всего этого себе уяснить и не может ничего хорошо запомнить, он не может надлежаще осуществить свою должность. Итак, бальи должен быть терпелив и внимательно выслушивать таким образом, чтобы предоставить тем, которые находились перед ним в суде, (возможность) высказать в суде все, что покажется необходимым одной стороне против другой, не прерывая их слов... Пятая добродетель, которой должен обладать бальи, — это смелость и энергичность без всякой лени. Ленивый бальи упускает множество обязанностей, которые следует осуществлять, предоставляя другим делать массу таких дел, которые должны быть сделаны им самим, и откладывает по своей лени решение таких вопросов, разрешение которых должно быть осуществлено незамедлительно. О смелости же мы говорим потому, что без этой добродетели бальи не может делать то, что относится к его должности, ибо, если он

труслив, он не сможет обвинить богатого человека, который совершил что-либо против бедняка, не посмеет осудить того, кто заслужил смерти, из страха за свою семью, и он не посмеет арестовать преступников, ни схватить их из страха, что они могут оказать сопротивление... Но всегда, когда ему надлежит действовать решительно, он должен делать это разумно... Шестая добродетель, которая должна быть присуща бальи, — щедрость... Седьмая добродетель, необходимая бальи, состоит в том, что он должен повиноваться приказам своего сеньора... Восьмая добродетель, необходимая тому, кто взял на себя должность бальи, — быть настоящим знатоком (своего дела)... Девятая добродетель, которая должна быть у того, кто взял на себя (должность) бальи, состоит в том, чтобы он был способным, сообразительным и умел хорошо исполнять (свои обязанности), не причиняя вреда другим, а также хорошо считать... Десятая добродетель, которая должна быть у того, кто взял на себя (должность) бальи, — лучшая из всех, без которой ни одна ничего не стоит, потому что она озаряет все остальные. Эта добродетель называется верностью...»¹

Еще одним примером влияния христианства на законодательство может служить *Ландслаг (Закон земли) короля Швеции Магнуса Эрикссона 1347 г.*, который закрепил следующие обязанности короля: «... любить Бога и святую церковь и защищать ее права и ни в чем не нарушать королевские права, права короны и всего шведского народа... защищать, любить и охранять своим королевским правом и властью все справедливое и истинное и подавлять все несправедливое, дурное и незаконное... быть верным всему своему народу; никоим образом не причинять ущерба ни жизни, ни телу ни бедного, ни богатого, если тот не уличен в преступлении по закону и правам королевства; не отбирать иначе как по закону и законному приговору суда у кого-либо имущество... управлять своим королевством — Швецией — и править вместе со шведами, как это установлено издавна древними законами и обычаями королевства... Все древние законы Швеции, которые были приняты с одобрения и с согласия народа и были утверждены прежними королями и их королевской властью, должны соблюдаться, укрепляться и защищаться так, чтобы ничто незаконное не вошло в истинный закон... и чтобы никакие законы не принимались без согласия народа»².

¹ Кутюмы Бовези. Перевод Э.И. Лисохиной.

² Ланделаг Короля Магнуса Эрикссона. Перевод С.Д. Ковалевского.

Попытки утверждения христианских начал права предпринимались не только в западной, но и в других частях Европы.

Прежде всего отметим *Судебник Мхитара Гоша (1184 г.)*, великого армянского богослова и правоведа.

Судебник состоял из пространныго введения и двух частей, посвященных церковным канонам и светским законам.

Основная его идея — человек должен пребывать в праве не по принуждению, а по доброй воле, защищая «справедливость любовью и состраданием» и храня «в душе как семя» неизменные заповеди Евангелия, законы Ветхого Завета и назидания пророков¹.

Эту цель было трудно осуществить, потому что «зло погасило знание», которым люди обладали от природы; «грех обратил совершенное творение в несовершенное; ненависть же предотвратила любовь и сострадание»². Поэтому Мхитар Гош пытался не только создать совершенные нормы права, основанные на изучении Библии и законов других, главным образом христианских, государств, но и пробудить сознание людей³.

Пробуждая сознание народа, очищая его от предрассудков и заблуждений, Мхитар Гош утверждал:

«Создатель сотворил человеческое существо свободным, — зависимость же от господ возникла из-за нужды в земле и воде. И я считаю подобающим такое решение, чтобы человек, покинувший господские (землю и воду), был волен жить там, где он захочет»⁴.

«Царем по власти следует признать только Бога. Люди же царями могут быть лишь по названию, а не по истине»⁵.

«Наказывать царя, если окажется это необходимым для поддержания мира, можно по воле другого царя и патриарха и со всеобщего одобрения»⁶.

«Работать на князя и господина должно один день из семи дней в неделю. Заставлять же попавшего в зависимость работать больше этого — великое беззаконие»⁷.

¹ Судебник Мхитара Гоша. Ереван, 1954. Введение. Глава 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Ч. 2. Ст. 3.

⁵ Там же. Ст. 1.

⁶ Там же. Ст. 114.

⁷ Там же. Ст. 1.

Особого внимания заслуживают нормы, посвященные судебной власти. Судья, как пишет Мхитар Гош, «должен быть опытным, сильным в познании, искусным в Священном Писании, равно как в человеческих делах, дабы творить суд безошибочно. Необходимо, чтобы он был совершеннолетним, вдумчивым, развитым умственно и трезвым, дабы по неведению не совершить каких-либо ошибок. Ибо... творить суд — дело Божье, ибо Бог — истинный судья; остальные же судьями называются наподобие Ему»¹.

Эти общие требования раскрывались в следующих наставлениях судьям: «Судьи должны денно и ночью читать не только книги Ветхого и Нового Завета, но и ловить слова мудрых людей всех народов и размышлять над ними. В словах этих, если они и не будут иметь специального отношения к судебным делам, судьи будут черпать силу и будут подражать самым мудрым людям. Судья должен быть во всех отношениях добрым и благочестивым и пуше всего без гнева, завистливым, дабы при разбирательстве дела тяжущиеся не подумали, что вследствие зависти или гнева судей вынесен неправильный приговор. Судьи должны быть также долготерпеливы и милостивы, ибо обстоятельства дел зачастую бывают трудноуловимые и неизвестные. Посему пусть они решают дело не легкомысленно, но занимаются им терпеливо, по целым дням, и, расследовав дело в течение достаточного времени, решают его опять при заседателях»².

В Древней Руси попытку укоренения христианских заповедей предпринял киевский князь Владимир Мономах. В *Поучении* он наставлял своих наследников, а вместе с ними из подданных княжества:

«Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия...

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите, и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами,

¹ Судебник Мхитара Гоша. Введение. Глава 5.

² Там же. Глава 6.

а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души...

Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел...

А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего¹.

Отметим также удивительный по глубине, но, как ни странно, мало известный памятник русского права второй половины XIII в. — *Мерило праведное*, в котором содержались наставления судьям, нормы канонического и светского права².

Мерило праведное было написано вскоре после татаро-монгольского нашествия и содержало описание страшных бедствий, постигших землю Русскую: «Не рассеяны ли мы по лицу всей земли? Не взяты ли города наши? Не пали ли князья наши сильные от острого меча? Не попали ли в плен наши дети? Не стоят ли в запустении Божии церкви? Не томимся ли мы каждый день от поганых? Все это произошло с нами за то, что не хранили заповедей нашего Спасителя»³.

По убеждению составителей Мерила праведного, Русскую землю могло спасти только возрождение христианских заповедей и утверждение подлинных начал правосудия. И книгу свою они составили как «известие истинное, свет уму, око слову, зеркало совести, тьме светило, слепому помощь, как ум премудрый и сокровенный разум».

Обращаясь к судьям, Мерило праведное подкрепляло свои указания и наставления стихами из Ветхого Завета и Евангелий, назиданиями святых отцов православной церкви, повелениями византийских императоров и русских князей.

¹ Повесть временных лет. С. 236–256.

² В 1962 г. был опубликован оригинальный текст памятника, представленный в виде фотографий рукописных листов без перевода и комментариев: Мерило Праведное. По рукописи XIV в. М., 1962.

³ Мерило праведное // Дом Живоначальной Троицы. Славянские рукописи (<http://www/stsl.ru/manuscripts>).

Так, призывая избегать суетных слов, авторы Мерила праведного учили:

«Кто даст устам моим замок,
Чтоб запирать уста я мог
И чтобы не вышла никогда
Из уст душе моей беда?»

Приведем еще одно положение, которое обосновывало необходимость борьбы с клеветой:

«Меч уязвляет наше тело.
Ум уязвляет злое слово.
Жестокое и злое дело
Рождается от слова злого»¹.

Корнем всему, наставляли авторы Мерила праведного, является Закон Божий: «...он для всех, кто знает Слово, как город, защищенный стеной».

Параграф пятый. Воплощенные образы Царства Божия

Ни церковь, ни правители Западной и Восточной Европы так и не смогли изменить природу светского государства. Царство Божие оставалось, как и прежде, недостижимой мечтой, что вызвало к жизни многие народные движения, направленные против государства и церкви.

Одним из самых мощных было движение гуситов, сторонников Яна Гуса, сожженного в Праге в 1415 г.

Через пять лет после его казни, 3 июля 1420 г., были опубликованы Четыре Пражские статьи, отразившие требования умеренной части движения — «чашников» или «утраквистов». Они требовали, во-первых, свободы возвещения и проповедования слова Божьего на разных языках на всей территории Чешского королевства; во-вторых, причащения всех христиан, неотягощенных смертными грехами, под обоими видами — телом и кровью Христовой (хлебом и вином); в-третьих, запрета священникам и монахам владеть «великими богатствами мирскими... во вред своему духовному сану и в ущерб светским властям, вопреки заповеди Христовой»; в-четвертых, разумного

¹ Цит по: *Воротников Ю.Л.* Круг чтения наших предков. Переводные сборники изречений // Вестник РАН. 2002. № 1. Т. 72. С. 37–42.

Отметим, что приведенные положения составители Мерила праведного взяли из широко известного в то время сборника «Пчела», в котором содержались библейские мудрости и высказывания святых отцов православной церкви.

и справедливого искоренения в каждом сословии, в том числе в священническом, смертных грехов и других «непорядков, противных закону Божьему».

Завершая документ, его авторы подчеркнули: «Перед Господом Богом и перед всем светом мы открыто заявляем, что нет в нашем сердце другого помысла, кроме как о Боге, и нет другого желания, кроме как всеми силами служить Господу Иисусу Христу, следовать Его закону и исполнять Его заповеди, как надлежит каждому доброму христианину... Каждому, кто стал бы отвращать нас от этого доброго намерения, должны мы согласно закону Божию и правде Божией оказать сопротивление; следуя нашему долгу, мы должны защищать правду от такого насилия...»¹

В августе 1420 г. свою программу предъявили представители радикальной части революционного движения — табориты. Они опубликовали Двенадцать статей, в которых, в частности, были следующие требования:

«Не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника, как-то: прелюбодеев и прелюбодеек, распутников и распутниц, соблазнительей и соблазнительниц, блудников и блудниц, как явных, так и тайных, бездельников и бездельниц, разбойников и всех противников Бога, богохульников и умалителей какого бы то ни было общественного положения и сословия.

И еще, чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитие каких бы то ни было напитков в корчмах, а также в других местах.

И еще, чтобы не носили и не разрешали другим ношение роскошных одежд...

И еще, чтобы заботились о том, чтобы под страхом соответствующих наказаний ни в ремеслах, ни на рынке не было обмана, утайки, чрезмерной наживы, божбы, всяких бесполезных и суетных вещей, хитрости, надувательства.

И еще, чтобы... все управление, суд и все распоряжения производились сообразно с божественным правом.

И еще, чтобы священники, которые должны служить примером, соблюдали порядок, установленный Богом, и подражали Апостолам и пророкам...

¹ Всенародное провозглашение Четырех Пражских статей. Перевод Г.П. Беляевой.

И еще, чтобы упразднили и разрушили все еретические монастыри, ненужные церкви и алтари, иконы, сохраненные явно и тайно, драгоценные украшения и золотые, и серебряные чаши и все антихристово насаждение...»¹

Более того, табориты попытались воплотить Царство Божие в своих коммунах — в Большом и Малом Таборах, Оребском братстве и др.

Как и в раннехристианских общинах, в них была введена общность имущества. На улицах Табора, других городов и селений таборитов были установлены бочки, чтобы в них складывали деньги для общего пользования². Разделу не подлежали только предметы личного обихода и оружие.

Были отменены все феодальные повинности: церковная десятина, барщина, оброк. Не признавались и сословные различия. Отношение ко всем членам общин было равным, как к братьям и сестрам во Христе.

В Таборе каждый должен был войти в одну из общин: в «общину работающих дома» либо в «общину работающих на поле брани». Бездельники и порочные люди из таборитских общин изгонялись.

Особое внимание табориты уделяли воспитанию и образованию. Этой цели служили не только повсеместно созданные школы, но и совместные литургии, проповеди, песнопения. Многие из духовных хоралов и песен были созданы еще Яном Гусом. После его смерти этот вид творчества стремительно развился. Песни сопровождали таборитов в бою, в работе, в учении и богослужении.

Даже враги признавали высочайший моральный дух, чистоту нравов и невиданный для той поры уровень грамотности таборитов.

Так строился, по словам современника тех событий Лаврентия из Бржезовой, «век людей, вечно живых и сверкающих, как солнце, свободных от какого-либо пятна в царстве Отца Небесного» — царстве, в котором «исчезнут все взыскующие власти и прекратятся подати и окончится всякое господство князей и светская власть»³.

Казалось, не было силы, которая могла бы противостоять таборитам. Но уже в самом их объединении были заложены семена раздора. Еще на заре таборитского движения в нем намечился раскол между течениями

¹ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. Здесь и далее — перевод В.С. Соколова.

² Подробнее см.: История южных и западных славян. М., 1957. С. 76.

³ *Лаврентий из Бржезовой*. Гуситская хроника. Глава 77.

умеренного и радикального толка. В дальнейшем отношения между ними все более и более обострялись. В конечном счете они переросли в открытую борьбу: «чашники» боролись против таборитов, умеренные табориты против радикальных (адамитов, пикартов и др.).

А вскоре наступил финал этой драмы. В сражении у Липан 30 мая 1434 г. армия таборитов была разгромлена. Практически все таборитские общины были уничтожены. И только Табор держался, пока не пал после длительной осады в 1452 г.

Следующую наиболее значительную попытку утверждения Царства Божия предпринял во Флоренции монах Савонарола. Он призывал свергнуть флорентийских правителей, обличая совершенное ими зло: «Тираны неисправимы, ибо горды, ибо любят лицемерные похвалы, ибо не хотят возвратить обратно захваченное несправедливо. Они предоставляют общественное управление дурным чиновникам, склоняются на лесть, не выслушивают несчастных, не судят богатых. Претендуют, чтобы бедные и крестьяне работали на них даром, или терпят этот произвол со стороны своих чиновников, подкупают на выборах, продают право взимать пошлыны, чтобы еще более отяготить народ»¹.

За это зло вскоре должна была наступить расплата. В мистическом озарении Савонарола рисовал картины грядущих бедствий. Впоследствии многие из них воплотились в жизнь. Их символом в его видениях был «черный крест гнева Божия», который поднимался над Римом и предвещал страдания, лишения, болезни и войны.

Вместе с тем Савонарола верил, что бедствия можно остановить. Он писал: «Мы начали тем, что стали усердно и продолжительно молиться, а затем внятно услышали голос Божий, обращенный к нам. Если бы я мог говорить с вами, я разъяснил бы, что весь мир лежит во мраке, что все развращено, что наступило время обновить народ Божий... Господь ожидает, и мы не должны обращать внимания на суждения равнодушных. Нужно готовиться к преследованиям, которые неизбежно выдвигаются против всякого доброго начинания. И мы готовы к ним!»²

В своем стремлении обновить народ Божий Савонарола призывал следовать примеру Христа, который из любви к людям отдал им все: «Любовь привязала Его к колонне бичевания, любовь вознесла

¹ Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 2002. С. 134.

² Виллари П. Указ. соч. С. 161–162.

Его на крест, любовь воскресила Его... Все, и мужчины, и женщины, и малые, и большие, и бедные, и богатые — все могут подражать Ему, каждый на свой манер и сообразно со своим положением, и, без всякого сомнения, каждый может спастись»¹.

Но для этого необходимо построить новый общий «ковчег», основанный на любви, надежде и вере. Только в нем можно спастись в бушующих водах нового грядущего потопа.

Указывая путь к спасению, Савонарола писал: «Оставьте роскошь и суету, продайте лишнее и раздайте бедным... Но важнее всего — издайте постановление, чтобы лавки были открыты и дана была работа народу, который праздно шатается по улицам... Господь желает, чтобы вы все обновили, чтобы покончили с прошлым, чтобы не осталось ничего из дурных обычаев, из дурных законов, из дурного правления»².

В своих проповедях Савонарола не только обосновывал необходимость политических реформ, но указывал, как можно было их осуществить:

«В Италии и, особенно, во Флоренции, где в изобилии силы и дарования, где утонченные умы, а народ беспокоен, правление одного непременно будет тираническим. Единственное, что вам подходит, это правление всех граждан. Горе тебе, Флоренция, если ты избереешь себе начальника, который сумеет поставить себя выше прочих граждан и будет управлять ими! От этих начальников исходит все зло, какое раздирает город. Тиран — это человек дурной жизни, самый негодный из всех, узурпатор прав других, человек, который губит свою душу и душу народа. Поэтому первый закон, какой вы должны издать, пусть будет следующим: никто не может никогда в будущем стать единоличным главою города. В противном случае все будет строиться на песке...

Очистите души ваши, приложите старания к устройению общего блага, забудьте частные интересы, и, если с этими чувствами вы будете преобразовывать город, он будет славен, как никогда прежде. И ты, народ флорентийский, начнешь этим обновление всей Италии»³.

Савонарола, следуя примеру библейских пастырей, вел народ Флоренции к другой жизни, тщательно просчитывая каждый шаг реформ.

¹ Виллари П. Указ. соч. С. 168.

² Там же. С. 225–226.

³ Там же. С. 227–228.

В этом служении он предстает не только первым, но одним из наиболее глубоких мыслителей эпохи Возрождения.

«Ваша реформа, — обращался он к флорентийцам, — должна начаться с вещей духовных, стоящих выше материального мира, дающих ему жизнь и управляющих им. Преходящие блага должны служить благу нравственному и религиозному, поскольку они зависят от него. А если вы слышали, что государства не управляются молитвами, вспомните, что это — слова тиранов, недругов Божиих и общего блага, что это правило для притеснения, а не для утешения и свободы города. Напротив, если вы хотите доброго управления, необходимо, чтобы вы возводили его к Богу...

Итак, когда вы очистите свои души, исправите намерения ваши, осудите игры, сластолюбие и сквернословие, тогда принимайтесь за составление правительства и сначала устройте его только в общих чертах, чтобы потом разработать в подробностях. Первый же набросок его, модель и сущность должны состоять в следующем: всякая общественная должность вручается только с согласия всего народа, народу принадлежит право избрания магистратов и утверждения законов. Форма, которая наиболее пригодна этому городу, это Великий Совет наподобие венецианского»¹.

Авторитет Савонаролы был столь высок, что практически все его предложения были приняты. Во Флоренции была учреждена народная форма правления, во главе которой был поставлен Великий Совет — высший представительный орган республики.

Давая наставления новым органам власти, Савонарола с особой настойчивостью требовал соблюдения четырех политических принципов. Первый — смирение перед Богом и реформа нравов. Второй принцип — любовь к народному правлению и приоритет общественных интересов перед частным благом. Третий — всеобщий мир, предполагавший примирение врагов, помилование осужденных, прощение долгов. Четвертый принцип — участие всех граждан в управлении государством.

В стремлении усовершенствовать законодательство Флоренции Савонарола писал: «Законы установлены для торжества добра, и потому должны быть в согласии с разумом и христианской любовью... Цель закона — благо, достоинство закона познается по его результатам: где

¹ Виллари П. Указ. соч. 228.

есть добрые дела, там и закон хорош, где дела злы, там нет доброго закона»¹.

Вместе с тем он постоянно предостерегал против соблазна решать все проблемы с помощью закона: «Совершенство наше заключается не только в вере или в законе, но и в любви христианской, и только тот, кто обладает ею, знает, что необходимо для спасения. Теперь же только и делают, что издают законы, уставы и постановления, — Апостолы же, напротив, не имели такого множества законов, ибо горели любовью и христианским милосердием»².

Но, вопреки всем усилиям Савонаролы, фундамент нового общественного устройства был непрочным. Обострение отношений с папским престолом, мятеж в Пизе, других городах Тосканы усложнили политическую жизнь во Флоренции. Было сформировано несколько партий, которые отчаянно боролись за власть. Вскоре власть в Синьории перешла в руки противников Савонаролы. Он был схвачен, обвинен в ереси и в попытке мятежа и вскоре — 23 мая 1498 г. — казнен.

Стремление осуществить библейские заповеди лежало в основе Реформации и Крестьянской войны в Германии.

Так, вдохновитель Реформации Мартин Лютер призывал уничтожить существующее право, утверждая, что «право и закон всегда враги»³, и требуя возродить истинное христианское учение.

Более радикальными были требования Томаса Мюнцера, предпринявшего попытку учредить «новое Царство Божие, царство братского равенства, свободы и радости», в котором подлежало уничтожению все, что губит правление Христово, и все, что повергает народ в бедствие и держит его в нищете⁴.

В ряду актов, принятых во время Крестьянской войны, особый интерес представляют *Двенадцать тезисов германских крестьян (1525 г.)*, которые отражают чаяния простого народа новозаветного Царства Божия:

«Во-первых... чтобы вся община сама намечала и выбирала пастора... который должен нам чисто и ясно проповедовать святое Еванге-

¹ Виллари П. Указ. соч. С. 470.

² Там же. С. 467.

³ Berman H. Law and Revolution. Vol. II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Traditions. P. 63.

⁴ Подробнее см.: Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 1. С. 143.

лие, без каких-либо человеческих добавлений, измышлений и толкований, и постоянно возвещать нам истинную веру...

Во-вторых, большая десятина установлена была в Ветхом Завете, а в Новом Завете — исполнена. Тем не менее... мы намерены установить, чтобы поставленные общиной наши церковные старосты впредь собирали и принимали эту десятину. Из нее пусть они выдают сколько нужно, по справедливости, на достаточное содержание пастору, который будет избран всей общиной, — ему и его домочадцам, как решит вся община. И что останется, то надо раздать (нуждающимся беднякам, какие окажутся в том же селе) в зависимости от положения дел и от решения общины...

В-третьих, до сих пор велось, что нас считали не людьми, а чужой собственностью; сие жалости достойно, ибо Христос ведь пролил свою драгоценную кровь и спас и искупил нас всех, и пастуха наравне с самым знатным, без всякого исключения. Поэтому в Писании значит, что мы свободны, и мы желаем быть свободными. Но не тому учит нас Господь, чтобы мы были совсем свободными и не признавали никаких властей. Мы должны жить по заповедям Божиим, а не в свободном плотском распутстве, обязаны любить Бога, познавать нашего Господа в наших ближних и поступать с другими во всем так, как мы хотели бы этого от других...

В-четвертых, до сих пор велось, что ни один бедняк не имел права и не допускался охотиться за дичью, за пернатыми и ловить рыбу в речных водах. Нам думается, что это совершенно несправедливо и не по-братски, а своекорыстно и не соответствует слову Божию...

В-пятых... леса должны снова отойти ко всей общине. И община вольна отпускать бесплатно каждому по его нужде дрова на отопление, а также, когда ему нужно строиться, давать ему бесплатно, но все с ведома выбранных для этой цели общинных лесничих. Если же где окажется, что такой лес куплен честным путем, то с его владельцем надо войти в братское соглашение по-христиански...

В-шестых, мы тяжко обременены повинностями, которые со дня на день умножаются и с каждым днем увеличиваются. Мы просим, чтобы их рассмотрели по справедливости, дабы нас так тяжко не обременяли, но поступали бы с нами милостиво, как с нашими родителями, когда они служили, — только по смыслу слова Божия...

В-седьмых, мы не желаем впредь терпеть от помещика дальнейшего отягощения... Если же помещик нуждается в его службе, то крестья-

янин должен ему добровольно и покорно выполнить ее, но только в определенные часы и время, дабы это не было в ущерб крестьянину, и службу эту крестьянин должен выполнять ему лишь за справедливую плату.

В-восьмых, тяжело нам, что многие из нас владеют наделами, а те наделы не в состоянии переносить лежащие на них оброки, и крестьяне от этого лишаются тех наделов и гибнут. Пусть помещики прикажут честным людям осмотреть эти наделы по справедливости, дабы крестьянин не работал даром, ибо каждый поденщик заслуживает платы.

В-девятых, нам тяжело приходится из-за уголовных преступлений, для которых постоянно издаются новые статьи закона, и нас наказывают не по существу дела, а то по великой злобе к одним, то по чрезмерной благосклонности к другим. Наше требование таково, чтобы на нас налагались наказания по старому писаному закону, сообразно с наказуемым деянием, а не по пристрастию.

В-десятых, нам тяжело, что некоторые присвоили себе луга и пашни, принадлежащие общине; их мы обратно заберем в руки общины, разве только окажется, что они куплены честным путем. Но если они приобретены несправедливыми средствами, то пусть владельцы добровольно и по-братски придут к соглашению с общиной, как того требует положение дела.

В-одиннадцатых, мы желаем, чтобы совершенно был уничтожен обычай, называемый *Todfall* — присвоение помещиком крестьянского наследства. Мы никогда не потерпим и не согласимся, чтобы, противно Богу и чести, так позорно грабили вдов и сирот, как это происходит во многих местах...

В-двенадцатых... решили мы действовать и жить по христианскому учению, о чем мы молим нашего Господа Бога, который один может нам это дать и никто другой. Да сойдет мир Христа на всех нас»¹.

Но попытки утвердить новый миропорядок успешными не были. Мечты о Царстве Божием так и не воплотились в жизнь. Крестьянское движение было подавлено. Многие его вожди, в том числе Т. Мюнцер, — казнены.

Впрочем, семена, посеянные ими, вскоре дали новые всходы на новой земле — в Британии во время революции 1640—1660 гг.

¹ Двенадцать тезисов германских крестьян (1525 г.) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/12_tezisov/text.htm.

Но и там движение за утверждение христианских заповедей успехом не увенчалось. Слишком прочным был фундамент государственного и общественного устройства. Поэтому борьба была перенесена в Новый Свет.

К середине XVII в. многие христианские церкви Британии выдвинули проекты создания в Северной Америке обществ, основанных на заветах Евангелия. Королевская власть не препятствовала претворению этих замыслов, полагая, что они будут содействовать колонизации огромных неосвоенных территорий и вместе с тем снизят социальное и политическое напряжение в метрополии.

Первой по проекту государственной Англиканской церкви была создана Вирджиния. Позже ортодоксальные пуритане основали свою заповедную общину в Массачусетсе. В дальнейшем пуританам, не согласным с его теократической формой правления, была предоставлена возможность создания собственных колоний — Коннектикута и Род-Айленда. По заповедям квакеров формировались общественные и государственные институты в Пенсильвании. Последователи католической церкви основали Мэриленд.

Отметим влияние и других христианских течений, в частности баптистов, моравских братьев, хотя оно редко выходило за рамки отдельных местных общин.

Впрочем, в религиозных движениях того времени невозможно выделить какое-либо основное русло, хотя они постоянно соприкасались, вступая в борьбу либо мирно сосуществуя.

Первое британское поселение — Джеймстаун — было основано в Вирджинии в 1606 г. В полном согласии с заветами Евангелия колонисты жили единой общиной. Они не имели частной собственности и могли работать только на колонию. Под бой барабанов дважды в день они выходили на общественные работы и в церковь. Но такая форма общественного устройства была нежизнеспособной. По свидетельству одного из создателей колонии, поселенцы всеми правдами и неправдами старались уклониться от возложенных на них обязанностей. Ту работу, которую можно было сделать в один день, они выполняли за семь¹.

Колония вымирала, и только усилия ее основателей — акционеров Вирджинской компании — спасли ее от полного краха. Перелом наступил через семь лет, когда колонисты получили в собственность

¹ *Morison S.E. The Oxford History of the American People. N.Y., 1972. Vol. 1. P. 90–91.*

земельные наделы. Эта реформа позволила существенно увеличить численность колонистов. Несколько позже была преобразована и форма правления. Цель этой реформы была определена в ст. III Ордонанса и Конституции Вирджинии – документа, утвержденного 24 июля 1621 г. Казначеем, Советом и акционерами Вирджинской компании: «Первое и главное – дальнейшее служение Господу Богу и расширение его Царства среди языческих народов; далее – строительство этой колонии в должном повиновении Его Величеству и всем законным властям, действующим в соответствии с Его указаниями; и наконец – поддержание стремления народа колонии к справедливости и христианской жизни, а также укрепление его силы и способности противостоять врагам»¹. Этим же актом была образована Генеральная Ассамблея, первое представительное учреждение Северной Америки.

Развитие демократических начал встревожило британское правительство. В 1624 г. хартия, предоставившая Вирджинской компании право самоуправления, была отменена, а сама колония перешла под управление короны.

Следующая колония была образована в 1620 г. пуританами, которые бежали из Англии в стремлении найти в Америке землю обетованную. Поэтому их прозвали пилигримами.

Перед тем как высадиться на берег и основать поселение Новый Плимут, они составили на корабле «Мэйфлауэр» соглашение о будущем устройстве колонии. В этом документе, в частности, было указано следующее: «Предприняв во славу Бога и с целью распространения Христианской веры и для славы нашего Короля и нашей Страны это путешествие, чтобы основать первую колонию в северной части Вирджинии»², мы настоящим торжественно и взаимно перед лицом Господа Бога и друг друга заключаем соглашение и объединяемся в гражданский политический союз, чтобы обеспечить лучшее управление и нашу защиту; и для достижения выше указанных целей будут приниматься, учреждаться и составляться такие справедливые и обеспечивающие равенство законы, ордонансы, акты и конституции, а также производиться такие назначения на должности, которые в случае необходи-

¹ An Ordinances and Constitution of the Treasury, Council and Company in England, for a Council of State and General Assembly // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/va04.asp.

² Впоследствии эта территория вошла в состав Новой Англии.

мости потребуются и которые будут сочтены наиболее способствующими и соответствующими общему благу колонии»¹.

Эти начала позволили колонии не только выжить, но и успешно развиваться. Уже через пять лет, по свидетельству губернатора Вильяма Брэдфорда, поселенцы смогли «ошутить прелесть страны», расплатиться с долгами и полностью обустроить свою жизнь².

В 1629 г. колонии была дарована королевская хартия. Этот акт узаконил ее существование, подтвердив территориальные владения, торговые и иные привилегии. Кроме того, король обещал колонистам всемерную поддержку, особо отметив «их благочестивую работу, направленную на распространение религии и значительный рост торговли»³.

В том же 1629 г. король утвердил хартию о формировании новой колонии Массачусетского залива. Инициаторами ее создания вновь выступили пуритане. Король подтвердил их право на самоуправление, а также на исконные английские вольности: «Все и каждый из наших подданных и подданных наших наследников и правопреемников, которые отправятся в указанные земли и заселят их, а также их дети, рожденные там либо по пути в эти земли либо из этих земель, будут обладать и пользоваться всеми свободами и привилегиями свободных английских подданных»⁴.

Органы управления колонии имели право устанавливать любые «полезные и разумные» законы и правила, не противоречавшие законам Англии. При этом хартия особо подчеркивала необходимость принятия тех мер, которые способствовали бы тому, чтобы колонисты стали «религиозными, миролюбивыми и законопослушными, чтобы их праведная жизнь и их подлинная вера покорили и побудили коренных жителей этой страны познать и подчинить себя единственному Богу и Спасителю человечества и принять Христианскую веру». Именно в этом, как было сказано в документе, и состояла «главная цель колонии»⁵.

Первая партия колонистов высадилась на берегу Массачусетского залива в июне 1629 г. Они основали поселок Сейлем. Через год в коло-

¹ Mayflower Compact: 1620 // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/mayflower.asp.

² Morison S.E. Op. cit. Vol. 1. P. 95.

³ Charter of the Colony of New Plymouth Granted to William Bradford and His Associates: 1629 // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/mass02.asp.

⁴ The Charter of Massachusetts Bay: 1629 // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/mass03.asp.

⁵ Ibid.

нию прибыла основная часть колонистов. Были построены Чарлстон, Брэдфорд, Уотертаун, Бостон, другие города и поселки. 30 июля 1630 г. была основана первая пуританская (конгрегационалистская) церковь. Ее члены составили соглашение, которое определяло основные начала общественной организации колонии: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа... мы, нижеподписавшиеся... искренне, торжественно и благо-словенно (как в Его Божественном присутствии) обещаем и обязуемся точно следовать Священному Писанию и действовать в полном согла-сии с Его Божественными предначертаниями и во взаимной любви и уважении друг к другу — настолько, насколько Богу будет угодно сподобить нас»¹.

Церковь занимала особое место в жизни колонии. Достаточно сказать, что право избирать и быть избранным в органы управления (магистрат) — на должности губернатора, его заместителя, ассистен-тов — было предоставлено только членам пуританской церкви.

Именно она была тем центром, вокруг которого концентрировалась вся жизнь колонии. Она, как писал один из колонистов, проповедует «истинную Веру и святые Заветы Господа Всемогущего» и помогает поселенцам в их трудах благодаря «неустанной проповеди и усердному наставлению в делах духовных»².

Церковь, как свидетельствовал другой очевидец, контролировала ведение государственных дел с целью обеспечить «образцовое управ-ление гражданской жизнью» и «справедливое, благоговейное и бес-пристрастное» решение всех дел³.

Любые решения магистрата должны были основываться на запо-ведях Библии, чтобы помочь каждому обрести свое «жизненное пред-начертание и светоч Истины»⁴.

На основе тех же заповедей был составлен первый американский свод законодательных актов — Свод свобод 1641 г. Примечательна преамбула этого акта: «Свободное пользование теми правами, приви-легиями и неприкосновенностью, к которым взывают человеколюбие, цивилизованность и христианская вера, должно быть предоставлено каждому человеку в подобающем ему месте и в должной для него мере

¹ Цит. по: *Слезкин Л.Ю.* У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд. 1630—1642. М., 1980. С. 51.

² *Бурстин Д.* Американцы. Колониальный опыт. М., 1993. С. 21.

³ Цит. по: *Слезкин Л.Ю.* Указ. соч. С. 78.

⁴ *Бурстин Д.* Указ. соч. С. 29.

без ограничений и постоянного вмешательства; этот принцип всегда был и навсегда пребудет фундаментом спокойствия и незыблемости Церкви и общества. Лишение же этих прав или отказ от них влекут за собой смуту, если не гибель того и другого»¹.

Однако в полной мере эти благие побуждения реализованы не были, поскольку в самой общественной организации Массачусетса было много пороков. Один из них — закрытый характер колонии. Так, еще в 1637 г. был издан указ, который запрещал селиться в колонии тем лицам, чьи убеждения не были предварительно одобрены магистратом².

Были установлены предельно строгие требования к тем, кто хотел стать членом церкви. Их поведение должно было быть безупречным. Они должны были знать все основные положения вероучения. И, что самое главное, они должны были убедить старейшин, а вслед за ними и всю конгрегацию в том, «что на их души ниспослана благодать, что Господь Бог обратил их на путь истинный... что они подлинно верующие, что они были уязвлены в сердцах своих первородным грехом и собственными прегрешениями и обновились надеждой обрести свободную благодать в Писании... что сердца их взыскуют веры в Иисуса Христа...»³

Лишь немногие соответствовали этим условиям и, как следствие, большая часть населения колонии была лишена права участвовать в политической жизни.

Фактически в Массачусетсе сложилась теократическая форма правления. Многие колонисты отказывались ее признать, что вызвало волну репрессий. Чтобы избежать смерти, они были вынуждены бежать из Массачусетса и основывать другие поселения. Так были образованы новые колонии — Коннектикут и Род-Айленд.

В Основных законах Коннектикута 1639 г. цели создания этой колонии были определены следующим образом: «Чтобы поддержать мир и союз людей, необходимо учредить должным образом организованное и праведное Правительство, действующее согласно велениям Господа Бога... поэтому настоящим мы объединяем и соединяем друг друга в одном Публичном Государстве и... образуем Союз и Конфедерацию для поддержания и сохранения свободы и чистоты Евангелия

¹ Цит. по: *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья // Конституции государств Америки. М., 2005. Т. 1. С. 9.

² *Бурстин Д.* Указ. соч. С. 15.

³ Цит. по: *Бурстин Д.* Указ. соч. Т. 38.

нашего Господа Иисуса Христа, в которого мы веруем, а также для укрепления Церквей, которые, руководствуясь истиной Евангелия, действуют среди нас, а также для руководства и управления нашими гражданскими делами сообразно с теми законами, правилами, приказами и указами, которые могут быть приняты, одобрены и изданы впоследствии»¹.

В американской научной литературе основным объектом исследований были пуританские колонии. Именно в них видели прообраз той демократической системы, которая появится полтора столетия спустя. В их актах ученые искали истоки будущей Конституции США. При этом они забывали о вкладе тех колоний, которые развивались в русле иных религиозных традиций. О роли одной из них — Вирджинии — было сказано выше. Теперь обратимся к истории двух других колоний — Мэриленда и Пенсильвании.

Мэриленд был основан в 1632 г. по королевской хартии, дарованной католику, лорду Балтимору. Изначально предполагалось, что эту колонию будут осваивать в основном приверженцы католической веры. Об этом свидетельствуют многие нормы хартии 1632 г. В ней, в частности, подчеркивалось, что деятельность лорда Балтимора «вдохновляется похвальным и благочестивым рвением распространить Христианскую религию, а также расширить пределы... Империи»².

В этой связи следует отметить, что только Мэриленду из всех колоний был предоставлен статус провинции и что его владелец, лорд Балтимор, получил самые широкие права. В частности, ему было предоставлено право принимать законы (с согласия свободных жителей либо их представителей), а также ордонансы, «созвучные разуму и не нарушающие и не противоречащие, а, напротив (насколько это возможно), соответствующие законам, статутам, обычаям и правам Королевства Англии», учреждать суды, создавать вооруженные силы, вести войну, взимать налоги и многое другое.

Основная цель колонизации Мэриленда, как было сказано в одном из памфлетов, опубликованных в Лондоне перед началом экспедиции, — нести в Америку «знание об истинном Боге, свет Евангелия и истины»³. Этот документ был подготовлен одним из советников лорда

¹ Fundamental Orders of 1639 // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/order.asp.

² The Charter of Maryland: 1632 // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/ma01.asp.

³ Цит. по: *Слезкин Л.Ю.* Указ. соч. С. 273–274.

Балтимора католическим монахом-иезуитом. Несомненно, он был обращен в основном к католикам, жившим в Британии. Именно они должны были освоить огромные просторы новой колонии, построить там новый «Град на Холме» по заветам католической церкви. При этом он должен был быть открытым для всех христиан. Так, в напутствии колонистам лорд Балтимор требовал проявлять «всемерную заботу о поддержании единства и мира» между католиками и протестантами, не препятствовать протестантам в отправлении культа, обращаться с протестантами «со всей возможной мягкостью и благорасположением, диктуемыми справедливостью»¹.

В присяге губернатора колонии содержались следующие положения: «Ни я лично, ни кто-либо другой прямо или косвенно не будем препятствовать, мешать или причинять беспокойство кому бы то ни было в вопросах веры или исповедания веры в Иисуса Христа. Я не буду обращать внимания при назначении на должности, награждениях и при определении заслуг на религиозные различия, но буду действовать в этих случаях, сообразуясь с верностью, заслугами, а также моральными достоинствами и добродетелями; ибо моей целью является поддержание единства общества»².

В актах, принятых накануне и в первые годы колонизации, обращает внимание постоянная забота о повышении благосостояния переселенцев. Всем колонистам были выделены бесплатные земельные наделы. С целью увеличить численность свободных колонистов Генеральная Ассамблея колонии приняла в 1638 г. Акт об ограничении срока службы сервентов. По общему правилу контракт с наемными работниками (сервентами) не мог длиться более четырех лет. По завершении этого срока колония предоставляла им земельные наделы по 50 акров³, а прежние хозяева должны были обеспечить им средства к существованию, предоставив каждому «три барреля зерна, мотыгу для окучивания и мотыгу для полки, а также топор для рубки леса; кроме того, для сервента-мужчины — один полный комплект одежды, новую рубашку, пару новых ботинок, пару новых чулок и новую шапку; для сервента-женщины — одну новую куртку, один новый жилет, одну рубашку, одну пару новых башмаков,

¹ Цит. по: *Слезкин Л.Ю.* Указ. соч. С. 277.

² Цит. по: *Слезкин Л.Ю.* Указ. соч. С. 291.

³ *Morisson S.E.* Op. cit. Vol. 1. P. 127.

одну пару новых чулок, а также одежду, ранее принадлежавшую сервенту»¹.

И наконец, свой «Град на Холме» возводили квакеры, одна из самых гонимых сект протестантской церкви Британии. В 1681 г. одному из ее приверженцев — Уильяму Пенну — в счет оплаты долгов правительства были переданы обширные владения в Северной Америке. По королевской хартии У. Пенн имел право установить в новой колонии, с согласия большинства ее жителей, любую форму правления. Это право он использовал, чтобы не только создать там убежище для единоверцев, но и воплотить в жизни их мечты.

В предисловии к первому конституционному акту новой колонии — Форме правления от 5 мая 1682 г. — цель ее создания была обоснована следующим образом:

«Божественное право всех правительств, без исключения, — осуществлять две цели: во-первых, устрашать тех, кто совершает зло, и во-вторых, хранить тех, кто делает добро... Поэтому правительство представляется мне частью религии, священным институтом по своей сути и цели. Если оно не может устранить непосредственную причину зла, оно уничтожает его последствия и в силу этого (хотя и на более низком уровне) становится проявлением той же Божественной Силы, которая является создателем и вместе с тем объектом чистой религии...

Правительства, как часы, приводятся в действие людьми; и, поскольку правительства создаются и приводятся в действие людьми, последние же и разрушают их. Следовательно, правительства больше зависят от людей, чем люди от правительств. Надо сделать так, чтобы люди были добрыми, тогда правительство не будет плохим; если же правительство плохое, они исправят его. Но если люди порочны, правительство никогда не станет хорошим, поскольку они постараются извратить и испортить его на свой лад»².

Форма правления установила традиционную для колоний систему органов власти: губернатор, совет, генеральная ассамблея, суды. В целом этот документ не отличался от подобных ему учредительных актов.

¹ Цит. по: *Слезкин Л. Ю.* Указ. соч. С. 299; см. также: *Proceedings and Acts of the General Assembly. January 1637/8 — September 1664* // *Archives of Maryland Online* (<http://www.mdarchives.state.md.us>).

² *Frame of Government of Pennsylvania. May 5, 1682* // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/pa04.asp.

Более того, он оказался настолько несовершенно, что уже 2 февраля 1683 г., менее чем через год, его сменил другой¹.

Возможно, о нем никто бы и не вспомнил, если бы не одно обстоятельство. Вместе с Формой правления 1682 г. был принят второй, несомненно, более значимый акт — Великий закон. Так его называли сами колонисты², поскольку именно он определял основы общественной и государственной жизни колонии.

40 статей Великого закона в основном были посвящены вопросам избирательного права, свободы вероисповедания, положения наемных работников, защиты собственности и судебной власти.

Избирательное право в Пенсильвании было предоставлено всем мужчинам, которые постоянно проживали в колонии, достигли 21 года, обладали земельными наделами площадью свыше 100 акров (50 акров — для бывших наемных работников) либо занимались ремеслами, либо уплачивали налоги (ст. I). Они должны были «верить в Иисуса Христа, не пользоваться дурной славой, не вести нетрезвый либо бесчестный образ жизни» (ст. XXXIV). Кроме того, Великий закон устанавливал ряд оснований, по которым колонисты лишались права избирать и быть избранными. В частности, колонисты отстранялись от участия в выборах, если получали какие-либо вознаграждения или подарки. В свою очередь, те лица, которые обещали либо предоставили такие вознаграждения или подарки, лишались права быть избранными (ст. III).

Более широко закреплялась свобода вероисповедания. Великий закон позволял каждому исповедание любой религии при условии, что он «верил и признавал единого Всемогущего и Вечного Бога, Спасителя и Правителя Мира и считал себя обязанным согласно своей религии жить мирно и справедливо в гражданском обществе» (ст. XXXV). Под защиту этой статьи попадали не только представители различных христианских течений, но и приверженцы ислама, иудаизма, других конфессий, верующих в единого Бога.

Великий закон содержал много норм, которые регламентировали права наемных работников. По своему либеральному звучанию они намного опередили свой век. В частности, было предусмотрено создание единого реестра всех наемных работников колонии с ука-

¹ Форма правления менялась еще два раза: в 1696 и 1701 гг.

² Его точное название — «Законы, согласованные в Англии и т.д.».

занием их имен, сроков службы, размеров и дат выплаты денежных вознаграждений (ст. XXIII). Запрещалось насильно удерживать наемных работников после истечения сроков действия контрактов. Работодатели должны были относиться к ним «со всей справедливостью и добротой, и обеспечивать их, согласно обычаям, орудиями труда по завершении службы» (ст. XXIX). Каждому из работников гарантировался по крайней мере один день отдыха. Обосновывая это нововведение, Великий закон призывал «следовать доброму примеру первых христиан», которые один день недели посвящали Богу, «воздерживались в этот день от своей обычной и повседневной работы, чтобы полнее отдать себя служению Богу в соответствии со своей верой» (ст. XXXVI).

Наряду с этим Закон предусматривал ряд мер по нравственному воспитанию колонистов, в том числе наемных работников. Он, в частности, подчеркивал, что «дикость и порочность народа навлекают на него Божий гнев». Поэтому он не только призывал принять самые суровые меры по пресечению азартных игр, петушиных боев, иных порочных занятий (ст. XXXVII), но и требовал всемерно развивать систему образования. Все дети старше 12 лет, живущие в колонии, вне зависимости от их сословного происхождения были «обязаны обучаться какому-либо полезному ремеслу или профессии, чтобы никто не вел праздный образ жизни, чтобы бедные могли своим трудом зарабатывать на жизнь, а богатые, если станут бедными, ни в чем не нуждались» (ст. XXVIII).

Великий закон установил комплекс мер по защите прав собственности. Так, было установлено, что налоги, таможенные пошлины и сборы могут взыскиваться только на основании законов, принятых специально с этой целью, и что каждый, кто будет взыскивать такие налоги, пошлины и сборы без оснований, указанных в Законе, «должен рассматриваться как враг провинции и предатель свобод ее народа» (ст. IV).

Для предотвращения обмана и надуманных исков сделки на сумму более пяти фунтов со сроком исполнения, превышавшим три месяца, а также любые сделки с землей подлежали регистрации в специальных регистрационных органах (ст. XX).

Но наиболее подробно, в традициях англосаксонского права, регламентировались вопросы судебной власти. При этом часто Великий закон придавал им новое звучание. «Все суды должны быть откры-

тыми, — утверждали авторы Закона, — правосудие никогда не должно продаваться, в нем не может быть отказано, его отправление не должно откладываться» (ст. V).

С целью упрощения судебного процесса Закон требовал, чтобы «все исковые документы, процедуры и протоколы в судах были составлены кратко, на английском языке, в обычной и простой форме, понятной и обеспечивающей быстрое отправление правосудия» (ст. VII).

Как и в английском праве, в Пенсильвании учреждались суды присяжных и большое жюри. При этом Великий закон устанавливал ряд дополнительных гарантий. В частности, он допускал применение смертной казни к виновным в совершении только двух преступлений — измены и убийства (ст. XXV). Лица, осужденные по ошибке к лишению свободы или иным наказаниям, имели право предъявлять иски о возмещении вреда к тем лицам, по информации или по обвинению которых они были привлечены к суду (ст. XII). Таких норм английское право той эпохи не знало.

Столь же решительной была реформа системы исполнения наказаний. Все тюрьмы преобразовывались в «рабочие дома для исправления преступников, бродяг, людей дурных нравов и туземцев». Такие рабочие дома создавались в каждом из графств (ст. X). В тюрьмах содержание, питание и размещение осужденных осуществлялись за счет колонии (ст. XIII). Обвиняемые в совершении преступлений, за исключением тех, которые карались смертной казнью, могли быть отпущены из тюрем под залог (ст. XI).

Либеральное законодательство и искусная политика У. Пенна создали предпосылки для стремительного роста колонии. Менее чем через полвека, в 1727 г., Ричард Таунсенд писал о ней: «Из дикой пустыни Господь Бог благим своим промыслом превратил ее в цветущую землю»¹.

Современники с удивлением отмечали, что в Пенсильвании не было нищеты, что в ней был крайне низкий для того времени уровень преступности. Но еще больше поражал тот дух, который царил в поселениях квакеров. Они во всем стремились следовать заповедям Джорджа Фокса, одного из самых ярких своих проповедников: «Мы миролюбивы и ищем мира, добра и благоденствия для всех, что

¹ Цит. по: Бурстин Д. Указ. соч. С. 58.

подтверждает наш образ жизни и поведения... Мы — наследники мирного завета»¹.

Вера позволила квакерам создать удивительный мир. Но она же стала причиной его разрушения.

Проблемы начались, когда британское правительство настойчиво потребовало, чтобы должностные лица колонии (вице-губернатор, судьи и некоторые другие чиновники колониальной администрации) принесли присягу на верность. Исполнить это требование квакеры не могли. Принесение присяги противоречило догмату их веры. Поэтому постепенно, начиная с 1725 г., на государственных постах их стали сменять представители других конфессий.

Но окончательно они расстались с властью только в 1756 г., когда их обвинили в том, что они не смогли остановить набеги враждебных индейских племен.

С того времени участие квакеров в политике приобрело иные формы: проповедь Евангелия, забота о ближних и праведная жизнь, которая служила примером другим.

А двадцать лет спустя именно здесь была рождена новая нация. В Филадельфии, столице Пенсильвании, были составлены Декларация независимости 1776 г. и ныне действующая Конституция США 1787 г.

Одна из последних попыток воплощения христианских заповедей была предпринята орденом иезуитов, который стал создавать в Новом Свете «редукции» — специальные поселения для обращенных в христианство индейцев. Первая редукция — Лорето — была основана в 1609 г. на берегах реки Парана-Панема. Следующую — Святого Игнатия — учредили в 1611 г. В течение последующих 15 лет было создано еще 11 поселений. В первое время их судьба складывалась благополучно. Иезуиты учили индейцев земледелию и различным ремеслам, чтобы они своим трудом зарабатывали на жизнь. Строились церкви, больницы и школы. Но вскоре многие редукции были разгромлены охотниками за рабами из португальского Сан-Паоло.

Тогда иезуиты увели оставшихся в живых далеко на запад, в излучину рек Парана и Уругвай, чтобы обустроить там новую землю обетованную. К 1648 г. было построено уже 19 редукций, в которых

¹ Цит. по: Бурстин Д. Указ. соч. С. 66.

проживало 30 548 человек¹. В 1732 г. число редукций возросло до 30, а численность населения — до 141 242 человек². С целью поддержать их король Испании издал ряд указов о предоставлении им привилегий «вассалов короля» и «населения приграничных территорий»³.

Поблизости от гуарани стали создаваться редукции других племен. На севере-западе были основаны 10 редукций племени чикитос. В 1765 г. в них проживало 23 288 человек. В районе Гран-Чако были созданы редукции 11 горных племен. В общей сложности к концу 1760-х гг. было создано около 100 редукций.

Чтобы обеспечить управление и поставки продовольствия, иезуиты организовали строительство разветвленной системы дорог, которые соединяли редукции, сельскохозяйственные угодья и отдаленные пастбища. Транспортную систему дополнял один из самых мощных в Америке речных флотов. Только на одной реке Парана гуарани имели более 2000 судов, которые использовались для разных нужд, в основном для торговли с испанскими колониями.

Экономическое процветание страны гуарани или, как говорили в то время, «первого христианского государства индейцев» было основано на тщательно продуманной общественной организации.

Земля находилась в общественной собственности. Большая ее часть была в общем пользовании редукций. Эту землю называли «тупамба» — «собственность Бога». На ней члены общины должны были работать не менее двух дней в неделю, занимаясь земледелием (они выращивали маис, рис, табак, сахарный тростник, хлопок, овощи и т.д.) либо животноводством (к 1767 г. гуарани имели более 700 000 голов крупного рогатого скота).

Плоды таких трудов использовались для общественных нужд — для поддержания сирот, бедных и вдов, для формирования резервов, для бартерного обмена на те товары, в которых нуждались редукции, для уплаты налогов и т.д.

Остальные земельные участки («абамба») перераспределялись между касиками — вождями кланов, которые, в свою очередь, делили

¹ Reductions of Paraguay // The Original Catholic Encyclopedia (<http://oce.catholic.com>).

² Ibid; Бемер Г. История ордена иезуитов // Орден иезуитов. Правда и вымысел. М., 2004. С. 170.

³ Jackson R.H. Power, Population and the Colonization of the Fringes of Spanish America // www.casahistoria.net/jesuitamerica.htm.

их раз в шесть месяцев между отдельными семьями¹. Для обработки этой земли индейцы получали от общин в безвозмездное пользование дорогостоящий сельскохозяйственный инвентарь и тягловых животных. Произведенная на полях абамбы продукция была в частной собственности. Индейцы могли распоряжаться ею по своему усмотрению, обменивая на другие товары либо используя на собственные нужды.

К сельскохозяйственным работам редко привлекались индейцы, занимавшиеся ремеслами. Гуарани всегда славились мастерством своих строителей, плотников, кузнецов, сапожников, портных. Неслучайно, именно им было поручено строительство фортификационных сооружений и общественных зданий в Буэнос-Айресе, Тобати, Сан-Габриеле и других городах.

В редукциях были сделаны первые органы, отлиты первые колокола, отпечатана первая книга на американском континенте.

Особое значение придавалось нравственному воспитанию и образованию. В редукциях было введено всеобщее начальное образование. Труд был обязателен для всех, в том числе для детей. При этом иезуиты стремились открыть в каждом ребенке таившиеся в нем таланты. С этой целью они продолжали его обучение (в обязательном порядке преподавалась латынь) либо направляли на те работы, где он мог полностью развить свои способности.

Продолжительность рабочего времени не превышала шести часов в день (отметим, что в то время в Европе рабочий день составлял от 10 до 14 часов). А в свободное от работы время иезуиты организовывали общие состязания, экспедиции и игры (за исключением азартных игр, запрещенных во всех редукциях), проводили занятия, которые развивали духовный мир индейцев, в частности, в музыкальных и певческих школах.

Всем индейцам редукций предоставлялись по возможности одинаковые продукты питания и одежда. Дополнительно продукты выдавались только детям, престарелым и больным. Два раза в год каждая семья получала, с учетом числа ее членов, шерсть, шерстяную либо хлопковую ткань, из которой шили одежду. При этом не допускались какие-либо излишества.

¹ В каждом клане было, как правило, от 30 до 40 семей. См. подробнее: *Crocitti J.J. The Internal Economic Organization of the Jesuit Missions Among the Guarani // International Social Science Review. 2002.*

Порядок в редукциях поддерживался необычайно мягкими средствами. Они служили в основном цели воспитания, а не устрашения. Но при этом они применялись с твердостью. За каждый проступок следовало наказание, в основном связанное с публичным осуждением. Телесные наказания (несколько ударов кнутов) и тюремное заключение применялись крайне редко. Смертной казни в редукциях не было. При невозможности исправления «закоренелые» преступники изгонялись из редукций либо передавались колониальным властям. Чтобы исключить злоупотребления, приговоры по всем делам подлежали одобрению отцов-иезуитов.

Организация управления в редукциях была достаточно простой. Во главе стояли отцы-иезуиты (обычно двое либо трое священников). Они не имели каких-либо властных полномочий, но как духовные наставники пользовались безусловным авторитетом. Они контролировали исполнение сельскохозяйственных и ремесленных работ, руководили деятельностью школ.

Несомненно, авторитету отцов-иезуитов способствовала система религиозного воспитания индейцев. Посещение праздничных и вечерних служб было обязательным для всех членов общины. На работе и во время досуга индейцы читали молитвы либо пели религиозные гимны. Такие песнопения считались лучшим средством для привития христианских добродетелей.

С той же целью иезуиты ограничивали по возможности общение гуарани с испанскими колонистами, обоснованно полагая, что ни к чему хорошему оно не приведет. Испанским колонистам было запрещено проживать на территории редукций, а индейцам строго воспрещалось посещать питейные либо увеселительные заведения испанцев. Но при этом между гуарани и колонистами всегда сохранялись добрые отношения, основанные на взаимной поддержке и выгоде.

Функции непосредственного управления были переданы индейцам. Формально в эту сферу иезуиты не вмешивались. В каждой из редукций избирался коррехидор, который возглавлял гражданскую администрацию. На языке гуарани эта должность называлась *poro puaitara*, т.е. тот, кто отдает приказания. Кроме того, избирались заместитель коррехидора, три алькальда для управления делами поселения и сельскохозяйственными работами, четверо советников, начальник полиции, секретарь, ряд других должностных лиц, кото-

рые обеспечивали работу школ, больниц, домов для вдов и престарелых.

Выборы указанных лиц проводились ежегодно в конце декабря — начале января. Списки кандидатов на должности составлялись заблаговременно, чтобы каждый мог познакомиться с ними и при необходимости высказать свои возражения.

Помимо гражданской администрации, которая в целом копировала испанскую модель городского управления, действовали институты племенной власти. Во главе кланов, как было сказано выше, стояли касики, выполнявшие функции не только гражданской, но и военной администрации.

Каждый из кланов формировал свой отряд милиции, которая использовалась для защиты редукций и владений короля Испании. Это были элитные части колоний. Они проходили воинскую подготовку под началом кадровых офицеров испанской армии. Их оснащали лучшим по тем временам оружием. Так, только в 1730 г. гуарани получили от короля Испании около 800 ружей. Но от них и требовали многого. С 1637 по 1735 г. милиция гуарани более 50 раз призывалась для защиты испанских владений от вторжений португальцев и англичан, набегов индейцев и восстаний мятежных колонистов. Поэтому неслучайно король Испании Филипп V назвал гуарани «своими самыми верными подданными» во всех американских колониях.

Эти слова были записаны в Указе короля от 28 декабря 1743 г. Но уже через несколько лет все переменилось. В 1750 г. испанский король Фердинанд I заключил новый секретный договор с Португалией, по которому к ней перешли территории семи редукций, расположенные на левом берегу реки Уругвай. Индейцам было приказано уйти с той земли, где их предки жили в течение 150 лет, оставить свои дома, скот, тщательно возделанные поля.

Договор вызвал возмущение гуарани. Они отказались его исполнить, вступив в войну с объединенными силами Испании и Португалии. «Война семи редукций» длилась три года. И только в феврале 1758 г. сопротивление было сломлено. Большая часть индейцев переселилась на правый берег Уругвая. Остальные ушли в леса, чтобы продолжить войну.

Следующий удар был нанесен в 1767 г., когда король Карл III приказал изгнать иезуитов из своих колониальных владений. На территории редукций были введены войска. Отцы-иезуиты были арестованы

и высланы из Южной Америки. Управление редукциями перешло в руки чиновников, назначенных колониальными властями. В результате этих мер хорошо отлаженное хозяйство было разрушено, имущество по большей части украдено. Начался новый исход гуарани. К 1783 г. население редукций сократилось более чем наполовину. В 1791 г. в них проживало только 44 677 человек¹. Но вскоре и они были вынуждены покинуть редукции. Так завершилась история земли обетованной иезуитов, пытавшихся создать другой, более совершенный мир.

Это была одна из последних попыток утверждения христианских заповедей. Наступил век Просвещения, когда о них забыли, чтобы служить другим «богам» — новым властителям дум, которые, постоянно сменяя друг друга, отвергали и вместе с тем пытались присвоить идеи Христа.

Так было в период Великой французской революции и Октябрьской революции в России, других революционных и политических переворотов.

Обращаясь к этой теме, Г. Берман писал: «Первой великой светской религией на Западе стала либеральная демократия. Это была первая идеология, которая рассталась с традиционным христианством и в то же время взяла от традиционного христианства его чувство священного и ряд его основных ценностей. Но, став светской религией, либеральная демократия очень скоро встретила соперника — революционным социализмом. А когда после сотни лет активности в Европе коммунизм наконец захватил власть в России в 1917 г., его доктрины приобрели святость не терпящего возражений откровения, а его руководители — ореол высших священнослужителей. Более того, коммунистическая партия обрела аскетизм монашеского ордена... Правовые постулаты социализма, хотя они и отличаются во многих отношениях от либерально-демократических, имеют с ними общего предка в лице христианства»².

В конце XX в. социализм как система общественных отношений был практически повсеместно разрушен либо приобрел новые очертания, далекие от «классической» модели социализма. Глубокие преобразования испытала и либеральная демократия.

¹ *Crocitti J.J.* Op. cit.

² *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования. С. 47.

В результате пропасть между христианством и существующими общественными и политическими системами стала еще более глубокой.

И тем не менее христианство продолжает оказывать мощное воздействие на развитие права. Его заповеди свободы, равенства, милосердия, любви лежат в основе всех правовых систем христианской традиции права, и все они объединены одной, хотя и не всегда осознаваемой целью — целью созидания Царства Божия здесь, на земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ. СЛАВЯНСКОЕ ПРАВО

Мы приступаем к рассмотрению христианской традиции права с обзором славянского права, что обусловлено рядом причин:

во-первых, тем, что в славянском праве христианские ценности находят наиболее полное воплощение;

во-вторых, тем, что славяне — самый крупный и, судя по всему, самый древний этнос Европы. Даже сейчас, несмотря на все войны и социальные беды XX в., примерно каждый третий житель Европы относится к славянской расе;

в-третьих, тем, что в последние десятилетия именно славянское право развивается наиболее бурными темпами, оказывая все большее влияние на право других христианских правовых семей.

Параграф первый. Введение в историю славянского права

История славян теряется в глубине веков. Древние греки называли их гиперборейцами, жителями древней северной земли. В летописях византийцев и готов они упоминаются как анты — предшественники¹.

Когда-то они имели единую государственность, что подтверждают многие византийские и арабские источники. Так, географ X в. Аль-Массуди отмечал, что из славянских племен «одно имело прежде в древности власть над ними, его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана². Этому племени в древности подчинялись все

¹ Слово «анты» происходит от латинского наречия *ante* (т.е. «перед») и применяется в значении предшествующий, раньше созданный, появившийся и т.п. Многие современные филологи утверждают, что славянские языки относятся к числу самых древних, «архаичных» индоевропейских языков. Это обстоятельство позволило известному лингвисту О.Н. Трубачеву высказать предположение, что область формирования индоевропейцев совпадает с прародиной славян. Поэтому славяне сохраняли больше архаических индоевропейских черт, а отрыв их языка от языка-матери не носил такого характера, какой обычно бывает при дальних переселениях, ведущих к изоляции от прародины.

² Судя по всему, под этим названием скрывалось древнескандинавское слово «Валлянда», как обобщающее наименование южных стран. См.: Поездка Брюнхильд в Хель // Старшая Эдда. М., 2003. Стих 2. С. 125.

прочие славянские племена, ибо верховная власть была у него и прочие цари ему повиновались... Впоследствии же пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделились на отдельные колена и каждое племя избрало себе царя»¹.

«Великая польская хроника» и «Повесть временных лет» достаточно четко определяют географическое расположение прародины славян — страна гетов, которая охватывала Балканский полуостров и далее широкой полосой простиралась до озера Балатон (его название происходит от славянского слова «болото»)² и Богемии (или «земли богов»)³.

При императоре Траяне Балканский полуостров и примыкавшие к нему земли были завоеваны римлянами (в славянской традиции — «волохами»), которые изгнали предков славян из исконных земель. Начался долгий и мучительно трудный исход. Именно этот исторический факт отражен в «Повести временных лет». Память о нем сохранили и другие древнеславянские источники — «Слово о полку Игореве», «Житие Мефодия» святого Климента и др.

Обращаясь к этой теме, замечательный русский историк права Д.Я. Самоквасов писал: «Римская система насильственного переселения народонаселения старых римских провинций в новые и новых в старые имела своим следствием колонизационное движение дакий-

¹ Гаркави А.Я. Из сочинений Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейна, известного под прозвищем Аль-Масуди (писал от 20-х или 30-х до 50-х гг. X в. по Р.Х.) // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/11.htm.

² Славянское слово *Blato* — «болото» (русское слово восходит к тому же славянскому корню). Озеро названо так, поскольку оно мелководно. В наше время средняя его глубина составляет около 3 м. Это название сохранилось в современном словацком (*Blatenské jazero*) и словенском (*Blatno jezero*) языках.

³ Большая часть ученых утверждают, что слово «Богемия» происходит от названия кельтского племени боев. Такая семантическая связь представляется совершенно надуманной, имеющей одну цель — скрыть истинные истоки славян, лишить их собственной истории. К сожалению, в российском языкознании этой теме посвящается мало работ. А те работы, что изданы, в основном вызывают вопросы. Так, О.Н. Трубачев полностью отрицает связь языков гетов (даков) и славян, но признает родственные связи между фракийскими и балтийскими языками. В качестве примера он проводит близкие по звучанию слова, в частности фракийское слово *Edessa* (название города) и прибалтийское слово *Vedosa* (Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. М., 1982. № 4. С. 10–26). Как представляется, к слову *Edessa* стоят намного ближе такие древнеславянские слова, как *Одесная*, *Десница* и др.

ского народонаселения (гетов. — *В.Л.*)¹ в пустынные области бассейнов рек Вислы и Днепра, лежавшие над Карпатами и Днепровскими порогами².

Возможно, именно в эти годы изгнания разрозненные племена гетов начинают называть себя славянами, тем самым подчеркивая, что они говорят на одном языке, «слове».

Впрочем, спустя столетие власть Римской империи ослабла, и славянские племена начинают возвращаться на прежние земли, память о которых никогда не стиралась.

Эта славянская «Реконкиста», судя по всему, завершилась примерно к V в. В 448 г. Приск Панийский, направлявшийся с византийским посольством к вождю гуннов Атилe, описывал племена, которые он встретил на Дунае и которые говорили на своем языке, отличном от латыни, греческого и немецкого языков. Это был славянский язык, о чем свидетельствуют названия двух напитков, которые Приск привел в своей рукописи, — мед и квас³.

О происхождении славян от гетов писали многие византийские историки, хорошо осведомленные о тех народах, которые окружали империю.

Так, Феофилакт Симокатта отмечал, что славяне — это то же самое, что геты⁴. Такое же утверждение высказывал и другой византийский историк Лев Диакон, подчеркивавший, что русские — это потомки гетов и что их религия создана Замолксисом⁵.

В этой связи отметим, что само имя Замолксис или Замолксий, несомненно, славянского происхождения и означало «замолкший». Все источники, повествующие о нем, рассказывают, что после возвращения в страну гетов, «спустившись в подземелье», он вел отшельнический

¹ «Геты» и «даки» — это названия одного народа. Обращаясь к этой теме, древнеримский географ Страбон писал: «Существует и другое деление этой страны, сохранившееся с древних времен: одних жителей ее называют дакийцами, а других — гетами; гетами тех, что обращены к Понту и на восток, а дакийцами — обращенных в противоположную сторону: к Германии и истокам Истра» (*Страбон*. Указ. соч. Глава 3).

² Цит. по: *Самковасов Д.Я.* Курс истории русского права. М., 1908. С. XXII.

О том, что славяне вернулись на свою историческую Родину, можно судить и по множеству сохранившихся на Балканах с древних времен географических названий.

³ См.: *Самковасов Д.Я.* Указ. соч. С. 48.

⁴ *Феофилакт Симокатта*. История // <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokat-ta/frameset1.htm>.

⁵ *Лев Диакон*. История. М.: Наука, 1988. Книга девятая. Глава 6.

образ жизни и вступал в общение только для того, чтобы открыть волю богов¹.

Замолксис был одним из учеников Пифагора². Этот факт объясняет сходство многих религиозных верований славян и пифагорейцев. В частности, и те, и другие поклонялись солнцу и верили в бессмертие души. Так, Пифагор учил, что душа бессмертна и проходит через многие циклы рождения и смерти. Столетия спустя эти идеи нашли отражение не только в языческих обрядах и народных легендах, но и в правовых актах древних славян. Свидетельством тому служит Договор Руси с Византией 945 г., согласно которому русичи, нарушившие Договор, подвергались проклятию быть рабами «в весь век в будущий»³.

От гетов древние славяне унаследовали многие элементы государственного устройства.

Чтобы доказать это, мы вновь обратимся к Страбону:

«По возвращении на Родину Замолксий достиг почета у правителей и в народе как толкователь небесных явлений. В конце концов ему удалось убедить царя сделать его соправителем, как человека, обладающего способностью открывать волю богов. Сначала ему предоставили лишь должность жреца наиболее почитаемого у них бога, а потом его самого объявили богом. Замолксий избрал себе местожителем какое-то пещеристое место, недоступное для всех прочих людей, и проводил там жизнь, редко встречаясь с людьми, кроме царя и своих служителей. Царь поддерживал его, видя, что народ теперь гораздо охотнее прежнего повинуетя ему самому в уверенности, что он дает свои распоряжения по совету богов. Этот обычай сохранился даже до нашего времени, так как у них всегда находится человек такого склада, который в действительности является только советником царя; у гетов же почитается богом... Когда над гетами царствовал Биребиста, на которого готовился идти войной Божественный Цезарь, эту должность занимал еще Декеней (или Дикиней, как приводится во многих переводах. — В.Л.)⁴. Доказательством полного повиновения гетов его

¹ По этому вопросу см.: *Геродот*. Указ. соч. Книга четвертая. Глава 95.

² Об учении Пифагора подробнее см.: *Лафитский В.И.* Воскресение права. Часть первая: Дни созидания. Часть вторая: В мире распятого Христа. М., 2008. С. 30–39.

³ О религиозных воззрениях древних славян см: *Афанасьев А.* Народные русские легенды. Лондон, 1859; Мифы русского народа. М., 2000.

⁴ Очевидно, имя Дикиней происходит от слова «дикий», которое подчеркивает, что он жил уединенно, не подчиняясь кому бы то ни было.

приказаниям является то, что они позволили убедить себя вырубить виноградную лозу и жить без вина»¹.

Эти сведения подтверждает и готский историк Иордан, который рассказывает, что Дикиней «прославился... как чудодей и повелевал не только меньшими, но даже королями»².

Таким образом, у гетов власть была разделена на светскую и духовную. При этом духовная, как правило, преобладала. Эту особенность организации государственной власти сохраняли и древние славяне.

Многие литературные памятники прошлого хранят свидетельства о господствующей роли верховных славянских волхвов (жрецов). По рассказу арабского писателя ибн-Дасты, они повелевали царю, «как будто они начальники» народа³. Теми же словами их роль раскрывается в старонемецких источниках. Так, в «Славянской хронике» Гельмольда отмечено, что племена руанов, обитавшие «в сердце» Балтийского моря⁴, «жреца... почитают больше, чем короля»⁵.

Сказанное объясняет одну из самых загадочных историй Древней Руси: двоевластие князя Игоря и Вещего Олега. Первый был представителем новой княжеской династии. Второй — представителем древней жреческой власти, духовным наследником Замолксиса. Его власть была столь безграничной, что «Повесть временных лет» описывает в основном его деяния. И только после его смерти летопись начинает повествование о князе Игоре.

Народная память долго хранила, да и сейчас хранит связь славянского права с правовым наследием гетов. Чтобы убедиться в этом, вспомним слово «гетман». Оно означало вождей воинских дружин гетов, а впоследствии использовалось в чешском, польском, украинском и русском языках для обозначения предводителей войск, народных и казацких ополчений⁶.

¹ Страбон. История. Книга седьмая. Глава 3. 5; 11.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Здесь и далее — перевод Е. Ч. Скружитской (<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Iordan/text1.phtml?id=576>).

³ Гаркави А. Я. Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Дасты // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/x/Barkavi_mus_pis/23.htm.

⁴ Руаны, руяне, или ране, — славянское племя, жившее на острове Рана в Балтийском море (современный остров Рюген).

⁵ Гельмольд. Славянская хроника. Книга первая. Глава 36. Здесь и далее — перевод Л. В. Разумовской.

⁶ Одними из первых гетманские звания получили чешские вожди таборитов, в том числе Ян Жижка.

В древних песнях и легендах постоянно воспевается Дунай как прародина славянских народов, связь с которой никогда не утрачивалась. Неслучайно один из русских былинных богатырей носил имя «Дунай»¹.

Многие легенды и песни славянских народов упоминают утраченную Книгу белых (т.е. истинных или непорочных) уложений, или Белую книгу, в которой легко угадываются законы гетов, составленные Дикинеем. Об этих законах Иордан писал так: «Дикиней... обуздал их варварские нравы... заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам, которые, будучи записаны, до сих пор зовутся «белагины»²».

В наши дни какая-либо реконструкция Белой книги вряд ли возможна. Поэтому ограничимся только воспоминанием о ней, которые сохранились в обрядовых песнях македонских болгар-помаков, живших в Родопских горах:

«Царь в том веке научил
Тому, о чем пелось в ясной книге,
В ясной книге о братстве,
О братстве и звездах,
О звездах и земле,
О земле и птицах,
Вот о чем было написано в Белой книге,
В Белой книге черным письмом»³.

Белая книга упоминается во многих песнях болгар-помаков, что дает возможность более полно ее представить. Так, в одной из песен сказано, что славянам законы дал царь Има, исполнив тем самым волю богов. В переводе известного российского исследователя славянских древностей А.И. Асова это событие представлено так:

«И Има-царь к нам тогда приходил,
входил он тогда в наши села, и

¹ Отметим, что в древнеславянских языках это слово использовалось для обозначения не только реки Дунай, но и рек как таковых.

² Слово «белагин» имеет два значения: «белая книга» и «белый огонь».

³ Песни болгар-помаков были собраны в 1870-е гг. замечательным сербским исследователем С.И. Верковичем. Мною дан перевод фрагмента третьей песни раздела «Обряды» второго тома труда С.И. Верковича, опубликованного в России под названием «Обрядные песни языческого времени, сохранившиеся устным преданием у македонских и фракшских Болгар-Помаков» (СПб., 1881). Первый том был издан в Белграде в 1874 г. «Български народни песни отъ предисторично и предхристианско доба».

в наши села, и в наши дома,
чтоб мы набрались ума.
Учил малых сих...
как петь ту Ясную книгу...
Белую книгу, Белую книгу черного письма.
Чтоб счастье пришло в дома...»¹

Ученым еще предстоит раскрыть многие страницы подлинной истории гетов², о которых древнегреческие историки, а вслед за ними Иордан писали, что они «среди всех варваров... всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам»³.

Общие начала государственности предопределили единство и других элементов государственного устройства славян. Верховная власть в славянских племенах принадлежала вождям, которые чаще всего носили титулы князей — хранителей «казны», иными словами — общего достояния племени.

Князья вершили и суд. О том, как осуществлялось правосудие, рассказывает ибн-Даста: «Если кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к царю, пред которым и препираются; когда царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны приговором царя недовольны, то, по его приказанию, должны представить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одержит верх. На борьбу эту родственники (обеих тяжущихся сторон) приходят вооруженными и становятся. Тогда соперники вступают в бой, и кто одолевает противника, выигрывает дело по своему требованию»⁴.

Власть князей в славянских племенах не была безграничной. Она не могла выходить за пределы, где начиналась духовная власть жрецов, яркое описание которой оставил Титмар Мерзебургский. Есть в округе редариев, писал он, «некий город под названием Ридегост, треугольный и имеющий трое ворот, со всех сторон его окружает

¹ Вышний и Жива через Иму-царя дают Ясную Книгу // *Асов А.И.* Тайны «Книги Велеса» (http://knigavelesa.narod.ru/asov/tainy_knigi_velesa/ogl.html).

² Многие ученые без достаточных к тому оснований утверждают, что геты (даки) — это предки современных румын. Отметим в этой связи, что за полторы тысячи лет до нашего времени Иордан ассоциировал гетов с готами, а до Иордана античные авторы относили гетов то к скифским, то к фракийским народам.

³ *Иордан.* Указ. соч.

⁴ *Гаркави А.Я.* Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Даста.

большой лес, неприкосновенный и свято почитаемый местными жителями. Двое из этих ворот открыты для всех входящих; третьи же, обращенные на восток и самые маленькие, открывают дорогу к лежащему неподалеку морю, весьма страшному на вид. В городе нет ничего, кроме искусно сооруженного из дерева святилища, основанием которого служат рога разных животных. Снаружи, как это можно видеть, стены его украшают искусно вырезанные изображения различных богов и богинь. Внутри же стоят изготовленные вручную идолы, каждый с вырезанным именем, обряженные в шлемы и латы, что придает им страшный вид. Главный из них зовется Сворожич; все язычники уважают и почитают его больше, чем остальных. Знамена их также никогда не выносятся оттуда, за исключением разве что военной необходимости, причем вынести их могут только пешие воины. Для тщательной заботы о святилище местными жителями назначены особые служители... Сколько округов в тех краях, столько там и храмов, в каждом из которых почитается неверными идол того или иного демона»¹.

Помимо волхвов власть князей ограничивали воеводы (гетманы), в функции которых входило ведение войн. По свидетельству арабского географа ибн Фадлана, они принимали на себя функции князя в случае, если последний не был способен их выполнять².

Власть князя сдерживало и вече — общее народное собрание, пришедшее из вечности вечное установление древних славян. Согласно «Велесовой книге»³ история вечевого правления славян насчитывала не менее пятнадцати столетий⁴.

О том, какую роль играло вече у древних лютичей в XI в., можно судить по свидетельству Титмара Мерзебургского: «Всеми ими, называемыми общим именем лютичей, не управляет какой-то один правитель. Решение необходимого дела обсуждается в общем собрании, после чего все должны дать согласие на приведение его в исполнение»⁵.

¹ Титмар Мерзебургский. Указ. соч. С. 102—103.

² Гаркави А.Я. Из «Записки» Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/frame10.htm.

³ Немногие исследователи признают подлинность «Велесовой книги». Вместе с тем ее текст, как представляется, отражает либо сохраняет сведения о многих событиях далекого прошлого.

⁴ Велесова книга. М., 2002. С. 33.

⁵ Титмар Мерзебургский. Указ. соч. С. 103.

Приведем еще одно свидетельство — византийского историка Прокопия Кесарийского: «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы»¹.

Право древних славян было достаточно развитым. В подтверждение можно привести много свидетельств. Так, в чешской песне «Суд Любуши», сохранившейся, вероятно, с IX в., упоминаются «дески правдодатне»² — законы, записанные на деревянных досках некими письменами³. На деревянные доски записывались не только тексты законов, но и всевозможные юридические акты (договоры, закладные и т.д.). Этот факт отражен, в частности, в Псковской судной грамоте.

О древности славянского права свидетельствуют многие документы. Так, в поэтическом вступлении к Польской Правде, или Эльблонгской книге, содержатся следующие примечательные строки:

«Один народ, который был очень значительным,
Хотя сейчас он и одурачен,
И все же твердо сохранил
Со своим родом
Свои законы,
Которые не подчинены никакой другой земле.

¹ Хрестоматия по истории СССР. М., 1951. Т. 1. С. 16.

² Подлинность песни в настоящее время оспаривается, впрочем, без достаточных к тому оснований.

³ Древние славяне использовали руническую письменность. Они «читали и гадали, — как писал древнеболгарский летописец IX в. Храбр, — с помощью черт и резов» (*Черноризец Храбр. О письменах* // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/IX/Slav_pis/frameset3.htm). Это свидетельство подтверждают многие франкские, немецкие и арабские источники. Так, один из арабских географов X в. ибн-ан-Надим рассказывал о том, что русские «имеют письмена, вырезаемые на дереве» (*Гаркави А.Я. Из «Книги росписи наукам» Абуль-Фараджа Мухаммеда ибн-аби-Якуб, известного под прозвищем Ибн-ан-Надима* // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Garkavi_mus_pis/18.htm). Древняя русская письменность упоминается и в «Житии Константина». Константин (Кирилл), создатель славянской азбуки, изучал в Херсоне «Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их» (перевод Б.Н. Флоря).

Его мудрейшие также
Составили ему его законы
Издавна и предусмотрели,
Чтобы он ими руководствовался.
Поляками зовут этот народ»¹.

Хорватская летопись XII в. рассказывает, что в IV в. законы составлялись в городе Далме².

В Договоре Руси с Византией 911 г. указано, что он заключен не только по обычаям предков русичей, но и по закону Русскому.

На этом факте остановимся подробнее, поскольку Договор четко различал законы, созданные князьями либо иными институтами светской власти, и обычаи, унаследованные от предков.

Такое деление источников права подтверждает и «Повесть временных лет». «Каждый народ, — писал летописец Нестор, — имеет либо письменный закон, либо обычай, которые люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов»³.

В этой связи отметим, что в дохристианских славянских землях под «законом» понимались не религиозные законы (так утверждают многие современные историки), а законы в собственном значении этого слова, как акты государственной власти.

Чтобы убедиться в этом, обратимся к следующей норме договоров дохристианской Руси с Византией 907 г. и 945 г.: «Пусть запретит русский князь указом своим приходящим сюда русским творить бесчинства в селах и в стране нашей»⁴.

В текстах договоров вошли многие нормы Русского закона, не имевшие аналогов в византийском праве (например, о передаче имущества убийцы в случае его побега ближайшему родственнику убитого)⁵. Во многих статьях указано, что наказания должны устанавливаться по закону Русскому — действовавшим законодательным установлениям, уходявшим корнями в неведомую даль веков.

О втором источнике права — обычаях предков — повествуют письменные свидетельства, а также народные сказания и песни. Так, в «Слове о законе и благодати» митрополит Илларион, рассказывая о князьях

¹ Польская Правда. Здесь и далее — перевод К.Е. Ливанцева.

² Хорватская летопись XII в. Здесь и далее — перевод О. Бодянского.

³ Повесть временных лет. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 65, 80

⁵ Там же. С. 83.

дохристианской Руси, отмечает, что они «не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли»¹.

Высокий уровень развития права Русской земли подтверждает Иоакимовская летопись, сохранившая предание о том, что правивший в Новгороде до «призвания варягов» князь Гостомысл был «любим из-за справедливости и правосудия»². Этому свидетельству созвучны слова исландской «Саги об Олаве, сыне Трюггви», повествующей о том, что в дохристианской Руси «господствовал вечный мир»³. Напомним в этой связи, что древние викинги называли страну северо-восточных славян Гардарикой — страной городов, протянувшейся вдоль водного пути, соединявшего Скандинавию и Константинополь (пути «из варяг в греки»)⁴.

Приведем еще одно свидетельство о нравах прусов и других нехристианских, в том числе славянских племен, в описании немецкого летописца Гельмольда. Отмечая, что они еще не познали света веры, тем не менее он подчеркивает: они обладают «многими естественными добрыми качествами», они «человеколюбивы по отношению к терпящим нужду; они спешат навстречу тем, кто подвергается опасности в море или преследованиям со стороны морских разбойников, и приходят им на помощь». «Золото и серебро они почти ни во что не ставят. — продолжает летописец. — У них изобилие неизвестных мехов, из-за которых в нашей стране разлился смертельный яд гордости. А они почитают их вроде как за навоз в укор, думаю, нам, которые вздыхают по меховой одежде, как по величайшему счастью. Поэтому за льняные одежды, которые у нас называются *faldones*, они отдают нам столь драгоценные шкурки. Многое можно было бы еще сказать об этом народе, достойном похвалы за свои нравы, если бы ко всему он признавал еще единую Христову веру, проповедников которой они преследуют бесчеловечно».

¹ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Повести Древней Руси. С. 31.

² Иоакимовская летопись // Велесова книга. Славянские веды. М., 2002. С. 317.

³ Снори Стурлусон. Указ. соч. С. 101.

⁴ Отметим в этой связи, что Древняя Русь другой и не могла быть, поскольку после изгнания славян с Балкан освоение новых земель осуществлялось крупными миграционными потоками. Древние славяне строили укрепленные поселения, в которых они могли найти защиту от нападений других племен.

Конечно, все славянские племена, как отмечал летописец Нестор, «имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав»¹.

Вместе с тем нельзя преувеличивать существовавшие между ними различия. Их многое объединяло — не только единые корни, о чем сказано выше, но и близкое родство славянских языков, сохранявшееся на протяжении многих веков и предопределившее единую терминологию, сходные правовые понятия, одно восприятие образов права.

Прокопий Кесарийский писал: «У тех и других (славян и антов. — В.Л.) один и тот же язык, достаточно варварский»². Много столетий спустя «Великая польская хроника» утверждала: «У славян существует большое разнообразие в языках, и в то же время они понимают друг друга, хотя в некоторых словах и в их произношении существуют, по-видимому, кое-какие различия. Языки эти берут начало от одного отца Слава, откуда и славяне (*Slavs*)»³.

О близком родстве славянских языков упоминает и русская «Повесть временных лет»: «Един народ славянский: славяне, которые сидели по Дунаю, покоренные уграми, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которые теперь зовутся русь. Для них ведь, моравов, первых созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских»⁴.

Единство общеславянского права было предопределено и общностью религии — сперва языческой⁵, а позже христианской, стремительно распространявшейся в славянских землях начиная с IX в. Принятие христианства объяснялось многими факторами, в частности близостью некоторых канонов новой и прежней религий⁶, стремлением князей уничтожить сковывавшую их систему двоевластия и т.д.

¹ Повесть временных лет. С. 52.

² Хрестоматия по истории СССР. М., 1951. Т. 1. С. 17.

³ Великая польская хроника. Здесь и далее — перевод В.Л. Янина, Л.М. Поповой и Н.И. Щавелевой.

⁴ Повесть временных лет. С. 53.

⁵ Хорватская летопись XII в. повествует о том, как в хорватскую землю пришел многочисленный народ, с которым хорваты заключили союз и стали жить в великой любви, тем более что были одной веры и языка.

⁶ На этот фактор одним из первых обратил внимание румынский исследователь М. Элиаде. В русском языческом пантеоне Сварог выступал как Бог-Отец, Перун — как

Но, пожалуй, главным было то, что древние славяне видели в образе Христа не только божественное, но и человеческое, близкое каждому. Эту тайну тысячу лет спустя раскрыл Борис Пастернак. В восприятии древних славян, по его словам, Иисус пришел «как легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились, и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей...»¹

В Нем воплощалось все: жизнь и смерть, радости и страдания, надежды и отчаяние. И во всем ощущалась Его безмерная любовь к каждому. Поэтому христианство так глубоко укоренилось в сознании древних славян.

В заключение необходимо сказать, что обращение к этой теме вызвано стремлением не только найти общие истоки славянской государственности, восстановить историческую правду, но и понять многие явления современной политической жизни, поскольку наследие предков не умирает. Оно живет в каждом из нас, проявляясь в стереотипах поведения и образах права. И мстит тогда, когда забывают о нем...

Параграф второй. Христианство в созидании правового мира славян

Из трех основных созидательных сил — христианства, народного правотворчества, светского законодательства, которые определяли развитие славянского права, главной, несомненно, было христианство. Неслучайно в «Младшей Эдде» — памятнике древнескандинавской литературы XII в. — сказано, что Христос есть «хранитель греческой земли и Гардарики», т.е. Руси².

Христианство во многом определяло содержание светского права, упорядочивало те отношения, которые не подпадали под действие мирской власти, укрепляло нравственные устои общества, прокладывая путь к новой жизни, основанной на христианских ценностях свободы, равенства, милосердия и любви.

Бог-Сын, а Святовит — как Святой Дух. Они составляли дохристианскую Троицу. Храм Триглаву — «высшему богу» — был, в частности, в Щецине.

¹ Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М., 2007. С. 96.

² Младшая Эдда. Язык Поэзии // Младшая Эдда. М., 2005. С. 87.

Практически все памятники славянского раннехристианского права подчеркивали его значение. Так, первые же строки древнейшего христианского закона — болгарского Закона судного людем¹ — призывали: «Прежде всякой правды достойно есть о Божьей правде говорить»².

В первой статье Польской Правды, или Эльблонгской книги³, отмечалось: «Желающие знать польское право должны помнить, что со времени принятия христианства поляки были подчинены римскому папскому престолу, а не императору. Римский престол взял их под свою защиту с тем, чтобы они охотнее были христианами. В знак этого они ежегодно платят указанному престолу деньги, так называемый пфенниг святого Петра».

Славянские законодатели не ограничивались упоминанием о верховенстве христианских ценностей, но и пытались воплотить их в нормах права.

Так, сербский Законник Стефана Душана (1349 г.) инкорпорировал нормы, развивавшие библейские ценности правосудия:

«Все судьи пусть судят по Законнику, справедливо, как написано в Законнике, и да не судят по страху моего царского величества» (ст. 174).

«Судьи да ходят по землям, где у кого свой округ, и да надзирают и защищают убогих и нищих» (ст. 181)⁴.

Созвучные нормы были и в Полном своде статутów польского короля Казимира Великого: «В судебных делах у справедливых судей нельзя ничего добиться обманом, взять верх лицепритием, опрокинуть правосудие за плату, поэтому судья, держа весы в руке, взвешивая равными чашами, должен выносить справедливый приговор, имея перед глазами при его обдумывании и составлении самого Бога, и чтобы он не смел как расточитель своей чести и гонитель ее что-либо учинить в ущерб другой стороне против своей совести и справедливости, из лицепрития или за подарки» (ст. CXIII)⁵.

¹ Закон принят вскоре после принятия в 865 г. христианства.

² Закон судный людем. Здесь и далее — перевод Е.А. Тихоновой.

³ Книга названа так по тому городу, в котором она была найдена в XIX в. Составлена в середине XIII в.

⁴ *Стефан Душан*. Законник Благоверного царя Стефана. Перевод Ф. Зигеля.

⁵ Полный свод статутów Казимира Великого // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIV/Kazimir_Statut/text.htm.

Однако влияние христианства на светское право в целом было ограниченным. Отчасти это было вызвано неверием в возможность светских законов. Более того, в общественном сознании господствовало представление о том, что они не нужны, поскольку их заменят христианские ценности.

В поэме «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона¹ эта идея отражена следующими словами:

«Закон отошел,

а Благодать и истина всю землю исполнили»².

По утверждению Илариона, прежний закон Моисея «как вечерняя заря погас», уступив место христианской благодати.

«Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,

Так и Закон — пред Благодатью явившейся.

И стужа ночная побеждена,

солнечная теплота землю согрела.

И уже не теснится человечество в Законе,

а в Благодати свободно ходит.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,

христиане же при благодетельном солнце свое спасение зиждут»³.

Неверие в силу светского права отражено во многих писаниях отцов и православной, и католической церкви.

Оно проявилось также в таком явлении, как отказ от использования слова «закон» применительно к актам светского законодательства. С введением христианства слово «закон» в славянских языках приобрело сакральное значение. Так стал обозначаться только Закон Божий. Эта линия в «Повести временных лет» прослежена очень последовательно. По убеждению летописца Нестора, так как Бог один, поэтому и закон может быть только один. Обосновывая эту мысль, он приводил в пример кривичей и других язычников, «не знающих закона Божьего, но сами себе устанавливающих закон»⁴.

Вторая причина относительно слабого влияния христианства на светское право заключалась в том, что законы, исходившие от государства,

¹ «Слово о Законе и Благодати» — первое дошедшее до наших дней произведение на русском языке. Впервые оно было публично исполнено Иларионом 29 марта 1049 г.

² Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. С. 11.

³ Там же. С. 17.

⁴ Повесть временных лет. С. 53.

изначально воспринимались как угроза народной воле. Об этом свидетельствуют многие летописи. Приведем только один рассказ «Чешской хроники» Козьмы Пражского.

К провидице и судье Либуше, как в библейской повести о воцарении Саула, обратился народ с требованием призвать для него князя. Долго Либуше отговаривала, обвиняя народ: «Ты несчастен и жалок, ты жить не умеешь свободно». Но увещевания были напрасны. И тогда она призвала на престол Пржемысла. И «с помощью законов он укротил... необузданный народ... обратив его в рабство, которое тяготеет над ним и поныне; вместе с Либуше установил он все законы, которым подчинена и которыми пользуется эта страна и теперь»¹.

Мощное противодействие светскому праву стало одним из ключевых факторов стремительного развития церковного права в двух направлениях: православном и католическом.

Между ними было много общего, потому что это были два русла одной христианской реки. Вместе с тем между ними были существенные различия. Главным образом они были обусловлены тем, что православие сохраняло большую свободу церковной жизни.

Начиная с XII в. практически повсеместно в землях южных и восточных славян появляются сборники канонов, основная цель которых — укоренение заповедей христианской жизни. В основном они создавались на основе византийских писаний.

Первые церковные сборники на славянских языках появились сразу же после обращения болгар и моравов в христианство. Это были различные редакции Номоканона — Кормчей книги, вобравшей в себя многие нормы византийского права, а позже дополненной положениями из некоторых славянских правовых источников. Так, одна из русских редакций Кормчей книги включала Закон судный людям².

Наибольшую известность приобрела Кормчая книга, составленная, согласно преданию, примерно в 1225 г. сербским первосвященником святым Саввой. Этот юридический памятник действовал не только в Сербии, но и в Болгарии, откуда в 1262 г. ее текст был направлен киевскому митрополиту Кириллу II. В дальнейшем ее рукописные

¹ *Козьма Пражский*. Чешская хроника // http://www.hrono.info/libris/lib_k/kozma01.html.

² Подробнее см.: *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1913. С. 65.

копии были посланы во многие русские церкви «на уведение разуму и на послушание верным и послушающим»¹.

Кормчие книги послужили основой для создания еще одного сборника канонических норм — Мерила праведного, о котором рассказано выше — в разделе, посвященном влиянию христианства на развитие государства и права.

Следует подчеркнуть, что кормчие книги и мерила праведные касались не только вопросов церковной жизни. Они включали многие нормы светского византийского законодательства, в основном в его кратких изложениях — Эклоге и Прохироне. Так, Эклога, составленная при императорах Льве и Константине, регулировала отношения, связанные с заключением брака, дарением, наследованием по завещанию и без завещания, опекой и попечительством, об обязательствах, о свидетелях, о сделках и разделе военной добычи².

Как отмечал Н.С. Суворов, эти источники «в глазах наших предков имели значение обязательных норм, независимо от утверждения их русскими князьями, и притом норм исключительных, существованием которых исключалась необходимость установления каких-либо норм русскими князьями и национальными соборами»³.

Такое качество они сохраняли в течение многих веков, о чем свидетельствуют официальные издания Кормчей книги святого Саввы, которая публиковалась на Руси в ее рязанской «фамилии», или редакции, с благословения патриарха и по повелению царя в 1650, 1653, 1787 и 1816 гг.

Иным образом развивалось церковное право в славянских католических землях. Еще в 880 г. папа Иоанн VIII издал Буллу с одобрением перевода церковных книг на славянский, «чтобы на этом языке возглашалась слава деяний Христа Господа нашего». И ничто, утверждала Булла, «ни в вере, ни в учении не препятствует на том же славянском языке ни петь мессы, ни читать святое Евангелие или божественные чтения из Старого и Нового Завета, хорошо переведенные и истолкованные»⁴.

¹ Суворов Н.С. Указ. соч. С. 65.

² Подробнее см.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 28–29.

³ Суворов Н.С. Указ. соч. С. 66.

⁴ Из Буллы папы Ионна VIII от июня 880 г. // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/IX/Slav_pis/pril3.phtml?id=2530.

Таким же образом утверждалось христианство в Хорватии — Королевстве святого народа, о чем повествует Хорватская летопись XII в.

Но папская Булла 880 г. действовала недолго. Уже через пять лет (в 885 г.) новый папа Стефан V запретил совершать церковные обряды и читать тексты Писания на славянском языке. Было разрешено лишь разъяснять их в проповедях. В Моравии отказ учеников Мефодия от исполнения новой папской Буллы вызвал волну репрессий. Самые молодые из них были проданы в рабство, а старшие сперва заключены в тюрьму, а впоследствии высланы из страны¹.

Начиная с XIII в. в Польше, Чехии, Хорватии распространяются различные своды католического законодательства (в частности, Декрет Грациана), вошедшие через три века в Полный свод (корпус) канонического права, изданный по постановлению Тридентского собора (1545—1563).

Римский папа пытался утвердить свое верховенство не только в церковной, но и в светской жизни. Еще в 880 г. он был провозглашен патроном-покровителем Моравии.

В Польше его верховенство было закреплено актом 991 г., согласно которому король Лешко I вместе с женой и двумя младшими сыновьями передал свое государство папе римскому и получил его обратно, но уже на правах лена². Впрочем, ошибочно полагать, что римский папа играл какую-либо существенную роль в политической жизни Польши. Его роль была в основном символической. А акт прямого подчинения первосвященнику Рима подчеркивал не более чем духовную связь Польши с католической церковью. Впрочем, как показали дальнейшие события, он не оградил ее от притязаний Тевтонского ордена и правителей прилежавших к ней немецких земель.

Вассальные отношения могли сложиться между папским престолом и Хорватией. Однако во время веча, на котором обсуждалось письмо папы римского, король Звонимир был убит, что послужило поводом для вторжения в Хорватию венгров. Тогда, как сказано в Хорватской летописи XII в., «хорваты пришли из воли в неволю, из свободных обратились в рабов. И случилось, как Писание говорит: «Злое дело ждет злая мзда»».

¹ Об этом свидетельствуют Житие Климента и Житие другого ученика Мефодия — Наума, написанные в X в.

² Подробнее см.: Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1980. С. 83.

Следует, однако, отметить, что в славянских землях и православная, и католическая церкви не стремились, за редкими случаями, к политическому господству. Свою основную роль они видели в другом — в просвещении народа и в организации народной жизни на принципах христианства.

В Болгарии изгнанные из Моравии ученики Кирилла (Константина) и Мефодия основали на рубеже IX–X вв. множество училищ, которые не только готовили из местного населения священников, способных совершать богослужение и проповедовать на славянском языке, но и обучали грамоте простых жителей, в том числе ремесленников и крестьян.

Эта традиция была перенесена в Русскую землю. Начиная с XI в. в ее княжествах и вольных городах создается множество училищ для просвещения народа. Сказанное объясняет, почему в древнем Новгороде столь многие владели письменным языком, о чем свидетельствуют берестяные грамоты того времени.

Такую же просветительскую миссию осуществляли многие католические священники. Так, Польская церковь, руководимая архиепископом Якубом Свинкой, на синодах в Ленчице в 1285 и 1287 гг. приняла решение об обязанности приходских священников знать польский язык и объяснять истины веры по-польски.

Многие, в основном православные, монастыри были центрами распространения славянской культуры. Так, в Чехии наибольшую известность приобрел Сазавский монастырь, основанный в 1033 г. на реке Сазаве (к северо-востоку от Праги). Но он просуществовал менее века. В 1097 г. использование славянской письменности в Сазавском монастыре было запрещено, а православные священники изгнаны.

Духовными центрами православия в Болгарии был Рыльский монастырь, в Сербии — монастыри Студеница и Высокие Дечаны, в Македонии — Лесновский, на Украине — Киево-Печерский, в Беларуси — Свято-Троицкий Марков, в России — Троице-Сергиев монастыри. Каждый из них заслуживает отдельного повествования. Но мы остановимся только на одной истории, поскольку в ней, как в водной глади, отражена история всех православных монастырей.

Русь полнощная лежала растерзанной, опустошенной в результате набегов татар и постоянных междоусобных войн. У нее не было сил. И, казалось, не было будущего. Но именно в это время в сломленном

общественном сознании появилась сперва робкая надежда, а потом убеждение в возрождении Руси.

Эту перемену вызвало движение печальников земли Русской. Они уходили в глухие леса — пустыни, чтобы там, в отречении от всего мирского, в трудах и молитвах очистить свои души и вымолить прощение для всех. Так формировались пустынные монастыри, в которых Русь в течение нескольких столетий будет черпать силы и которые в конечном счете ее воскресят.

Великий русский историк В.О. Ключевский этот процесс описывал так: «Пустынный монастырь воспитывал в своем братстве, по крайней мере в наиболее восприимчивых его членах, особое настроение: складывался особый взгляд на задачи иночества. Основатель его некогда ушел в лес, чтобы спастись в безмолвном уединении, убежденный, что в миру, среди «людской молвы», то невозможно. К нему собирались такие же искатели безмолвия и устроили пустынку. Строгость жизни, слава подвигов привлекали сюда издали не только богомольцев и вкладчиков, но и крестьян, которые селились вокруг богатевшей обители как религиозной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лес, ставили починки и деревни, расчищали нивы и «искажали пустыню», по выражению жития преподобного Сергия Радонежского. Здесь монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Так на месте одинокой хижины отшельника вырастал многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братии нередко оказывался ученик основателя, тяготившийся этим неиноческим шумом и богатством; верный духу и преданию своего учителя, он с его же благословения уходил от него в нетронутую пустыню, и там тем же порядком возникала новая лесная обитель. Иногда это делал, даже не раз, и сам основатель, бросая свой монастырь, чтобы в новом лесу повторить свой прежний опыт. Так из одиночных, разобщенных местных явлений складывалось широкое колонизационное движение, которое, исходя из нескольких центров, в продолжение четырех столетий проникало в самые неприступные медвежьи углы и усеивало монастырями обширные лесные дебри Средней и Северной России... Пустынный монастырь признавался совершеннейшей формой общежития, основание такого монастыря — высшим подвигом инока»¹.

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1988. Т. 2. С. 234, 244.

Одним из таких иноков земли Русской был Сергей Радонежский (в миру — Варфоломей). Он родился в семье обедневшего ростовского боярина, который был вынужден переселиться в небольшой городок Радонеж. После смерти родителей Сергей и его брат Стефан ушли в лесную пустынь, где своими руками построили маленькую церковь во имя Святой Троицы. Было это в 1337 г.¹ Так началась история Троице-Сергиева монастыря.

Вскоре весть о новом подвижнике разнеслась по окрестным селам и городам. К нему все чаще приходили странники с просьбой оставить их жить в обители. Сперва Сергей отказывал, полагая, что многие из них не смогут выдержать испытаний отшельнической жизни. Но потом согласился, решив последовать заветам Иисуса Христа: «Приходящего ко Мне не изгоню вон»²; «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»³.

Согласно Житию преподобного Сергея долгое время в его обители было двенадцать человек. В ней все были равны. А сам Сергей управлял ею «только посредством своего примера»: строил кельи для своих братьев, готовил для всех пищу, шил им одежду, а ночи проводил в непрерывных молитвах⁴.

Но он был непреклонен, отстаивая правила, введенные им для обители. Так, он запрещал братьям ходить по деревням и селам и просить подаяния. Какими бы ни были голод или иная нужда, нужно было всего добиваться своим трудом.

Нередко строгость монастырской жизни вызывала ропот среди братьев. Некоторые угрожали, что уйдут из обители⁵. Но он с неизменным терпением и любовью объяснял им значение их искупительной жертвы. И, главное, он сам постоянно жертвовал собой.

¹ По некоторым данным — в 1345 г.

² Евангелие от Иоанна. Глава 6. Стих 37.

³ Евангелие от Матфея. Глава 18. Стих 20.

⁴ Житие преподобного Сергея Радонежского // *Муравьев Андрей*. Жития святых Русской Церкви. М., 2005. С. 339.

⁵ Подробнее см.: Житие и чудеса преподобного Сергея игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Лагофетом и старцем Симоном Азарьевым // <http://www.lawra.ru/lib/book2/index.htm>; *Иеромонах Никон (Рождественский)*. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергея игумена Радонежского и всея России Чудотворца // <http://www.stsl.ru/lib/book1/index.php>.

По словам В.О. Ключевского, это была практическая школа благонравия, «в которой сверх религиозного воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Наставник вел ежедневную дробную терпеливую работу над каждым отдельным братом, над отдельными особенностями каждого брата, приспособляя их к целям всего братства... Под его воспитательным руководством лица не обезличивались, личные свойства не стирались, каждый оставался сам собой и, становясь на свое место, входил в состав сложного и стройного целого, как в мозаичной иконе различные по величине и цвету камешки укладываются под рукой мастера в гармоническое выразительное изображение...».

Секрет такого строительства был прост и вместе с тем невероятно труден: «наблюдение и любовь к людям дали умение тихо и кротко настраивать душу человека и извлекать из нее, как из хорошего инструмента, лучшие ее чувства»¹.

Обитель преподобного Сергия стремительно разрасталась. К ней шли, чтобы начать новую жизнь, найти спасение в ее стенах либо увидеть своими глазами иной мир, основанный на заповедях Христа.

Слава об обители Сергия разнеслась не только по Русской земле, но и далеко за ее пределами. Примерно в 1372 г. к нему прибыли посланцы патриарха Константинопольского Филофея с советом и благословением установить в обители общежительный устав по образцу первых православных монастырей.

Но, устанавливая общежительный устав, преподобный Сергий дополнил его многими новыми правилами. Одно из таких правил — странноприимство. Как пишет один из его сподвижников, «никто из приходивших в обитель бедняков не уходил из нее с пустыми руками. Блаженный никогда не оставлял благотворительности, он заповедовал насельникам обители давать приют нищим и странникам и не отказывать просящим. Он говорил: «Если вы сохраните мою заповедь без роптания, то получите награду от Господа и по моему отшествию от этой жизни обитель процветет и нерушимо простоит многие годы благодатью Христовою»»².

¹ Ключевский В.О. Значение преп. Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Очерки и речи. М., 1913. С. 207.

² Житие и чудеса преподобного Сергия игумена Радонежского, записанные преподобным Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Лагофетом и старцем Синомом Азарьевым.

Перемены в уставе скромной обители Сергия произвели огромное впечатление на современников. Как отмечал Павел Флоренский, «общежитие знаменует всегда духовный подъем». Так было при рождении христианства, при создании Киевской Руси и при появлении Московской Руси, которая ввела общежитие по «совету и с благословения умирающей Византии».

По словам П. Флоренского, «идея общежития как совместного жития в полной любви, единомыслии и экономическом единстве, — назовется ли она по-гречески киновией или по-латыни — *communia*», была всегда близка русской душе и сияла в ней «как вожделеннейшая заповедь жизни»¹.

Отметим также другое обстоятельство. Обитель отца Сергия за полвека ее существования посетили многие тысячи людей. Они «вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились с другими». Это, по словам В.О. Ключевского, вызывало «живительное брожение». Продолжая, он писал:

«Нравственное влияние действует не механически, а органически. На это указал Сам Христос, сказав: «Царство Божие подобно закваске». Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них»².

Русь не только проснулась от полуторавекового тяжелого сна. Она ощутила в себе огромные нерастраченные нравственные и материальные силы. Отныне ей было подвластно все.

Когда пришло известие о том, что хан Мамай ведет новую орду на Русь, она не затаилась, как прежде, а вышла навстречу ему. О том, каким был ее духовный подъем, можно судить по одному всем знакомому факту: Куликовскую битву начал инок обители Сергия Александр Пересвет, на котором не было ни шлема, ни доспехов, а только схимы с изображением креста. Символическое значение этого поступка было

¹ Павел Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия // www.newacademy.ru.

² Ключевский В.О. Значение преп. Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Очерки и речи. С. 209.

предельно ясным. Русь уповала на собственные силы. Броня ей больше не была нужна. Ее поддерживала вера.

Значение отца Сергия для судеб русского народа трудно переоценить. Отец Сергий и сейчас хранит его, так же как русский народ хранит память о нем. Его роль в истории Руси лучше всех раскрыл В.О. Ключевский:

«Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших во тьме и тени смертной, он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. Русские люди XIV в. признавали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше привычного уровня — такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом; таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник — вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к действию эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни...»¹

Такое же духовное брожение начинается и в наши дни на изломе двух тысячелетий. Провозвестниками его вновь стали печальники земли Русской, которые уходят в пустыни, чтобы там, в трудах и молитвах, очистить себя и вымолить прощение для всех.

В убранстве их церквей и часовен нет роскоши. Они не произносят громких слов, предпочитая молчание. Но именно эти труды и это молчание предвещают России иное, великое будущее — возрождение прежней Триединой Руси.

О ней один из печальников земли Русской иеромонах Роман (Матюшин) сказал так:

«Дорогие мои! Что же мы натворили, наделали?

Опорочила все, растерзала Отечество гнусь!

¹ Ключевский В.О. Значение преп. Сергия для русского народа и государства // Ключевский В.О. Очерки и речи. С. 213—214.

Триединая Русь! Русь Великая, Малая, Белая,
Кто тебя разделил, неделимая Русь?
Отстрадали отцы, отошли во обители лучшие
Нам бы Веру и Мужество их в искупительный час!
А братаясь вовсю с палачами безвинно замученных,
Помираем отцов-матерей, убиенных за нас.
Триединая Русь! Ты земное подобие Троицы.
И прискорбна душа за напоенный ложью народ.
Возрождайся, ликуй перезвоном воссозданной звонницы,
Триединая Русь, Православный Оплот»¹.

В заключение отметим, что у каждого славянского народа были свои святые, которые, подобно Сергию Радонежскому, хранили его в самые тяжелые годы: в Чехии — святые Вацлав и Прокоп; в Польше — святой Станислав; в Болгарии — святые Климент Охридский и Иоанн Рыльский; в Сербии — святой Савва; в Хорватии — святой Влах.

Параграф третий. Самоуправление в славянском праве

Народное славянское право развивалось на нескольких уровнях.

Верхний пласт народного права — вечевые постановления. С древних времен вече (народные собрания) созывались в укрепленных центрах славянских племен — городищах, которые создавались по мере продвижения с Балкан на новые земли. По летописным свидетельствам прошлого, это были большие города. Обращаясь к этой теме, И.С. Державин писал, что остатки древних славянских городищ «нередко поражают наблюдателя огромностью своих размеров», поэтому народные предания связывают их постройку с исполинами древности. Таким является, например, славянский курган на о. Рюгене². На территории одной только Чехии таких городищ (*hradiste*), колоссальных поселений далекого прошлого, обнесенных стенами из обожженной глины, было девять³.

И в каждом из них действовало свое вече, которое, как сказано в одной из русских летописей, «творяху сами себе закон»⁴. В этой связи следует, впрочем, подчеркнуть, что вече было не единственным

¹ *Иеромонах Роман (Матюшин)*. Триединая Русь // pesni.voskres.ru.

² *Державин И.С.* Славяне в древности. М., 1945. С. 113.

³ См. там же. С. 113.

⁴ Цит. по: *Самковасов Д.Я.* Курс истории русского права. М., 1905. С. 205.

органом законодательной власти. В тех княжествах, где утвердилось единовластие, законы издавались князем, как правило, по совету с думой. Так была принята Русская Правда¹. Но в вольных городах и в княжествах со слабой княжеской властью вече сохраняло функции главного законодательного органа.

Каким было вечевое законодательство, можно судить по Новгородской (1440 г.) и Псковской (1467 г.) судным грамотам. Так, в Новгородской судной грамоте сказано, что ее принимал «весь государь Великий Новгород на вече на Ярославом дворе»². А Псковская грамота отмечала, что она одобрена «всем Псковом на вече»³ и что любые дополнения и изменения могут быть внесены в ее текст только решением народного собрания.

Подробный анализ этих памятников вряд ли уместен. Вместе с тем отметим, что Новгородская судная грамота хранила многие древние установления, идущие из глубины веков. Не случайно она призывала «судить суд свой... по старине»⁴.

В Псковской судной грамоте подобных ссылок нет. Однако она более подробно описывала общие начала судоустройства:

«А посадник при возведении на должность посадника должен крест целовать, присягая в том, что он будет судить справедливо, как обещал на крестном целовании, что он не будет пользоваться из корысти средствами города, что он не будет никому мстить на суде либо потакать на суде, что он не будет наказывать правого и не будет миловать виновного и что он не будет никого судить без разбора дела ни на суде, ни на вече» (ст. 3).

«А князь и посадник не должны на вече суд судить; судить же они должны у князя в палатах по правде согласно крестному целованию. А если они не будут судить по правде, то да будет им Бог судьей во время Второго пришествия Христа. А тайным посулам не должен внимать ни князь, ни посадник» (ст. 4)⁵.

¹ Подробнее см.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 1909. С. 58–59.

² Новгородская судная грамота // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X в. — 1917 г. М., 1998. С. 21.

³ Псковская судная грамота // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X в. — 1917 г. С. 26.

⁴ Новгородская судная грамота. С. 21.

⁵ Перевод дается по тексту Псковской судной грамоты: Псковская судная грамота. С. 26.

Устанавливая новые нормы и в отдельных случаях противопоставляя себя «старине» (ст. 19), Псковская судная грамота вместе с тем сохраняла многие древние нормы, которые действовали на протяжении многих веков: о судебных поединках, о составлении юридических документов на деревянных досках, о давности земельного владения и т.д.

На вече принимались акты не только общего, но и специального или локального действия. Так, Новгородское вече в 1459 г. одобрило Вечевую жалованную грамоту Соловецкому монастырю на право владения пустынными Соловецкими островами. Принимались вечевые грамоты о дарении («данные»), об отмене присяги на верность подвластных городов («отказные») и т.д.

Удивительным памятником вечевого законодательства является хорватский Полицкий статут, дошедший до наших дней в редакции 1440 г., но, несомненно, сохранивший многие древние установления.

Приведу лишь несколько статей, сохранивших поэтическое звучание древнего права:

«По старому закону мельница состоит из пяти частей: первая — земля, на которой мельница ставится; вторая — вода, которая проводится к месту, где должна быть мельница; третья — здание («куча»): дом каменной кладки и лес (дерево) и все, что к лесу для мельницы полагается; четвертая — жернова и железо; пятая — мастер, который мельницу строит, держит, исправляет и за ней наблюдает. Тому, кому принадлежит участок на берегу реки или текучей воды, принадлежит и половина ширины реки, поскольку его участок прилегает к реке. Это старый закон.

На мельнице надо молотить по очереди. Кто прибыл на мельницу ранее и привез зерно, тот должен и молотить раньше. И никто ни у кого не может очереди взять без его доброй воли...

И это старый закон: кузнецу можно смолотить вне очереди, потому что в кузнице для железных частей мельницы тоже приходит очередь, как только они поступят» (ст. 80с, 81а — 81с)¹.

Приведу еще одну статью, унаследованную от древнего права:

«Старый закон требует, чтобы всякий (убитый) зверь принадлежал тому охотнику, который его выследил, за исключением случая, когда охотник позвал кого-нибудь (в помощь себе), тогда должен дать часть ему (помощнику).

¹ Полицкий статут. Здесь и далее — перевод Б.Д. Грекова.

Как сказано, всякий зверь есть того, кто его выследил; и только медведь или лисица принадлежат тому, кто их убьет; а те, кто поспешил (на помощь), должны получить вознаграждение, которое называется «поточное».

Если кто-нибудь убьет зверя на чьей-либо земле, по закону (хозяину земли) надо дать четвертую часть.

«Поточное» должно быть различное, согласно участию в охоте: если бы кто из охотников проявил больший труд или больший риск, как, например, в воде или как-либо иначе, ему причитается и большая часть; если это «поточник» (тот, кто загонял), то получает больше» (ст. 111).

Полицкий статут постоянно дополнялся новыми нормами, которые принимались на вече. Так, 6 августа 1576 г. в его текст были внесены следующие положения:

«Так как появились между поличанами некие различные несогласия, и беспокойствия, и свары... Полица в день вышеуказанный, собравшись на общее собрание, единодушно и сообща учинила и узаконила так: пусть будет единодушие, и мир, и братство, и единение, как было раньше; твердо и нерушимо принято: там, где речь идет об общинном деле, пусть каждый стоит на почве закона открыто, пусть каждый ищет своего по закону, как полагается по обычаю и закону. Что же касается скандалов и различных волнений, то пусть каждый по праву и закону спокойно и мирно устраивает свои дела; и пусть никто из поличан не чинит смут или раздоров, не создает какие-либо объединения или партии, из-за чего могут в Полице произойти скандалы, волнения, смуты или непотребные клеветы, убийства или новшества. Этого не надо делать под страхом нарушения верности Господину и Полице и под угрозой потери всего своего имущества, которое в таком случае отойдет — движимое в общину, а племенщина — родственнику («ближнему»), а его дом будет сожжен, а сам он осужден на изгнание» (ст. 88).

Конечно, не все вопросы могли быть решены на вечевом собрании. Тогда оно формировало особые советы старейшин, которым поручалась разработка самых важных решений. Так, в другой хорватской земле — Винодоле — вече избирало людей, которые были сведущи в законах, чтобы они составляли проекты законов. В преамбуле Винодольского закона 1288 г. этот механизм описан так:

«Как скоро стали довольно часто замечать, что народ ошибается в своих старинных и искусных (испытанных) законах, один за другим

все жители Винодола пожелали сохранить вполне те старые хорошие законы, которые их предки всегда сохраняли ненарушимо; и так, сойдясь все вместе, люди церковные и миряне после здравого совещания в собрании... избрали из каждого города винодольского по несколько человек, не самых старших, но тех, про которых известно было, что они помнят законы своих отцов и то, что слышали от своих дедов; им же они повелели и приказали точным образом дать записать все хорошие, старинные, испытанные законы Винодола, которые они, может быть, помнят сами или же слышали про них у своих отцов и дедов, как вышеупомянуто, чтобы таким образом отныне впредь прекратились заблуждения по этому предмету и чтобы дети их на будущее время не имели сомнения в этих законах»¹.

Второй уровень славянского народного права — постановления волостного общинного самоуправления². Наиболее глубоко на основе изучения большого массива документов его исследовал русский историк права Н.П. Павлов-Сильванский.

«Древняя волость-община, — писал он, — это союз мелких поселков, по большей части от одного до трех дворов, разбросанных на очень большой территории, в пределах которой долгое время остается много земель, пригодных для пашни и свободных только потому, что недостает рук для ее обработки»³.

Таким был волостной мир, который согласно «древнему обычному порядку», подтвержденному княжескими грамотами, был наделен многими правами и обязанностями. Выборные представители волостных общин участвовали в отправлении правосудия в княжеских судах, производили следствие по уголовным делам, совершенным на территории волости, распределяли повинности между ее жителями и, что важно отметить, они определяли порядок совместного владения сельскохозяйственными, лесными и водными угодиями, принадлежавшими волости. Соответствующие решения принимались перед церковью на сходе, как сказано в одной из грамот 1598 г., волостным старостой и «всемирном»⁴. Решения скреплялись крест-

¹ Закон Винодольский // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kroatien/Vinodolsk_zakon/text.phtml?id=2522.

² Территориальные единицы в Древней Руси назывались не только «волостями», но и «погостами» (например, в Новгородской земле).

³ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 167.

⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 182.

ным целованием и подтверждались, при необходимости, участниками схода. За пользование общинными землями либо за предоставление пустующих земель взималась плата в пользу волостного мира, о чем свидетельствуют многие грамоты и иные юридические документы, сохранившиеся с XV–XVI вв.

Следующий уровень, на котором существовало славянское народное право, – самоуправление общин (сотен), которые возглавлялись старейшинами или сотскими (сотниками) и «добрыми людьми», следившими за порядком в сельских и городских общинах.

О городских старейшинах («градских старших») Киева есть летописные сведения, относящиеся к 983 и 987 гг.¹ Судя по всему, они представляли не только территориальные единицы (например, в древнем Новгороде так называемые концы), но и профессиональные сообщества (кузнечных, кожевенных, ткацких и других мастеров).

И наконец, последний уровень самоуправления – задруга или большая семья, сохранявшаяся у южных славян до начала XX в.² Обычно она состояла из 20–50 человек, объединенных родственными связями и общностью хозяйства.

Во главе задруги стоял домохозяин (домачин, господарь и др.), руководивший всей жизнью семьи. Он распределял обязанности между ее членами, контролировал их исполнение, поддерживал в ней порядок и представлял ее интересы перед властями.

Вместе с тем его власть не была безграничной. Власть домохозяина не распространялась на функции хозяйки (*domacica*), ведавшей женской половиной задруги. Домохозяин должен был руководить задругой в соответствии с родовыми обычаями. В частности, они требовали, чтобы он хранил и приумножал наследие предков (*diedovina*). Поэтому любые крупные сделки могли совершаться только с согласия совета, состоявшего из всех совершеннолетних членов семьи.

Домохозяин мог быть смещен с должности по решению совета в случае нарушения родовых обычаев либо неспособности исполнять обязанности. В этом случае его замещал новый домохозяин, который избирался на совете задруги, как правило, из числа женатых мужчин.

¹ Повесть временных лет. С. 110, 131.

² «Задружна куѣа» в сербском и хорватском языках.

Такие же институты были и в других славянских землях — в Польше, Чехии, Словакии (до XVII в.) и в России (до середины XIX в.).

Самоуправление было одной из ключевых характеристик древнего славянского права. Органы самоуправления не только хранили, но и созидали мир на земле, находившейся под их властью. И в этом качестве они вершили подлинное право. Обращаясь к этой теме, известный исследователь русской старины Н.В. Калачов писал: «С древнейших, незапамятных времен... народный суд и исполнители его — народные выборные... были настоящие народные деятели, направлявшие народную жизнь, регулировавшие ее проявления и, вместе с тем, действительно отвечавшие перед правительством за проступки подвластных им членов общин»¹.

Изменить этот строй верховная власть не могла. «Мы знаем, — отмечал в этой связи Н.П. Павлов-Сильванский, — как мало истинно нового творит государственная власть даже в новой истории, когда эта власть несоизмеримо сильнее власти королей и князей IX и X вв., как часто веления реформаторов бессильны изменить главные устои социального строя и государственного порядка»².

Этот строй не был сломлен и в тяжелые годы владычества татаро-монголов в восточных, турков — в южных, немцев — в западных землях славян. Об этом повествуют многие летописные своды, свидетельства современников, юридические документы, дошедшие до наших дней. Более того, народное самоуправление, наряду с христианством, было той главной силой, которая позволила славянам устоять, сохранив себя в тяжелые годы иноземного порабощения.

Параграф четвертый. Образы права в мелодиях славянского народного творчества

Следующий источник правового мира славян — памятники народного творчества и художественной литературы. В них, как отмечал замечательный советский ученый И.Т. Голяков, как в «зеркале жизни», отражены многие правовые явления³. Вместе с тем они формировали правосознание и в конечном счете оказывали мощное воздействие

¹ Цит. по: *Дитятин И.* Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 390.

² *Павлов-Сильванский Н.П.* Указ. соч. С. 219.

³ *Голяков И.Т.* Избранное. М., 2008. С. 3.

на развитие права в целом. Так дух времени и дух народа становились «духом права»¹.

Одной из основных мелодий легенд, сказаний и песен славянских народов был призыв к вольной жизни и свободе. В восприятии древних славян свобода была самым драгоценным даром. Так, в одной из сербских песен поется:

«Я не голоден и пить не жажду,
Я по воле только стосковался,
Как попал к тебе в полон в темницу,
Невтерпеж сидеть в темнице стало»².

Во многом созвучны слова украинской песни «Маруся Богуславка»:

«Ой, вызволи, Боже, нас всех, бедных невольников,
Из тяжелой неволи,
Из веры басурманской
На ясные зори,
На тихие воды,
В край веселый,
В мир крещеный.
Выслушай, Боже, в просьбах наших,
В молитвах несчастных»³.

Такие же слова звучали во многих песнях западных славян — поляков и чехов, словаков и моравов. Не случайно в одной из польских песен сказано: «Вольность измеряется количеством крестов», — иными словами, количеством тех, кто погиб, защищая ее⁴.

Вместе с тем древнеславянские песни нередко предупреждали об опасности, таившейся в безудержном стремлении к свободе. Об этом поется в новгородских былинах «О Василии Буслаевиче», который принес много бед со своими «веселыми удалыми добрыми молодцами»⁵.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 38.

² Юришич Янко // Песни южных славян. М., 1976.

³ Маруся Богуславка // Героический эпос народов СССР. М., 1975. С. 15.

⁴ Цит. по: Ключко Н.Н. Этноцентрические мифологемы в современном славянском коллективном сознании // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 126—134.

⁵ Новгородские былины. М., 1978. С. 5.

Вольница были причиной многих междоусобных войн, которые обескровили славянские земли, о чем повествуют все славянские летописи. Вместе с тем все они призывали защищать свободу от иноземных врагов. Так, в одной из древнерусских былин есть такие строки:

«Вы седлайте-тко добрых коней
И садитесь-тко на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град,
И постойте вы за церкви-ты за Божии,
Вы поберегите-тко князя Владимира»¹.

Такой же мотив звучал в песнях южных славян. При этом отметим, что они, как правило, не разделяли былинных героев между народами и государствами. Все они были славянами. Так, Марко Королевич стал героем песен сербов и болгар, боснийцев и хорватов, македонцев и черногорцев.

Столь же мощно в славянском народном творчестве звучала вторая мелодия — равенства. Многие русские, польские, чешские народные сказания рассказывали о том, что цари, короли и князья происходили из крестьян, ремесленников либо иных простых людей. Так, согласно легендам, сохраненным в «Повести временных лет», первый князь Киева был перевозчиком на Днепре².

Во многом сходные предания сохранились в летописях других славянских народов. В частности, в «Чешской хронике» Козьмы Пражского утверждается, что первый король Чехии Пржемысл был крестьянином («пахарем») и что, вступая на престол, он пожелал взять с собой «свои лапти, сплетенные из лыка, и велел сохранить их на будущее» и что они «хранятся в Вышеграде в королевских палатах донныне».

В «Великой польской хронике» отмечено, что один из первых польских князей Лешек Первый был «искуснейшим в золототканом деле мастером». Простолудином был и его преемник Лешек Второй. Как повествует летопись, вступая на престол в царских одеяниях, «он положил одежды своей бедности по правую сторону трона, показывая

¹ Илья Муромец и Калин-царь // Былины. М., 1998. С. 122.

² См.: Повесть временных лет. С. 50.

этим добродетель своего положения и своей покорности, желая также показать потомкам, что короля более красивым и видным делает скорее смирение, чем пурпурные одежды»¹. К простому сословию — землепашцев — относился и Пяст, основатель новой княжеской династии в Польше².

Герои всех древних сказаний славян признавали власть правителей. Но только до той поры, пока не появлялась угроза предательства, произвола либо нарушения исконного порядка и вольностей.

Здесь проявлялась третья основная мелодия народных сказок, песен и былин — борьба добра со злом.

В русской «Голубиной книге» эта вековая борьба представлена так:

«Это не два зверя собиралися,
Не два лютые собегалися,
Это Кривда с Правдой соходилися,
Промежду собой бились-дрались,
Кривда Правду одолеть хочет,
Правда Кривду переспорила.
Правда пошла на небеса
К самому Христу, Царю Небесному;
А Кривда пошла у нас вся по всей земле,
По всей земле по свет-русской,
По всему народу христианскому.
От Кривды земля восколебалася,
От того народ весь возмущается;
От Кривды стал народ неправильный,
Неправильный стал, злопамятный:
Они друг друга обмануть хотят,
Друг друга поесть хотят.
Кто не будет Кривдой жить,
Тот причаянный ко Господу,
Та душа и наследует
Себе Царство Небесное»³.

¹ Великая польская хроника. Главы 2 и 3.

² См. там же. Глава 7.

³ Голубиная книга // Повести Древней Руси. С. 347.

В приведенных строках «Голубиной книги» отчетливо слышна еще одна мелодия славянских песен и былин — призыв к праведной жизни. Те, кто следовал ему, могли воссиять как «солнце праведное»¹ и в этом уподобиться Христу².

Борьба со злом, конечно, требовала жертв. И народные песни славили тех, кто, невзирая на опасности, жертвовал собой. Так, в одной из них Марко Королевич, отправляясь на бой с турецким наместником, говорит:

«Косово, ой, ровное ты поле!
До чего мы дожили с тобою!
Уж теперь не князь наш благородный,
Злой Арап тобою управляет!
Не снесу я этого позора,
Не стерплю великой той печали,
Чтоб чинил Арап свои обиды,
Целовал и девушек, и женщин.
Я отмщу за вас сегодня, братья,
Отмщу за вас или погибну!»³

Следующая мелодия древнеславянских песен, легенд и преданий — призыв к созиданию. В представлении древних славян созидательный труд был столь же священен, как и ратный подвиг. Многие былинные герои, совершив «святое дело» освобождения родной земли⁴, возвращались к прежнему крестьянскому (Иван Крестьянский сын), ремесленному (Никита Кожемяка) либо купеческому труду (Садко).

Летописи постоянно воспевали созидательный труд славянских князей. Так, «Повесть временных лет» рассказывала о том, как киевский князь Ярослав, «утерев пот» после ратных дел, перешел к созиданию. В его правление строились города, церкви, основывались новые монастыри⁵. Распространялось книжное знание. Сам Ярослав

¹ Голубиная книга (вариант Кириши Данилова) // Повести Древней Руси. С. 350.

² В сознании древних славян Иисус часто воспринимался как «солнце праведно». В частности, см.: Житие благочестивого короля Уроша // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIV/Danilo_II/Vita_Urosi/text.htm.

³ Марко отменяет свадебную пошлину // Песни южных славян (<http://mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st048.shtml>).

⁴ Никита Кожемяка // *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. Т. 1. М., 1985. С. 263.

⁵ Повесть временных лет // Повести Древней Руси. С. 169.

знал пять языков и любил книги, «читая их часто и ночью, и днем». Поэтому повелел он собрать «писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество...» Летописец Нестор писал: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь — реки, напоющие Вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания... Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу»¹.

В Хорватской земле король Будимир, приняв крещение, повелел гонимым христианам «возвратиться в свои места, восстановить и исправить города, разрушенные и сожженные язычниками», вернуть земле ее прежний вид, «дать людям настоящие законы», как сказано в Хорватской летописи XII в.

Еще одна ведущая мелодия славянских сказаний — воспевание справедливости, обращенное не только к князьям, иным правителям и судьям, но и к простым людям. Они должны были искать правду и защищать ее. Этому учили сказки и былины, древние летописи и жития святых.

По особенному звучали сказания о судах. В одних воспевались судьи, которые «праведен суд судити»². В других, напротив, высмеивались, как в сказках о «Шемякином суде», продажные, вероломные либо неразумные судьи³. В третьих звучал стон обиженных и обездоленных неправедным судом:

«Што неправедные судьи расселяются...

Никуды от их, злодиев, не укроешься,

Во темных лесах найдут оны дремучих,

Все доищутся в горах оны высоких,

Доберутся ведь, во матушке — сырой земле,

Во конец оны крестьян всех разоряют»⁴.

¹ Повесть временных лет. С. 169–170.

² Орлов А.Н. Героические темы в древней русской литературе. М., 1945. С. 122–123.

³ См.: Шемякин суд // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Т. 3. М., 1986. С. 5–10.

⁴ Русские плачи. Цит. по: Голяков И.Т. Суд и законность в художественной литературе // Голяков И.Т. Избранное. С. 74.

Призывая к справедливости, древние летописи предупреждали о той опасности, которая грозит той стране, в которой о ней забыли. Обращаясь к этой теме, летописец Нестор писал: «Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь — глава земли»¹.

Впрочем, в бедах, которые часто случались в славянских землях, были виновны все — и правители, и простолюдины. Так, описывая нашествие половцев в 1093 г., летописец Нестор со скорбью отмечал, что это Божий бич, необходимый для того, чтобы люди, опомнившись, воздержались от злого пути своего².

«Повесть временных лет» содержит страшные картины разорения Руси. Так, в том же году после взятия Торчевска «половцы запалили город огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные стужей, скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное»³.

По утверждению Нестора, так Бог казнит тот народ, который впал во грехи.

Следующая мелодия древнеславянских сказаний — сострадание. По описанию Нестора, святитель Руси князь Владимир с особым вниманием воспринял заветы Христа и повелел «всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги». А для больных и немощных он повелел снарядить телеги и положить на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в одних бочках, а в других — квас, и развозить по городу и раздавать все необходимое⁴.

¹ Повесть временных лет. С. 159.

² См. там же. С. 226.

³ Там же. С. 228–229.

⁴ Там же. С. 147–148.

Эту традицию продолжили многие русские князья, о чем свидетельствует «Поучение» князя Владимира Мономаха. «Всего же более, — призывал он, — убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите, и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души...»¹

Тому же учил Даниил Заточник, убеждая: «Щедрый князь — как река, текущая без берегов через дубравы, поит не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить... Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить»².

Такие же мотивы повторяются во многих других славянских рукописях. Так, «Востоковская легенда» рассказывает, как чешский князь святой Вацлав (Вячеслав — в русской традиции) «всем убогим делал доброе, бедных кормил и одевал по евангельскому учению, больных рабов питал, вдов не давал обидеть, всех людей убогих и богатых миловал...»³.

Примечательно в этом отношении описание жизни сербского короля Милутина. «Из всех городов и краев и многих сел и соседних земель, — писал автор его жития, — шли нищие и странные и немощные, хромые и слепые и прокаженные, дабы принять щедрую милостыню из его рук; никогда не расходились эти убогие из его дома, никогда не оскудевала кроткая и добрая его щедрость...» А когда приходила ночь, король «снимал с себя царское платье, что носил днем, и облачался в худую и старую одежду, прикрывал лицо свое, дабы никто его не узнал, и брал с собой двоих-троих верных слуг, которым приказал молчать об увиденном, брал с собой множество золота и другого потребного для дачи убогим, дабы наполнить их утробы сполна. Как истинный кормилец кормил голодных, как нелицемерный даритель милостыни любил нищих и убогих. Тайно выйдя со двора своего и придя в обиталища их, где они спали, давал золото, еду и одежду в их руки. А те удивлялись и не знали, откуда им это дается, не знали, что это —

¹ Повесть временных лет. С. 236—256.

² Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу. Перевод Д.С. Лихачева.

³ Востоковская легенда. Перевод А.И. Рогова.

добрый их кормилец, который днем творил милостыни, а ночью пребывал среди них и как слуга стоял пред ними, ревнуя Христа»¹.

И наконец, еще одна основная мелодия — вера в Христа, которая пронизывала многие славянские летописи, песни, сказания и жития святых.

«Повесть временных лет» рассказывает, что с принятием христианства Божия роса пала на многие страны, в том числе на Русскую землю². Одной из первых христианство приняла княгиня Ольга. Она, как писал летописец Нестор, была «предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом». В ней он видел «русское познание Бога, начало нашего с ним примирения», святую, которая и после своей смерти молится Богу за Русь³.

Через тридцать три года христианство принял ее внук Владимир. А вместе с ним и вся Русская земля — «сад» новых людей, сердце которых было обращено к познанию Бога истинного⁴.

Такие же мотивы звучали в сказаниях южных, восточных и западных славян.

Христианская вера вела к новой жизни. Убеждая в этом, Хорватская летопись XII в. рассказывала о преобразованиях короля Звонимира. «Этот почтенный король, сын доброго отца, — писал летописец, — стал весьма почитать и любить церкви, помогать добрым и истреблять злых. И всеми добрыми он был любим, а злыми ненавидим, потому что терпеть не мог зла... При добром короле Звонимире веселилась вся земля, потому что полна и украшена была всяким добром, а города изобиловали серебром и золотом. Бедный не боялся, что богатый съест его, ни слабый, что у него отнимет сильный, ни слуга, что господин поступит с ним несправедливо. Потому что король всех защищал, сам не позволял того... Земля полна была всякого блага».

О плодотворном влиянии христианства рассказывала и «Чешская хроника». Так, повествуя о правлении князя Болеслава II, летописец отмечал, что он «был чрезвычайно предан христианству», выступал ревностным «поборником католической веры, отцом сирот, защитником

¹ Данило II. Житие Милутина. Перевод М. Хартановича.

² Повесть временных лет. С. 130.

³ Там же. С. 97–98.

⁴ Там же. С. 146.

вдов, утешителем страждущих, духовных и странников благочестивым покровителем, славным основателем божьих церквей»¹.

Такие строки находили отклик во многих сердцах, потому что они, как сказано в «Слове о Законе и Благодати», были обращены:

«Не к несведущим...

Но к призывильно насытившимся сладостью книжной,

Не к врагам Божиим, иноверным,

Но к настоящим сынам Его,

И не к сторонним, а к наследникам Небесного Царства»².

Сказанное объясняет, почему мелодии народного творчества так часто находили отражение в памятниках славянского права.

Так, в «Изложении чешского земского права» пана Андрея из Дубы утверждалось, что земское право «в своем установлении было и должно быть свободным», что каждый человек «начиная от короля и до ткача» не может противостоять велениям либо избежать действия этого права, что прежде право было свободным, потому что «его защищала свободная рука», но что теперь оно стало зависимым, о чем скорбят и люди, и Бог³.

Многие летописи требовали, чтобы благо правосудия было предоставлено всем — и богатым, и бедным, достойным и недостойным. Так, «Великая польская хроника» сохранила предание о том, как сподвижники князя Болеслава Кривоустого хотели устроить расправу над князем Збигневом, предавшим Польшу. Но их остановил воевода Болеслава словами: «Недостойно и противоречит праву, чтобы наказание предшествовало суждению. И мы не можем и не должны выносить никакого приговора, пока он не признает свою вину на суде или не будет изобличен свидетельством людей, заслуживающих доверия»⁴.

Народные представления о том, каким должно быть право, отражены во многих челобитных, прошениях и петициях, которые подавались правителям. Нередко они содержали целостные, хорошо продуманные программы правовых преобразований. Так, в «Большой челобитной» Ивана Пересветова царю Ивану Грозному 1540-х гг. указывалось:

¹ Козьма Пражский. Указ. соч. Глава 22.

² Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати // Повести Древней Руси. С. 13.

³ Пан Андрей из Дубы. Изложение чешского земского права // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Tschechien/XIV/Andrej_iz_Duba/text.phtml?id=2545.

⁴ Великая польская хроника. Глава 20.

«Бог помогает... тем, кто трудится и Бога призывает в помощь, тем, кто любит правду и судит праведным судом...

О первом турецком царе султана Магомете... хоть неправославный царь, а устроил то, что угодно Богу: в царстве своем ввел великую мудрость и справедливость, по всему царству своему разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года. Суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошщины, а судебные расходы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и Бога не гневил. А если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи единовременно из казны...

И вот он великую справедливость установил в своем царстве и снабдил уставом купеческий торг, так что только на слово можно и купить, и продать хоть на тысячу рублей...

В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на это царство»¹.

Столетие спустя (в 1650 г.) московскому царю была подана челобитная о назначении судей из всех сословий, чтобы они судили «по старине и по правде» и могли оберегать Русскую землю от насилия «сильных людей»².

Конечно, подобные челобитные редко достигали цели. Вместе с тем они были продуктом той закваски подлинного права, которая бродила в общественном сознании славян и во многом определяла развитие обычаев, законодательства и практики его применения.

Параграф пятый. О правовом гении славян и памятниках его законотворчества

Существуют несколько мифов, которые препятствуют восприятию и изучению славянского права.

Первый миф — это миф о позднем происхождении и отсталости славянского права. К этой теме мы уже обращались, доказывая, что развитое право существовало у славян еще в дохристианскую эпоху и что в дальнейшем оно впитывало в себя многие модели

¹ Пересветов И.В. Большая челобитная // http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=12715&ob_no=12716.

² Цит. по: Голяков И.Т. Суд и законность в художественной литературе // Голяков И.Т. Избранное. С. 77.

классического римского права: в православных землях через рецепцию византийского законодательства (в основном из его кратких изложений Эклоги и Прохирона), а в католических землях через допущение прямого действия сводов католического церковного законодательства.

Однако эти факты редко упоминаются представителями других правовых школ. За редкими исключениями, они не исследуют акты славянского права¹, но при этом приводят ничем не подтвержденные суждения о несовершенстве и варварской жестокости права славян.

Даже такой объективный исследователь, как Э. Аннерс, допускает много неверных суждений в отношении древнерусского права. Так, он отмечает, что по сравнению с западноевропейским оно оставалось дольше «на примитивной стадии своего развития», что «со времени уничтожения татарского ига в XV в. и до 1649 г. правовая система России представляла собой разительный контраст с государственным законодательством Западной Европы», что наказание за уголовные преступления «во многих случаях было чрезвычайно жестоким» и т.д.² Как мы увидим позже, такие утверждения далеки от правды.

Второй миф — это миф о том, что славянское право — это исключительно продукт воли царской или княжеской власти. Конечно, в истории славян, как и всех других народов, было много неразумных и деспотичных правителей, которые вслед за чешским князем Болеславом могли сказать:

«Так я хочу, и так сделаю я;

Пусть разум заменит мне воля моя»³.

Однако не они определяли судьбы славянского права. Нанесенные ими раны быстро исцелялись и не нарушали правовой строй, основу которого составляли ценности христианства и народовластия. И только в XX в. он пошатнулся и в конечном счете рухнул под лавиной коммунистических реформ.

¹ Славянское право становилось предметом полноценного изучения крайне редко. В ряду классических работ, достойных упоминания и благодарности, следует указать труды американских ученых Дж. Хазарда и Г. Бермана, французских ученых Р. Давида и М. Лесажа, английского ученого У. Батлера и некоторых других.

² Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 251, 253.

³ Козьма Пражский. Указ. соч. Глава 19.

Третий миф — это миф о том, что славянское право не самобытно, что оно всегда стремилось стать частью иной, в частности в XX в. — социалистической, а в настоящее время — романо-германской, системы права.

Несколько иную позицию занимает современный французский исследователь Р. Леже. Он относит российское право к формирующимся правовым системам, чье будущее еще не определено. Вместе с тем большую часть других славянских правовых систем он включает в семью романо-германского права. Впрочем, большого интереса к ним он не проявляет. Так, польскому праву в его книге посвящено три страницы, а праву Чехии — менее одной страницы.

Перечисленные мифы не отвечают цели познания славянского права. Перед ними стоит иная задача: его низведение к уровню примитивных, порочных, в лучшем случае — заимствованных, форм.

А между тем оно ни в чем не уступало другим правовым системам. В его развитии, как и везде, были свои достижения и неудачи, яркие и невыразительные, нередко — постыдные, страницы. Но, как бы то ни было, оно всегда было не только самобытным и жизненно стойким, но и величественным, даже в таких чудовищных проявлениях, как сталинизм.

О правовом гении славян свидетельствуют многие памятники законоотворчества, превосходившие современные им законодательные акты других европейских государств.

Какой-либо подробный анализ истории развития славянского законодательства в рамках этой книги невозможен. Поэтому остановимся лишь на некоторых его образцах.

И первой по праву должна стать Белая книга славян. Ее текст не сохранился. И тем не менее она, несомненно, влияла на многие памятники славянского права.

Следующей вехой славянского законоотворчества стал болгарский Закон судный людям.

Отдельные его фрагменты, связанные в основном с судеустройством, были приведены выше в разделе о влиянии христианства на государство и право. Теперь дополним их разбором других норм. Но прежде чем их представить, отметим одну характерную черту этого акта — стремление к обоснованию норм права с целью усиления их воздействия на сознание тех, к кому они были обращены.

Так, в ст. III, посвященной военной добыче, были следующие примечательные строки: «Отправляясь на бой с врагами, подобает остере-

гаться всех неприязненных слов и дел, направить мысль свою к Богу и молитву сотворить и сражаться в ясном сознании, ибо помощь дается от Бога светлым сердцам. Не от большей силы победа в бою, а в Боге крепость. И после того как Бог победу дал, шестую часть следует взять князю, а остальное все возьмут себе все люди, разделив поровну между великими и малыми».

Одна из основных задач — ввести общественные отношения в те границы, которые определены Законом. С этой целью ст. XVI требовала: «Никто не может прибежавшего в церковь вывести насильно. Но прибежавший рассказывает попу сущность спора и вину, им совершенную, и да примет поп его как просящего убежища, а причиненное им будет установлено и рассмотрено по закону. Если кто попытается силою из церкви вывести вбежавшего туда, то, кто бы он ни был, да получит 140 ранящих ударов и тогда, как подобает, расследуется проступок прибегшего к защите церкви».

Той же цели служили нормы ст. XVII: «Кто имеет спор с другим и не доверил владетелям, но действует самовольно или властью или силой принудил к чему-либо, то если сделал это с целью получить подлинно свое, лишается своей вещи и возвращает ее. Если он что-либо чужое возьмет, то по суду владетеля той земли его бьют, поскольку не в его власти было самому себе быть судьей. И поскольку так поступил, то возвращает тому, у кого было взято».

Закон судный людям сохранял много древних правовых установлений, о чем свидетельствует поэтическая форма их изложения. В доказательство приведем ст. XXVI: «Кто чужое стадо загонит в свой загон и совершит это в первый раз — избивается; во второй же — из страны изгоняется; в третий — продается, но прежде возвращает все, что загнал».

Новеллы болгарского Закона судного людям были использованы во многих славянских землях, в том числе на Руси.

Подлинный расцвет славянского права наступает в середине XIV в. Практически во всех славянских землях принимаются акты, которые становятся вершинами законотворчества той эпохи. При этом отметим, что большая их часть была принята в очень краткий период — менее пятнадцати лет.

И первым актом правового гения славян стал польский Вислицкий статут 1347 г., впоследствии вошедший в состав «Полного свода статутів Казимира Великого».

Привлекает внимание уже первая статья этого акта, в которой было определено его действие во времени: «Так как все постановления и Статуты предусматривают дела и действия будущие, а не прошлые, то мы желаем, чтобы все наши постановления, ныне на великом соборе в Вислице принятые, относились не к прошлым, а только к нынешним и будущим делам»¹.

Значительное число норм Вислицкого статута было направлено на укрепление основных начал правосудия. Так, ст. CXIII указывала: «Так как в судебных делах у справедливых судей нельзя ничего добиться обманом, взять верх лицепритием, опрокинуть правосудие за плату и так как судьи, держа весы в руке, взвешивая равными чашами, должны выносить справедливый приговор, имея перед глазами при его обдумывании и составлении самого Бога, они не должны как расточители своей чести и гонители ее чинить какой-либо ущерб другой стороне вопреки своей совести и справедливости, из лицепрития или за подарки...»

Начала подлинного правосудия укреплялись нормами, посвященными процессуальным правам. «Так как никому самая полная защита не может быть запрещена, — устанавливала ст. X, — постановляем, что в судах нашего королевства каждый человек, к какому бы сословию он ни принадлежал и какое бы положение ни занимал, может и должен иметь своего адвоката, защитника (прокуратора) или же пролокутора»².

Столь же подробно регламентировались гарантии исполнения судебных решений. Примечательна в этом отношении ст. IV: «Тот, кто проиграл дело в суде, должен удовлетворить выигравшего согласно приговору суда, а не выходить из суда прежде, чем удовлетворит выигравшего. Некоторые же, бедностью или строптивостью движимые, уходят из суда, будучи осуждены за долг и не дав никакого удовлетворения противной стороне. Поэтому мы желаем, чтобы такие непослушные не извлекли из своего коварства какой-либо пользы. И пусть, как только они будут осуждены в суде, их передадут в руки их противников связанными, а если же, находясь в их власти, уйдут оттуда, то будут тем самым свободны и от власти

¹ Вислицкий статут 1347 г. // http://vostlit.info/Texts/Documenty/Polen/XIV/kasimir_statut.htm.

² Пролокутор обеспечивал дополнительную помощь стороне по делу. В отличие от адвоката он должен был в суде находиться рядом со своим доверителем.

и от долга. (Но) осужденные за долг из воровства всегда считаются присужденными к уплате».

В то время, когда в большей части государств Европы крестьяне были полностью поработаны, Вислицкий статут предоставил им достаточно широкие гарантии имущественных прав. Так, ст. LIII устанавливала: «Сохранился до сих пор ложный обычай: когда какие-нибудь кметы покидают этот свет, не оставляя потомства, все их имущество, движимое и недвижимое, называемое выморочным (*puscina*), привыкли прибирать к своим рукам господа. Теперь же, изгоняя этот ложный обычай, мы постановляем, чтобы на имущество этих умерших, сколько бы там ни было найдено, была бы приобретена для приходской церкви большая чаша за полторы гривны, а остаток имущества без всяких препятствий должен перейти к ближайшим родственникам или родителям».

Регламентируя статус крестьян, Вислицкий статут закреплял право крестьян покидать имения своих панов. Статья LXIX указывала: «Из-за того, что подданные покидают панские имения без всяких к тому надлежащих оснований, (эти имения) часто пустеют, и наши рыцари сочли нужным противодействовать без промедления этому ущербу. Поэтому мы нашей волей устанавливаем, чтобы из одного села в другое вопреки желанию господина села, в котором они живут, могло перебраться не больше чем один-два кмета или обитателя, за исключением таких случаев: первое — когда господин села изнасилует дочь или жену своего кмета; второе — когда по вине господина имущество крестьян было разграблено или захвачено; третье — когда отлучают (от церкви) кмета за вину его господина. В этих случаях не только два, три или четыре кмета могут уйти, но и все там проживающие могут уйти, куда им любо».

Значительное число норм Статута было направлено на нравственное оздоровление общества. Так, за сквернословие и непристойности, возбуждавшие ссоры среди людей, налагался на виновного штраф в пользу потерпевшего в таком размере (60 гривен), «как если бы он убил его» (ст. LXXXIV). Лица, совершившие убийство своих родных чтобы стать их наследниками, объявлялись лишенными не только наследства и «той выгоды, в жажде которой они согрешили», но и чести и тех почестей, которые они имели (ст. LXXXVIII).

Несколько лет спустя в Сербии принимается еще один великий памятник славянского законотворчества — Законник Стефана Душана

(1349 г.; дополнен в 1354 г.)¹. Его основной целью было установление незыблемого правового порядка в стране. Требованиям Законника должны были подчиняться все, в том числе и самодержец земли Сербской.

«Повелевает мое царское величество: если пишет грамоту мое царское величество или по злобе на кого-либо, или по любви, или по милости и эта грамота отменяет Законник не по правде и не по закону, как пишет Законник, то судьи да не верят такой грамоте, но да судят и вершат (дело), как (следует) по правде... И все судьи пусть судят по Законнику справедливо, как написано в Законнике, и да не судят по страху моего царского величества» (ст. 173–174)².

Законник ставил цель укрепления всех сторон общественной жизни. Поэтому его первые статьи были посвящены религиозной жизни. «Да очистится христианство», — призывала первая статья. С этой целью Законник регламентировал многие стороны светской жизни, в том числе брачно-семейные отношения, которые традиционно находились под сенью церкви.

Этот акт подробно регулировал взаимные обязательства церкви и общества. «В духовном деле каждый человек да имеет повиновение и послушание к своему архиерею», — указывала ст. 4. Подчеркивая значение церкви, ст. 25 освобождала ее от всех тягостей (оброков и повинностей). Вместе с тем Законник возложил на нее многие обязанности, в том числе по призрению за нищими. «И по всем церквам, — было сказано в ст. 26, — да выдается пища убогим, как записано ктиторами; кто же из митрополитов и епископов и игумнов не будет кормить, да лишится сана».

Укрепляя царскую власть, Законник запрещал проведение народных собраний (ст. 68). Вместе с тем он вводил много норм, которые ограничивали возможный произвол со стороны знатных людей, судей и царских слуг.

Одной из таких гарантий стал принцип судебного разрешения споров. Статья 185 этот принцип закрепляла так: «Все жители моего

¹ Законник был только одним из этапов полномасштабной кодификации сербского права. По повелению Стефана Душана был составлен его Свод, в который помимо Законника были включены Закон Юстиниана (краткая компиляция норм византийского права) и Синтагмы Матфея Властаря (сборник канонических правил).

² Законник Стефана Душана // http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/serben/zakonnik_Stefan.Dusan/Text.htm.

царства, что судятся между собою за вражду, за разбой, воровство, прием людей, за убийство, за землю, да идут к судьям». При этом было подчеркнуто, что каждый должен обращаться в тот суд, который действует по месту его проживания (ст. 184).

Подкрепляя принцип судебного разрешения споров, Законник устанавливал многоступенчатую судебную систему и вводил письменное производство в судах. «Повелевает мое царское величество судьям, — гласила ст. 183, — если окажется большое дело, а судьи не в состоянии будут его рассудить и разрешить по его важности, то один из судей с обоими тяжущимися да предстанет перед мое царское величество. И как будут судить кого-либо судьи, да записывают всякое дело, дабы не было обмана; и да творится все по закону моего царства». В продолжении этих норм ст. 165 указывала: «Все судьи, что судят, да записывают судебные решения и да хранят при себе записи, а другой список переписавши дают тому, который оправдался на суде. Судьи да посылают приставов добрых, справедливых и достойных веры».

Судебные приставы обеспечивали исполнение судебных решений. А чтобы предотвратить возможные злоупотребления с их стороны, было выдвинуто требование: «Пристава без судейской грамоты или без грамоты моего царского величества никуда да не ходят, но куда их посылают судьи, да пишут им грамоты, и да не берет пристав ничего иного, кроме того, о чем написано в грамоте. А судьи пусть держат у себя копии тех грамот, какие дали приставам, которых послали, чтобы они исполняли судебные приговоры по земле царской. Если же будет донос на приставов, что они поступили иначе, чем написано в грамоте, или что они другим образом переписали грамоты, то они должны оправдаться и да явятся перед судьями, и если окажется, что они поступили так, как написано в судейской грамоте, которую у себя имеют, то они правы; если же окажется, что они переиначили судебный приговор, то отсечь им руки и вырезать язык» (ст. 164).

Одной из важных новелл Законника стало введение своеобразного суда присяжных — пороты, или «клятвенных судей». Вводя эту новеллу, ст. 153 указывала: «Повелевает мое царское величество: отныне и в будущем да будет порота и за большое дело, и за малое; в большем да будет 24 поротника, а в малом 12 поротников, а в меньшем деле 6; и эти поротники да не вольны никого помирать, но только оправдать

или обвинить, и... за кого большинство клянется и кого большинство оправдает, тем и следует верить». Поротниками могли быть только лица, имевшие равный социальный статус с теми, кто предстал перед судом, за исключением их родственников и недругов (ст. 154). Поротники несли ответственность за принятые ими решения. Если они оправдывали преступника, который впоследствии был изобличен, они подвергались не только штрафам, но и запрету на вступление в брак.

Отметим еще одно нововведение. Законник запрещал кого-либо подвергать тюремному заключению без повеления царя, которое подтверждалось его грамотой (ст. 186, 187).

Третий великий памятник славянского законотворчества середины XIV в. — чешский Законник Карла I 1355 г. (*Majestas Carolina*). Этот акт в силу не вступил. Он был отвергнут Сеймом. И тем не менее его нельзя обойти молчанием в силу многих причин. Прежде всего потому, что он кодифицировал многие нормы исконного чешского права, идущие из глубины веков. Отдельные его нормы были введены в действие. А сам Законник, изначально составленный на латыни, был переведен в XV в. на чешский язык и опубликован в 1617 г.

В этом памятнике многое поражает, прежде всего его удивительно стройный и поэтичный стиль изложения. По словам самих составителей, перед ними стояла задача продуманно изложить все нормы «в ясном порядке и стиле» и обозначить их «подобоящими заглавиями» в соответствии с их содержанием, «чтобы тем, кто будет читать, шире открылся смысл и чтобы все судьи и должностные лица... высшие и низшие, надлежаще судили и согласно тому, как записано, выносили решения» (Введение, п. 8)¹.

Введение закрепило также те основные положения, которыми руководствовались составители Законника.

Первое из них — верховенство королевской власти. «Самих вещей необходимостью, а также побуждением божественного провидения созданы над людьми государи, ими должна быть ограничена необузданная свобода преступлений, а мирным и спокойным надежная безопасность должна быть дана. Эти государи учредили законы и права и согласно праву все упорядочили, чтобы, лица и тяжбы означив в законах, между людьми преступления и споры судить» (Введение, п. 3).

¹ Законник Карла I. Перевод Г.П. Беляевой.

Второй принцип — принцип преемственности власти и права. Обращаясь к этой теме, составители Законника подчеркивали, что их задача заключалась не столько в том, что составить новые правила, сколько в том, чтобы признать «многие старые права, которые... беспорядочно и запутанно записаны», подтвердить действие древних обычаев, а также актов прежних чешских королей (Введение, п. 8).

Основной задачей было укрепление правопорядка. Праву должны были подчиниться все, в том числе сам король. И хотя король был освобожден от обязанности лично выступать ответчиком в суде, главный судья («наивысший коморник») был обязан рассматривать любые иски, поданные против него, чтобы, как было сказано в Законнике, «правда не пострадала» и была оказана справедливость каждому. Король должен был признать его решение или приговор, а королевские урядники выдавать необходимые суммы из его имущества (ст. 42).

Законник достаточно подробно описывал обязанности высших сановников королевства. Так, ст. 7 указывала, что бургграфы (главы городского управления) должны исполнять свои обязанности, в том числе судебные, по справедливости, что они должны отдавать в королевскую казну порученное им имущество и доходы с него, что осуждать к смертной казни они могут только по воле и с разрешения короля Чехии. Чтобы гарантировать надлежащее исполнение этих обязанностей, было установлено, что король не может назначать бургграфов навечно или на определенный срок, но может «в любое время сменить их в случае провинности» (ст. 18).

Было установлено, что должности старост, судей и владарей (управляющих) могли занимать только чехи, исключения допускались по указу короля в отношении «достойных и ученых» чужеземцев (ст. 19). Было подтверждено древнее правило, согласно которому королевские должности (по указу короля) могли замещаться только людьми «знатными, справедливыми, мудрыми, добропорядочными, с незапятнанной честью» (ст. 25).

Правовой порядок во многом гарантировался жесткими правилами делопроизводства. Все юридические акты, документы записывались на так называемых «досках земских», которые хранились в Пражском замке. А те доски земские, по которым дела были закончены, сдавались («прятались») в архив «под замком и печатями наивысшего коморника, судьи, писаря и бургграфа Пражского в приделе Пражского собора». Такие доски, согласно обычаю, не могли доставаться иначе, как в присутствии вышеназванных лиц (ст. 27).

Одна из наиболее ярких черт Законника — призыв к милосердию. С этой целью смягчались наказания и отменялись некоторые варварские процессуальные порядки. Так, ст. 39 указывала: «Запрещаем и строго приказываем, чтобы языческий обычай присяги посредством раскаленного железа и опущения в воду не применялся ни в каких делах и чтобы тем самым Бога, Творца нашего, не испытывали, даже в случаях похищения или изнасилования девиц и прочих преступлений, но чтобы присягали именем Бога (или неземным блаженством) под страхом лишения имущества и смертной казни через сожжение или утопление, то есть тем способом, каким осужденный совершил грех против ближнего своего» (ст. 39).

Законник сохранял право крестьян покидать поместья своих панов после дня святого Мартина (с 12 ноября) при условии выполнения всех оброков и уплаты всех пошлин (ст. 74) и ограничивал власть господ над своими людьми: «Согласно старинному установлению передаем панам всю власть над их подданными людьми: судить, наказывать по справедливости, но не казнить смертью за злодеяние, ибо этот суд мы сохраняем за собой, если только на это нами не даны особые грамоты. Чтобы никакой пан или владыка или кто-нибудь другой своему или чужому человеку очей не выкалывал; если кто своевольно сделает это, то попадет в королевскую немилость, а имение и другое его имущество перейдет королю. Если какой-нибудь пан или владыка своему или чужому человеку нос отрежет, то все его имущество перейдет в распоряжение короля. Если какой-нибудь пан или шляхтич своему или чужому человеку руку или ногу на колоде отрубит, то за этот позорный поступок должен понести наказание, которое указано выше» (ст. 79).

Можно привести много других примеров блистательного развития славянского законотворчества того времени. Так, в русских княжествах примерно в те же годы составляются разные редакции кормчих книг и мерил праведных, которые во многом подготовили почву к возрождению Руси и ее освобождению от татаро-монгольского ига. На другом краю славянского мира — в Далмации — в 1358 г. принимается Устав независимого¹ Дубровника (Рагузы), основанный на началах демократического правления. Верховная власть в Дубровнике принадлежала

¹ С 1358 г. Дубровник формально входил в состав Венгерского королевства, но сохранял самоуправление в самой широкой форме.

Большому совету, в который входили все совершеннолетние мужчины из знатных «патрицианских» семей. Он избирал князя, который занимал эту должность в течение месяца и не мог быть переизбран в течение следующих двух лет. Такое установление должно было предотвратить угрозу узурпации власти. В управлении князю оказывал содействие Малый совет, который также формировался Большим советом. Некоторое время сохранялось вече — общее собрание всех граждан. Но вскоре вместо него был учрежден Сенат, к которому перешли многие полномочия Большого совета¹.

Дубровник в течение по меньшей мере трех столетий имел одно из самых развитых законодательств в Европе. Достаточно сказать, что он стал первым государством, в котором были приняты законы о страховании (1395 г.), о запрете работорговли (1418 г.), о сиротских приютах (1432 г.) и т.д.

Однако блистательный век славянского правотворчества был недолгим: всего 12 лет (с 1347 по 1358 г.). Как полевые цветы, которые, перед тем как увянуть, отдают миру свои ароматы и краски, так и славянское право, как будто предчувствуя скорый конец, в едином порыве дарило христианскому миру свои бесценные плоды.

С 1352 г. начинается неудержимое движение турок на Балканский полуостров. В результате войн, длившихся более столетия, большая часть южнославянских земель вошла в состав Османской империи. Оставшиеся земли подчинились Венгрии, Австрии и Венеции.

Еще в XII в. были захвачены земли полабских славян. Со второй половины XIV в. утрачивает свою независимость Чехия, ставшая объектом немецкой колонизации. Под властью венгерских, а вслед за ними австрийских властителей оставались земли Словакии и Моравии.

И только несколько славянских государств — Польша, Дубровник, русские и некоторые другие княжества — продолжали самостоятельное политическое и правовое развитие. Но полноценным оно не было.

В русских землях ему препятствовали не только двухсотлетнее татаро-монгольское иго, но и постоянные междоусобные войны.

Перелом наступает к середине XV в., когда формируется осто́в русской государственности — Великое княжество Московское. Начинается новый этап в развитии русского права, основными вехами которого стали такие акты, как Судебники 1497 г. и 1550 г. и Соборное уложение

¹ Harris R. Dubrovnik. A History. London, 2006. P. 130—134.

1649 г. Эти акты отличались высоким уровнем обработки правовой материи. Но вместе с тем в них не было того вдохновения, которое озаряло такие памятники древнерусского права, как кормчие книги и мерила праведные. Творческий порыв русских правотворцев сдерживала самодержавная воля правителей Московской Руси.

Иная, во многом противоположная ситуация складывалась в Польше, где правовому развитию препятствовала шляхетская вольница. Еще в 1505 г. шляхта добилась принятия Радомской конституции, первые слова которой четко обозначили ее основной посыл: «Никаких нововведений»¹. Вскоре было установлено, что на общепольских Сеймах, регулярно созываемых раз в три года, решения нижней палаты (Посольской избы) могли приниматься только единогласно — всеми участвовавшими в Сейме шляхтичами. Принцип *liberum veto* давал возможность даже одному шляхтичу воспрепятствовать принятию неугодных ему решений (даже тогда, когда все остальные участники сейма были готовы отдать за них свои голоса).

Частично действие принципа *liberum veto* было ограничено только в 1764 г. Чтобы облегчить проведение экономических реформ, было установлено, что необходимые правовые акты могут приниматься простым большинством голосов.

Эти реформы должен был продолжить Сейм, созданный в 1788 г. Одним из основных его актов стала Конституция (Правительственный устав) Польши². Она была принята 3 мая 1791 г., за четыре месяца до формального вступления в силу Конституции Франции 1791 г. Таким образом, она стала первым европейским основным законом.

Ее составители многое восприняли из конституционного опыта Американской войны за независимость и Великой французской революции. Но вместе с тем это был самобытный документ, отразивший исторический опыт Польши, ее политико-правовые традиции, ее страстное стремление к возрождению.

Главной задачей было укрепление государственности. С этой целью закреплялись следующие принципы: «Вся власть в гражданском обществе исходит от народа, ее целями являются сохранение и еди-

¹ Подробнее см.: История южных и западных славян. М., 1957. С. 120.

² Ustawa Rzadowa z 3 maja 1791 r. // <http://www-personal.engin.umich.edu/~zbigniew/Constitutions/index.html>.

нение государства, гражданская свобода и доброе управление делами общества на началах равенства и постоянства...» (ст. V).

«Наиболее совершенное правительство не может существовать без действительной исполнительной власти. Как убеждает нас опыт, пренебрежение этой существенной частью правительства обрекло Польшу на неисчислимы бедствия...» (ст. VII).

«Так как судебная власть несовместима с законодательной и не может осуществляться Королем, должны быть созданы суды и избраны судьи. Суды должны быть постоянно действующими, чтобы каждый гражданин знал, где он может искать правосудие, и чтобы каждый нарушитель знал, как его вершит правительство» (ст. VIII)¹.

Особенностью правовой регламентации Конституции Польши было то, что в ней, как в зеркале, были отражены реалии того времени.

Первая ее статья была посвящена господствующей Священной Римско-католической церкви. Подтвердив все ее привилегии и иммунитеты, Конституция вместе с тем требовала соблюдения заповеди Христа о «любви к ближнему». Каждому, вне зависимости от его вероисповедания, были гарантированы «мир в делах его веры и защита правительства».

В ст. II была дана картина шляхты — рыцарского сословия Польши. В то время к нему было отнесено 10% населения страны. Конституция признала все его свободы, дарованные в XIV в. Казимиром Великим (1333—1370), и установила общий принцип правового равенства шляхты: «все лица этого сословия равны между собой».

Низшие сословия — мещане (ст. III) и крестьяне (ст. IV) — были лишены политических, а также большей части гражданских прав. Более того, Конституция сохраняла крепостную зависимость крестьян, хотя и признавала необходимость их защиты. «Из рук крестьянства течет самый щедрый источник богатств страны, оно является самым многочисленным сословием и самой творческой силой страны, поэтому справедливость, человечность и христианский долг, а также наши собственные интересы требуют, чтобы мы приняли его под покровительство законов и правительства».

Развивая принцип разделения властей, Конституция регламентировала порядок организации каждой из них. Законодательная власть (ст. VI) была вверена двухпалатному парламенту, который состоял

¹ Constitutions that Made History // Ed. by A.P. Blaustein, J.A. Sigler. N.Y., 1988. P. 73—75.

из Сената и Сейма. Исполнительная власть (ст. VII) была разделена между королем и его советом с поэтическим названием «Стражи права» (*Straza Prawa*). Судебная власть (ст. VIII) принадлежала судам. Конституция Польши восстановила принцип наследования трона, но не наделила короля достаточной властью. Как было сказано в ее тексте, «Король сам ничего не предпринимает»¹.

Авторами Конституции 1791 г. были видные деятели Польского Просвещения: король Польши Станислав Август Понятовский, политик и публицист Игнаций Потоцкий, поэт и юрист Гуго Коллонтай. Последнему приписывают редакционную обработку конституционного текста, которая, как мы видели, придала ему мощное поэтическое звучание.

Конституции 1791 г. не было суждено укрепить государственность и сохранить независимость Польши. И дело не только в том, что силы нации были слишком слабы. Много пороков было заложено в самой Конституции. Она сохранила сословное деление общества, политическое и экономическое господство дворянства (шляхты), бесправное положение иных, нетитульных народов. Конституция не создала действенной государственной власти, которая могла бы ее защитить. Уже через год был поднят мятеж, поддержанный Российской империей. Конституция 1791 г. была отменена, созданные на ее основе органы лишены власти, а сама Польша в результате двух разделов 1793 и 1795 гг. полностью утратила свою независимость. Так на долгие десятилетия был прерван еще один источник славянского права.

Новый этап в развитии славянского законотворчества наступил во второй половине XIX в. Начало ему было положено глубокими реформами Александра II — освобождением крепостных крестьян (1861 г.), отменой телесных наказаний (1863 г.), учреждением земского самоуправления (1864 г.), укреплении городского самоуправления (1870 г.), реформой судов (1864 г.), переустройством армии (1860—1870), реформой образования (1863 г.).

Эти реформы были призваны не только обновить существовавшие общественные устои, но и возродить такие утраченные начала славянского права, как единение нации, взаимные обязательства, ответственность перед обществом и справедливость.

¹ Подробнее см.: Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1976. С. 293—301.

В подтверждение можно привести Манифест от 19 февраля 1861 г. Этот документ призывал каждого дворянина исполнить новые положения «о добром порядке, в духе мира и доброжелательства» и завершить в пределах каждого имения «великий гражданский подвиг всего сословия, устроив быт водворенных на его земле крестьян и его дворовых людей на выгодных для обеих сторон условиях». Следует отметить, что Манифест признал невозможным регулирование всех отношений. Поэтому он призвал к заключению «взаимных добровольных соглашений». Только так можно было разрешить большую часть затруднений, неизбежных при применении «общих правил к разнообразным обстоятельствам отдельных имений». Таким способом, полагали авторы Манифеста, можно было облегчить «переход от старого порядка к новому» и в будущем упрочить «взаимное доверие, доброе согласие и единодушное стремление к общей пользе». Примечательны одни из последних слов Манифеста: «Полагаемся на здравый смысл нашего народа»¹.

Но этим надеждам не было суждено исполниться. Проведенные реформы не смягчили, а, напротив, усугубили существовавшие в обществе противоречия. Отчасти это объясняется тем, что сами реформы имели половинчатый характер. Поэтому должной поддержки они не нашли. Даже судебная реформа, одна из самых последовательных, искомого результата не дала.

Суды не стали более праведными и справедливыми. Трагедию провала судебной реформы поразительно точно описал в романе «Воскресение» Л.Н. Толстой. В подтверждение приведу лишь одну сцену: беседу Нехлюдова и адвокатом.

В этом-то и ошибка, начал адвокат, «что мы привыкли думать, что прокуратура, судейские вообще — это какие-то новые либеральные люди. Они и были когда-то такими, но теперь это совершенно другое. Это чиновники, озабоченные только двадцатым числом. Он получает жалованье, ему нужно побольше, и этим ограничиваются все его принципы. Он кого хотите будет обвинять, судить, приговаривать...».

«Я всегда говорю господам судейским, — продолжал адвокат, — что не могу без благодарности видеть их, потому что если я не в тюрьме,

¹ Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X в. — 1917 г. С. 245.

и вы тоже, и мы все, то только благодаря их доброте. А подвести каждого из нас к лишению особенных прав и местам не столь отдаленным — самое легкое дело.

— Но если это так и все зависит от произвола прокурора и лиц, могущих применять и не применять закон, так зачем же суд?

Адвокат весело расхохотался.

— Вот какие вопросы вы задаете! Ну-с, это, батюшка, философия...¹

Такое правосудие порождало особое правосознание, природу которого блистательно раскрыл другой великий русский писатель — Ф.М. Достоевский (1821—1881). Пороки правосудия вызывают не только отвращение к судам, но и стремление оправдать осужденных. «Недаром же, — писал Ф.М. Достоевский, — весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными. Это глубоко знаменательное определение. Оно тем более важно, что сделано бессознательно, инстинктивно»².

Да и каждый преступник из простого народа, по словам великого писателя, не сомневается в том, что он будет оправдан «судом своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда... его окончательно не осудит, а большею частию и совсем оправдает, лишь бы грех его был не против своих»³.

Следующая попытка укрепления правопорядка была предпринята с введением в силу первой Конституции России — Высочайше утвержденных Основных государственных законов Российской Империи.

Они были приняты на волне мощного революционного движения 1905—1907 гг., когда перед страной стоял выбор — либо введение диктатуры, либо проведение конституционных реформ⁴. Российский император избрал второй путь, опубликовав 17 октября 1905 г. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», а 27 апреля 1906 г. — «Основные государственные законы Российской Империи».

¹ Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1978—1985. Часть вторая. XI.

² Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 3. С. 57.

³ Там же. С. 191.

⁴ Подробнее см.: Хуторской В.Я. История России. От Рюрика до Ельцина. М., 2000. С. 346.

Эти документы были разработаны в Царском Селе «конституционным» Совещанием под председательством Николая II¹. Он же определил основную цель Конституции: «обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени»².

Свидетельством тому, что Конституция была направлена на сохранение прежних устоев, служит само ее название — «Основные государственные законы». Так же была озаглавлена ч. 1 Свода законов Российской Империи, первое издание которого было осуществлено еще в 1832 г. Правительственной комиссией под руководством М.М. Сперанского. Из Свода законов были заимствованы не только отдельные положения, но и «византийский» — державно-торжественный и размеренный — стиль изложения. Обращает внимание звучание норм, ясное, четкое, не допускавшее разночтений и вместе с тем проникновенное, призванное пробудить чувства народной любви и преданности к трону:

«1. Государство Российское едино и нераздельно...

4. Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает.

5. Особа Государя священна и неприкосновенна...

7. Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственною Думою.

8. Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе.

9. Государь Император утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

10. Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении верховном власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

¹ Интересные воспоминания о работе Совещания содержатся в мемуарах В.Н. Ковцовца: *Ковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Книга первая.* М., 1992. С. 125–130.

² Цит. по: История России. XX век. М., 1997. С. 53.

11. Государь Император, в порядке верховного управления, издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

12. Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского государства.

13. Государь Император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

14. Государь Император есть державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства...»¹

Воспоминания современников свидетельствуют о том, что Николай II видел ту угрозу, которая исходила для монархии от Государственной Думы. Но он осознанно пошел на риск, предполагая противопоставить ей силу не только собственной власти, но и российских законов.

По замыслу Николая II именно законы должны были стать первой опорой не только самодержавия, но и российской государственности в целом. Им посвящалась отдельная – третья – глава Конституции 1906 г., которая предшествовала главе о Государственном Совете и Государственной Думе. Отметим, что до ее принятия ни в одной конституции мира не было столь полного закрепления норм о сущности законов и порядке их действия². Это одна из причин, почему ниже приведен значительный фрагмент главы третьей. Впрочем, для этого есть и другие причины.

Долгое время российская юридическая наука пытается доказать необходимость создания отдельного «закона о законах»³. Но эти усилия остаются безрезультатными. Виной тому невежество одних политиков и нежелание других внести ясность в вопрос о том, каким должен быть

¹ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы 23 апреля 1906 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права X в. – 1917 г. С. 311–313.

² Отдельный раздел о законах был включен только в Конституцию Болгарского царства 1879 г. Но в основном он представлял собой компиляцию соответствующих положений Свода законов Российской Империи.

³ Речь идет прежде всего об инициативах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

закон. Не по его содержанию — с этим в общем все ясно. Конституция четко очерчивает сферу закона (пределы законодательного регулирования). Речь в данном случае идет о другом — об установлении четких, не допускающих разночтений правил составления и применения законов. Так, как это было сделано в первой Конституции России, — образным и вместе с тем ясным языком, краткими и наряду с этим емкими нормами:

«42. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

43. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих.

44. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора.

45. Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельной частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.

46. Законы, особенно изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено.

47. Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего.

48. Общее хранение законов полагается в Правительствующем Сенате. Посему все законы должны быть вносимы в подлиннике или в заверенных списках в Правительствующий Сенат.

49. Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

50. Законодательные постановления не подлежат опубликованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих Основных законов.

51. По обнародовании закон получает обязательную силу со времени назначенного для того в самом законе срока, при неустановлении же такового срока — со дня получения на месте листа сенатского издания, в коем закон напечатан. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его, до обнародования, к исполнению по телеграфу или посредством нарочных.

52. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу.

53. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком...»¹.

Увы, законы не стали той опорой, которая могла бы поддержать Россию. Не выдержала испытаний и Конституция 1906 г. Она была сломлена Первой мировой войной и Февральской революцией. 2 марта 1917 г. Николай II отрекся от престола. Вновь наступило «смутное» время, которое привело к еще большим бедствиям Октябрьской революции и Гражданской войны.

Эти события пробудили многие дремавшие в обществе силы: свободы и рабства, жизни и смерти, надежды и страха. И каждая из них нашла свое воплощение в Конституции РСФСР 1918 г., утвержденной 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов.

Основной целью Конституции 1918 г. было закрепление власти за партией большевиков. Своей цели она добилась, чему в немалой степени способствовала энергетика ее норм. Это была поэзия стихийно возникшего и кровавого бунта. Поэтому в Конституции 1918 г., главным образом в ее первом разделе — «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»², так часто содержались призывы к «разрушению», «уничтожению», «устранению», «беспощадному подавлению»

¹ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы 23 апреля 1906 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Х в. — 1917 г. С. 315—316.

² Принята III Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г., включена в текст Конституции по настоятельному требованию В.И. Ленина.

и т.д. Они направляли и вдохновляли разрушительную энергию масс, пробуждая ее порочные инстинкты и страсти.

Великий российский бунт разрушил не только государство. Были уничтожены его устои — экономические, политические, религиозные, нравственные. Собственно, это и позволило партии большевиков установить свою диктатуру — ничем не ограниченную власть.

В сфере экономики Конституция отменила частную собственность на землю, леса, недра и воды, «живой и мертвый инвентарь», образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия, банки, фабрики, заводы, рудники, железные дороги и прочие средства производства и транспорта (п. «а» — «ж» ст. 3). Их собственником стало государство в лице единственной партии — партии большевиков.

По сути это было возрождение прежних форм крепостничества, но с одной существенной разницей: привилегия эксплуатировать человека отныне принадлежала государству. Закрепляя ее, Конституция установила всеобщую трудовую (п. «е» ст. 3) и воинскую (ст. 19) повинность народа.

В сфере политики Конституция, как в Зазеркалье, перевернула все. Уничтожив власть эксплуататоров над трудящимися, она установила «власть трудящихся над эксплуататорами» (пункт «в» ст. 3). Отстранив от управления государством имущие классы, Конституция провозгласила, что управлять государством будут низы. В ст. 7 этот тезис был сформулирован следующим образом: «В момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам»¹.

Революционная поэзия Конституции 1918 г. не только пробуждала стихию разрушения. Она находила ему оправдание, рисуя призрачные образы светлого будущего «социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» (ст. 3) — того будущего, в котором «не будет ни деления на классы, ни государственной власти» (ст. 9).

Исполнив поставленные перед ней цели, Конституция 1918 г. уступила место другим, более традиционным конституционным актам — Основным законам СССР 1924, 1936 и 1977 гг. Они утратили ее ярост-

¹ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, 3(16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957.

ный порыв, ее образность речи и поэтические формы, сохранив вместе с тем ее внутреннее содержание, в основном нацеленное на удержание политической власти.

Более подробный анализ социалистического права будет дан в следующем томе. Здесь же необходимо рассказать о правовом развитии славянских государств Западной, Центральной и Южной Европы.

В результате поражения Австрии и Германии в Первой мировой войне и страшного Октябрьского бунта многие славянские народы — поляки, чехи и словаки, хорваты, словенцы вновь обрели независимость. В течение нескольких месяцев принимаются конституции Чехословацкой Республики (29 февраля 1920 г.), Польской Республики (17 марта 1921 г.), Королевства сербов, хорватов и словен (28 июня 1921 г.).

Следует подчеркнуть, что эти акты не были копированием западных конституционных образцов. Крайне незначительным было и влияние Конституции РСФСР 1918 г. Как и те акты, которые действовали к тому времени, — болгарская Тырновская конституция 1879 г., сербская Конституция 1869 г., Конституция Черногории 1905 г., они были самобытными правовыми документами, отражавшими достаточно высокий уровень правового развития.

Так, Конституционная хартия Чехословацкой Республики впервые в конституционной истории закрепила полноценную регламентацию вопросов национальной автономии. Было провозглашено право свободно пользоваться родным языком, получать образование на родном языке, создавать национальные общественные объединения, а также органы национального самоуправления (в частности, у подкарпатских русинов). Особого внимания заслуживает ст. 134, в которой был установлен следующий принцип: «Всякого рода насильственная денационализация воспрещается. Нарушение этого принципа может определяться законом как уголовное деяние»¹.

Конституция Королевства сербов, хорватов и словен установила новые модели конституционной регламентации вопросов вероисповедания, образования, социальной и экономической политики. В частности, в ней были провозглашены следующие принципы:

«Государство следит за тем, чтобы всем гражданам обеспечивалась одинаковая возможность подготавливаться к той хозяйственной деятельности, к которой они чувствуют склонность. С этой целью

¹ Конституции буржуазных стран. Л., 1935–1936. Т. 2. С. 36.

государство введет профессиональное образование и будет оказывать в его видах постоянную помощь хорошо одаренным бедным детям... Плоды умственного труда являются собственностью создателя; они пользуются защитой государства... Свобода заключения контрактов в области хозяйственных отношений признается в той мере, в какой она не стоит в противоречии с социальными интересами... Государство в интересах всего общественного целого и на основе законов имеет право и обязано вмешиваться в экономические отношения граждан в духе справедливости и видах устранения социальных конфликтов» (ст. 22, 24–26)¹.

Яркие примеры самобытного конституционного правотворчества дают многие нормы Конституции Польши. Но мы ограничимся положениями только одной 99-й статьи: «Польская Республика признает, что всякая форма собственности: личная собственность отдельных граждан, коллективная собственность объединений граждан, учреждений, самоуправлений или, наконец, самого государства составляет одну из важнейших основ общественного строя и правового порядка; она гарантирует всему населению, учреждениям и обществам охрану их имущества; она допускает отмену или ограничение собственности личной или коллективной только в случаях, предусмотренных законом, по соображениям высшей пользы и за возмещение. Только закон может установить, какое имущество должно с точки зрения общих интересов составлять исключительно собственность государства, а также в какой мере граждане и их законно признанные объединения могут быть ограничены по соображениям общественного порядка в свободном пользовании землей, водами, ископаемыми и другими природными богатствами.

Земля как один из важнейших факторов жизни народа и государства не может быть предметом неограничиваемых сделок. Законы определяют право государства производить принудительный выкуп земли, а также регулировать ее передачу исходя из того положения, что устройство сельского хозяйства в Польской Республике должно покоиться на сельскохозяйственных единицах, способных правильно вести производство и составляющих личную собственность граждан»².

¹ Конституции буржуазных стран. Т. 2. С. 51.

² Там же. Т. 1. С. 218–219.

В 1920–1930-х гг. во всех славянских государствах шел интенсивный процесс кодификации законодательства — гражданского, торгового, уголовного, процессуального, семейного. Ситуацию усложняла раздробленность правовых систем.

Так, Польша с конца XVIII в. находилась под юрисдикциями России, Германии и Австрии и унаследовала многие нормы законодательства этих государств. Кроме того, в Царстве Польском, входившем в состав Российской Империи, сохраняли действие многие нормы Гражданского и Торгового кодексов Наполеона. Такое положение дел создавало множество коллизий, для решения которых в 1926 г. был принят Закон об основах международного частного права. А вскоре в Польше наступил этап национальной кодификации. Принимаются самобытные акты, в ряду которых особого внимания заслуживают Кодекс обязательственного права (1933 г.), а также Торговый кодекс (1934 г.), которые ввели много новелл в регулирование частноправовых отношений.

Не менее сложные проблемы пришлось решать Королевству сербов, хорватов и словен (с 1929 г. — Югославскому королевству)¹, унаследовавшему шесть разных правовых систем. В частности, в основу югославского гражданского законодательства были положены такие действовавшие на его территории акты, как сербский Гражданский кодекс 1844 г., черногорские Гражданский кодекс² и Закон о собственности 1888 г., австрийский Гражданский кодекс 1811 г.

Сложные проблемы обеспечения единства права пришлось решать также Болгарии и Чехословацкой Республике.

Осуществлению правовых реформ в славянских государствах препятствовали и многие другие факторы: заметное отставание в экономическом и социальном развитии; недостаточный уровень образования, а в некоторых регионах — грамотности большей части населения; неприятие многих моделей западного права, которые навязывались идеологами реформ. Ситуацию усугубляли экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг., а также общая тенденция к авторитарным формам правления, утвердившаяся в преддверии Второй мировой войны. Авторитарные режимы были сформированы в Польше

¹ Новая Конституция была принята 3 сентября 1931 г.

² Следует отметить, что Гражданский кодекс Черногории дал оригинальную регламентацию многих частноправовых отношений. В частности, именно этот акт впервые в истории подробно регламентировал вопросы злоупотребления правом.

в 1926 г., в Югославии — в 1929 г., в Болгарии — в 1934 г., в Чехословакии — в 1938 г.

А вскоре многие из них вновь прекратили свое существование. В марте 1939 г. в результате «мюнхенского сговора» фашистская Германия оккупировала Чехословакию. В сентябре 1939 г. под ее натиском пала Польша. Началась Вторая мировая война, которая грозила полным истреблением славян.

Из самой кровопролитной в истории человечества войны Советский Союз вышел победителем, освободив большую часть славянских народов. Во вновь возрожденных государствах — Болгарии, Польше, Чехословакии, Югославии — утвердились народно-демократические режимы, которые в основном следовали политике, определяемой руководством СССР. В каждом из них была поставлена цель построения социализма. Единство цели предопределило сходство многих правовых моделей. В основном заимствовались решения советского права. Впрочем, слепого копирования не было. Нередко руководители славянских социалистических стран провозглашали свой путь к социализму, что становилось причиной разногласий с руководством СССР. В некоторых случаях они решались с помощью силы, как это было в Чехословакии в 1968 г.

Новый этап в развитии славянского права наступил с распадом СССР и крахом социалистической системы государства и права. Появились новые славянские государства. На руинах СССР возникли Российская Федерация, Беларусь и Украина. Чехословакия распалась на Чехию и Словакию, а Югославия на шесть государств — Сербию, Хорватию, Словению, Черногорию, Македонию, Боснию и Герцеговину.

В каждой из этих стран формировались новые либо преобразовались прежние правовые системы. В первое время после крушения социализма они во многом опирались на опыт западных демократий, в основном Европы. Этот процесс многократно усиливался в тех государствах, которые стремились войти в состав Европейского Союза. И тем не менее преувеличивать влияние западных правовых моделей на правовое развитие славянских государств не стоит. И не только потому, что их содержание часто менялось, но и потому, что они нередко не воспринимались общественным сознанием и как следствие отторгались в правоприменительной практике. Более того, в последние годы в славянских государствах все более отчетливо

прослеживается тенденция к поиску собственного пути развития права, возрождению прежних и утверждению новых правовых ценностей славян.

Параграф шестой. Об основных чертах славянского права

В настоящее время идет бурный процесс брожения, в котором кристаллизуется новое славянское право. Его контуры еще не оформились. Его содержание замутнено многими чужеродными правовыми моделями. И тем не менее оно уже живет в новых законодательных актах, в новых правовых доктринах и, что самое главное, в обновленном правосознании. В нем все более громко заявляют о себе такие ценности, как христианская вера, духовность, единение, национальное самосознание, прямое народное правление и милосердие. Эти ценности – правовое наследие славян, их кредо веры, надежды, любви.

Наиболее полно они отражены в преамбулах новых конституций славянского мира¹.

Так, Конституцию Польской Республики открывают следующие сокровенные строки:

«В заботе о существовании и будущем нашей Отчизны,
вновь обретя в 1989 г. возможность суверенно и демократически
определять ее судьбу,
мы, Польская Нация, – все граждане Республики,
как верующие в Бога – источник правды, справедливости, добра
и красоты,
так и не разделяющие этой веры,
а выводящие эти универсальные ценности из иных источников,
равные в правах и обязанностях по отношению к общему благу –
Польше,

благодарные нашим предкам за их труд, за борьбу за независимость,
стоившую огромных жертв, за культуру, коренящуюся в христианском
наследии Нации и общечеловеческих ценностях,

продолжая наилучшие традиции Первой и Второй Республики,
обязавшиеся передать будущим поколениям все то ценное, что
добыто более чем за тысячу лет,

¹ С необходимыми поправками и уточнениями тексты конституционных положений даются по изданию: Конституции государств Европы. М., 2001. Т. 1–3.

соединенные узами общности с нашими соотечественниками, рассеянными по свету,

сознавая потребность сотрудничества со всеми странами на благо Человеческой Семьи,

памятуя о горьком опыте времен, когда основные свободы и права человека были в нашей Отчизне попорнены,

стремясь навсегда гарантировать гражданские права, а деятельности публичных учреждений обеспечить добросовестность и четкость,

ощущая ответственность перед Богом или перед собственной совестью,

вводим Конституцию Республики Польша

как основной закон для государства...»¹

Такое же звучание имеют преамбулы конституций России, Украины и Беларуси, Чехии и Словакии, Хорватии и Словении, Сербии и Черногории, Болгарии и Македонии, Боснии и Герцеговины. Все они исходят из необходимости восстановления утраченной связи времен, сохранения наследия предков, создания демократического, правового и социального государства.

В преамбуле Конституции Российской Федерации эти задачи сформулированы в возвышенно-поэтической форме:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации,

соединенные общей судьбой на своей земле,

утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие,

сохраняя исторически сложившееся государственное единство,

исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов,

чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость,

возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы,

стремясь обеспечить благополучие и процветание России,

исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями,

сознавая себя частью мирового сообщества,

принимаем Конституцию Российской Федерации».

¹ Конституции государств Европы. Т. 2. С. 686.

Правовое наследие прошлого определяет многие черты славянского права. Особое внимание данные акты уделяют социальным вопросам, что не случайно, поскольку христианские идеалы социальной справедливости, социального единства и милосердия всегда были неотъемлемой частью общего правового сознания славян.

В подтверждение можно привести много конституционных норм. В частности, первая статья Конституции Сербии утверждает, что государство сербского народа основано на ценностях социальной справедливости. Статья 35 Конституции Македонии указывает, что «государство проявляет заботу о социальной защите и социальной безопасности граждан на основе социальной справедливости». Часть 1 ст. 55 Конституции Словакии провозглашает, что экономика страны «основывается на принципах социально и экологически ориентированного рыночного хозяйства». Созвучные нормы закреплены в ст. 20 Конституции Польши: «Социальное рыночное хозяйство, опирающееся на свободу хозяйственной деятельности, частную собственность, а также солидарность, диалог и сотрудничество социальных партнеров, образует основу экономического устройства Республики Польша».

Развернутая формулировка социального государства содержится в ст. 7 Конституции России: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В целом для славянского правового мира характерно очень широкое, патерналистское участие государства в регулировании экономических, социальных и политических отношений.

Например, ст. 5 и 6 Конституции Польши указывают, что государство «стоит на страже независимости и нерушимости своей территории, обеспечивает свободы и права человека и гражданина, а также безопасность граждан, стоит на страже национального наследия, а также обеспечивает охрану окружающей среды, руководствуясь принципом равномерного развития». Кроме того, оно «создает условия для распространения благ культуры, являющейся источником самобытности польской нации, ее существования и развития, и для равного доступа к этим благам».

Статья 49 Конституции Хорватии провозглашает, что «государство способствует экономическому прогрессу и социальному благосостоянию граждан и осуществляет заботу об экономическом развитии всех своих территорий».

Конституция Украины закрепляет обязанности государства «обеспечивать социальную направленность экономики» (ст. 13), гарантировать свободу политической деятельности (ст. 15).

А Конституция Словении требует, чтобы государство защищало права человека, заботилось о сохранении природных богатств и культурного наследия, создавало «условия для гармоничного развития цивилизации и культуры Словении» (ст. 5).

Наиболее ярко обязанности государства проявляются в конституционном закреплении имущественных прав государства на природные ресурсы.

Так, ст. 13 Конституции Беларуси указывает, что недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства; что земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства; что закон может определить также другие объекты, находящиеся в исключительной государственной собственности, либо закрепить исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности.

Во многом совпадающие нормы содержит ст. 18 Конституции Болгарии:

«1. Подземные богатства, прибрежная пляжная полоса, республиканские дороги, а также воды, леса и парки, имеющие национальное значение, природные и археологические резерваты, определенные в законе, являются исключительно государственной собственностью.

2. Государство осуществляет суверенные права над континентальным шельфом и в особой экономической зоне...

3. Государство осуществляет суверенные права в отношении спектра радиочастот и позиций геостационарной орбиты...

4. Законом может быть установлена государственная монополия на железнодорожный транспорт, национальные почтовые и телекоммуникационные сети, использование ядерной энергии, производство радиоактивных продуктов, оружия, взрывчатых и биологически сильнодействующих веществ».

Конституция Болгарии вводит особый режим земель: «Земля – основное национальное богатство, которое пользуется особой защитой государства и общества. Обрабатываемая земля используется только для сельскохозяйственных целей. Изменение ее предназначения допускается в порядке исключения, если доказана необходимость этого изменения, при условиях и в порядке, определенных законом» (ст. 21).

Во многом аналогичные нормы включены в текст Конституции Словакии. В ней установлено, что «минеральные богатства, пещеры, подземные воды, природные лечебные источники и водные потоки являются собственностью Словацкой Республики» (ст. 4) и что закон может определить также иное имущество, «необходимое для обеспечения потребностей общества, развития национальной экономики и публичного интереса», которое может находиться только в собственности государства, общины либо определенных юридических лиц (ч. 2 ст. 20).

Статья 13 Конституции Украины указывает, что «земля, ее недра, атмосферный воздух, водные и иные природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украины, природные ресурсы ее континентального шельфа, исключительной (морской) экономической зоны являются объектами права собственности Украинского народа». Кроме того, ст. 14 Конституции особо подчеркивает, что «земля является основным национальным богатством, находящимся под особой охраной государства».

Близкие по содержанию нормы установлены Конституцией Чехии. Она подчеркивает, что государство должно «заботиться о бережном использовании природных ресурсов и охране природных богатств» (ст. 7). А Хартия основных прав и свобод 1991 г. указывает, что закон может устанавливать, «какое имущество, необходимое для обеспечения потребностей общества, развития национальной экономики и публичного интереса, может находиться только в собственности государства, общины либо определенных юридических лиц» (ч. 2 ст. 11 Хартии основных прав и свобод).

Иные конструкции, но сохраняющие особые имущественные интересы государства, закреплены в ряде других конституций. Так, ст. 9 Конституции России вводит следующий принцип: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

Статья 56 Конституции Македонии указывает, что «все природные богатства Республики Македония, растительный и животный мир, имущество, находящееся в общем пользовании, а также предметы и объекты особого культурного и исторического значения в соответствии с законом представляют общественный интерес Республики Македония и пользуются особой защитой».

Сходным образом регламентирует эти отношения Конституция Хорватии: «Море, морское побережье и острова, воды, воздушное пространство, полезные ископаемые и другие природные богатства, а также земля, леса, растительный и животный мир, другие природные объекты, недвижимость и вещи, имеющие особое культурное, историческое, экономическое и экологическое значение и которые законом определены как объекты, представляющие интерес для Республики Хорватия, находятся под ее особой защитой» (ст. 52).

Несколько иная модель предложена Конституцией Словении. В ней определено, что закон допускает получение особого права на пользование публичного достояния на тех условиях, которые в нем закреплены, что он может устанавливать условия использования природных богатств либо особые условия их эксплуатации, что он вводит особую защиту сельскохозяйственных угодий (ст. 70, 71).

В конституционных нормах об особых имущественных правах и интересах государства заложена идея ограничения прав частной собственности. При этом отметим, что в славянском правовом мире эта идея проводится более последовательно, чем в романо-германском и общем праве.

Так, ч. 3 и 4 ст. 11 Хартии основных прав и свобод Чехии и ст. 20 Конституции Словакии закрепляют следующие принципиальные положения: «Собственность обязывает. Запрещается злоупотребление собственностью и ее использование вопреки всеобщим интересам, охраняемым законом, или наносящее ущерб правам других лиц. Осуществление права собственности не должно причинять вред здоровью людей, природе, памятникам культуры и окружающей среде сверх норм, установленных законом». Указанные акты допускают лишение собственности или принудительное ограничение прав собственности в интересах общества, на основании закона и за соразмерное возмещение.

Этот принцип закреплен ст. 67 Конституции Словении в следующей норме: «Закон устанавливает порядок приобретения и использования собственности таким образом, чтобы обеспечивалась реализация ее хозяйственной, социальной и экологической функции».

Более широко этот принцип раскрывается в Конституции Хорватии. В ней содержатся положения о том, что «собственность порождает обязанности»; что «субъекты права собственности и пользователи собственности должны заботиться об общем благе» (ст. 48) и что закон может ограничить или лишить права собственности в интересах

Республики при условии возмещения рыночной стоимости имущества (ст. 50).

Следующая черта славянского права, которая приобретает все большее значение, — развитие местного самоуправления.

Конституция России закрепляет четко сформулированный принцип: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 12). Дальнейшее развитие этих положений осуществлено в нормах гл. 8 Конституции РФ.

Во многом созвучные положения установлены Конституцией Польши. В частности, в ней закреплено, что территориальное устройство Республики должно обеспечивать децентрализацию публичной власти; что территориальное деление государства должно учитывать социальные, экономические и культурные связи и обеспечивать территориальным единицам способность выполнять публичные задачи (ст. 15); что территориальное самоуправление участвует в осуществлении публичной власти от собственного имени и под собственную ответственность (ст. 16).

Широкие гарантии местного самоуправления закреплены в гл. 7 Конституции Болгарии, главе четвертой Конституции Словакии, разд. V Конституции Словении, разд. XI Конституции Украины, разд. VI Конституции Хорватии, гл. VII Конституции Чехии, гл. V Конституции Македонии.

К характерным чертам воссозданного славянского права следует отнести также повышенное внимание к гарантиям прав и свобод, что в общем естественно для государств, познавших на собственном опыте гнет тоталитарного правления.

Прежде всего отметим нормы Конституции Российской Федерации, которые придают институту прав и свобод более глубокое содержание: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18).

В ином, но столь же самобытном стиле сформулированы положения Конституции Польши: «Естественное и неотъемлемое достоинство человека образует источник свобод и прав человека и гражданина. Оно нерушимо, а его уважение и охрана являются обязанностью пуб-

личных властей... Ограничения не могут нарушать сущность свобод и прав» (ст. 30 и 31).

Большая часть конституций подчеркивает недопустимость нарушений прав и свобод. Многие из них подкрепляют этот принцип дополнительными гарантиями. Так, Конституция Хорватии утверждает: каждый, кто нарушил основные права и свободы человека и гражданина, несет личную ответственность и не может оправдывать свои действия необходимостью исполнения вышестоящих распоряжений (ст. 20).

Описывая черты современного славянского права, я в основном обращаюсь к конституционным нормам, поскольку именно они, несмотря на множество нерешенных проблем, просчетов и колебаний, определяют путь развития правового мира славян.

При этом отметим, что законодательство остается в нем лишь одной из форм существования права. Большое значение имеют обычаи, традиции, дополняющие, изменяющие либо сдерживающие инициативы власти. Действующие в различных местных, национальных либо профессиональных сообществах, они формируют мощный глубинный пласт права, который не подвластен воле правителей. Именно это объясняет неудачи в применении многих законодательных актов в России и Украине, Болгарии и Сербии, Польше и Чехии.

Заметное воздействие на право оказывает правовой язык славян, который складывался на протяжении многих тысячелетий. Такие юридические категории, как «государство», «право», «власть», «правительство», «суд», «закон», «общество», имеют в славянском праве особое содержание, порождают своеобразные мыслительные образы, не присущие носителям других правовых культур¹.

Славянское право, как было показано выше, имеет общие истоки и собственную историю развития. В нем, в отличие от правовых систем Италии, Испании, Франции, Германии и Австрии, не было какой-либо заметной рецепции римского права.

И хотя славянское право восприняло многие правовые конструкции романо-германского и общего права, оно и сейчас сохраняет свою уникальность. Так, в правовых системах Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии не утвердились модели кодификации частного права. Например, в Хорватии эту сферу регулируют такие разрозненные акты,

¹ По этому вопросу см. раздел, посвященный уровням сравнительного правоведения, выше.

как Закон о собственности и других вещных правах 1996 г., Закон «Об обязательственных отношениях» 2005 г., Закон о торговых компаниях 1993 г.

Весьма своеобразна кодификация частного права в Польше и Чехии. Они оставили в силе гражданские кодексы, принятые в 1964 г. и сохраняющие сходство с кодификациями социалистического образца (в частности, с Гражданским кодексом РСФСР), а не с Кодексом Наполеона и Германским гражданским уложением.

В славянском праве сложились самобытные юридические конструкции, обеспечивающие особый баланс общественных и частных интересов, что проявляется прежде всего в регламентации вопросов собственности, недропользования, государственного управления экономикой и социальной сферой.

Постепенно складывается особая стилистика оформления правовых актов. В нормативных актах славянских государств отчетливо прослеживается тенденция к обеспечению как можно более полного регулирования общественных отношений. В этом они сближаются скорее с актами государств общего права (Великобритании, США), чем с актами государств романо-германской системы права. И напротив, судебные решения славянского мира отличаются предельной краткостью в изложении обстоятельств дел и обосновании позиций, что не характерно для судебных решений не только общего, но и романо-германского права.

В заключение отметим, что черты, присущие славянскому праву, проявляются вне зависимости от вхождения государств — его носителей в те или иные региональные объединения (в частности, в СНГ и Европейский Союз), различий в их вероисповедании, идеологии и политическом курсе. Поэтому мы можем сделать выводы не только о принадлежности славянских правовых систем к обособленной правовой семье, о сохранении ее единства, но и о недопустимости признания «правовой колонизации» славян, которое с неизбежностью вытекает из утверждений об их вхождении в семью романо-германского (континентального) права.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. РОМАНО-ГЕРМАНСКОЕ ПРАВО

В настоящее время в романо-германскую семью входят правовые системы многих государств Западной, Центральной и Южной Европы, в том числе Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Греции, Испании, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Португалии, Румынии, Франции, Швейцарии.

Они во многом предопределили развитие сопредельных систем славянского, скандинавского, латиноамериканского и общего права и оказали заметное влияние на другие правовые сообщества, в частности на исламскую и синтоистскую традиции права.

Поэтому так важно проследить особенности его становления и развития, проходившего под воздействием таких факторов, как религиозные ценности, традиции римского права, народный дух и революционное правотворчество.

Параграф первый. Влияние теологии права

Первым источником романо-германского права стали религиозные ценности, воплощенные в Священном Писании, наставлениях теологов, нормах канонического права. Не случайно один из самых ярких представителей формирующейся правовой науки Грациан утверждал, что законы и законодательные акты князей должны подчиняться церковным законам и актам¹. Такие же идеи обосновывали Блаженный Августин, Ансельм, Пьер Абеляр, Фома Аквинский, другие великие средневековые теологи и правоведы.

В их представлении римский папа был не только главой церкви, но, как подчеркнул французский исследователь Г. ле Бра, и «вселенским законодателем, власть которого ограничивало только естественное и абсолютное Божественное право»².

Практически повсеместно во главе королевских ведомств и канцелярий стояли церковники. Например, во Франции эта традиция

¹ См.: *Берман Г.* Западная традиция права. Эпоха формирования. М., 1998. С. 148.

² Цит. по: *Берман Г.* Западная традиция права. Эпоха формирования. С. 105.

была нарушена только в 1298 г., когда король Филипп Красивый отдал государственные печати светскому рыцарю. Обращаясь к этой теме, французский историк М. Блок писал: «Нельзя недооценивать тот факт, что решения сильных мира сего подчас подсказывались и всегда выражались людьми, которые при всех своих классовых или национальных пристрастиях принадлежали по воспитанию к обществу по природе универсалистскому и основанному на духовном начале. Нет сомнения, что они старались напоминать властителям, поглощенным суетой мелких местных конфликтов, о более широких горизонтах»¹.

Да и сам народ был глубоко верующим. Как писал М. Блок, «картина судеб человека и Вселенной, которую рисовали себе люди Средневековья, почти полностью уместилась в рамках христианской теологии и эсхатологии западного толка»². В то время, как отмечал блистательный голландский философ и историк Й. Хейзинга, «жизнь была проникнута религией до такой степени, что возникала постоянная угроза исчезновения расстояния между земным и духовным»³. И хотя религиозность народа была во многом поверхностной, христианская вера укрепилась в нем прочно⁴.

Конечно, роль католической церкви не была однозначной. Были и великие подвиги служения человечеству (пример тому деяния Франциска Ассизского)⁵, и мракобесие гонений на инакомыслящих и иноверных. Были удивительные проявления милосердия и любви и чудовищные преступления, вызванные властолюбием, корыстью, другими порочными страстями. Были попытки остановить либо повернуть развитие общества вспять и преобразовать его на подлинных началах христианства.

Рамки этой книги не дают возможности раскрыть все грани влияния католической церкви на жизнь западноевропейских государств. Поэтому мы остановимся только на одной теме — ее воздействии на духовное содержание и философию права, что во многом предопределило развитие романо-германской семьи права. И прежде всего

¹ Блок М. Апология истории. М., 1986. С. 143.

² Там же. С. 145.

³ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 170.

⁴ Там же. С. 191.

⁵ Лафитский В.И. Воскресение права. Часть первая: Дни созидания. Часть вторая: В мире распятого Христа. С. 80—88.

речь идет о наследии двух великих теологов прошлого — Блаженного Августина и Фомы Аквинского.

Блаженный Августин (354–430) создавал свои великие творения в тяжелые годы крушения Римской империи. Варвары захватывали один город за другим. В 410 г. пал Рим. Его разграбили готы под предводительством Алариха.

Августин не сомневался, что это было наказание Божие. И, подобно библейским пророкам, он пытался предупредить о новых бедах¹, вызванных тем, что Римская империя превратилась в «нечестивый град и народ неверных»².

В Римской империи не было истинной справедливости. А «где нет истинной справедливости, там не может быть и права. Ибо что бывает по праву, то непременно бывает и справедливо. А что делается несправедливо, то не может делаться и по праву. Нельзя считать и называть правом несправедливые постановления людей»³.

Дополняя этот тезис, он высказал суждение, которое и сейчас, по прошествии многих столетий, не утратило своей остроты: «Где нет истинной справедливости, там не может быть и совокупности людей, соединенных взаимно согласием в праве; следовательно, не может быть и народа... а если нет народа, нет и дела народного, а есть дело какой-нибудь толпы, недостойной имени народа. Таким образом... отсюда несомненно следует, что где нет справедливости, там нет республики»⁴.

Наиболее постыдным было положение дел в судах. «Невинный выходит из суда, — отмечал Августин, — не только не отмщенным, но и осужденным, не имея сил бороться с неправдой судьи или опровергнуть ложные свидетельства, а злодей, его противник, наоборот, не только безнаказанным, но и торжествующим над ним... Обремененный преступлениями окружен общественным уважением, а человека безупречного скрывает мрак неизвестности»⁵.

¹ См. «О свободной воле» (De Libero Arbitrio, 395 г.), «Симплицию» (Ad Simplianum 396 г.) и другие работы Блаженного Августина. Анализ этих произведений см.: Saint Augustine // Stanford Encyclopedia of Philosophy (<http://plato.stanford.edu/entries/augustine>).

² *Блаженный Августин. О Граде Божием.* Минск; М., 2000. С. 1085.

³ Там же. С. 1042.

⁴ Там же. С. 1042–1043.

⁵ Там же. С. 1061.

Вместе с тем на вопрос, примет ли в этом мраке общественной жизни честный и мудрый человек должность судьи, Августин без колебаний отвечал: да, примет, поскольку «его привязывает, его влечет к этой должности человеческое общество, изменить которому он считает преступлением»¹.

В Риме, в других государствах того времени справедливости не было. Поэтому Августин сравнивал их с «большими разбойничьими шайками». Впрочем, и разбойничьи шайки он уподоблял государствам. «Они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону»².

«Разбойничьим» государствам Августин противопоставил христианскую идею всемирного Града Божия — «единственного истинного, нерукотворного вечного города»³.

Идея Града Божия красной нитью проходила через многие труды Августина. Впервые он сформулировал ее в 389–391 гг.⁴ Десять лет спустя возвышенный образ этого Града он описал так:

«Не знаю, что вернее назвать «небом небес для Господа», как не эту обитель Твою, эти чистые умы, единые и согласные, в нерушимом мире святых духов созерцающие сладость Твою, без единого поползновения уйти, — этих граждан Града Твоего на небесах выше нашего неба»⁵.

Такой же град необходимо было создать на земле. Этой цели и был посвящен самый значительный труд в жизни Августина — «О Граде Божием».

Объясняя замысел этой книги, он писал: «Я поставил своей задачей защитить Град Божий, славнейший как в этом течении времени, когда странствует он между нечестивыми, «живя верою» (Аввак. II:4), так и в той вечной жизни, которую сейчас он «ожидает в терпении» (Рим. VIII:25), веря, что «суд возвратится к правде» (Псалом XCIII:15)»⁶.

Августин всегда подчеркивал противоположность начал града земного и Града Божьего. Если в первом правят цари земные, то во вто-

¹ Блаженный Августин. О Граде Божием. С. 1016.

² Там же. С. 165.

³ Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Блаженного Августина // Библиотека «Вехи» (<http://www.vchi.net/etrubeckoi/avgustin>).

⁴ O'Donnell J.J. Augustine, City of God // <http://ccat.sas.upenn.edu/jod/augustine/civ.html>.

⁵ Блаженный Августин. Исповедь. М., 2006. С. 348.

⁶ Блаженный Августин. О Граде Божием. С. 3.

ром — сам Христос, его единственный «Основатель и Правитель». Этот Град Августин называл республикой, поскольку он — «народное дело». Только в нем царит истинная справедливость, и только там по праву могут звучать слова Писания: «Славное возвещается о тебе, Град Божий» (Псалом LXXXVI:6)¹. Многое отличает град земной и Град Божий. Первый живет по плоти, другой — по духу².

Созданы они разными «родами любви: земной — любовью к себе, дошедшему до презрения к Богу; небесный — любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе»³.

Первый из них отражает все пороки человека. Второй являет собой «образ Града Небесного»⁴, одна часть которого странствует по земле⁵, как «искупленный Град... собор и общество святых»⁶.

Земные царства стремятся уничтожить Град Божий. В этой борьбе сила всегда на их стороне. Но чем чаще они применяют ее, тем сильнее становится Град Божий. Он «достигает будущего величия путем настоящего уничижения и воспитывается побуждениями страхов, муками скорбей, тягостью подвигов, опасностью искушений, находя радость только в надежде»⁷, в надежде обрести Царство Небесное.

По словам Августина, эта «награда ожидает святых, терпящих здесь поношения за Град Божий, ненавистный приверженцам этого мира. Тот Град вечен. В нем никто не рождается, потому что никто не умирает. В нем истинное и полное счастье — не богиня, а дар Божий. Оттуда получили мы залог веры, обнадеживающий нас в то время, пока, странствуя, мы вздыхаем о красоте его. Там не восходит солнце над добрыми и злыми, но солнце правды сияет одним только добрым»⁸.

Различны цели земных царств и Града Божия. Если первые стремятся к собственному величию либо владычеству «в земном мире»⁹, то Град Божий ставит своей целью спасение каждого человека,

¹ *Блаженный Августин. О Граде Божиим. С. 89.*

² Там же. С. 659.

³ Там же. С. 703.

⁴ Там же. С. 708.

⁵ См. там же. С. 457.

⁶ См. там же. С. 456.

⁷ Там же. С. 980.

⁸ Там же. С. 245–246.

⁹ Там же. С. 716.

поскольку он, «как буква в предложении, представляет собою своего рода элемент государства, как бы обширно оно ни было»¹.

Поэтому и правители Града Божия «управляют не из желания господствовать, а по обязанности заботиться, и не из гордого своего начальственного положения, а из сострадающей предусмотрительности»², допускающей, при необходимости, применение мер наказания «словом, или бичом, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого укрощаемого»³.

Впрочем, принуждение — мера исключительная. Она не нужна для тех людей, которые, «живя по Богу, страшатся и желают, скорбят и радуются. А так как любовь их безукоризненна, то безукоризненны у них и все эти душевные расположения. Боятся они вечного наказания, желают вечной жизни... боятся грешить, желают оставаться непоколебимыми, скорбят о грехах, радуются о делах добрых»⁴.

Град Божий, как писал Августин, открыт для всех. Он «призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а, напротив, сохраняя и соблюдая все, что... направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии»⁵.

Воспевая Град Божий, Блаженный Августин вместе с тем призывал к совершенствованию земного.

Он наставлял правителей: «Мы называем христианских государей счастливыми, если они управляют справедливо, если окруженные лестью и крайним низкопоклонством не превозносятся, но помнят, что они — люди». Они хороши, если употребляют свою власть на распространение почитания Бога и на служение Его величию; если медлят с наказаниями и охотно милуют; если сами эти наказания употребляют как необходимые средства для управления и охранения государства,

¹ *Блаженный Августин. О Граде Божиим. С. 164.*

² Там же. С. 1033.

³ Там же. С. 1035–1036.

⁴ Там же. С. 671.

⁵ Там же. С. 1038.

а не для удовлетворения своей ненависти к врагам; если осуществляют помилование не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление; если суровые приговоры смягчаются милосердием и благотворительностью; если обстановка и образ их жизни тем скромнее, чем более они могли бы быть роскошными; если они желают больше господствовать над дурными наклонностями, чем над какими бы то ни было народами, и делают все это не из желания какой-либо пустой славы, а из любви к вечному счастью; если не пренебрегают приносить Богу за грехи свои жертву смирения, сожаления и молитвы¹.

С еще большей страстью он призывал простых людей вести праведную жизнь и избавляться от своих пороков.

«Мы грешим, — отмечал Августин, — по двум причинам: либо не зная, что нужно делать, либо зная, не делаем то, что должны сделать»².

Главной причиной грехопадения человека было забвение ценностей христианства. Сердца христиан зачерствели. Они стали каменными потому, что в них не было доброй воли³. Они стали низменными потому, что их обуяла гордыня⁴.

Дорога к спасению была в смиренном благочестии. «Вот дорога, по которой возвращаются» к Богу, Который очищает нас от злых навыков и разрешает нас от «цепей, которые мы сами надели на себя»⁵.

Но, главное, человек должен был хранить верность христианским ценностям веры, надежды, любви⁶.

Тогда и земной град мог стать «образом Града Божьего»⁷.

Многие идеи Блаженного Августина развил Фома Аквинский (1225–1274), великий теолог Средневековья, первый из 33 учителей католической церкви⁸.

¹ *Блаженный Августин*. О Граде Божием. С. 263–264.

² *Блаженный Августин*. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви. Глава XXII // <http://filosof.historic.ru/books/item/foo/soo/z0000114/index.shtml>.

³ См.: *Блаженный Августин*. О благодати и свободной воле. Глава 29 // <http://www.newadvent.org.fathers/1510.htm>.

⁴ См.: *Блаженный Августин*. О Граде Божием. С. 683.

⁵ *Блаженный Августин*. Исповедь. С. 64.

⁶ См.: *Блаженный Августин*. Энхиридион Лаврентию о вере, надежде и любви. Глава XXX.

⁷ *Блаженный Августин*. О Граде Божием. С. 708.

⁸ Подробный очерк об учении Фомы Аквинского см.: *Лафитский В.И.* Воскресение права. Часть первая: Дни созидания. Часть вторая: В мире распятого Христа. С. 230–271.

В его эпоху общество было больно многими болезнями, порожденными греховной жизнью людей. И он искал в законах — вечных, естественных, Божественных и человеческих — то средство, которое могло исцелить его.

Вечный закон, утверждал Фома Аквинский, невозможно познать. Это дано «только тем благословенным, кто может видеть Бога в Его Сущности». Но вместе с тем каждое разумное существо знает о нем по его отражению и воспринимает его как неизменную истину¹.

К естественному закону Фома Аквинский относил то, к чему человек склонен по природе².

Первым проявлением естественного закона стало стремление человека к самосохранению. Второе его проявление — стремление к продолжению рода. Третье — стремление к благу, в том числе через познание Бога и жизнь в человеческом обществе³.

В своем развитии естественные законы постоянно наполняются новым содержанием, не меняя своих начал⁴ и включая все моральные предписания⁵ и все акты добродетели⁶.

Цель естественных законов — позволить людям стать «разумными существами, способными к ответной любви, связанными совместными трудами на жизненном поприще, неразлучными в благополучии и болезни, сохраняющими верность дружбе при любых поворотах судьбы»⁷.

Фома Аквинский был убежден, что каждый человек способен к добродетели. Главное было научить его делать добро осознанно, целеустремленно, из твердых и непоколебимых принципов⁸, руководствуясь прежде всего своей совестью.

Опора вечных и естественных законов — разум человека. Но он несовершенен. Поэтому человеку был дан Божественный закон. Он при-

¹ См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 93. Раздел 2.* Первая часть «Суммы теологии» приводится в переводе С.И. Еремеева и А.А. Юдина, а вторая и третья части даются в переводе автора по тексту, приведенному на сайте: www.gutenberg.org.

² См. там же. Вопрос 93. Раздел 4.

³ См. там же. Вопрос 94. Раздел 2.

⁴ См. там же. Вопрос 94. Раздел 5.

⁵ См. там же. Вопрос 100. Раздел 1.

⁶ См. там же. Вопрос 94. Раздел 3.

⁷ См. там же. Часть первая. Вопрос 20. Раздел 2.

⁸ См. там же. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 100. Раздел 9.

ходит на помощь не только в тех вопросах, где разума недостаточно, но и в тех вопросах, где человеческий разум может воспрепятствовать Божественной воле¹.

Первый Божественный закон был ниспослан через Моисея, чтобы направлять жизнь человека в его отношениях с сообществом людей². Благодаря этому закону задолго до появления царей, правителей, судей человек «точно знал, что он должен делать и чего он должен избегать»³.

Как и любой закон, Божественный закон побуждает человека соблюдать его веления. И никто не может быть освобожден от следования ему, «если на то не будет воли Бога либо того человека, которому Он может дать для этой цели такое право»⁴.

Этот Закон, как писал Фома Аквинский, исполнен мудрости, ибо «невозможно, чтобы Бог желал что-либо, что не было одобрено Его мудростью». Вместе с тем это закон справедливости, поскольку воля Бога справедлива и правосудна. Она «дает каждой вещи то, что относится к ее природе и условиям бытия»⁵.

Более того, по убеждению Фомы Аквинского, все предписания Божественного закона определяются одной целью – справедливостью, поскольку «любая совместная жизнь людей основана на справедливости»⁶.

Справедливости противостоит несправедливость. Это «особое зло по отношению к такому особому объекту, как общее благо, которое оно презирует; вместе с тем это общее зло, имеющее собственные цели, поскольку презрение к общему благу может вести ко всем видам зла»⁷.

В обществе, основанном на справедливости, не могло быть «рабской подчиненности», при которой «подчиняющий использует субъект подчинения исключительно ради собственной выгоды». В справедливом же обществе действует иная, экономическая или гражданская,

¹ См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 99. Раздел 2.*

² См. там же. Вопрос 100. Раздел 5.

³ См. там же. Вопрос 91. Раздел 4.

⁴ См. там же. Вопрос 97. Раздел 4.

⁵ См. там же. Часть первая. Вопрос 21. Раздел 1.

⁶ См. там же. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 100. Раздел 2.

⁷ См. там же. Книга вторая. Вопрос 59. Раздел 1.

подчиненность, при «которой подчиняющий использует субъект подчинения ради их общей выгоды и блага»¹.

Требование справедливости обуславливало существование в обществе частной собственности. По мнению Фомы Аквинского, она необходима в силу многих причин. Прежде всего в силу того, «что каждый человек более бережно заботится о том, что принадлежит ему одному, а не всем вместе, а также потому, что он будет лениться и оставлять другим делать то, что касается общих дел сообщества, как это происходит в тех случаях, когда много слуг. Во-вторых, потому что дела людей организуются более правильно, если каждый человек проявляет заботу о своих делах; если такой заботы нет, возникают недоразумения, вызванные тем, что каждый должен следить за какими-то предметами, не имея к ним интереса. В-третьих, поскольку безопасность государства обеспечивается в большей степени тогда, когда человек доволен тем, что он имеет... Споры возникают чаще там, где предметы собственности не разделены»².

Собственность была одним из самых действенных средств обеспечения благосостояния общества. Общество «тем более совершенно, чем более оно может обеспечить себя жизненно необходимым»³. Поэтому Фома Аквинский призывал воспользоваться теми средствами Ветхого Завета, которые были направлены на сохранение и приумножение собственности⁴.

Вместе с тем Фома Аквинский убеждал, что необходимо установить пределы ее накоплению. «Должна, — доказывал он, — соблюдаться умеренность при распределении общих благ»⁵. Иначе будет разрушено такое начало общества, как справедливость.

Раскрывая все новые и новые грани справедливости, Фома Аквинский указывал, что справедливость требует своевременной и полной оплаты за труд. Прежде всего это касается тех «рабочих, которые предлагают свой труд внаем, будучи бедными людьми, зарабатывающими кусок хлеба на день... иначе у них не будет еды»⁶.

¹ См.: *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть первая. Вопрос 92. Раздел 2.

² См. там же. Часть вторая. Книга вторая. Вопрос 66. Раздел 2.

³ *Фома Аквинский*. О правлении государей. Книга первая. Глава 1. Здесь и далее — перевод Н.Б. Срединской.

⁴ См.: *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 105. Раздел 2.

⁵ Там же. Книга вторая. Вопрос 61. Раздел 1.

⁶ Там же. Книга первая. Вопрос 105. Раздел 2.

Справедливость запрещает ростовщичество, потому что «брать проценты за деньги, данные в долг... означает продажу того, чего нет, и ведет к неравенству, противоречащему справедливости»¹.

Справедливость не позволяет продавать товар по цене выше справедливой цены, «поскольку это обман ближнего, причиняющий ему вред»².

Наконец, справедливость предписывает, чтобы адвокаты, врачи брали за свой труд «умеренную плату, должным образом учитывая положение лиц, характер дел, затраты труда и обычаи страны»³.

Фома Аквинский понимал, что средства обеспечения справедливости Ветхого закона не были универсальными. «Обязательство соблюдать справедливость действительно является единым. Но определения того, что является справедливым и несправедливым согласно человеческим либо Божественным институтам, различаются в зависимости от того, в каком состоянии находится человечество»⁴.

С пришествием Христа прежний Ветхий закон был заменен Новым законом, но не потому, что Ветхий закон не был хорошим⁵, а потому что изменился сам человек⁶.

Многое, отмечал Фома Аквинский, отличает Новый закон от Ветхого закона. В отличие от Ветхого закона он не высечен в камне, а «начертан в сердцах»⁷. Поэтому его называют законом любви⁸.

Его называют также законом веры, поскольку он исходит от той благодати, которая вложена в души верующих⁹.

Вместе с тем это закон подлинный, потому что подлинное обнаруживается во Христе¹⁰.

И наконец, Новый закон — это закон свободы. В отличие от Ветхого закона, который регламентировал «в примитивной форме» многие вопросы повседневной жизни, Новый закон оставил все на усмотрение человека. «Каждый, — писал Фома Аквинский, — волен решать, что он должен

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 78. Раздел 1.*

² Там же. Вопрос 77. Раздел 1.

³ Там же. Книга вторая. Вопрос 71. Раздел 4.

⁴ Там же. Книга первая. Вопрос 104. Раздел 3.

⁵ См. там же. Вопрос 98. Раздел 1.

⁶ См. там же. Вопрос 91. Раздел 5.

⁷ Там же. Вопрос 105. Раздел 1.

⁸ См. там же. Вопрос 107. Раздел 1.

⁹ См. там же.

¹⁰ См. там же. Раздел 2.

делать и чего избегать, и каждый правитель решает, какие указания он должен давать своим подданным о том, что делать и чего избегать»¹.

Свобода ограничивается только одним — любовью к правде, благодаря которой человек удерживается от греха².

Таким был путь, начертанный в Нагорной проповеди Христа. В ней Фома Аквинский видел «полное описание того, какой должна быть жизнь христиан»³.

Новый закон не остается неизменным. Он подвергается постоянным переменам «в зависимости от разных мест, времен и лиц, а также от того, насколько человек полон благодатью Святого Духа»⁴.

Последний вид законов — законы, созданные людьми.

В отличие от Божественного закона, учрежденного, чтобы направлять человека к Богу, «человеческий закон направлен в основном к тому, чтобы направлять людей навстречу друг к другу»⁵.

Первое его предназначение — достижение «всеобщего счастья»⁶.

Обосновывая эту мысль, Фома Аквинский утверждал: «Намерение каждого законодателя направлено сперва и прежде всего к общему благу»⁷. «Все, что служит цели, должно соответствовать этой цели. Целью закона является общее благо... Следовательно, человеческие законы должны соответствовать общему благу. Общее благо включает многое. Поэтому закон должен учитывать многое, в том числе многих людей, многие обстоятельства и времена. Потому что государство, как сообщество, состоит из многих людей, его благо может быть достигнуто многими действиями; и оно устанавливается не на короткое время, а на все время»⁸.

В более краткой формулировке эту мысль Фома Аквинский передал так: «цель человеческого закона — быть полезным для человека»⁹.

Вторая цель закона — утверждение справедливости. «Закон направляет действия людей согласно порядку правильного»¹⁰, в основе кото-

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 108. Раздел 1.*

² Там же. Вопрос 107. Раздел 1.

³ Там же. Вопрос 108. Раздел 1.

⁴ Там же. Вопрос 106. Раздел 4.

⁵ Там же. Вопрос 99. Раздел 3.

⁶ Там же. Вопрос 90. Раздел 2.

⁷ Там же. Вопрос 100. Раздел 8.

⁸ Там же. Вопрос 96. Раздел 1.

⁹ Там же. Вопрос 95. Раздел 3.

¹⁰ Там же. Вопрос 91. Раздел 5.

рого лежит справедливость. Точно так же и «справедливость состоит в том, чтобы делать правильное»¹. Поэтому, как убеждал Фома Аквинский, «сила закона зависит от того, насколько он справедлив»².

Человеческие законы могут быть справедливыми и несправедливыми. «Если они справедливы, они обретают силу в сознании благодаря естественному закону, от которого они исходят». Справедливые законы — это те законы, которые «прежде всего соответствуют цели, а именно общему благу; которые приняты надлежащим лицом, не превышающим законодательные полномочия; которые соблюдают требование о возложении на подданных бремени, соразмерного и соответствующего общему благу»³.

С другой стороны, законы могут быть несправедливыми, «если они противоречат общему благу... если они не соответствуют цели, что происходит, когда правитель дает своим подданным обременительные законы, ведущие не к общему благу, а главным образом к удовлетворению его собственной алчности либо тщеславия; если автор закона создает закон, который выходит за пределы его власти; если на общество налагается бремя неравным образом, хотя, возможно, и с целью общего блага». Такие акты «являются скорее актами насилия, а не законами»⁴ — делает вывод Фома Аквинский.

Третья цель закона — «вести своих подданных к надлежащей добродетели»; а поскольку добродетель — это «то, что делает подданных хорошими, то из этого следует, что надлежащее действие закона заключается в том, чтобы делать тех, кому он дан, хорошими либо в целом, либо в каком-то отдельном отношении»⁵. Указанная цель не может быть осуществлена законом сразу, а только постепенно⁶.

Четвертая цель закона — борьба со злом, что обеспечивает «преходящее спокойствие государства». Этой цели закон добивается, направляя внешние поступки людей и устраняя то зло, которое может воспрепятствовать мирному существованию государства⁷.

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 96. Раздел 2.*

² Там же. Вопрос 95. Раздел 2.

³ Там же. Вопрос 96. Раздел 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Вопрос 92. Раздел 1.

⁶ См. там же. Вопрос 96. Раздел 2.

⁷ Там же. Вопрос 97. Раздел 1.

Фома Аквинский признавал, что «человеческие законы создаются для сообществ людей, которые в большинстве своем несовершенны. Поэтому человеческие законы должны запрещать не все зло, а только наиболее тяжкие его проявления, прежде всего те, «без запрета которых человеческое сообщество не может поддерживаться; так человеческий закон запрещает убийства, кражи и другие проявления зла»¹.

Другая причина, по которой законы оставляли безнаказанными многие прегрешения, была вызвана стремлением не лишать необходимых благ тех людей, которые были лишены совершенства, и не обрекать их на еще большие страдания².

Наконец, следующее соображение заключается в том, что «мудрый законодатель всегда мирится с меньшими нарушениями, чтобы не допустить большие».

Фома Аквинский часто подчеркивал необходимость овладения искусством законотворчества.

Прежде всего необходимо было четко усвоить границы его применения. «Человек не может предписывать законы неразумным существам, в какой бы власти они у него ни находились. Но он может давать законы разумным существам, подчиненным ему, настолько, насколько его законы своими повелениями или указаниями начертаны в сознании людей как правила, содержащие принципы действия»³.

Далее, чтобы закон обрел обязывающую силу, он должен быть применен к тем людям, которые должны ему подчиняться⁴.

При этом законы не должны издаваться по тем вопросам, по которым человек не может судить. Так, он не может судить о внутренних побуждениях, которые скрыты. Поэтому объектом закона становятся только «внешние действия, которые совершаются»⁵.

Поскольку закон — «это искусство направления либо регулирования жизни человека», в нем, «как и в любом искусстве, должно существовать четкое разделение предписаний; в противном случае закон станет бесполезным по причине недоразумений»⁶.

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 96. Раздел 2.*

² См. там же. Вопрос 78. Раздел 1.

³ Там же. Вопрос 92. Раздел 5.

⁴ См. там же. Вопрос 90. Раздел 4.

⁵ Там же. Вопрос 91. Раздел 4.

⁶ Там же. Вопрос 104. Раздел 4.

Первое разделение правовых норм определено тем, что они провозглашают два вида прав: естественные и позитивные¹.

Второе разделение обусловлено различиями в функциях людей, «которые выполняют работу присущими им средствами для общего блага». Так, священники молятся Богу за людей, правители правят народом, солдаты сражаются за безопасность народа. Соответственно принимаются специальные законы, регулирующие особую деятельность этих людей².

Далее, закон содержит разные предписания для тех, кто соблюдает, и тех, кто нарушает его. «Каждый закон применяется к двум видам людей. Он применяется к людям жестокосердным и гордым, которых закон сдерживает и приручает; и он применяется к добрым людям, которым наставления закона помогают исполнять то, что они должны исполнять»³. В соответствии с этим «каждый закон убеждает людей исполнять его предписания посредством наказаний либо наград»⁴.

Следующее деление правовых норм обусловлено существованием трех видов действий людей. «Некоторые действия являются по своей природе хорошими, это действия добродетели; и в отношении таких действий закон является предписанием либо указанием... Некоторые действия по своей природе злые, это действия зла, и в отношении таких действий закон запрещает. Некоторые действия по своей природе являются нейтральными, и в отношении таких действий закон разрешает»⁵.

Во всех своих проявлениях закон должен в равной мере «учить и совершенствовать людей», склонных как к добру, так и к злу⁶.

Вторая форма развития права — это обычай. Подчеркивая его значение, Фома Аквинский отмечал, что он «имеет силу закона, отменяет закон и является толкователем закона»⁷.

Между законом и обычаями существуют сложные отношения. «Иногда, — писал схоласт, — можно действовать, минуя требования

¹ См.: *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть вторая. Книга вторая. Вопрос 60. Раздел 5.

² См. там же. Книга первая. Вопрос 95. Раздел 4.

³ Там же. Вопрос 98. Раздел 6.

⁴ Там же. Вопрос 99. Раздел 5.

⁵ Там же. Вопрос 92. Раздел 2.

⁶ Там же. Вопрос 101. Раздел 3.

⁷ Там же. Вопрос 97. Раздел 3.

закона, в частности, тогда, когда закон безуспешен; в этом случае такое поведение не будет злом. Когда же такие случаи многократно увеличиваются по причине некоего изменения в человеке, тогда обычай показывает, что закон уже больше не является полезным... Однако если остается причина, в силу которой закон полезен, тогда не обычай должен преодолеть закон, а закон должен преодолеть обычай, если только единственной причиной кажущейся бесполезности закона не является то, что он невозможен согласно обычаям страны... А обычай целого народа нелегко устранить»¹.

В решении этих коллизий многое зависит от состояния народа. «Если он свободен и способен создавать свои собственные законы, согласие народа в целом, выраженное в виде обычая, намного более способствует исполнению закона, чем власть правителя, имеющего право принимать законы только как представитель народа. Если же народ не имеет права свободно создавать свои собственные законы либо упразднять законы, принятые высшей властью, то при таком народе преобладающий обычай приобретает силу закона только тогда, когда его терпят те, кому принадлежит право создавать законы для такого народа; самим фактом, что они его терпят, создается впечатление, что они одобряют то, что введено обычаем»².

Столь же тщательно Фома Аквинский исследовал природу правосудия.

Правосудие, как и закон, должно направлять людей к общему благу. Это его основная цель. Поэтому «правосудие в его широком понимании называется «правосудием, основанным на законе», так как человек через него вступает в гармонию с законом, направляющим все проявления добродетелей к общему благу»³.

Следующая цель — стремление к справедливости. Еще со времен Ветхого Завета судьи назначались, чтобы «решать спорные вопросы о справедливости»⁴. Да и само слово «судья» (*judex*) происходит от того, что человек, которого так называют, утверждает правильное (*jus dicens*); таким образом, правильное является объектом правосудия. «Соответственно, изначально слова «судебное

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая.

² Там же.

³ Там же. Книга вторая. Вопрос 58. Раздел 5.

⁴ Там же. Книга первая. Вопрос 105. Раздел 1.

решение» имели значение заявления или решения о справедливом или правильном»¹.

Согласно этому принципу справедливый суд «воздаст каждому то, что правильно по отношению к нему», ибо, по словам Исихора Севильского, «человек справедлив тогда, когда он уважает права других»².

Перед правосудием стояла еще одна цель — «исправлять поступки людей»³. По мнению Фомы Аквинского, суд имеет большое воспитательное значение. Поэтому он утверждал, что наказание «не всегда предназначено для лечения тех, кто наказан, но иногда и для лечения других»⁴.

Более того, он полагал, что наказание — не главное в правосудии. Ведь «преступление прощается каждому только тогда, когда душа преступника находится в мире с теми, кто стал жертвой его преступлений». Также и грехи отпускаются нам, когда Бог в мире с нами⁵.

Часто, вслед за Аристотелем, он подчеркивал верховенство закона над судом: «Как сказал Философ, лучше, когда все вопросы регулируются законом, а не оставляются на усмотрение судей, и это было сказано по трем причинам. Во-первых, проще найти несколько мудрых людей, которые способны составить правильные законы, чем найти многих людей, которые потребуются, чтобы быть судьями по каждому из судебных дел. Во-вторых, те, кто создают законы, долго размышляют над тем, как сделать закон, тогда как судебное решение должно быть вынесено по каждому делу, как только оно появится; кроме того, для человека проще увидеть правильное, приняв во внимание многие случаи, а не основываясь только на одном факте. В-третьих, законодатели судят абстрактно о будущих событиях, тогда как судьи судят о делах настоящих, к которым они пристрастны в силу любви, ненависти либо некоей корысти; поэтому их суждение искажается»⁶.

В продолжение этой темы Фома Аквинский указывает также на то, что, «поскольку живое чувство судейской справедливости заложено

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга вторая. Вопрос 60. Раздел 1.*

² Там же. Вопрос 58. Раздел 1.

³ Там же.

⁴ Там же. Книга первая. Вопрос 87. Раздел 3.

⁵ Там же. Вопрос 113. Раздел 2.

⁶ Там же. Книга вторая. Вопрос 60. Раздел 5.

не в каждом человеке и поскольку оно может быть испорчено, необходимо, насколько это возможно, чтобы закон указывал, как нужно судить, оставляя очень немногие вопросы на усмотрение людей»¹.

Да и сами судьи должны были судить в соответствии с писанным правом, в точности исполняя «букву» закона, поскольку «решение судьи — это как бы отдельный закон, примененный к определенному факту»².

Впрочем, в этом соотношении закона и правосудия были исключения. Прежде всего они касались тех несправедливых законов, которые «по своей природе всегда либо в основном противоречат естественному праву». В таких случаях, по убеждению Фомы Аквинского, «судебное решение должно выноситься не на основе «буквы» закона, а согласно справедливости, которую имел в виду законодатель, принимая закон»³.

Следующая основная тема исследований Фомы Аквинского — организация политической власти.

Обращаясь к ней, Фома Аквинский писал: «Как пастыри должны заботиться о благе стада, так и любые правители должны заботиться о благе подвластного им сообщества людей»⁴. Обосновывая эту мысль, он приводил следующие доводы: «Чем ближе человек к Богу, тем лучше становится его государство»⁵. Поэтому правитель должен заботиться о благой жизни сообщества, стараясь не только установить, но и сохранить и усовершенствовать ее. Сообразно с этим царь должен, во-первых, заботиться о назначении достойных людей и о преемственности на государственной службе; во-вторых, «своими законами и предписаниями устанавливая такие наказания и награды, которые удерживают подданных от греха и побуждают их к добродетелям»; в-третьих, позаботиться о том, чтобы его подданные могли отразить нападение внешних врагов»⁶.

В построении праведного государства необходимо было следовать заветам Моисея, который сумел создать из бывших рабов царство свободных людей.

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 95. Раздел 1.*

² Там же. Книга вторая. Вопрос 67. Раздел 1.

³ Там же. Вопрос 60. Раздел 5.

⁴ *Фома Аквинский. О правлении государей. Книга первая. Глава 1.*

⁵ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 98. Раздел 5.*

⁶ *Фома Аквинский. О правлении государей. Книга первая. Глава 15.*

Один из его заветов заключался в том, чтобы все принимали участие в управлении государством. Только такая форма правления, сочетающая в себе элементы монархии, аристократии и демократии, «обеспечивает мир в народе, приемлема для всех и является наиболее долговечной»¹.

Но в современном Фома Аквинскому мире таких форм правления не было. Устройство существовавших тогда государств казалось схоласту порочным. Поэтому из разных зол приходилось выбирать меньшее. По убеждению Фомы Аквинского, наименее порочным было монархическое устройство власти. Свой выбор он обосновывал так: «Один управляет лучше, чем многие, потому что они только приближаются к тому, чтобы быть единым целым»². «Единая сила более действенна в исполнении намеченного, чем рассеянная или разделенная»³.

Вместе с тем монархическая форма правления таила в себе много угроз. В частности, она легко вырождалась в тиранию. «Власть, предоставленная королю, — писал Фома Аквинский, — столь велика, что она легко деградирует в тиранию, если лицо, наделенное такой властью, не является очень добродетельным человеком; ведь только добродетельный человек может вести себя правильно во времена благоденствия... Сейчас совершенная добродетель встречается в немногих»⁴.

Возможно, поэтому его описание тирании было столь ярким и вместе с тем страшным: «Ведь когда тиран, попирая общее благо, ищет свое, он неизбежно будет разными способами мучить своих подданных, так как, обураваемый желанием обладать разными благами, подпадает под влияние разных страстей... Он притесняет подданных не только в том, что касается земных благ, но даже в том, что касается благ духовных, ибо те, кто более стремится быть первым, чем полезным, препятствуют любому успеху своих подданных, боясь, чтобы превосходящие качества последних не причинили ущерба их собственному неправому господству. Ведь тиран опасается порядочных людей более, чем дурных, и его всегда страшат чужие достоинства. Ибо упомянутые

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 105. Раздел 1.*

² *Фома Аквинский. О правлении государей. Книга первая. Глава 2.*

³ Там же. Глава 3.

⁴ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть вторая. Книга первая. Вопрос 105. Раздел 1.*

тираны стараются помешать тому из их подданных, кто, движимый добродетелью и величием духа, может прийти к намерению больше не терпеть их неправого господства. Они стремятся, чтобы между подданными не укреплялся союз дружбы, чтобы они, напротив, не радовались благам мира, поскольку они ничего не могут замышлять против его господства, пока один другому не доверяет»¹.

Таковыми тираны были в древности. Таковыми они будут всегда, если не изменить природу самой власти². В этих выводах философа отразился не только опыт его собственных изысканий, но и громкий призыв народного духа — второго великого источника романо-германского права.

Параграф второй. Влияние народного духа на формирование правового сознания

В своем развитии народный дух не был в застывшем, неизменном состоянии. Наиболее стремительно он формировался после реформ папы Григория VII, которые пробудили в народе чувство сопричастности к судьбам государства, церкви и христианства в целом. Именно с тех пор человек стал сознавать, что Творец создал его свободным, что он наделен неотъемлемыми правами и их никто не может отнять.

Это было начало новой эпохи борьбы человека за счастье, достоинство и новое право. И первыми в конце XII в. ее воспели трубадуры Прованса.

Так, Бернарт де Вентадорн писал:
«Людской не собьет меня суд!
Пред герцогским, графским гербом
Пустой преклоняется люд, —
Берусь королей превзойти,
Величье в любви обрести
(Да и богатства такого
Нет у эмира любого), —
Так славу воздам ей сполна!
С любовью начало берут
Все радости в мире людском,
И песня, и воинский труд.

¹ *Фома Аквинский. О правлении государей. Книга первая. Глава 3.*

² См. там же. Глава 6.

А в жизни любовь упусти,
 Всему тогда скажешь «прости».
 Власть Короля всеземного
 Сердце отринет без слова...»¹

Пробужденное самосознание требовало активного участия в преобразовании общественной жизни и в искоренении ее пороков. Эта тема все ярче проявляется в поэзии XII–XIII вв., о чем свидетельствует творчество великого миннезингера Германии Вальтера фон дер Фогельвейде:

«В стране у нас, куда ты ни пойдешь,
 Царят подонки, подлый сброд.
 Он всюду лезет, всех стрижет.
 Бесстыдство, ревность, алчность, ложь
 Везде готовы дать совет.
 Беда тому, кто власть не взял над ними...
 Я этому сословью враг
 И не скрываю неприязнь мою.
 Пускай бранят и так и сяк,
 На том стоял я и стою...»²

Обновление общества необходимо было начать с его фундамента — церкви. Не случайно примерно с конца XII в. в общественном сознании все более мощно звучат призывы к ограничению ее вмешательства в дела светской власти. Эту тему Фогельвейде раскрыл в следующих строках:

«Пора бы всем народам возопить в разладе:
 «О Господи, проснись в небесном вертограде!
 Извращены Твое творенье и глагол,
 Твою сокровищницу грабит произвол,
 Твой миротворец насаждает лишь раскол,
 Твой пастырь — хищный волк
 в твоём овечьем стаде...»³

Обличая пороки церкви, забывшей свое призвание и нравственный долг, Фогельвейде подчеркивал, что вслед за ней начинает разлагаться и общество:

¹ *Вентадорн Б. де.* Песни. М., 1979. С. 95.

² *Фогельвейде В. фон дер.* Стихотворения. М., 1986. С. 57–58.

³ Там же. С. 95.

«Не совратится сердце в этот век не может,
Когда безверие сам папа в мире множит,
Хоть спрашивается, уж папа ли не свят,
А посмотрите, что попы творят и говорят!
Когда-то преданы прообразу благому,
Теперь себя ведут и учат по-другому;
В загоне добродетель и рассудок здравый,
Как будто бы морочит нас лукавый;
Мы, глупые миряне, путь забыли правый...»¹

Наиболее полно вопросы государственного и правового развития были раскрыты великим Данте. Его внимание к этой теме не было случайным. По свидетельству Боккаччо, он учился в Болонском университете, где изучал право², и отчетливо видел многие пороки современного правопорядка.

«Несчастливая, несчастная моя Родина! — писал Данте. — Какое страдание к тебе сжимает мое сердце всякий раз, когда я читаю, когда я пишу что-либо относящееся к государственному управлению»³. Как человек, располагавший «наставлениями в области права», он считал своим долгом помочь в преобразовании Италии⁴.

Свои идеи он черпал в основном из Библии. Отмечая его религиозность, замечательный русский ученый А.К. Дживилегов писал: «Данте — верующий человек. Он верит всем своим существом: глубоко, искренне, трепетно. Для него Бог есть высшая сила, высший разум, высший свет. Без веры — нет счастья»⁵.

Эту оценку подтверждал и сам Данте:

«Я отвечаю: в Бога верю я,
Что движет небеса, единый, вечный,
Любовь и волю, недвижим, дая.
И в физике к той правде безупречной,
И в метафизике приходим мы,
И мне ее же с выси бесконечной
Льют Моисей, пророки и псалмы,

¹ Фогельвейде В. фон дер. Указ. соч. С. 97.

² См.: Боккаччо Дж. Жизнь Данте // Мир Данте: В 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 11.

³ Данте Алигьери. Пир // Мир Данте. Т. 2. С. 189.

⁴ Данте Алигьери. Монархия // Мир Данте. Т. 2. С. 227.

⁵ Дживилегов А.К. Данте Алигьери. Жизнь и творчество // Мир Данте. Т. 3. С. 207.

Евангелъе и то, что вы сложили,
 Когда вам дух воспламенил умы.
 И верю в три лица, что вечно были,
 Чья сущность столь едина и тройна,
 Что «суть» и «ость» они равно вместили.
 Глубь тайны Божьей, как она дана
 В моих словах, в мой разум пролитая,
 Евангельской печатью скреплена»¹.

Как глубоко верующий человек, он молился о том дне, когда «пре-емник предреченный»² «сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю...»³. Чтобы приблизить этот день, необходимо было не только объединить Италии, но и изменить природу монаршей власти. Так можно было исполнить завет пророка Исаии — приготовить путь Господу⁴.

И, расчищая путь Господу, Данте призывал: «Не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а, наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа»⁵.

Основу обновленной монархии должны были составить пять принципов: справедливости, свободы, разума, разделения светской и духовной властей и верховенства права.

«Мир, — писал Данте, — лучше всего устроен, если высшую силу в нем имеет справедливость... Справедливость имеет в мире высшую силу тогда, когда она свойственна тому, кто обладает высшей волей и властью»⁶.

Для этой власти был только один предел — свобода народа. Только она ограничивала власть монарха: «Живущий под властью монарха наиболее свободен... Человеческий род под властью единого монарха существует ради себя, а не ради другого»⁷.

«Человеческий род, — продолжал Данте, — оказывается в наилучшем состоянии, когда он совершенно свободен»⁸.

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песня 24. 130–144. Здесь и далее перевод М. Лозинского.

² Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песня 33. 37.

³ Псалтирь. Псалом 71. Стихи 6–12.

⁴ См.: Исаия. Глава 10. Стих 3.

⁵ Данте Алигьери. Монархия. С. 235.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Там же. С. 235.

Следуя принципу свободы, можно было исправить «извращенные государственные системы» — демократию, олигархию и тиранию, которые «поработили» человеческий род¹.

Третья составляющая обновленной монархии — разум. Данте призывал: «Пусть философский авторитет сочетается с императорским для доброго и совершенного правления»². В этом он следовал библейским заветам, в частности тому, что гласит Книга премудрости Соломона: «Итак, властители народов, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почитите премудрость, чтобы вам царствовать вовеки»³.

Просвещенный монарх, как «единый кормчий», должен был делать все «для совершенства вселенского союза человеческого рода»⁴ и вместе с тем не иметь ничего, «что он мог бы желать»⁵.

В обновленной монархии светская власть была отделена от духовной, а духовная власть лишена мирских благ. Только так можно было избежать столкновений между ними и не повторить печальный опыт борьбы императора и римского папы.

«Рим, давший миру наилучший строй,
Имел два солнца, так что видно было,
Где Божий путь лежит и где мирской.
Потом одно другое погасило;
Меч слился с посохом, и вышло так,
Что это их, конечно, развратило
И что взаимный страх у них иссяк.
Взгляни на колос, чтоб не сомневаться;
По семени распознается злак...
Не видишь ты, что церковь, взяв обузу
Мирских забот, под бременем двух дел
Упала в грязь, на срам себе и грузу»⁶.

Данте часто обращался к идее права. «Всякий, кто имеет в виду благо республики, — писал он, — имеет в виду цель права»⁷.

¹ Данте Алигьери. Монархия. С. 235.

² Данте Алигьери. Пир. С. 149.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Данте Алигьери. Монархия. С. 234.

⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песня 16. 106—114; 127—129.

⁷ Данте Алигьери. Монархия. С. 245.

Цель права достигалась посредством справедливых законов. Раскрывая суть законов, он отмечал, что если они не направлены ко благу тех, кто находится под их защитой, то они являются законами «лишь по имени, на деле же таковыми быть не могут. Ведь законам надлежит связывать людей друг с другом ради общей пользы»¹.

Право должно было скрепить и основы будущей всемирной монархии. «Империя, — подчеркивал Данте, — есть правовое установление, охватывающее всю область светского права»².

Данте призывал соблюдать «честность перед законом»³.

Это предполагало требовательное и вместе с тем бережное отношение к нему. В частности, он писал: «То, что может быть определено законом, никоим образом не следует предоставлять усмотрению судьи, и это нужно делать из опасения алчности, легко совращающей умы человеческие»⁴.

Вместе с тем он подчеркивал, что жизнь законов зависит не только от их содержания, но и от тех, кто их применяет.

«Законы есть,

Но кто же им защита?

Никто; ваш пастырь жвачку хоть жует,

Но не раздвоены его копыта;

И паства, видя, что вожатый льнет

К благам, будящим в ней самой влечение,

Ест, что и он, и лучшего не ждет.

Ты видишь, что дурное управленье

Виной тому, что мир такой плохой,

А не природы вашей извращенье»⁵.

Исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь можно было только верой в Христа. Она учила видеть «не цвет, а свет»⁶, проникать в суть тех явлений бытия, которые лежали в основе мироздания. Об этом Данте рассказывал так:

«Разум, данный каждому из вас,

В смысл вечной справедливости вникая,

¹ Данте Алигьери. Монархия. С. 245.

² Там же. С. 266.

³ Данте Алигьери. Пир. С. 188.

⁴ Данте Алигьери. Монархия. С. 234.

⁵ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песня 16. 58—105.

⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песня 10. 42.

Есть как бы в море устремленный глаз:
Он видит дно, с побережия взирая,
А над пучиной тщетно мечет взгляд;
Меж тем дно есть, но застит глубь морская.
Свет — только тот, который восприят
От вечной Ясности; а все иное —
Мрак, мгла телесная, телесный яд.
Отныне правосудие живое
Тебе раскрыл я и вопрос пресек,
Не оставлявший мысль твою в покое»¹.

Данте верил в возможность создания на земле мира «вечной справедливости» по образу Царства Небесного. Но для этого необходимо было искоренить пороки, рожденные людьми. И это было самой сложной задачей:

««Теперь уже никто
Добра не носит и личину:
Зло и внутри и сверху разлито.
Но укажи мне, где искать причину:
Внизу иль в небесах? Когда пойму,
Я и другим поведать не премину».
Он издал вздох, замерший в скорбном «У!»,
И начал так, в своей о нас заботе:
«Брат, мир — слепец, и ты сродни ему,
Вы для всего причиной признаете
Одно лишь небо,
Словно все дела
Оно вершит в своем круговороте.
Будь это так, то в вас бы не была
Свободной воля, правды бы не стало
В награду за добро, в отмщенье зла.
Влечения от небес берут начало, —
Не все; но скажем даже — все сполна, —
Вам дан же свет, чтоб воля различала
Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То, с доброй пищей, победить должна.

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песня 19. 58–69.

Вы лучшей власти, вольные, подвластны
И высшей силе, влившей разум в вас;
А небеса к тому и непричастны.
И если мир шатается сейчас,
Причиной — вы...»¹

Иными словами, основная преграда для создания мира вечной справедливости — каждый человек с его пороками, столь ярко описанными Данте в одном из величайших творений человеческого духа — «Божественной комедии».

К вопросам государства и права, порокам общественного устройства обращались не только «властители умов», но и неизвестные авторы сказаний, песен, поучений и новелл.

Так, «Книга новелл и изящных благородных речений» (народная книга Италии начала XIV в.) подчеркивала, что государство существует долго только тогда, когда его подданные живут праведно, не поступаются справедливостью и подчиняются законам государства, когда правители не возводят свою волю в закон².

Примечательны следующие строки «Сборника народных преданий о Тиле Уленшпигеле» (впервые издан в Германии в 1478 г): «Высокие господа, папы, кардиналы, епископы, император, короли, князья, советники, правители, судьи во всех городах и весях (спаси их Господь!) в нынешнее время смотрят сквозь пальцы на то, что законно или незаконно, и это порой зависит от денежных даяний. А вот о прежних временах пишут, что господа и князья, сколько их было, все имели обыкновение изучать право и читать юридические книги, вот почему в ту пору и не случалось никакого беззакония»³.

Литература Средневековья формировала новый духовный мир, который в свою очередь воздействовал на право.

Механизм этого явления на примере народных книг раскрыл Ф. Энгельс: «Народная книга призвана развлечь крестьянина, когда он, утомленный, возвращается вечером со своей тяжелой работы, позабавить его, оживить, заставить его позабыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она призвана обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак измученного

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. Песня 16. 58—83.

² См.: Новеллино. М., 1984. С. 133—134.

³ Прекрасная Магелона. Фортунат. Тиль Уленшпигель. М., 1986. С. 223.

ученика в мир поэзии, в золотой дворец, а его дюжую красотку представить в виде прекрасной принцессы; но она также призвана, наряду с Библией, прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству»¹.

Новое правосознание проявлялось преимущественно в форме обычаев — основного источника средневекового права, которые отражали уровень духовного и художественного развития наций. Поэтому в них так часто звучали поэтические строки. Так, в Собрание обычаев земли фризов (XII в.) была включена следующая норма: «Все жители Фризии, рожденные и еще не рожденные, будут полностью свободными пока ветер дует с небес и кричит ребенок, трава зеленеет и цветы цветут, пока солнце встает и земля стоит»².

Законы в Средние века принимались редко. Их роль повышается только в эпоху Возрождения. Обращаясь к этой теме, М. Блок писал: «Повсюду судьба юридического наследия зависела от одного авторитета — обычая, единственного в то время живого источника права, и государи, издавая законы, старались каждый по-своему его толковать»³.

И только со второй половины XIII в. роль письменных источников права повышается во многом под влиянием классического римского права. Наиболее яркими актами нового права стали уставы (хартии) городов и провинций, в которых были закреплены права, дарованные королевской властью либо завоеванные ими в борьбе за свободу.

Об одном из них — новых Законах Флоренции 1292 г. — летописец Дж. Виллани рассказывал: «Для их исполнения и охраны было решено кроме шести приоров, управляющих городом, назначать по очереди от каждой сестеры раз в два месяца, как и приоров, гонфалоньера правосудия, чего ранее никогда не было. Знамя справедливости вручалось в церкви Сан Пьеро Скераджо, куда по звону набата собирался народ... Еще по сестерам избрали тысячу горожан, которые имели своих знаменосцев от отдельных кварталов, на каждое знамя приходилось по пятьдесят пехотинцев. Все они должны были иметь оружие,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 344.

² I-Friesland. The Story of the Past // <http://www.i-friesland.com/history.html>.

³ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 115.

щиты и латы с гербом в виде креста и в случае беспорядков по команде гонфалоньера собираться ко дворцу приоров, чтобы выступить против грандов. Позднее число выборных пехотинцев дошло до двух, а впоследствии до четырех тысяч»¹.

Именно в это время складываются обычаи торгового оборота, принимаются акты, регулирующие земельные отношения, правовой статус сословий и цеховых образований.

Во многом они формировались под влиянием римского права, возрожденного усилиями ученых-правоведов Италии и Франции, Испании и Португалии, Германии и Австрии.

Параграф третий. Рецепция римского права

Третий источник романо-германского права, который отражен в самом его названии, — римское право. После падения Римской империи ее судьбу должно было разделить и римское право. Но в нем было столько жизненных сил, что даже после смерти империи оно продолжало существовать, влияя на многие законодательные акты государств, созданных на ее руинах. Первыми в конце V — начале VI в. были эдикты остготских королей — римский закон бургундов (*Lex Romana Burgundionum*) и Бревиарий или краткий римский закон Алариха II (*Breviarium Alaricianum*).

Наибольший интерес вызывает закон Алариха, принятый в 506 г. и регулировавший жизнь римского населения Франции и Испании. По сути это была первая систематизация римского права, совершенная за тридцать лет до кодификации Юстиниана и немногим уступавшая ей.

Сопоставляя эти два документа, блестящий русский историк права П.Г. Виноградов отмечал, что оба они распадаются на одни и те же три основных подразделения: институции, общее право (*jus*) и законоположения (*leges*). «Первая часть заключает в себе вводное обозрение для начинающих; вторая — правовые доктрины, сформированные авторитетами юриспруденции, и третья — указы последних императоров»². Но в отличие от кодификации Юстиниана положения Бревиария были переработаны, чтобы он служил «чисто практическим, а не ученым целям»³.

¹ Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997. С. 223.

² Виноградов П.Г. Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 7.

³ Там же. С. 7.

Последующие светские кодификации римского права шли в основном по линии многочисленных сокращений и искажений первоначальных норм. В результате они стали уступать многим варварским правдам (в частности, *Lex Romana Curiensis* конца VIII в.). Более совершенными были церковные кодификации, например Римский канонический закон IX в. (*Lex Romana canonice compta*).

Возрождение классического римского права начинается только в конце XI в., когда в Равенне, Болонье, Провансе, Ломбардии, а вслед за тем во Франции, Испании, Германии приступают к систематическому изучению Кодекса Юстиниана¹.

Существует много легенд об обретении чудом сохранившихся копий этого акта. Но в них мало правды. Скорее всего они просто пылились на полках монастырей и городских архивов, пока их не вернул к жизни призыв папы Григория VII к обновлению всех устоев государственной и общественной жизни.

Возрождению римского права способствовало многое. В условиях раскола христианского мира оно стало символом утраченного единства. Как отмечал Рене Давид, это было право «блестящей цивилизации, простиравшейся от Средиземного моря до Северного, от Византии до Бретани, вызывавшей в душе современников похожее на ностальгию чувство единства, утраченного христианским миром»².

В нем видели воплощение разума, давно ставшего редкостью в условиях интеллектуального и нравственного оскудения средневекового общества.

Оно давало ответы на многие вопросы, которые оставались неразрешенными на протяжении многих веков, — о природе и организации королевской власти, о роли и полномочиях аппарата управления, о правах и обязательствах сторон в сложных правовых отношениях.

При этом римское право отличалось большой гибкостью. Оно, как отмечал Ф. Савиньи, было всегда готово к обновлению форм конституционного устройства и правовых решений³.

¹ Кодекс Юстиниана был создан в период с 529 по 534 г. и включал три части: собственно Кодекс, содержащий указы римских императоров, «Дигесты» (или «Пандекты»), в которых содержались цитаты и отрывки из произведений римских юристов, и «Институции» — краткий учебник по праву. Четвертая часть — «Новеллы», — включавшая новые указы византийских императоров, появилась позднее. Все части Кодекса имели силу закона.

² Давид Р. Указ. соч. С. 56.

³ Savigny F. von. Op. cit. P. 48.

Восприятию римского права способствовало также то, что его язык — латынь — не был утрачен, но стал языком Римской католической церкви, а также средством научного и международного общения.

Важно также подчеркнуть, что Кодекс Юстиниана был документом не языческого, а христианского права. В его текст были инкорпорированы нормы, не противоречившие христианским канонам. Он получил благословение церкви и был введен в действие главой христианской и, что важно подчеркнуть, единой империи.

Определенное значение имело еще одно обстоятельство, отмеченное профессором А.Х. Саидовым: «Когда в средневековой Европе господствовало натуральное хозяйство, а производство для рынка и торговля не имели широкого распространения, не было нужды и в римском праве. Но как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право. Римское право — классическое выражение жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует частная собственность. Именно это обусловило возможность приспособления римского права к развивающимся в недрах средневековой Европы товарно-денежным отношениям»¹.

Суммируя, можно отметить, что никакой иной законодательный акт прошлого не соответствовал задачам общественного и политического обновления так, как Кодекс Юстиниана. Поэтому не случайно именно он стал предметом столь широкого и тщательного изучения во многих университетах Западной Европы.

Вместе с тем увлечение римским правом имело не только позитивное, но и негативное значение. Римское право освящало институт крепостной зависимости (аналога института колонов), ввело усложненные процессуальные формы и, что самое главное, оно стало практически недоступным для восприятия большей частью населения, не знавшей ни латыни, ни усложненных древнеримских правовых норм. Не случайно на протяжении многих веков оно вызывало яростные возражения со стороны не только простых людей, но и многих юристов.

Первых ученых, изучавших римское право, называли глоссаторами (от греческого слова *glossa* — «язык»). Первоначально это слово обозна-

¹ Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2007. С. 250.

чало объяснение незнакомых слов. Позже оно стало использоваться в более широком контексте комментирования текстов. Основателем школы глоссаторов в 1084 г. стал Ирнерий, профессор Болонского университета.

Первые комментарии глоссаторов были написаны на полях либо между строк старинных рукописей, содержавших фрагменты римского права. В дальнейшем они стали публиковаться в отдельных изданиях. Наиболее известной стала работа флорентийца профессора Болонского университета Аккурсия, в которую вошло около 96 тысяч глосс (издана примерно в 1230 г.)¹.

Появляются научные трактаты по римскому праву. Одним из первых стал трактат «Извлечения Петра» (*Exceptiones Petri*), созданный во второй половине XI в. на юге Франции – в Провансе с целью разъяснения сложных вопросов права. Эта цель в прологе к трактату была сформулирована следующим образом: «Так как даже наиболее сведущим в знании права ученым невозможно прийти к определенному заключению относительно многих и различных видов казусов по причине всякого рода сомнительных случаев, то да позволено будет нам выяснить результаты юридических решений и контроверс путем исследования сущности естественного и гражданского права»².

В Болонье было составлено несколько учебников, в которых содержалось не только толкование норм римского права, но и достаточно целостное изложение общих принципов права. Так, автор учебника *Summa Trecensis* («Тройская сумма знаний») указывал, что законы должны толковаться гуманно, таким образом, чтобы был сохранен их общий смысл и вместе с тем чтобы они не расходились со справедливостью; что предписания закона должны исполняться лишь тогда, когда они совпадают с требованиями справедливости³.

Мощные центры правовой науки сформировались в Ломбардии, в частности в Павии, а также в Равенне, долгое время конкурировавшей с Болоньей.

В XIV в. на смену глоссаторам приходит новая школа постглоссаторов, которая первоначально сложилась в Монпелье, Орлеане и на юго-востоке Франции, а впоследствии укоренилась в Париже.

¹ См.: Давид Р. Указ. соч. С. 57.

² Цит. по: Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 24.

³ См. там же. С. 39.

Она ставила задачу практического применения вновь обретенного римского права.

Первым наиболее значимым научным трудом стал трактат «Кодекс» (*Lo Codi*), появившийся в Провансе примерно в середине XII в. и служивший пособием для судей. Тем же целям служила составленная в Орлеане (примерно в 1260 г.) и основанная главным образом на римских источниках «Книга правосудия и тяжб» (*Le livre de justice et de plaid*).

Нормы римского права сохранялись и во многих кутюмах (обычаях), действовавших в разных частях Франции, о чем свидетельствуют такие компиляции обычаев, как Ордонансы Людовика Святого (*Etablissement de Saint Louis*) и Кутюмы Бовези (*Coutume de Beauvaisis*), написанные великим юристом Франции Бомануаром. Наиболее глубоко римское право повлияло на решение общих вопросов охраны прав и процессуальных форм ее осуществления.

Вопреки устоявшемуся мнению следует подчеркнуть, что итальянская правовая школа сохраняла ведущие позиции в движении постглоссаторов. Так, Бартол (1313–1357), самый известный из постглоссаторов, чьи комментарии к Кодексу Юстиниана (*Corpus Jirus Civilis*) были признаны доктринальным источником не только в Италии, но и во многих других государствах¹, работал и преподавал только в итальянских университетах — в Болонье, Перудже и Пизе. Представителем итальянской школы был и другой великий постглоссатор, ученик Бартола, — Бальдус (1327–1400), читавший лекции в Перудже, Болонье, Пизе, Флоренции, Падуе и Павии и написавший много классических работ, в частности комментарии к Собранию законов о феодах (*Libri Feudorum*).

Западноевропейские и прежде всего итальянские университеты сыграли огромную роль в развитии права. По некоторым оценкам, только в одном Болонском университете право одновременно изучали до 10 тысяч человек не только из разных городов Италии, но и из многих государств и княжеств Западной Европы — Франции, Германии, Англии, Испании, Фландрии и др.²

¹ В частности, в статутах 1427 и 1433 гг. Испании и в Статуте 1446 г. Португалии было установлено, что мнения Бартола считаются обязательным доктринальным толкованием в тех случаях, когда молчат источники римского права и комментарии Аккурсия.

² См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 160.

Обращаясь к этой теме, Г. Берман писал: «Воспитанные в духе новой юридической науки, новые поколения университетских выпускников поступали на службу в канцелярии и другие учреждения возникавших в то время церковных и светских политий и становились советниками, судьями, адвокатами, администраторами, составителями проектов законов. Они прилагали свои знания для того, чтобы придать стройность и связность растущему множеству правовых норм, помогая таким образом вылепить новые правовые системы из материала старых правовых порядков, которые прежде были почти совершенно растворены в общественном обычае и политических и религиозных институтах»¹.

Следует также подчеркнуть, что именно университеты закладывали фундамент будущего единства романо-германского сообщества права. Право преподавалось там «как четко очерченный и систематизированный свод знаний», как наука, в которой юридические решения и законодательные акты изучались и объяснялись с точки зрения принципов и истин, общих для всей системы в целом².

Раскрывая значение римского права, великий немецкий ученый Р. Иеринг писал: «Три раза Рим диктовал миру законы, три раза приводил народы к единству: в первый раз, когда римский народ был еще в полной своей силе, — к единству государства; во второй раз после того, как этот народ уже исчез, — к единству церкви; в третий раз вследствие усвоения римского права в Средние века — к единству права; в первый раз — внешним принуждением — силою оружия, два других раза — силою духа»³.

И дело было не только в заимствовании каких-либо отдельных норм, хотя оно, конечно, имело широкое распространение. Значительно более существенным было то, что римское право «произвело полный внутренний переворот, преобразовало все... юридическое мышление»⁴.

Наиболее глубокий след оно оставило в сфере частного права, в основу которого была положена идея о том, что «индивидуальное право не обязано своим существованием государству, но существу-

¹ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. С. 124.

² См. там же.

³ Иеринг Р. Значение римского права для нового мира. СПб., 1875. С. 3; Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 1.

⁴ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. С. 4.

ет в силу своего собственного полномочия, несет свое оправдание в самом себе»¹.

В дальнейшем эта идея послужила основой для деления романо-германского права на частное и публичное.

Столь же глубоким было воздействие юридической техники. По словам Иеринга, это был тот крепкий, несокрушимый фундамент, на котором было возведено «образцовое произведение юридического искусства, подобного которому мир не знает, здание такой законченности и крепости, что почти тысячу лет спустя чужие народы снова отворяют его запертые двери, чтобы там устроить свои аудитории и судилища»².

Конечно, необходимо сделать оговорку. Рецепция римского права не была тотальной либо повсеместной. Она осуществлялась с переменным успехом и с разной степенью полноты: более широко в Италии, Испании, в южных провинциях Франции и менее глубоко в центральных и северных частях Европы – в Германии, Австрии, Фландрии. Многое зависело от уровня развития национального или местного права. Обращаясь к этой теме, П.Г. Виноградов писал: «Там, где, как в саксонских землях, крайнему партикуляризму и неопределенности юридических норм было оказано национальное противодействие, германское право показало себя способным развиваться самостоятельно»³.

При этом отметим, что в Германии рецепция римского права не была продолжительной. Она началась в конце XV в. и уже через несколько десятилетий была прервана Реформацией, одним из лозунгов которой был отказ от римского права. В частности, был выдвинуто требование: «Все доктора права должны быть устранены, и правосудие должно твориться по закону Моисея, потому что не годится людям пользоваться лучшим законом, чем тот, который возведен Богом»⁴. В дальнейшем рецепцию римского права сдерживали те обычаи, которые сложились в немецких землях и которые к концу XVIII в. нашли мощную поддержку со стороны исторической школы права.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. С. 70.

² Там же. С. 72.

³ Виноградов П.Г. Указ. соч. С. 82.

Речь, в частности, идет о таком великом памятнике законотворчества, как Саксонское зеркало.

⁴ Там же. С. 93.

Рецепция римского права сдерживалась и более глубинными процессами. С конца XVI в. в Центральной и Южной Европе наступило время застоя, природу которого на примере поэтического искусства блистательно раскрыл Й. Хейзинга: «Мы видим всеобщее бессилие сочинить что-либо новое; происходит лишь обработка, модернизация старого материала. Наступает передышка в мышлении; творческий дух завершил построение здания Средневековья и еле ворочается от усталости. Повсюду запустение и увядание. Люди взирают на мир в отчаянии, все движется вспять, душу гнетут уныние и тревога»¹.

Но это было только затишье перед великими революциями, в огне которых родилось новое право.

Параграф четвертый. Революционное правотворчество

Век великих преобразований, который начался с Реформации в Германии, Голландии и Англии, едва не разрушил систему романо-германского права.

Самой заметной потерей стало отделение системы общего права, которое стало развиваться в Англии и в подвластных ей владениях в рамках другой правовой традиции.

Дальнейший раскол романо-германской традиции права был предопределен еще более мощным революционным взрывом — Великой французской революцией.

Вряд ли уместен какой-либо подробный обзор предпосылок изменения общественного сознания, подготовивших коренные перемены в общественном и государственном устройстве Франции. Нет необходимости и в подробном изложении истории революционного законодательства, сложной, переменчивой, полной драматических страниц. Это предмет отдельной темы. Поэтому обратимся непосредственно к тем актам, которые определили дальнейшее развитие романо-германской традиции права.

Первой в их ряду стоит Декларация прав человека и гражданина. Она была принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г. на основе проекта аббата Э. Сийеса. Это был документ удивительной энергии, в котором явственно проступали черты нового права — и по содержанию, и по форме изложения норм.

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 329.

Было бы неправильно пересказывать содержание Декларации прав человека и гражданина. Любое изложение ее текста не даст возможности ощутить то вдохновение, которое придало ей особую силу. Поэтому лучше, если читатель сам вдумчиво ее прочтет и прислушается к звучанию ее ритмичных и чеканных строк:

«Представители Французского Народа, образовав Национальное Собрание и полагая, что невежество, забвение прав Человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности Правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права Человека...

Статья 1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия не могут устанавливаться, если они не служат общей пользе.

Статья 2. Цель любого политического союза заключается в сохранении естественных и неотъемлемых прав Человека. Это права на свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Статья 3. Единый Суверенитет в своей основе принадлежит Нации. Ни одно учреждение, ни одно лицо не могут осуществлять власть, на которую они не уполномочены в ясно выраженной форме.

Статья 4. Свобода состоит в возможности делать все, что не причиняет вреда другому. Естественное осуществление прав каждого человека должно быть ограничено лишь теми пределами, которые гарантируют другим Членам Общества пользование теми же правами. Указанные пределы не могут устанавливаться иначе, как Законом.

Статья 5. Закон не имеет права запрещать действия, которые не причиняют вреда Обществу. Все, что не запрещено Законом, то дозволено, и никто не может быть принужден делать то, что не предписано Законом.

Статья 6. Закон есть выражение общей воли, все Граждане имеют право участвовать непосредственно либо через своих Представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, и в тех случаях, когда он охраняет, и в тех случаях, когда он карает. Все Граждане, поскольку они равны перед лицом Закона, имеют равные основания быть допущенными к любым общественным постам, должностям и профессиям в соответствии с их способностями и без каких-либо

иных отличий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и талантами.

Статья 7. Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, установленных Законом, и в том порядке, который предусмотрен в нем. Тот, кто испрашивает, отдает, исполняет или заставляет исполнять основанные на произволе приказы, подлежит наказанию; но каждый гражданин, вызванный или задержанный в силу закона, должен беспрекословно повиноваться; он несет ответственность за оказанное им сопротивление.

Статья 8. Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу Закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и примененного законным образом.

Статья 9. Каждый человек считается невиновным, пока его вина не будет установлена; поэтому если арест признается неизбежным, любые излишне суровые меры, которые не являются необходимыми для задержания лица, должны строжайше пресекаться Законом.

Статья 10. Ни одно лицо не должно притесняться за его убеждения, в том числе религиозные, если способ их выражения не нарушает общественный порядок, установленный Законом.

Статья 11. Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав Человека; каждый Гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая только за злоупотребления этой свободой в случаях, предусмотренных Законом.

Статья 12. Права Человека и Гражданина гарантируются при необходимости силой государственной власти; она создается в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13. Для содержания государственной власти и для расходов на управление необходимы общественные сборы; они должны равномерно распределяться между всеми гражданами в соответствии с их возможностями.

Статья 14. Все Граждане имеют право сами или через своих представителей определять необходимость государственных налогов, добровольно соглашаться на их взимание, следить за их расходованием, определять их долевого размер, основание, порядок и продолжительность взыскания.

Статья 15. Общество имеет право требовать от любого Должностного лица отчета о его управлении.

Статья 16. Общество, где не гарантируются Права и где нет разделения Властей, не имеет Конституции.

Статья 17. Собственность, поскольку право на нее является неприкосновенным и священным, не может быть ни у кого изъята, если только того не требует общественная необходимость, законным образом установленная и доказанная, при этом собственность может быть изъята только при условии справедливого и предварительного возмещения ее стоимости»¹.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г. стала одним из величайших памятников права. Один из депутатов Учредительного собрания Дюпор пророчески сказал, что она будет служить «образцом для всех людей и всех наций»².

Действительно, Декларация прав человека и гражданина имела огромное значение. Она произвела неизгладимое впечатление на современников. В ней видели истинное воплощение разума; откровение, ниспосланное свыше; плод подлинных античных добродетелей. Даже Талейран с его циничным, холодно-расчетливым умом подчеркивал ее значение как «теории равенства»³.

Декларация прав человека и гражданина громовым раскатом отозвалась по всей Европе, сотрясая устои феодального общества и основы абсолютистской монархической власти. Под ее прямым воздействием разрабатывались новые декларации прав и конституционные акты. При этом заимствовались не только отдельные ее принципы и нормы, но и возвышенно-поэтическая форма их изложения.

Собственно в этом органическом единстве формы и содержания и была заключена тайна ее столь мощного воздействия на конституционное развитие Франции и многих других государств. Это же свойство объясняет сохранение ее жизненной силы. Она не была погребена в «лавке древностей» права. Ее юридическое значение

¹ При работе над текстом Декларации автором были использованы предшествующие переводы, изданные в следующих книгах: Тексты Конституций. Сборник первый / Пер. Ф.Ф. Кокошкина. М., 1905. С. 27–29; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. М., 1957. С. 250–252; Французская республика: Конституция и законодательные акты / Сост. В.В. Маклаков, В.Л. Энтин; Под ред. В.А. Туманова. М., 1989. С. 26–29.

² Цит. по: Манфред А.З. Великая Французская революция. М., 1983. С. 77.

³ Талейран. Мемуары. М., 1959. С. 126.

сохраняется и в наши дни, что подтверждает преамбула ныне действующей Конституции Франции 1959 г.:

«Французский народ торжественно провозглашает свою приверженность Правам Человека и принципам национального суверенитета, как они были определены Декларацией 1789 г., подтвержденной и дополненной преамбулой Конституции 1946 г.»¹.

Первая Конституция Франции 1791 г. разрабатывалась в течение трех лет. Это был большой по объему и сложный документ, который отразил различные подходы не только к закреплению форм политической власти, но и к оформлению конституционных норм.

Основная цель Конституции 1791 г. заключалась в полной ликвидации устоев феодального строя. И именно этому вопросу были посвящены наполненные страстью ритмичные строки ее преамбулы:

«Национальное Собрание... отменяет бесповоротно установления, причинявшие ущерб свободе и равенству прав.

Нет более ни дворянства, ни пэрства, ни наследственных, ни сословных отличий, ни феодального порядка, ни вотчинной юстиции, никаких титулов, званий и преимуществ, проистекающих из этого порядка, никаких рыцарских орденов, ни корпораций или знаков отличия, для которых требовалось доказательство дворянства или благородства происхождения, и никаких иных преимуществ, кроме отличий, присвоенных общественным должностным лицам при исполнении их обязанностей.

Не существует более ни продажи, ни наследственности каких-либо государственных должностей. Ни для какой части нации, ни для одного лица не существует более никаких особых преимуществ или изъятий из права, общего для всех французов.

Не существует более ни сословных цеховых управ, ни профессиональных, художественных или ремесленных корпораций.

Закон не признает более ни религиозных обетов, ни каких-либо иных обязательств, противоречащих естественным правам или Конституции»².

Впервые в истории Конституцией Франции 1791 г. были закреплены обязательства государства перед обществом: «Будет учреждено

¹ Цит. по: Французская республика: Конституция и законодательные акты. С. 30.

² Тексты Конституций. Сборник первый. С. 30; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 252.

главное управление общественного призрения для воспитания брошенных детей, для облегчения участи неимущих убогих и для приискания работы тем здоровым неимущим, которые окажутся безработными. Будет создано и устроено Общественное Образование, общее для всех граждан, бесплатное в части, необходимой для всех людей; соответствующие учреждения будут распределены по степеням сообразно административному делению Королевства.

Будут установлены национальные празднества в ознаменование памяти французской Революции для поддержания братства между гражданами, преданности Конституции, Отечеству и Законам.

Будет издан кодекс гражданских законов, общих для всего Королевства» (разд. 1)¹.

Конституция гарантировала такие гражданские права, как свобода передвижения, свобода слова и печати, свобода вероисповедания, свобода собраний, право обращаться к органам власти с петициями (разд. 1).

Особое значение имели нормы о суверенитете нации: «Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем. Ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление» (ст. 1 разд. 3). «Во Франции нет власти, стоящей над Законом. Король царствует лишь в силу Закона, и лишь именем Закона он может требовать повиновения» (ст. 3 отд. 1 гл. 2)².

Конституция 1791 г. просуществовала менее двух лет. Столь краткий срок ее жизни был предопределен многими обстоятельствами — прежде всего неустойчивостью общественных отношений. Это было время перехода Франции от монархической к республиканской форме правления. Кроме того, практика выявила пороки конституционной регламентации: многие нормы имели частное значение либо отличались излишней детализированностью.

Но едва ли не главный порок Конституции 1791 г. заключался в отсутствии меры. В ней не было разделения властей, как того требовала Декларация прав человека и гражданина. Обращаясь к этой теме, Г. Еллинек отмечал: «В Конституции законодательная власть поставлена так, что исполнительная власть ей совершенно подчи-

¹ Тексты Конституций. Сборник первый. С. 31–32; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 253.

² Тексты Конституций. Сборник первый. С. 30–31, 34, 41; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 252–253, 255, 261.

нена и не может помимо нее совершить ни одного более или менее значительного акта. Далее, законодательный орган состоит из одной палаты; всякий элемент, который может играть сдерживающую роль, отвергнут. Таким образом, в действительности в этой Конституции победу торжествует неограниченный суверенитет парламента, но не английского типа... что содействует победе анархии и ниспровержению конституционного порядка»¹.

К тем недостаткам, которые отметил Г. Еллинек, можно добавить многие другие. Прежде всего обращает на себя внимание ограничение судебной власти. Из юрисдикции судов были изъяты те дела, которые касались деятельности государственных органов. Им было запрещено, в частности, вмешиваться в осуществление законодательной власти, приостанавливать применение законов, вторгаться в круг деятельности органов управления, вызывать должностных лиц для объяснений по поводу их деятельности и т.д. (ст. 3 гл. 5)².

Вместе с тем при всех недостатках и столь краткой жизни Конституция 1791 г. оставила заметный след в истории конституционного развития. Многие ее положения были восприняты в последующих основных законах Франции времен Якобинской диктатуры (1793 г.), Директории (1795 г.) и Консульства (1799 г.).

Не менее широко ее принципы и нормы использовались в конституциях других стран с монархической формой правления — Испании (1812 г.), Норвегии (1814 г.), Португалии (1822 г.), Бельгии (1831 г.), ряда других государств.

Впрочем, вскоре Конституция 1791 г., как и многие другие акты Великой французской революции, оказалась в тени другого великого акта — Гражданского кодекса 1804 г., о котором Наполеон говорил так: «Моя истинная слава не в том, что я выиграл сорок сражений. Ватерлоо сотрет память о многих моих победах. Но что нельзя стереть и что будет жить вечно, это мой Гражданский кодекс»³.

В этой оценке Наполеон не ошибся.

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 347.

² См.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII—XIX вв. С. 275.

³ Цит. по: История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 123; *De Las Cases E. Mémorial de Sainte Hélène: Journal of the private life and conversations of the Emperor Napoleon at Saint Helena* // <http://www.napoleon-series.org/research/cases>.

Решение о разработке Гражданского кодекса он принял 12 августа 1800 г., создав комиссию для формирования свода гражданского законодательства. В ее состав вошли крупнейшие правоведы того времени: Жан Порталис, Франсуа Троншэ, Феликс Биго де Преаменэ и Жак Маллевиль. Столь малочисленный состав комиссии объяснялся одним фактом. Наполеон, как отмечал советский историк Е. Тарле, «терпеть не мог больших комиссий, длинных речей, многочисленных заседаний»¹. Они, по его мнению, были не способны решить в кратчайшие сроки поставленные им задачи². А задача реформирования гражданского законодательства Франции была невероятно сложна.

В пределах Франции действовали разные системы права: на юге — писаное право, основанное на римском праве, на севере — обычное право. Их основу составляли разнообразные кутюмы (обычаи) Парижа, Нормандии, Орлеана, Бордо, иных городов и провинций. Королевские ордонансы только отчасти смягчали существовавшие между ними различия. Не случайно Вольтер однажды заметил, что во время путешествий по Франции системы права меняются при каждой смене лошадей.

Таким образом, первой задачей было обеспечение общего правового пространства. Эту задачу авторы Гражданского кодекса решали, используя разные источники: Кодекс Юстиниана, местные кутюмы, королевские ордонансы, в частности Гражданский ордонанс 1670 г., каноническое право (в основном в сфере брачно-семейных отношений), законодательные акты революционной Франции, философские произведения, прежде всего Жан-Жака Руссо, а также акты гражданского законодательства других государств — Пруссии, Баварии, Дании.

Второй задачей Гражданского кодекса стало утверждение нового правопорядка, основу которого составляла частная собственность.

¹ Тарле Е. В. Наполеон. М., 1957. С. 131.

² В этой связи отметим, что первый проект Гражданского кодекса был подготовлен в течение четырех месяцев. Затем он был разослан в высшие суды Франции. После получения их отзывов проект был рассмотрен в Государственном Совете под руководством Наполеона. После этого проект поступил в Трибунат и Законодательный корпус. В течение одного года (с марта 1803 г. по март 1804 г.) 36 законов, составлявших Кодекс, были приняты и введены в действие. В полном объеме Кодекс был издан 21 марта 1804 г.

«Право собственности, — утверждал Порталис, — основное право, на котором покоятся все общественные учреждения, столь же драгоценное для каждого человека, как и его жизнь». Той же позиции придерживался и Наполеон, обращавший внимание Государственного совета на необходимость увеличения числа собственников, поскольку они «являются твердой опорой безопасности и спокойствия государства»¹.

Третьей задачей стало урегулирование множества существовавших противоречий. В поиске баланса интересов авторы Гражданского кодекса попытались найти «золотую середину». Дух умеренности, говорил Порталис, должен стать «духом законодателя», поскольку политическое и социальное благо всегда находится посередине между двумя крайностями².

Четвертая задача — регулирование только основных частноправовых отношений в их двух проявлениях: в правовом статусе личности и правовом режиме собственности. В соответствии с этими задачами и была построена структура Гражданского кодекса. Первая его часть посвящалась лицам. Вторая часть — имуществу. Третья часть — способам приобретения собственности.

Авторы Гражданского кодекса очертили пределы его применения. Те частноправовые отношения, которые не подпадали под его действие, регулировались другими актами, в частности Торговым кодексом, принятым в 1807 г.

Пятая задача — четкое формулирование правовых норм. Наполеон требовал, чтобы нормы Гражданского кодекса были сформулированы предельно ясно — так, чтобы каждый человек мог их осознанно исполнять.

И действительно, нормы Гражданского кодекса Наполеона и сейчас служат образцом законодательной техники. В подтверждение приведу лишь небольшие фрагменты в классическом переводе И.С. Петерского³:

«Вводный титул. Об опубликовании, действии и применении законов вообще

1. Законы являются подлежащими исполнению на всей французской территории в силу опубликования...

¹ Цит. по: История Франции. Т. 2. С. 124.

² Holmberg T. The Civil Code: an Overview // <http://www.napoleon-series.org/research/government/code>.

³ Французский гражданский кодекс 1804 г. М., 1941. Издание было подготовлено Всесоюзным институтом юридических наук.

2. Закон устанавливает правила лишь на будущее время; он не имеет обратной силы.

3. Законы, касающиеся благоустройства и безопасности, обязательны для всех, кто проживает на территории Франции...

4. Судья, который откажется судить под предлогом молчания, темноты или недостаточности закона, может подлежать преследованию по обвинению в отказе в правосудии.

5. Судьям запрещается выносить решения по подлежащим их рассмотрению делам в виде общего распоряжения.

6. Нельзя нарушать частными соглашениями законы, затрагивающие общественный порядок и добрые нравы...

Книга первая. О лицах

7. Осуществление гражданских прав не зависит от качества гражданина...

8. Всякий француз пользуется гражданскими правами...

146. Нет брака, если нет согласия.

147. Нельзя заключить второй брак до расторжения первого брака...

212. Супруги обязаны к взаимной верности, помощи, поддержке...

371. Дети, во всяком возрасте, должны оказывать своим отцу и матери почтение и уважение.

372. Дети остаются под властью родителей до достижения совершеннолетия или до освобождения из-под власти.

373. Отец один осуществляет эту власть во время существования брака...

Книга вторая. Об имуществах и о различных видоизменениях собственности

516. Все имущества являются движимыми или недвижимыми...

544. Собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом, с тем чтобы пользование не являлось таким, которое запрещено законами или регламентом.

545. Никто не может быть принуждаем к уступке своей собственности, если это не делается по причине общественной пользы и за справедливое и предварительное возмещение.

546. Собственность на вещь как движимую, так и недвижимую дает право на все, что эта вещь производит, и на то, что естественно или искусственно соединяется с этой вещью в качестве принадлежности...

Книга третья. О различных способах, которыми приобретаетась собственность

711. Собственность на имущество приобретается и передается путем наследования, путем дарения между живыми или по завещанию и в силу обязательств...

1101. Договор есть соглашение, посредством которого одно или несколько лиц обязываются перед другим лицом или перед несколькими другими лицами дать что-либо, сделать что-либо или не делать чего-либо...

1108. Четыре условия являются существенными для действительности соглашения:

Согласие стороны, которая обязывается;

Способность заключать договор;

Определенный предмет, составляющий содержание обязанности;

Дозволенное основание обязательства.

1109. Нет действительного согласия, если согласие было дано лишь вследствие заблуждения или если оно было исторгнуто насилием или достигнуто обманом...

1134. Соглашения, законно заключенные, занимают место закона для тех, кто их заключил. Они могут быть отменены лишь по взаимному согласию сторон или по причинам, в силу которых закон разрешает отмену обязательства. Они должны быть выполнены добросовестно...»

Гражданский кодекс был введен в действие не только во Франции (1804 г.), но и в завоеванных ею странах — в Бельгии, Италии, Испании, Германии, Голландии, Польше, Португалии. Свое действие он сохранял и после разгрома империи Наполеона. Так, в Германии в левобережной части Рейна он оставался в силе до 1900 г., когда было принято Германское гражданское уложение. Он действовал также в Российской империи — на территории Польши, входившей в ее состав.

Гражданский кодекс Наполеона оказал большое влияние на гражданские кодексы Австрии 1812 г., Испании 1812 г., Гаити 1825 г., американского штата Луизиана 1825 г., Боливии 1830 г., Нидерландов 1835 г., Чили 1855 г., канадской провинции Квебек 1865 г., Португалии 1867 г., Аргентины 1869 г. и т.д.

Столь стремительное его распространение профессор И.С. Перетерский объяснял так: «Кодекс Наполеона регламентировал господ-

ство буржуазии в юридически законченной, твердой, ясной, не оставившей места для сомнений форме»¹.

Параграф пятый. Основные черты романо-германской традиции права

В дальнейшем развитие романо-германской традиции права шло по двум основным линиям: конституционного и цивилистического правотворчества (в более широком контексте — публичного и частного права).

В конституционном развитии наиболее заметное влияние оказывали конституции США 1797 г. и Франции 1791 г.

Первая служила образцом организации государственной власти на началах принципов федерализма, разделения властей, сдержек и противовесов в организации механизма политической власти. Вторая — стимулом к поиску более совершенных форм организации гражданского общества.

Так, Конституция Испании 1812 г. провозгласила, что «высшей целью правительства является счастье нации» и что «задачей любого политического союза является благополучие лиц, которые его составляют» (ст. IV).

Развернутые формулы построения гражданского общества были установлены Конституцией Франции 1848 г.:

«Франция — демократическая, единая и неделимая республика... Свобода, равенство и братство — ее принципы. Семья, труд, собственность и общественный порядок — ее основы...

Республика должна охранять личность гражданина, его семью, религию, собственность, труд и сделать доступным всякому образование, необходимое для каждого человека. Она должна путем братской помощи обеспечить существование нуждающимся гражданам, подыскивая работу, соответствующую их способностям, или же поддерживая тех, которые не имеют родных и не в состоянии работать»².

В дальнейшем модели гражданского общества наиболее полно были отражены в конституциях Мексики 1917 г. и Германии 1919 г. Последняя оставила заметный след в конституционной истории государств романо-германской традиции права. Поэтому рассмотрим ее подробнее.

¹ Перетерский И.С. От переводчика // Французский гражданский кодекс 1804 г. С. 6.

² Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 447.

Веймарская Конституция Германии 1919 г. действовала всего 14 лет, и тем не менее именно ее нормы о правах и свободах, обязанностях государства, институтах прямой демократии долгое время оставались образцом конституционного правотворчества. Многие из них сохраняют это качество и сейчас.

Приведу лишь несколько норм в качестве примера.

«Статья 119. Брак как основа семейной жизни, сохранения и умножения нации находится под особой защитой Конституции. Он основан на равноправии обоих полов.

Сохранение чистоты и здоровья семьи, ее социальная защита составляют задачу и государства, и местных общин. Многодетные семьи имеют право на социальную помощь.

Материнство имеет право на охрану и покровительство государства.

Статья 120. Воспитание подрастающего поколения физически, духовно и социально здоровым есть верховный долг и естественное право родителей, осуществление которых подлежит контролю со стороны общества...

Статья 122. Молодежь должна быть защищена от эксплуатации, не допускается пренебрежение их нравственным, умственным или физическим развитием. Государство и общины должны создать необходимые для этого учреждения...

Статья 151. Строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех достойного человека существования. В этих пределах надлежит обеспечить хозяйственную свободу отдельной личности.

Основанное на законе принуждение допускается только для осуществления прав, которым грозит нарушение, либо необходимых требований общего блага.

Свобода торговли и ремесел обеспечивается на основе единых законов.

Статья 152. В хозяйственном обороте действует свобода договоров на основе законов.

Ростовщичество запрещается. Сделки, противоречащие добрым нравам, недействительны.

Статья 153. Собственность находится под защитой Конституции. Содержание и ограничения права собственности устанавливаются законами...

Собственность обязывает. Пользование ею должно быть в то же время служением общему благу...

Статья 155. Распределение земли и пользование ею находятся под контролем государства в целях предупреждения злоупотреблений и предоставления каждому немцу здорового жилища, а всем немецким семьям, прежде всего — многодетным, домашнего очага и хозяйства, которые соответствуют их потребностям...

Обработка и полноценное использование земли — это обязанность землевладельца перед обществом. Прирост ценности земли без вложения в нее труда и капитала обращается в доход и на нужды общества.

Все недра земли и все природные источники энергии находятся под контролем государства. Частные права недропользования должны быть переданы государству в порядке, установленном законом...

161. В целях охраны здоровья и трудоспособности, защиты материнства и для предупреждения экономических тягот, сопряженных со старостью, недугами и различными жизненными невзгодами, государство создает разветвленную систему страхования при активном участии лиц, которые будут пользоваться защитой страхования...

163. Каждый немец нравственно обязан, без ущерба для своей личной свободы, применять свои умственные и физические способности так, как того требует благо общества.

Каждому немцу должна быть предоставлена возможность добывать себе пропитание своим собственным производительным трудом. Если ему не могут быть предоставлены возможности найти подходящую для него работу, он должен получить соответствующую социальную поддержку.

164. Самостоятельный средний класс в сельском хозяйстве, ремеслах и в торговле должен поощряться соответствующими законодательными и административными мерами и должен быть защищен от экономических тягот и произвола¹.

Вместе с тем уроки Конституции 1919 г. заключались в усвоении не только положительного, но и негативного опыта. Они учили, как избежать слабости государства и не допустить тех ошибок, которые в конечном счете привели к разрушению Веймарской республики и к созданию на ее руинах нацистского режима.

¹ Конституции буржуазных стран. Т. 1. С. 83—115; Constitutions that Made History. P. 359—387.

Основной ее дефект заключался в том, что она так и не смогла преодолеть наследие и авторитарные традиции Пруссии. Главой государства стал Президент, который избирался населением на семь лет. Он был наделен по сути теми же правами, что и прежний монарх (кайзер) Германии. В частности, он мог распустить Рейхстаг (нижнюю палату парламента). При этом Конституцией было установлено только одно ограничение — не более чем один раз по одной и той же причине. Новые выборы проводились не позже чем на 60-й день после роспуска Рейхстага (ст. 25). Ему было предоставлено право назначения Канцлера — главы правительства, который должен был получить вотум доверия Рейхстага (ст. 53 и 54). Президент представлял государство в международных отношениях (ст. 45), назначал и увольнял с должности всех гражданских и военных должностных лиц (ст. 46). Он мог вводить чрезвычайное положение, ограничивая осуществление конституционных прав и свобод (ст. 48).

Как отмечал З.М. Черниловский, «сквозь новое республиканское обличье проглядывали привычные персонажи — старый кайзер в образе президента республики и Бисмарк в образе конституционного канцлера»¹. На таком фундаменте государство долго стоять не могло, и вскоре оно рухнуло под натиском национал-социалистической партии.

В послевоенное время уроки Веймарской Конституции были усвоены многими государствами. Были предусмотрены специальные механизмы, которые обеспечивали сбалансированное устройство политической власти. Практически во всех конституциях существенное место стали занимать вопросы развития гражданского общества, поскольку оно могло противостоять тоталитарным проявлениям власти.

Так, Конституция Италии 1947 г. провозгласила, что Италия является демократической республикой, которая основана на труде (ст. 1). Развивая этот принцип, Конституция, в частности, требовала устранять препятствия полному развитию человеческой личности и эффективному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной жизни страны (ст. 3).

В Конституции содержались нормы о развитии культуры, научных и технических исследований (ст. 9); создании системы социального

¹ Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 1983. С. 411.

обеспечения (ст. 38); поддержке частной хозяйственной инициативы, при этом особо подчеркивалось, что она не может осуществляться в противоречии с общественной пользой (ст. 41). Было провозглашено право работающих принимать участие в управлении предприятиями в формах и в пределах, установленных законом Республики (ст. 46)¹.

До Конституции Италии ни в одном основном законе, в том числе СССР, не было столь полноценной регламентации вопросов труда. Да и в дальнейшем «социалистические» конституции в основном ограничивались только общими декларациями, которые скрывали подневольный по своей сути труд.

Еще более полно мотивы социальной справедливости, социального государства раскрыты в конституциях Португалии 1976 г. и Испании 1978 г.

В целом для конституций государств романо-германской традиции права характерен очень широкий охват регулирования. Помимо вопросов организации власти, территориального устройства, прав и свобод личности, социальных обязательств государства конституции затрагивают такие вопросы, как регулирование экономики, природопользование и охрана окружающей среды, международный правопорядок и т.д.

Принимаемые в развитие конституционных норм законы, иные акты формируют массивный свод публичного права. В Германии он включает помимо конституционного административное, налоговое, уголовное, процессуальное, церковное и международное публичное право.

В развитии публичного права в государствах романо-германской традиции права с начала XX в. все большее значение приобретает ведомственное правотворчество. Принимаемое формально в целях развития норм законодательства, оно нередко подменяет его. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в сфере социального регулирования.

На развитие публичного права все большее влияние оказывает международное право, которое проникает даже в те сферы, которые традиционно регулировались национальным законодательством (например, в вопросы регламентации избирательной системы и выборов).

¹ См.: Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. М., 2000. С. 132–159; Конституции государств Европы. Т. 2. С. 104–132.

Вторая основная линия развития права — цивилистическая, которая в XIX в. главным образом формировалась под воздействием французского Гражданского кодекса.

Впрочем, в большей части государств прямого заимствования не было. В гражданские кодексы вносились новые нормы, в которых отражались особенности национального экономического и социального развития.

А менее чем через столетие Германским гражданским уложением была предложена новая модель регулирования частноправовых отношений. Среди его источников был не только Гражданский кодекс Наполеона, действовавший в значительной части Германии, но и своды гражданского законодательства Австрии, а также таких немецких земель, как Бавария, Пруссия и Саксония. Заметное влияние на него оказали работы Ф. Савиньи, который «систематизировал разнообразные идеи римского права и старого германского права, выделив из них принципы и понятийно отточенные категории»¹.

Германское гражданское уложение состояло из пяти книг: общей части, обязательственного права, вещного права, семейного права, наследственного права. В отличие от Кодекса Наполеона оно охватывало значительно более широкий круг отношений, вводило новые конструкции, использовало своеобразные методы построения нормативного материала и изложения правовых норм. Оно стало образцом новой пандектной системы с такими характерными чертами, как выделение общей части, более абстрактное изложение норм, переход от общих к более частным положениям, наличие «исчерпывающих, по возможности лишенных противоречий и безукоризненно систематизированных ответов на все возникающие правовые вопросы»².

Во многом цели Уложения были достигнуты за счет усложнения его языка. В отличие от Кодекса Наполеона в нем было много абстрактных формул, не доступных для восприятия большей части населения. По сути Уложение было обращено в основном к юристам. Поэтому его часто упрекают в том, что оно чрезмерно профессионально и трудно для усвоения³.

¹ Бергманн В. Введение к пониманию германского Гражданского уложения // Гражданское уложение Германии. М., 2006. С. IX.

² Там же.

³ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2007. С. 259.

И тем не менее этот акт обладал многими достоинствами. И вполне закономерно, что он послужил образцом для гражданских кодификаций в значительном числе государств: Греции, Португалии, Японии, Южной Корее и некоторых других.

Третья модель гражданской кодификации была разработана в Швейцарии. Она включает два акта: Гражданский кодекс, принятый в 1907 г., и Закон об обязательствах (1911–1936).

Гражданский кодекс состоит из четырех книг, посвященных субъектам права, семейному праву, наследственному праву, праву собственности. Закон об обязательствах рассматривается как пятая книга Гражданского кодекса, но имеет самостоятельную структуру. Он включает пять частей: общие положения; отдельные виды обязательств; торговые товарищества; регистрация, право на фирму, торговое счетоводство, ценные бумаги. Таким образом, в Гражданский кодекс Швейцарии были инкорпорированы нормы, которые ранее традиционно регламентировались в торговых кодексах.

Швейцарский гражданский кодекс послужил образцом для Гражданского кодекса Турции 1924 г. Заметно его влияние и на Гражданский кодекс Италии 1942 г., который также отказался от обособления торгового законодательства.

Во многом по той же модели построен Гражданский кодекс Нидерландов 1992 г. Структурно он состоит из следующих книг: (1) Семейное право; (2) Право компаний и юридических лиц; (3) Право собственности, имущественных прав и интересов; (4) Наследственное право; (5) Обязательственное право; (6) Общие положения о договорах; (7–7а) Отдельные виды договоров; (8) Средства передвижения и транспорт. Кроме того, предполагается принятие еще двух книг: (9) Право интеллектуальной собственности; (10) Международное частное право.

Гражданская кодификация послужила образцом для кодификаций других отраслей частного права: торгового, семейного и трудового.

В последние десятилетия третьей основной линией развития романо-германской традиции права стало право Европейского Союза. В Конституции Франции его роль отражена так:

«Республика принимает участие в Европейских сообществах и Европейском Союзе, учрежденных свободным выбором государств в силу заключенных ими договоров для совместной реализации некоторых своих полномочий» (п. 1 ст. 78).

«На основе взаимности и в порядке, предусмотренном Договором о Европейском Союзе, подписанным 7 февраля 1992 г., Франция соглашается с передачей необходимых полномочий институтам Европейского экономического и валютного союза.

На тех же условиях и в порядке, предусмотренном Договором о Европейском сообществе в редакции Договора от 2 октября 1997 г., может быть выражено согласие на передачу необходимых полномочий на установление правил, касающихся свободного передвижения лиц, и связанных с этим вопросов» (п. 2 ст. 78).

Сфера действия права Европейского Союза постоянно расширяется, охватывая вопросы конституционного, административного, финансового, предпринимательского, процессуального и даже уголовного права.

Более подробно эти вопросы будут освещены ниже – в последней части первого тома, поскольку право Европейского Союза действует не только во всех европейских государствах романо-германского права, но и в Великобритании и Ирландии, относящихся к системе общего права, а также во многих государствах славянского и скандинавского права.

Завершая анализ романо-германской права, отметим следующие основные черты и тенденции его развития.

Как отмечалось выше, структурно романо-германское право разделяется на публичное и частное право. Но в последние десятилетия границы между ними размываются. С одной стороны, происходит их дробление на отрасли и межотраслевые правовые комплексы и институты, с другой – расширяется сфера публичного права, усиливается его вторжение в те вопросы, которые еще в середине XX в. традиционно рассматривались как предмет частноправового регулирования.

Заметно меняется роль и соотношение основных источников права. Конституции, законодательные акты, принимаемые на их основе нормативные правовые акты административных органов, хотя и сохраняют ведущее место в правовом регулировании, не препятствуют все более стремительному развитию нормотворческой практики судов. Наиболее отчетливо эта тенденция проявляется в сфере конституционного толкования, о чем свидетельствуют решения конституционных судов Германии, Австрии, Бельгии и Италии, Конституционного совета Франции, конституционных трибуналов Испании и Португалии. Во многом именно они определяют пути развития национальных правовых систем,

раскрывая содержание конституционных норм и закрепляя на их основе права и свободы и устанавливая ограничения и запреты.

Все более заметной становится и нормотворческая (прецедентная) практика судов общей и специальной (в частности, административной) юрисдикций.

Одной из характерных черт романо-германского права, как и прежде, остается широкая кодификация законодательства. Но если раньше она охватывала в основном традиционные отрасли права (гражданское, уголовное и процессуальное), то теперь ее объектом становятся трудовое и социальное, природоохранное и энергетическое, информационное право, иные отрасли и комплексы законодательства.

Постепенно меняется стилистика оформления правовых норм. Вместо общих принципов правового регулирования законодатели все чаще закрепляют детально проработанные нормы, охватывающие различные, нередко частные, правовые ситуации. В результате законодательство становится менее стабильным. В него постоянно вносятся поправки и изменения, отражающие перемены в развитии общественных отношений.

При этом отметим, что эта тенденция распространяется не только на новые, но и на старые акты, действующие с XIX в. Они становятся объектом многочисленных поправок и дополнений, изменяющих не только содержание, но и общую стилистику текстов. Хрестоматийным примером может служить Гражданский кодекс Франции 1804 г. В его современной редакции осталось мало классических норм, закрепляющих принципы и общие начала правового регулирования.

В таких проявлениях романо-германское право все более сближается с общим правом. Во многом это обусловлено углублением экономической интеграции, переплетающей правовые системы участвующих в ней государств. Происходит взаимный обмен правовыми идеями, решениями и конструкциями. Такому сближению способствует и все более интенсивное внедрение в национальные правовые системы стандартов и норм международных организаций и наднациональных объединений, прежде всего Европейского Союза. Нередко в них, как в плавильном котле, создается новый сплав романо-германского и общего права, определяющий судьбы обеих систем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОБЩЕЕ ПРАВО

Третья по значению ветвь христианского сообщества права — общее право, которое изначально сформировалось в Англии, а потом широко распространилось в основном в пределах бывших британских колоний. В настоящее время помимо Великобритании оно действует в Соединенных Штатах, Ирландии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, многих островных государствах Карибского бассейна.

Заметно его влияние на право тех государств, которые формально относятся к другим — романо-германской (Мальта), исламской (Пакистан), индуистской (Индия) и традиционной (ЮАР) — системам права. В общей сложности, по оценке К. Цвайгарта и Х. Кетца, почти треть человечества проживает в странах, которые испытали в той или иной степени воздействие общего права¹.

Раскрывая природу общего права, великий американский юрист, судья Верховного суда США О.В. Холмс писал: «Жизнь права заключается не в логике, а в опыте. Ощущавшиеся потребности времени, господствующие этические и политические теории, действия публичной власти, обдуманное либо неосознанное, даже предубеждения, которые судьи разделяли со своими согражданами, повлияли намного больше, чем силлогизмы, на содержание тех правил, которые определяют поведение людей. Право олицетворяет историю развития нации на протяжении многих столетий, и с ним нельзя обращаться так, как будто оно, подобно учебнику по математике, содержит только аксиомы и теоремы»².

Наиболее мощное воздействие на развитие английского общего права оказали четыре фактора: судебная практика, правовые доктрины, народный дух и законодательство. В этой последовательности мы и рассмотрим их ниже.

Параграф первый. Роль судов в становлении общего права

Принято считать, что история английского общего права начинается в 1066 г., когда войско нормандского герцога Вильгельма Завое-

¹ См.: Цвайгарт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 329.

² Holmes O. V. The Common Law. Boston, 1963. P. 5.

вателя в битве при Гастингсе нанесло поражение ополчению англо-саксов. Но следует сказать, что еще задолго до появления не только нормандцев, но и англосаксов на Британских островах существовало высокоразвитое право кельтских племен.

Так, в Ирландии в течение многих веков его создавали судьи-брегоны. Сохранились предания о том, что они не только учились праву в течение 20 лет в практически полной изоляции от общества, но и проходили через особые обряды воспитания, которые должны были привить им неугасимое чувство справедливости. О том, каким было воздействие этих приемов, можно судить по следующим свидетельствам ирландских саг. Лица судей-брегонов покрывались красными пятнами, если они выносили несправедливые приговоры. А когда такой приговор выносил один из самых известных судей-брегонов Моранн, кожаный ошейник так сдавливал ему шею, что он терял сознание от удушья. Причиной был не только страх перед имущественной ответственностью (судьи расплачивались своим имуществом за судебные ошибки), но и осознание собственной ответственности за принимаемые решения¹.

Впрочем, вернемся в Англию 1066 г. В результате нормандского вторжения прежние институты власти были разрушены, что облегчило создание жесткой вертикали власти, во главе которой стояли короли новой династии. Уже через 20 лет после завоевания (в 1086 г.) Вильгельм Завоеватель объявил себя верховным собственником земель Англии и потребовал от всех землевладельцев принести ему присягу. Все они стали вассалами короля².

В том же году была осуществлена полная перепись населения и земельных владений королевства. Более 15 000 поместий (маноров) и около 200 000 дворов были занесены в «Книгу Страшного суда». Этой акцией была заложена прочная основа финансовой власти государства³.

Особое место в системе управления занимала Королевская курия (*curia regis*), наделенная функциями контроля за поступлением налогов в казну, ведения государственных дел, судебного рассмотрения наиболее важных споров и тяжких преступлений.

¹ Подробнее см.: *Лафитский В.И.* Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней. М., 2003; *Joyce P.W.* A Smaller Social History of Ancient Ireland // <http://www.alia.ie/tirnanog>.

² Подробнее см.: История государства и права зарубежных стран / Под ред. П.Н. Галанзы и Б.С. Громакова. М., 1980. С. 313.

³ См.: *Давид Р.* Указ. соч. С. 261.

Впоследствии из ее состава стали выделяться судебные инстанции. Сперва был сформирован Суд казначейства, который был наделен правом разрешения финансовых споров между подданными и короной. Позже был образован Суд общих тяжб, который постоянно находился в Вестминстере и рассматривал в основном земельные споры, возникавшие между подданными и не затрагивавшие интересы короны. Третьим судом, сформированным на основе Королевской курии, стал Суд королевской скамьи. Ему были предоставлены более широкие полномочия в сфере как гражданского, так и уголовного судопроизводства. Особое значение имело наделение судей правом выносить особые приказы (*writs*) об исполнении требования (*mandamus*), об истребовании дела (*certiorari*), о прекращении рассмотрения дела (*prohibition*), об освобождении из-под стражи (*habeas corpus*)¹. Кроме того, он был наделен правом пересматривать решения Суда общих тяжб.

В судебную систему входили также местные суды – суды графств и сотен, суды баронов и манорские суды, церковные, торговые, иные сословные суды. Но их роль постепенно падала по мере расширения компетенции королевских судов.

Обращение в королевский суд было сопряжено со сложными бюрократическими формальностями. Как правило, частные лица должны были обращаться к лорду-канцлеру с ходатайством о том, чтобы дело было рассмотрено королевским судом. Лорд-канцлер после оплаты судебной пошлины издавал приказ (*writ*) о направлении дела в суд. По отдельным делам допускалось прямое обращение в соответствующую судебную инстанцию. Но и в том, и в другом случаях привилегия рассмотрения дел в королевских судах предоставлялась только по тем основаниям, которые были установлены судебной практикой и королевскими указами. В 1227 г. таких оснований было только 56². Впрочем, вскоре некоторые послабления были допущены. Второй Вестминстерский статут 1285 г. разрешил лорду-канцлеру издавать приказы о направлении дел в суды по аналогии или, как было сказано в Статуте, «в случаях подобия»³.

Первое время дела рассматривались в Лондоне. Впоследствии утвердилась практика направления королевских судей во все части

¹ Подробнее см.: Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 30–32.

² См.: Давид Р. Указ. соч. С. 264.

³ Там же. С. 265.

королевства, где они проводили судебные заседания (ассизы). Со времени Эдуарда I такие судебные заседания стали проводиться не реже трех-четырёх раз в год.

Сформировалась крайне сложная процедура рассмотрения судебных дел. Обращаясь к этой теме, К. Цвайгарт и Х. Кетц писали: «Было очень важно, чтобы истец перед началом процесса тщательно продумывал вопрос о том, какой тип искового заявления в наибольшей степени отвечал обстоятельствам его дела и мог помочь его выиграть. Но такой выбор был не только важен, но и труден: важен — так как неправильный выбор типа предписания был чреват отказом в рассмотрении жалобы, труден — так как число типов предписаний все увеличивалось и потому различать их становилось все труднее, ибо каждый формуляр соответствовал строго определенным обстоятельствам дела»¹.

При этом следует учесть, что каждому виду исковых требований отвечали свои процессуальные формы, сложившиеся при рассмотрении соответствующих категорий дел. Эти процессуальные формы оставались неизменными. Нередко они утрачивали какую-либо связь с теми основаниями, которые вызвали их к жизни. Природу этого явления О.В. Холмс объяснял так: «Обычаи, убеждения либо потребности древних времен устанавливали правило либо правовую формулу. В течение столетий обычаи, убеждения и потребности исчезали, но правило оставалось»².

Сказанное объясняет, почему до XIX в. для английских юристов «было важно думать не о том, какое решение, по их мнению, справедливое, должно быть вынесено по делу, а сконцентрировать свое внимание на различных процессуальных в высшей степени формализованных действиях по конкретным видам исков»³.

Так формировалась особая правовая традиция, не имевшая аналогов ни в варварском, ни в классическом римском праве, ни в иудейском, ни в исламском праве⁴.

Между королевскими судами нередко возникали разногласия. Как следствие появлялись новые судебные инстанции. Так, отказ лорда-казначея от признания юрисдикции Суда королевской скамьи стал

¹ Цвайгарт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 279–280.

² Holmes O.V. Op. cit. P. 8.

³ Давид Р. Указ. соч. С. 266.

⁴ Glenn P. Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity in Law. N.Y., 2007. P. 230.

причиной создания в 1357 г. отдельной апелляционной инстанции, носившей название «Казначейская палата».

В середине XIV столетия складывается практика совместного рассмотрения наиболее сложных дел на общем заседании, в котором участвовали судьи всех трех королевских судов, а позднее и Суда лорда-канцлера. Первоначально такие заседания были неофициальными. Однако к XV в. они были признаны самостоятельной судебной инстанцией, которая также стала называться Казначейской палатой, поскольку ее заседания проводились в помещении Казначейства. В Казначейской палате рассматривались как гражданские (до XVII в.), так и уголовные (до XIX в.) дела.

В рамках Казначейской палаты в 1585 г. был создан еще один апелляционный суд, который рассматривал жалобы на ошибки, допущенные Судом королевской скамьи при рассмотрении исков «о долге», «об удержании», «о нарушении владения».

В результате этих реформ сложилась достаточно сложная система судебного пересмотра. Суд Казначейской палаты, созданный в 1357 г., рассматривал жалобы на решения Суда казначейства. Суд королевской скамьи разбирал жалобы на решения Суда общих тяжб. А Суд Казначейской палаты, учрежденный в 1585 г., принимал жалобы на решения Суда королевской скамьи¹. Решения Суда королевской скамьи могли быть оспорены также в Палате лордов, ставшей со временем высшей судебной инстанцией.

Указанная система судебного пересмотра существовала до 1830 г., когда была создана новая, общая для всех трех судов, апелляционная инстанция, также получившая название «Суд Казначейской палаты». Но она действовала только 45 лет. В 1875 г. ее функции перешли к Апелляционному суду.

В XIV в. складывается новое низовое звено судебной системы — мировые судьи. Первоначально они назначались для оказания помощи шерифам в наведении общественного порядка и назывались «стражами мира» (*custodes pacis*). Судебные функции к ним перешли в начале XIV в., а некоторое время спустя за ними утвердилось название «мировые судьи» (*justices of the peace*). В их компетенцию входило рассмотрение не только многих гражданских, но и значительной части уголовных дел, в том числе караемых смертью. Судебные заседания проводились на «четвертных» сессиях — раз в четыре года в каждом

¹ Подробнее см.: Уолкер Р. Указ. соч. С. 32–33.

из графств. С 1496 г. мировые судьи, большая часть которых не имела юридического образования, получают право рассматривать незначительные уголовные дела между сессиями в более упрощенном, «суммарном» порядке, без участия судов присяжных.

Указанные суды входили в систему судов общего права, действовавших на основе прецедентов — ранее вынесенных решений по аналогичным делам. Необходимо было неукоснительно следовать им в рамках жестко сформулированных судами процессуальных норм. Так формировалось особое прецедентное право, материальной основой которого стали ежегодные судебные хроники, ведущиеся начиная с 1290 г.

Как правило, процессы в судах общего права длились в течение многих месяцев и лет. Такая особенность была спасительной в условиях крайней жестокости уголовного законодательства того времени. Ведь за большую часть преступлений назначались смертная казнь и конфискация имущества осужденных.

Другой формой смягчения тяжести наказаний стало создание и применение фикций. В частности, суды часто условно сокращали суммы краж до менее одного шиллинга. В этом случае преступные деяния подпадали под категорию незначительных преступлений (*misdemeanor*) и не карались смертной казнью. Еще шире применялась фикция принадлежности грамотных людей к духовному сословию, что освобождало их от привлечения к ответственности по общему уголовному законодательству. Их дела рассматривались в церковных судах.

Определенные гарантии прав и свобод обеспечивал также институт присяжных. С XIV в. для привлечения к ответственности за тяжкие уголовные преступления требовалось согласие большого жюри (*grand jury*), в состав которого входили 24 свободных землевладельца графства. В их функции до 1934 г. входило утверждение обвинительных заключений.

С конца XII в. рассмотрение многих гражданских дел стало осуществляться с участием 12 присяжных, которые оценивали факты, а не применимое право. Суд присяжных стал применяться и при рассмотрении уголовных дел. В его функции входило вынесение вердикта о виновности или невиновности лица, представшего перед судом.

До 1670 г. присяжные могли привлекаться к ответственности в виде штрафа либо тюремного наказания, если судья признавал вынесенный ими вердикт неправильным¹.

¹ См.: Уолкер Р. Указ. соч. С. 43.

Указанные особенности судопроизводства нередко вызвали недовольство королевской власти. Было принято несколько мер по созданию параллельных судебных систем. В частности, был образован Суд звездной палаты, состоявший из членов Тайного совета, лорда-канцлера, лорда-казначея, лорда-хранителя печати и судей общего права. В его компетенцию вошли вопросы торгового и церковного права, многие из которых в то же время оставались в юрисдикции судов общего права, что вызывало острые разногласия между ними. Кроме того, Суд звездной палаты рассматривал незначительные преступления в основном за нарушения в сфере государственного управления — за учинение беспорядков, незаконные сборища, пасквили, лжесвидетельство и т.д. Судопроизводство по этим делам начиналось по заявлению генерального атторнея, а не по решению присяжных большого жюри. В основном оно было инквизиционным, а не состязательным. Суд звездной палаты действовал недолго. Во время Английской революции он был упразднен.

Иной была судьба Суда лорда-канцлера, сформировавшегося во второй половине XV в. в ходе рассмотрения петиций об отказе в судебной защите или применении несправедливого приказа в судах общего права. Вначале лорд-канцлер рассматривал дела единолично. Но начиная с XVI в. он стал поручать ведение дел своим подчиненным. Процесс в Суде лорда-канцлера не был опутан таким большим числом ограничений, как в судах общего права. А сам лорд-канцлер не был связан предшествующими судебными решениями. Он должен был руководствоваться только «максимами» (общими принципами) справедливости, которые вскоре также стали приобретать силу прецедентов.

В основном они формулировались при рассмотрении дел о праве собственности и неисполнении договорных обязательств. Лорд-канцлер мог признать существовавшие де-факто отношения, хотя они противоречили нормам общего права, либо отказать в признании тех прав и обязанностей, которые были ранее признаны судами общего права. В последнем случае лорд-канцлер издавал запретительный приказ (*injunction*).

Таким образом, юрисдикции Суда лорда-канцлера и судов общего права перекрещивались, что служило источником частых столкновений между ними. Впрочем, нередко судьи общего права признавали обоснованность решений лорда-канцлера. Так, в решении по делу «Дадли против Дадли» (1705 г.) отмечалось:

«В наше время право справедливости не является частью права: это моральная сила, которая ограничивает, смягчает и исправляет суровость, жестокость и угловатость общего права, это истина, которая признается всеми; оно также помогает общему праву там, где последнее имеет недостатки и слабости в своей структуре (а ведь это является жизнью права), и защищает общее право от хитрых оговорок, заблуждений и всяких изощренностей, изобретенных и придуманных для того, чтобы обойти общее право, в результате чего те, кто имеют несомненные правомочия, остаются незащищенными; назначение права справедливости в том, чтобы поддержать и защитить общее право от уловок и коварных планов, направленных против торжества правосудия. Право справедливости, таким образом, не разрушает и не воссоздает общее право, оно помогает ему»¹.

Существование двух систем права — общего права и права справедливости, конкурирующих и вместе с тем дополняющих друг друга, закончилось только в 1873—1875 гг., когда в ходе судебной реформы был создан единый Верховный суд, объединивший две юрисдикции под своим началом.

Менее значительный след в истории английского права оставили две другие системы — торговое и каноническое право.

Торговые суды, существовавшие во многих городах Англии, были в основном упразднены в XVII в., а подведомственные им дела перешли к судам общего права. Чуть дольше просуществовал Высокий суд Адмиралтейства, созданный в XIV в. Однако и он в ходе судебных реформ 1834—1835 гг., 1844 г. и 1875 г. утратил свою юрисдикцию.

Каноническое право долгое время сосуществовало с общим правом и правом справедливости и во многом предопределяло их развитие². В этой связи достаточно сказать, что до XV в. практически все лорды-канцлеры принадлежали к духовному сословию. Но реформы Генриха II (Кларендонские постановления 1164 г.), Реформация, начатая Генрихом VIII, Английская революция 1640—1660 гг. подорвали положение не только церкви, но и канонического права. Последний удар был нанесен в 1857 г., когда юрисдикция церковных судов была ограничена только вопросами, которые касались священнослужителей, при условии, что они не попадали в ведение обычных судов.

¹ Цит. по: Уолкер Р. Указ. соч. С. 71.

² Там же. С. 94.

И тем не менее систему общего права вряд ли возможно познать без изучения влияния указанных параллельных систем, поскольку, как отмечали известные историки права Г. Поттер и А. Киральфи, «реку английского права» питали не только ручьи общего права и источник права справедливости, но и родники торгового и канонического права¹.

Параграф второй. Правовые доктрины в истории общего права

Помимо прецедентов к источникам общего права относятся правовые доктрины, сформулированные в классических трудах английских юристов.

Первым из них стал «Трактат о законах и обычаях Англии». Он был написан примерно в 1188 г. и традиционно приписывается Р. Гленвиллю (ум. 1190 г.), юстициарию² короля Генриха II. Основной темой книги стало земельное право. В ней было дано подробное описание соответствующих исков (более 80), судебных приказов (39) и сформулированы отдельные общеправовые принципы.

Так, он писал: «Королевская власть должна применять не только оружие против мятежников и народов, которые свирепствуют и восстают против нее, но также и украсить себя законами для управления подвластными и миролюбивыми вассалами, чтобы во время мира, разумеется, и войны наш славный король мог успешно доводить до конца дела, твердою десницею искореня высокомерие неуправляемых и необузданных, и, наказывая покорных и кротких, не забывал о справедливости, ограничиваясь розгами правосудия»³.

Самым важным из правовых принципов был принцип судебного разрешения споров. Доказывая необходимость отказа от судебных поединков, автор трактата писал: «Судебные заседания (ассизы) являются королевской привилегией, которая дана народу по доброй воле короля, действующего по совету своих высокопоставленных советников. Судебные заседания проявляют такую заботу о жизни человека и его положении в обществе, что все люди могут защищать там права, которыми они обладают как свободные люди, избегая сомнительных и неопределенных последствий судебных поединков. Поступая так,

¹ Potter H., Kiralfi A. K. R. *Outlines of English Legal History*. London, 1958. P. 1.

² Юстициарий — глава судебного ведомства; в XII в. высшее должностное лицо.

³ Цит. по: Гленвиль Р. Трактат о законах и обычаях Королевства Английского // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XII/Glenvill/frameText1.htm>.

они могут избежать величайшего из всех наказаний — непредвиденной и несвоевременной смерти либо по меньшей мере вечного упрека в утрате чести вследствие вынужденных и позорных слов о пощаде, которые звучат так недостойно из уст поверженных. Это правовое установление основывается прежде всего на справедливости и правосудии, что редко достигается на поле битвы... Более того, если исход поединка решается силами одного свидетеля, то это установление требует решения под присягой по меньшей мере двенадцати человек»¹.

Работа Р. Гленвиля представляет большой интерес с точки зрения истории формирования многих институтов права, в том числе суда присяжных, который созывался по приказу короля.

Вот образец одного из таких приказов:

«Король шерифу с приветствиями. Соберите силами хороших сборщиков следующих двенадцать человек, а именно «А», «В» и так далее, чтобы они предстали предо мной или моими судьями в такой-то день и в таком-то месте и были готовы объявить под присягой, имеет ли «N» или «R» бóльшие права на участок земли (или иной оспариваемый предмет), в отношении которого указанный «R» предъявляет иск к «N», являющемуся держателем земли (*tenant*), и указанный «N», являющийся держателем земли, должен предстать перед моим судебным заседанием и просить его разобраться, кто из них имеет больше прав на оспариваемую вещь. Тем временем двенадцать должны осмотреть земельный участок... Когда приходит время в ходе судебного заседания решать вопрос о признании, истинная правовая позиция может стать ясной для всех присяжных, либо только для некоторых из них, либо ни для кого из них. Если никто из них не знает правду в рассматриваемом деле и они подтверждают это под присягой в суде, следует искать других присяжных до тех пор, пока не будут найдены те, кто знает правду. Если, однако, некоторые знают правду по делу, а другие нет, те, кто не знают ее, должны быть отвергнуты, и другие присяжные должны вызываться в суд до тех пор, пока не наберется двенадцать человек, которые признают правду. Если некоторые из них высказываются в пользу одной стороны, а другие в пользу другой стороны, тогда должны вызываться дополнительные присяжные, пока по крайней мере двенадцать присяжных не выскажутся в пользу одной стороны.

¹ *Glanvill R. de. Treatise on the Laws and Customs of England* // Legal Research Links. Lex Scripta (<http://vi.uh.edu/pages/bob/elhone/glanvill.html>).

Каждый присяжный, вызванный с этой целью, должен поклясться, что он не будет говорить ложь и не будет осознанно утаивать правду. Знание, которое требуется от присяжных, — это знание о том, что они лично видели и слышали, либо те сведения, которые им были переданы их отцами при таких обстоятельствах, что они верят им так, как будто они сами все видели или слышали»¹.

Из приведенного текста следует, что суд присяжных изначально конструировался как судебная коллегия свидетелей. И только несколько десятилетий спустя, во времена Г. Брактона, он начинает обретать формы, более привычные для нашего времени.

Следующая книга под тем же названием — «Трактат о законах и обычаях Англии» — была написана примерно в 1250 г. Г. Брактоном (примерно 1210–1268), судьей судов ассизов в ряде юго-западных графств — Сомерсете, Девоне, Корнуолле. Это был первый труд, в котором формулировались общие начала права, формы исковых заявлений по очень большому кругу дел и приводились те судебные решения, которыми суды руководствовались как прецедентами.

При этом отметим, что в этой книге, как и в работе Р. Гленвиля, предметом исследования было действующее право Англии, а не римское право, изучавшееся в Болонском университете и в других научных школах глоссаторов и постглоссаторов.

Следует также подчеркнуть, что в книге Г. Брактона впервые было обосновано особое место английского права: «Хотя почти во всех землях применяются законы (*leges*) и писаное право (*jus scriptum*), Англия одна применяет неписаное право и обычаи. Здесь право имеет своим источником не что-либо написанное, а то, что подтверждено применением»².

Вместе с тем Г. Брактон не считал «абсурдным» приравнивать английские законы к писанным законам, «поскольку то, что правильно решено властью короля или принца и утверждено по совету и с согласия высокопоставленных лиц и принимается общим согласием государства (*res publica*), имеет силу закона»³.

Наиболее подробно Г. Брактон описывал природу и особенности существующих исков. Он отмечал: «Иск — это не что иное, как право

¹ *Glanvill R. de. Op. cit.*

² Bracton on the Laws and Customs of England. Vol. 2. P. 19 // Harvard Law School Library/ Bracton Online — English (<http://hls15.law.harvard.edu/bracton/Unframed/English/v2/36.htm>).

³ *Ibidem.*

искать (*persequendi*) в суде то, что следует кому-либо. И слово «право» употребляется здесь, чтобы отличить его от тех претензий, которые не основаны на праве, или от тех претензий, которые хотя являются частью права и дают основания для иска, но могут быть отклонены по противопоставленному ему (иску) законному возражению (*exceptionem*)...

Слово «в суде» здесь употреблено, чтобы отличить преследование в суде от преследования вне суда, например, ночного или дневного вора, грабителя или иного; и при этом никому не дозволено карать без суда, за исключением тех случаев, когда преступники захвачены с поличным, ибо их жизнь и смерть и члены принадлежат королю. Равным образом, слова «то, что ему следует» употреблены, чтобы подчеркнуть отличие гражданских исков от уголовных, при помощи которых я добиваюсь в суде не только того, что следует лично мне, но того, что может требовать любой человек на основании королевского мира и общей пользы...»¹

Цель своего трактата Г. Брактон сформулировал следующим образом: «описать такие вопросы и дать наставления и научить всех, кто желает получить знания о том, какие иски существуют и какие судебные приказы применяются... чтобы незнающий стал знающим, а знающий еще более знающим, чтобы плохое стало хорошим, а хорошее еще лучшим по причине как страха перед наказанием, так и надежды на вознаграждение». В конечном счете, по его мнению, закон должен стремиться к «умиротворению споров и недопущению плохих поступков, чтобы мир и справедливость воцарились в королевстве»².

Для достижения этой цели Г. Брактон призывал использовать этику и мораль, поскольку они «определяют обычные правила поведения»³.

«Нельзя допустить, — писал он, — чтобы тот, кто лишен мудрости и знаний, занял место судьи, поскольку оно подобно трону Бога, ибо, занимая его, судья приносит тьму туда, где свет, и свет туда, где тьма, и может неопытной рукой, как лишенный ума, невиновного предать мечу, а виновного отпустить на свободу; такие падают с высоты трона Бога так, как будто бы они пытались летать, не имея крыльев»⁴.

В заключение отметим, что именно Г. Брактон был первым, кто провозгласил, что судьи создают право: «Право — это общее повеление,

¹ Цит. по: *Брактон Г. Трактат «О законах и обычаях Англии»*. Т. 2 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/Bracton/De_legibus/text.

² Bracton on the Laws and Customs of England. Vol. 2. P. 20.

³ Ibidem.

⁴ Ibid. P. 21.

решение лиц, облеченных судебной властью, узда для преступлений, совершаемых осознанно или неосознанно, отражающее общее согласие государства (*res publica*). Правосудие исходит от Бога, поскольку справедливость — это начало Бога, нашего Создателя»¹.

Следующая классическая работа по английскому праву появилась только два столетия спустя. Это был трехтомный труд адвоката и судьи Т. Литтлтона (1407–1481) «О держаниях» (1481 г.), посвященный в основном материальным нормам земельного права.

Т. Литтлтон дал первую научно обоснованную классификацию земельных прав в английском праве. Он искусно описывал своеобразие каждого из видов земельных владений, отношения землевладельцев и арендаторов, способы приобретения земельных прав на основе сложившихся судебных прецедентов и вымышленных казусов.

Первое издание книги появилось в 1481 г. Через два года было опубликовано второе издание. Но широкого распространения они не имели, поскольку были написаны на своеобразном французском юридическом языке, сложившемся в судопроизводстве после нормандского завоевания Англии.

В 1628 г. в свет вышла работа главного судьи Суда королевской скамьи Э. Кока (1552–1634) — «Институты права Англии», которая сопоставима по масштабу и глубине с трактатом Г. Брактона. Ее первая часть посвящалась комментарию книги Т. Литтлтона. Вторая описывала законодательные акты, принятые со времени Великой хартии вольностей. В третьей части анализировались преступления, караемые английской короной. В четвертой части исследовалась судебная практика.

Суждения и оценки Э. Кока широко применялись судами Англии как доктринальный источник права. Многие из них были изложены как краткие и вместе с тем очень точные максимы. Приведу лишь некоторые из них².

«Соглашение сторон не может сделать правильным то, что по праву не имеет юридической силы» (разд. 51b).

«Закон никогда не заставляет человека делать ненужные вещи» (разд. 79a).

«Закон не заставляет ни одного человека делать невозможные вещи» (разд. 92a).

¹ Bracton on the Laws and Customs of England. Vol. 2. P. 22.

² Coke E. The Institutes of the Laws of England // Coke E. Selected Works Parts 1–3 (<http://www.constitution.org/coke/coke.htm>).

«Разум дает жизнь праву, и общее право — не что иное, как проявление разума, подтвержденное долгими исследованиями, наблюдениями и опытом, а не природным разумом, присущим каждому человеку» (разд. 97b).

«Три вопроса рассматриваются правом как первоочередные: это жизнь, свобода и природный дар» (разд. 124b).

«Закон устанавливает правило, но он безмолвствует. Королевское правосудие осуществляется через судей, они возвешают право — *lex loquens*. Судебный процесс и исполнение судебного решения — это жизнь закона, отраженная в королевских приказах» (разд. 130a).

В ряду классиков английской правовой мысли следует отметить М. Хейла (1609–1676), лорда и главного судью Англии, автора многих работ, в том числе «Истории тяжб короны» и «Истории общего права».

Особый интерес представляет последняя книга, в которой дан яркий очерк развития английского права. По мнению М. Хейла, главной чертой общего права на протяжении всей его истории было стремление к поиску баланса различных интересов: короля и его подданных, государства и церкви, общества и частных лиц и т.д. Он пишет:

«Общее право этого Королевства... не только очень справедливое и превосходное право само по себе, но и единственно приспособленное к форме английского правления и умоностроению английского народа; и поскольку оно в результате долгого опыта и употребления вошло непосредственно в его нравы и образ поведения, оно стало плотью и конституцией английского государства...

Это то право, которое утверждает, поддерживает и со всей возможной заботой обеспечивает безопасность королевской личности, его короны и достоинства, а также... систему управления как великую основу мира, счастья, достоинства и справедливости нашего Королевства, живущего под Богом; вместе с тем это то право, которое провозглашает и устанавливает права и свободы, а также собственность каждого подданного и которое является тем справедливым, известным и всеобщим правилом справедливости и правосудия, которое действует между людьми, живущими в этом Королевстве»¹.

Одна из самых известных книг английской правовой доктрины — четырехтомные «Комментарии к английскому праву», изданные в 1765–1769 гг. профессором У. Блэкстоном (1723–1780). Написанная простым,

¹ Hale M. The History of the Common Law of England by 1713 // <http://mahan.wonk-wang.ac.kr/link/med/law/england/commonlaw/CommonL.htm>.

очень доступным языком, она пользовалась огромной популярностью и выдержала множество переизданий.

Структурно книга включала следующие разделы: введение; о правах, принадлежащих лицам; о правах, связанных с вещами; о правонарушениях в частной сфере; о правонарушениях в публичной сфере. Такая композиция книги позволила охватить практически все стороны права. Не случайно ее воспринимали как энциклопедию английского права того времени.

Успех книги У. Блэкстона имел еще одно объяснение. Она стала манифестом новой правовой идеологии, в которой акцент был сделан на правах и свободах личности.

Не случайно в первом томе, посвященном правам лиц, сперва рассматривались абсолютные права частных лиц, потом — права Парламента, и только вслед за этим — полномочия короля.

Особый интерес представляет обоснование прав и свобод. У. Блэкстон выделяет ряд абсолютных прав, присущих каждому англичанину. В их число он включал и право собственности, которое выражалось «в свободном использовании, владении и распоряжении всем, что приобретено человеком, без какого-либо контроля либо умаления, кроме как по законам страны»¹.

Продолжая, он писал: «И столь велико право частной собственности, что оно не допускает малейшего его нарушения даже для общего блага всего сообщества. Так, например, возникает необходимость проложить новую дорогу через владения частного лица, и, возможно, это принесет очень большие блага для общества; но право не позволяет ни одному человеку либо группе лиц сделать это без согласия владельца земли. И не стоит говорить, что благо одного лица должно уступить благу сообщества, — слишком опасно позволять кому-либо и даже общественному суду решать вопрос об общем благе и что соответствует или не соответствует ему. Кроме того, отметим, что общее благо в наибольшей степени обеспечивается только при условии защиты частных прав каждого, как это установлено общим правом. В таких и в сходных делах только законодательный орган может и действительно достаточно часто вмешивается и заставляет частное лицо уступить. Но как он вмешивается и принуждает? Нет, не лишая полностью человека

¹ *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford: Printed at the Clarendon Press, 1765–1769. Vol. 1. P. 134* (http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/blackstone.asp).

его собственности, совершая произвол, но предоставляя ему полное возмещение за тот ущерб, который ему причинен»¹.

Подводя итог исследования права собственности, У. Блэкстон отмечал: «Нет ничего, что столь поражает воображение всех и так возбуждает страсти человечества, как право собственности, — это исключительное и деспотически осуществляемое владение, которое человек заявляет и осуществляет в отношении внешних вещей этого мира, полностью исключая право на эти вещи каких-либо других лиц, сколько бы их ни было во Вселенной»².

У. Блэкстон был сторонником демократических начал организации политической власти. И неудивительно, что через несколько лет многие его идеи были подхвачены в ходе начавшейся американской революции³.

Прежде всего речь идет о системе сдержек и противовесов как механизме ограничения власти.

«Во всех тиранических правительствах, — писал он, — верховная власть или право принимать и исполнять законы предоставляется одному и тому же человеку либо одному и тому же собранию людей; там, где эти две власти соединены, нет публичной свободы. Верховная власть может принимать тиранические законы и столь же тиранически их исполнять... Но там, где законодательная и исполнительная власти разделены, первая должна заботиться о том, чтобы не наделять последнюю таким большим объемом прав, которые могут привести к ограничению ее собственной независимости и свободы подданных»⁴.

Но удержать власть от деспотии только системой сдержек и противовесов невозможно. Необходимо опереться на тот фундамент общественного устройства, «который называют этикой или естественным правом». Естественное право, по словам У. Блэкстона, — это «современник человеческого рода, оно продиктовано самим Богом, и поэтому оно имеет большую обязательную силу, чем что-либо другое».

¹ *Blackstone W.* Op. cit. P. 135.

² *Ibid.* P. 2.

³ В этой связи следует отметить, что в американских колониях было продано не меньше экземпляров книги У. Блэкстона, чем на Британских островах. См.: *Burke E.* Speech on Moving His Resolutions for Conciliation with the Colonies. Mar. 22, 1775 // *The Works of the Right Honorable Edmund Burke.*

⁴ *Blackstone W.* Op. cit. Vol. 1. P. 142.

Оно является обязательным по всей земле, во всех странах и во все времена, и никакие человеческие законы не действительны, если они противоречат ему¹.

Одним из главных постулатов естественного права была свобода. И, воспевая ее, У. Блэкстон посвятил ей последние строки книги: «Защита свободы Британии — это долг всех, кто пользуется свободой, перед предками, которые передали ее, и перед потомками, которые потребуют ее как лучший природный дар и самое благородное наследие человечества»².

Это был тот призыв, который уже давно набатным колоколом звучал в древних балладах и песнях, народных сказаниях и произведениях великих писателей Британских островов.

Параграф третий. Влияние народного духа на развитие общего права

Третий источник английского права — народный дух, отраженный в литературных памятниках прошлого. В них запечатлены чаяния простого народа о государстве как общем достоянии всех (*commonwealth*), о справедливых правителях, о добрых законах и праведных судьбах.

Так, в древней поэме «Видсиде» (предположительно VII в.) есть следующие строки:

«Должен владетель жить добродетельно,
властвовать справедливо наследной вотчиной
тот, кто хочет престолу счастья»³.

«Малая джеста о Робине Гуде», одна из старейших баллад, воспевает новый правопорядок, установленный в Шервудском лесу:

«Не надо так часто применять силу.
У нас и без того всего достаточно.
И смотрите, не делайте вреда
Тому, кто пашет землю плугом,
И тому доброму йомену,
Кто идет через зеленую рощу,
А также тому рыцарю и сквайру,
Если они хорошие парни.

¹ Blackstone W. Op. cit. P. 41.

² Ibid. P. 436.

³ Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 15.

Но вот епископов и архиепископов —
Вот тех вяжите и бейте.
И Ноттингемского шерифа —
Того не забудьте»¹.

Тема несправедливых законов, неправедных судей, порочности «высокого правосудия Англии»² звучала постоянным рефреном в балладах о Робине Гуде, других героях народного творчества.

Эту тему подхватил великий английский писатель Джеффри Чосер (1340–1400). В его «Кентерберийских рассказах» предстают разные герои, в том числе Знаток права — барристер, занимавший должность судьи в судах ассизов:

«Был с ними важный чопорный Юрист...
Не видел свет стяжателя такого,
И все ж о нем не слышали дурного.
Ведь сколько б взяток ни дал виноватый —
Он оправдать умел любую плату.
Работник ревностный, пред светом целым,
Не столько был им, сколько слыть умел им.
Он знал законы со времен Вильяма
И обходил — уловкой или прямо —
Любой из них, но были неоспорны
Его решения...»³

Но еще более беспощадно Дж. Чосер описывал правителей-тиранов, которых было много в его время и которые могли безнаказанно творить любое зло:

«Тиран воинственный иль император
С разбойником, как брат родимый, схож,
Ведь нрав у них по существу все то ж...
И может он законом пренебречь
И целый город для забавы сжечь
Или стереть с лица земли народец...
Лишь от разбойника поменьше зла, —
Ведь шайка у разбойника мала»⁴.

¹ Little Geste of Robin Hood // <http://web.ics.purdue.edu/~ohlgren/gesttrans.html>.

² Ibidem.

³ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1973. С. 41–42 (Общий пролог).

⁴ Там же. С. 483–484 («Рассказ эконома»).

С особой страстью Дж. Чосер защищал достоинство человека. «Мы все, — писал он, — дети одного Отца и одной Матери; мы все наделены одной природой, испорченной и порочной, — как бедные, так и богатые. Воистину только одно проявление благородства достойно восхваления: то, которое питает сердце человека добродетелью и нравственностью и превращает человека в дитя Христа... Людские пороки заслуживают рабства, но не человеческая природа. Ввиду этого властители не должны преисполняться гордыней из-за своего высокого положения, поскольку их власть над рабами не обусловлена естественным состоянием или природой людей... Власть государей была учреждена, чтобы защищать, поддерживать и оберегать нижестоящих или подданных с разумностью и в установленных пределах, а не для того, чтобы их уничтожать либо разрушать их имущество»¹.

Яркие картины разложения общественного устройства Англии представлены в работах Т. Мора (1478–1535). Описывая последствия политики огораживания, он с сарказмом рассказывал о том, что даже овцы, «обычно такие кроткие, довольные очень немногим... стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают людей, разоряют и опустошают поля, дома и города»².

С той же едкой иронией он критиковал социальный строй, в котором знать, «подобно трутням, живет праздно трудами других»³. Первые «хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично»⁴.

По мнению Т. Мора, один из основных источников зла — неограниченность королевской власти. Для нее не было преград. «При подаче голоса за государя, — писал Т. Мор, — предлог всегда найдется: для этого достаточно, чтобы на его стороне были или справедливость, или слова закона, или запутанность смысла документа, или, наконец, то, что в глазах благочестивых судей стоит выше законов, — неоспоримая прерогатива государя»⁵.

¹ Чосер Дж. Кантерберийские рассказы. Пролог священника. Перевод с неопубликованного на русском языке текста оригинала.

² Мор Т. Утопия. М., 1953. С. 62.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же. С. 87.

Никто не мог быть защищен от произвола королевской власти. «У каждого имеется собственность, — отмечал Т. Мор, — лишь настолько, насколько ее не отняла у него королевская милость». При этом, добавлял он, «для государя очень важно, чтобы такой собственности было возможно меньше, потому что главный оплот его власти заключается в том, чтобы не дать народу избаловаться от богатства и свободы; при таком положении люди не очень-то мирятся с жестокими и несправедливыми приказами, тогда как, наоборот, нищета и недостаток притупляют настроение, приучают к терпению и отнимают у угнетенных благородный дух восстания»¹.

Он обвинял короля, веря, что его обличения помогут исправить положение дел: «Королю, — увещевал он, — подобает больше заботиться о том, чтобы хорошо было народу, а не ему самому... Несовместимо с королевским достоинством проявлять свою власть над нищими... Допускать, чтобы кто-нибудь один жил среди изобилия удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонали и плакали, это значит быть сторожем не королевства, а тюрьмы... Тот, кто не может исправить жизнь граждан другим путем, как только отнимая у них блага жизни, должен признаться в своем неумении управлять людьми свободными»².

Томас Мор знал, что вступил в борьбу, в которой ему не победить. И вместе с тем он верил, что возможен иной мир, в котором люди не будут сотрясаться от каждого порыва ветра и их не будут гнать в неизвестность «скорбь, гнев, надежда и страх»³.

И он создал свой, воображаемый мир, — мир Утопии.

Там все было по-иному.

Но, главное, там не было основного источника зла — собственности.

«Где только есть частная собственность, — писал Т. Мор, — где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел»⁴.

«Пока у каждого есть личная собственность, — продолжал он, — нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние...»⁵

¹ Мор Т. Утопия. С. 87–88.

² Там же. С. 88–89.

³ Мор Т. Эпиграммы. 51. Здесь и далее — перевод Ю.Ф. Шульца.

⁴ Мор Т. Утопия. С. 95–96.

⁵ Там же. С. 98.

Общественный и государственный строй Утопии строился на основе очень малого числа законов. Для народа с подобными учреждениями, подчеркивал Т. Мор, достаточно весьма немногих законов¹. «Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота — доступность понимания для всякого...»²

Цель такого государственного устройства и таких законов — всеобщее благоденствие³.

Темы бесправия и произвола, нарушавших «божественную сущность государства»⁴, звучат постоянно и в работах великого драматурга У. Шекспира (1564–1616).

Чтобы оздоровить государственную власть, поэт призывал к соблюдению двух основных начал: подчинения и соразмерности. Значение их У. Шекспир раскрыл в следующих строках:

«Как могли бы,
Закон соподчиненья презирая,
Существовать науки и ремесла,
И мирная торговля дальних стран,
И честный труд, и право первородства,
И скипетр, и лавры, и короны.
Забыв почтенье, мы ослабим струны —
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжко дышащие волны
Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нисколько;
Понятия вины и правоты —
Исчезли бы и потеряли имя,
И все свелось бы только к грубой силе,
А сила — к прихоти, а прихоть — к волчьей
Звериной алчности, что пожирает

¹ См.: Мор Т. Утопия. С. 176. Т. Мор в этом случае воспроизводит мысль Тацита о том, что наиболее испорченные государства имеют наибольшее количество законов.

² Там же. С. 176–177.

³ См. там же. С. 96.

⁴ Шекспир У. Троил и Крессида // Собрание сочинений: В 18 т. СПб., 1992–1996. Т. 14. С. 375. Действие 3. Картина 3.

В союзе с силой все, что есть вокруг,
 И пожирает самое себя...
 Когда закона мы нарушим меру,
 Возникнет хаос.
 Пренебреженье к этому закону
 Ведет назад и ослабляет нас»¹.

У. Шекспир верил, что законы — это те «скрепы», которые придают целостность миру². Поэтому в большей части его пьес звучит тема их святости.

Конечно, не всех законов. А только тех, в которых отражены христианские заповеди смирения, милосердия, любви.

В Англии той эпохи таких законов не было. В основном законы тех лет воплощали переменчивую, нередко капризную волю монархов, которые склоняли их

«пред своею волей,
 И правдой и неправдою вертя
 По прихоти своей»³.
 И никто не мог их остановить, ведь:
 «Цари — как боги. Прихоть их — закон.
 Кто скажет Зевсу, что преступен он?»⁴

Многие законы служили средством наживы либо достижения иных низменных целей. Впрочем, «прикрытое законом воровство» было привилегией только богатых и знатных. Для простолюдинов закон всегда оставался «уздой и бичом»⁵.

Их действие У. Шекспир познал на себе. Его отец многие годы был опутан долгами. Длительное время он сам с трудом сводил концы с концами. И, несомненно, вместе с другими сетовал на несправедливость законов, которые обрекали его на нищету: «Им никогда до нас дела не было. У них амбары от хлеба ломаются, а они нас морят голодом

¹ Шекспир У. Троил и Крессида. С. 267. Действие 1. Картина 3.

² Шекспир У. Ричард III // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 6. С. 414. Действие 3. Картина 6.

³ Шекспир У. Мера за меру // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 13. С. 346. Действие 2. Картина 4.

⁴ Шекспир У. Перикл // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 14. С. 20. Действие 1. Картина 1.

⁵ Шекспир У. Тимон Афинский // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 16. С. 185. Действие 4. Картина 3.

да издают законы против ростовщичества на пользу ростовщикам. Что ни день отменяют какой-нибудь хороший закон, который не по вкусу богачам: что ни день выдумывают новые эдикты, чтобы поприжать и скрутить бедняков. Если нас не пожрет война, они сами это сделают; вот как они нас любят»¹.

И тем не менее Шекспир постоянно призывал к соблюдению законов, поскольку даже самые несовершенные законы содержали положения, которые могли защитить слабых и нищих от произвола тех, кто имел силу и власть². Законы предотвращали хаос насилий и убийств. Он писал:

«Если не отмстится по заслугам
Злодейство, доживем мы до того,
Что люди станут пожирать друг друга»³.

Закон — одно из самых действенных средств по укреплению государства. Если он бездействует, «то сам собою отмирает»⁴, вызывая презрение к той власти, которая не смогла обеспечить его исполнение. Поэтому У. Шекспир напоминал:

«Нельзя же из закона делать
Нам пугало воронье, что стоит,
Не двигаясь, пока, привыкнув, птицы
Не обратят его в насест»⁵.

И У. Шекспир настойчиво отстаивал принцип неукоснительного соблюдения закона. Так, рассказывая о Венеции, он писал:

«Не может дож законы нарушать:
Ведь он, отняв у чужестранцев льготы,

¹ Шекспир У. Кориолан // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 8. С. 19. Действие 1. Картина 1.

² Хотя У. Шекспир не был юристом, он еще в юности был вынужден усердно штудировать трактаты по праву, чтобы помочь отцу в ведении множества судебных дел. Архивы сохранили данные о том, что отец У. Шекспира участвовал в качестве истца или ответчика по крайней мере в 50 судебных делах. Поскольку он был неграмотен и не имел возможности нанять адвокатов, можно предположить, что он поручал своему сыну вести тяжбы в судах. Там будущий великий драматург освоил многие тонкости права. Вопрос об уровне правовых знаний У. Шекспира подробно изложен во многих работах, в том числе см.: *Alexander M.A. Shakespeare's Knowledge of Law* // <http://www.shakespearefellows.org>; *Campbell J.L. Shakespeare's Legal Acquirements* // <http://www.sourcetext.com/lawlibrary/campbell>; *Greenwood G. Shakespeare's Law*. London, 1916.

³ Шекспир У. Король Лир // Собрание сочинений: В 18 т. СПб., 1992–1996. Т. 2. С. 197–198. Действие 4. Картина 2.

⁴ Шекспир У. Мера за меру. С. 272. Действие 1. Картина 3.

⁵ Там же. С. 283. Действие 2. Картина 1.

В Венеции им данные, доверье
 К законам государства подорвет...»¹
 «В Венеции нет власти,
 Чтоб изменить установленный закон.
 То был бы прецедент, и по примеру
 Его немало вторглось бы ошибок
 В дела республики...»²

В пьесах Шекспира перед законом склоняют головы короли, аристократы и простолюдины. И нет защиты тому, кто посмеет нарушить его. Так, правитель Венеции смиренно говорит:

«Найдите сами для него страницу
 В кровавой книге права и над ним
 Вершите приговор. Я не вмешуюсь,
 Хотя бы это был родной мой сын»³.

Вместе с тем Шекспир верил, что закон должен сочетаться с милостью⁴. Эту мысль он повторял часто как заклинание:

«Поверьте мне: все украшение власти —
 Корона, меч наместника, и жезл
 Вождя, и тога судии — ничто
 Не может озарить таким сияньем,
 Как милость»⁵.

«Добродетель
 Закона — состраданье; лишь тираны
 Безжалостны в суде»⁶.

Многие работы поэта Джона Милтона (1608–1674) посвящены религии и церкви. Для него не было сомнений в необходимости их укрепления: «Любовь к Богу, как огонь, ниспосланный с небес, должна вечно пылать на алтаре наших сердец и быть первым принципом всех действий человека, продиктованных Божьей волей и добродетелью»⁷.

¹ Шекспир У. Венецианский купец // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 8. С. 401. Действие 3. Картина 3.

² Шекспир У. Там же. С. 428. Действие 4. Картина 1.

³ Шекспир У. Отелло // Собрание сочинений: В 18 т. Т. 6. С. 38. Действие 1. Картина 3.

⁴ Шекспир У. Венецианский купец. С. 427. Действие 4. Картина 1.

⁵ Шекспир У. Мера за меру. С. 315. Действие 2. Картина 2.

⁶ Шекспир У. Тимон Афинский. С. 121. Действие 3. Картина 5.

⁷ Milton J. The Reason of Church-government. Book 2. Chapter 3 // http://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/reason/book_2/text.shtml.

Но такому восприятию Бога мешало «порочное состояние церкви», что стало не только «причиной волнений и гражданских войн»¹, но прежде всего деспотии.

«Сила, — писал он, — если она соединена с религией извращенной и направленной к амбициозным целям, неизбежно рождает самую тяжелую и наиболее угнетающую тиранию, которая порабощает не только шеи, но и души»².

Он часто призывал к восстановлению утраченной связи религии и права, ссылаясь на опыт разных эпох и народов.

Так, еще Моисей «знал, насколько бесполезно писать законы для людей, чьи сердца не исполнены знанием Бога и Его деяний»³.

Продолжая, он отмечал, что «все законодатели древности... мудро понимали, что люди никогда не будут покорно исполнять нормы поведения, если в них будет больше от человека, чем от Бога»⁴.

В христианском мире право должно было основываться на началах Евангелия. По убеждению Дж. Милтона, все, что не соответствует Евангелию, является не более чем «имитацией права»⁵. «Евангелие — это цель и исполнение закона»⁶.

С той же страстью Джон Милтон защищал свободу слова и прессы. В своей «Ареопагитике», изданной в разгар революции⁷, он призывал членов Парламента Англии руководствоваться не прежними устаревшими доктринами, а самой жизнью:

«Лорды и Общины Англии, подумайте о том, к какой нации вы принадлежите и какой нацией вы управляете: нацией не ленивой и тупой, а подвижной, даровитой и обладающей острым умом; изобретательной, тонкой и сильной в рассуждениях...»⁸

Продолжая, он писал: «Взгляните теперь на этот огромный город, город-убежище, город свободы, лелеемый и окруженный Его

¹ *Milton J.* The Reason of Church-government. Book 1. Chapter 7.

² *Ibid.* Book 2. Chapter 3.

³ *Ibid.* Book 1. Preface.

⁴ *Ibid.* Chapter 1.

⁵ *Ibid.* Chapter 5.

⁶ *Ibid.* Chapter 3.

⁷ Поводом к изданию Речи в 1644 г. послужило решение Парламента о введении предварительной цензуры книг, готовящихся к изданию.

⁸ *Милтон Дж.* Арёопагитика // Современные проблемы. Вып. 1. М.; Новосибирск, 1977.

заботой. В кузнице войны не больше наковален и молотов, кующих орудия вооруженной Справедливости для защиты осажденной Истины, чем есть в этом городе перьев и голов, занимающихся при свете ламп, размышляющих, ищущих, обдумывающих новые понятия и мысли, которые они могли бы дать приближающемуся Преобразованию вместе с клятвой верности; другие с такой же быстротой читают, испытывают все вещи, уступают силе разума и убеждения. Чего еще можно потребовать от нации, которая так стремится искать истину? Что еще, кроме мудрых и верных работников, не хватает такой благодарной и плодотворной почве, чтобы произвести народ, богатый знанием, — нацию пророков, мудрецов и достойных людей?»¹

Ссылки на то, что свобода слова может быть использована для развращения нации, он решительно отвергал. Никто не мог насильно сделать других людей праведными и добродетельными. «Для чистого человека все вещи являются чистыми, не только еда и питье, но и все виды знания, как о добром, так и злом; знание не может загрязнить, если воля и сознание не являются грязными»².

В памфлете «Срок полномочий королей и правителей»³ всю историю становления государства и права Джон Милтон вложил в четкие формулы, которые в дальнейшем были положены в основу многих учений о естественном праве:

«Ни один человек, знающий то, что должен знать, не может быть настолько глуп, чтобы отрицать, что все люди согласно законам природы рождены свободными, что они являются образом и подобием Господа Бога и что им даровано право властвовать над всем животным миром; поэтому они рождены властвовать, а не подчиняться; и так они жили. Но едва ли не сразу после грехопадения Адама люди стали совершать зло и насилие; тогда, поняв, что такое положение дел неизбежно приведет к их полному уничтожению, они согласились по общему договору воздерживаться от причинения друг другу вреда,

¹ Milton J. Areopagitica // <http://www.stlawrenceinstitute.org/vol14mit.html>.

² Ibidem.

³ Во многих источниках название работы «The Tenure of Kings and Magistrates» переводится как «Полномочия королей и правителей», что не вполне точно передает название и основное содержание памфлета. В английском юридическом языке основное значение термина *tenure* — срок полномочий. Так было в XVII в. Так осталось и в наши дни.

а также совместно защищать друг друга от тех, кто будет нарушать либо препятствовать такому соглашению. Так появились города, селения и государства. И поскольку не в каждом из людей вера была достаточно крепкой, они решили учредить власти, которые могли бы удерживать при помощи силы и наказания тех, кто нарушал мир и принадлежащие всем права. Эти власти и силы самозащиты и самосохранения изначально и естественным образом исходили от каждого из людей и были в каждом из них»¹.

Он убеждал, что тот же порядок существует и сейчас. «Законы созданы волей либо с согласия всех, чтобы определить и ограничить власть тех, кого они избрали для управления собой... Точно так же как правители поставлены над людьми, так же законы установлены над правителями»².

Если правитель нарушил закон, он должен понести за это заслуженную кару. «Надо учить незаконных монархов, а также тех, кто обожает их, что не смертный человек и не монаршая воля, а справедливость является единственно истинным правителем и верховным владыкой всей земли»³.

6 ноября 1649 г. Милтон публикует работу под названием «Разрушитель икон».

Этим названием он хотел выразить многое: стремление к новой жизни, желание разрушить не только ореол святости вокруг имени Карла I, но и те предрассудки, которые господствовали в сознании многих.

«Люди, поверившие тому, что утверждает король, доказывают, что они по своей природе рабы и ничем не отличаются от животных; они недостойны той свободы, о которой они кричали и шумели; напротив, они заслуживают того, чтобы их вновь вернули в прежнее состояние рабства как шумных и драчливых животных, которые вырвались из-под пожизненного гнета и не знают, как распорядиться той свободой, за которую они сражались; и все это происходит под воздействием прекрасно звучащих слов и обещаний давно ненавидящего их врага, готового нанести им удар и вновь приучить их к столь желанному,

¹ *Milton J.* The Tenure of Kings and Magistrates // <http://www.dartmouth.edu/~milton/reading-room/tenure/index.shtml>.

² Ibidem.

³ Ibidem.

умиротворяющему и наиболее подходящему для них норманнскому крепостничеству»¹.

В доказательство Милтон писал: «Все законы, Бога и человека, создаются для всех и не делают исключений для кого бы то ни было, и если короли пытаются поставить себя над законом, который, собственно, и дает им право править для общего блага, они должны быть по закону призваны к порядку»².

Таким было веление справедливости, которая «сама является силой, царством, властью и правлением на все века»³.

Эти идеи были развиты и в последующих работах, таких как «Защита народа Англии» (24 февраля 1651 г.) и «Вторая защита народа Англии» (30 мая 1654 г.).

К тому времени революция в Англии пошла на спад. В стране утвердилось владычество О. Кромвеля, которая немногим отличалась от деспотического правления Карла I. Парламент страны был разогнан, суды поставлены под контроль правительства, а народ лишен многих прав и свобод, завоеванных в борьбе с королевской властью. Для многих диктатура Кромвеля казалась незыблемой. Но только не для слепого Джона Милтона, который внутренним взором видел трещины в ее фундаменте и ощущал начало ее конца. Поэтому в работе «Вторая защита народа Англии» так много грустных размышлений о судьбах страны.

Он упрекал правительство в недостаточной заботе об обществе и в неумении управлять государством. Оно так и не освоило «искусство мира». Мир и свобода для него остались одним из состояний войны. Такой мир, предупреждал Джон Милтон, «принесет еще больше страданий, а то, что представляется свободой, в будущем обернется самым худшим рабством»⁴.

Как и в любом плохо устроенном государстве, в республиканской Англии стремительно росло число законов. «В республике, — писал он, — всегда много людей, которые имеют такую же страсть к напи-

¹ *Milton J. Eikonoklastes. Chapter 27.* Тексты философских и полемических произведений Дж. Милтона приводятся по электронным ресурсам: <http://www.brysons.net/milton.web>;

² *Ibid.* Chapter 28.

³ *Ibidem.*

⁴ *Milton J. The Second Defence of the People of England* // http://www.constitution.org/milton/second_defence.htm.

санию множества законов, как некоторые стихоплеты к составлению множества стихов, и поскольку качество законов, как правило, ухудшается по мере роста их числа, следует для предотвращения зла либо направления по пути добра принимать ровно столько новых законов, сколько отменяется тех старых законов, которые не действуют должным образом»¹.

Столь же сурово он обвинял народ Англии в том, что тот не мог расстаться с узами рабства, и доказывал, что свободу необходимо терпеливо взращивать и лелеять с помощью «благочестия, справедливости, умеренности и неизвращенной добродетели». Только на таких нравственных началах она может глубоко укорениться в сознании и в сердцах людей².

Перелом в его сознании наступил после реставрации королевской власти. Революция, казнь монарха, гражданская война — значение этих событий уже не казалось ему столь очевидным, как раньше. Более того, он все более убеждал себя в том, что им не было оправдания, поскольку они нарушили естественный порядок вещей.

Все чаще в его сознании возникали библейские картины восстания падших ангелов. Между этой немыслимо далекой историей и недавней английской революцией было много общего: цели восстания, чувства и страсти его участников, горькая судьба после падения — судьба без радости и надежд. Земля и Ад — «единый материк»³. В этом он больше не сомневался.

Так рождался замысел нового, главного труда его жизни — поэмы «Потерянный рай».

Параграф 4. Статутное право и революционные волны законотворчества в истории английского права

После нормандского завоевания в истории Британии было несколько волн законодательных реформ, которые корректировали нормы общего права и нередко меняли основы действовавшего правового порядка. Собственно, в этом изначально и заключалась роль статутного права.

¹ *Milton J.* The Second Defence of the People of England.

² *Ibidem.*

³ *Милтон Дж.* Потерянный рай. Книга десятая // Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М., 2006. С. 290.

Первая волна реформ была осуществлена Вильгельмом Завоевателем, который, как было сказано выше, перестроил систему управления и изменил многие общественные институты Англии.

Несколько десятилетий спустя политику преобразований продолжил Генрих I (1100–1135). Первым же актом — Хартией свобод 1100 г. — он провозгласил политику твердого следования законам:

«Я устанавливаю твердый мир во всем королевстве и приказываю, чтобы он поддерживался отныне.

Я восстанавливаю законы короля Эдуарда¹ с теми поправками, которые были внесены моим отцом² по совету его баронов...

Если кто-либо после смерти короля Уильяма, моего брата, присвоил что-либо из того, что принадлежит мне или другим лицам, он должен немедленно все вернуть без уплаты штрафа; но если кто-либо оставит себе чужое и это будет обнаружено, он будет подвергнут тяжкому штрафу»³.

Следующий этап правовых реформ наступил в правление Генриха II, родоначальника новой династии Плантагенетов.

В ряду принятых им актов особое место занимали Великая и Кларендонская ассизы, преобразовавшие судебную систему и учредившие мировых судей и суд присяжных.

Столь же масштабной должна была стать и церковная реформа. Ее основные контуры были намечены в Кларендонской конституции 1164 г. Этот акт установил жесткие ограничения для духовенства. В частности, королевским судам было предоставлено право проверять ведение дел в церковных судах. Архиепископам, епископам и другим духовным лицам запрещалось покидать территорию королевства без согласия короля. А если такое согласие было получено, они должны были принести присягу в том, что, находясь за границей, в пути либо вернувшись обратно, они не будут причинять вред либо ущерб королевству и королю⁴. Но завершить церковную реформу Генрих II не сумел. Убийство в декабре 1170 г. его главного оппонента — архиепископа Кентерберийского Т. Бекета так ужаснуло его, что он предпочел отказаться от проведения реформы. Более того, он даровал духовенству новые, более широкие, чем прежде, права.

¹ Англосаксонский король Эдуард Исповедник (1042–1066).

² Вильгельм Завоеватель.

³ Charter of Liberties // <http://www.britannia.com/history/docs/charter.html>.

⁴ Constitution of Clarendon, 1164 // <http://avalon.law.yale.edu/medieval/constcla.asp>.

Следующая волна законодательных реформ была осуществлена вопреки воле короля. Под давлением мятежных баронов король Иоанн даровал подданным Великую хартию вольностей 1215 г. Этот акт представляет интерес с точки зрения не только истории, но и современности англосаксонского права. Поэтому приведем значительный его фрагмент:

«Дали мы перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили за нас и за наследников наших на вечные времена, чтобы английская церковь была свободна и владела своими правами в целостности и своими вольностями неприкосновенно... чтобы ни мы, ни наши чиновники не захватывали ни земли, ни дохода с нее за долг, пока движимости должника достаточно для уплаты долга... чтобы ни один свободный человек не был арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, подвергнут нападению нашему либо по приказу нашему иначе, как по законному приговору равных с ним лиц и по закону страны... чтобы за мзду никто не добивался права и справедливости и никому не отказывали в них и не затягивали в их признании... чтобы все купцы имели право свободно и безопасно выезжать из Англии и въезжать в Англию... покупать и продавать без всяких незаконных пошлин, уплачивая лишь старинные и справедливые, обычаем установленные пошлины... чтобы судьи, констебли, шерифы и бэйлифы назначались лишь из тех лиц, которые знают закон королевства и имеют желание его добросовестно исполнять»¹.

Через полвека курс законодательных реформ был продолжен Эдуардом I (1272–1307). За 35 лет своего царствования он принял 31 крупный законодательный акт, многие из которых оставили заметный след в истории английского права. Чтобы обосновать это суждение и дать общее представление о направлениях реформ, приведу несколько цитат:

«I. Король желает и приказывает, чтобы мир святой церкви и всей страны хорошо поддерживался и охранялся во всех местах. И чтобы одинаковое право принадлежало всем, как богатым, так и бедным, невзирая на лица...

V. И так как выборы должны быть свободными, король запрещает под угрозой тяжкого наказания, чтобы кто-либо из знатных людей или

¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 15–22.

кто-нибудь другой силой оружия или коварства мешал бы кому-либо осуществить свободные выборы...

VIII. И ничего не следует брать за правильное ведение судебного дела (*par beau pleyder*), как это уже было раньше запрещено в царствование короля Генриха, отца теперешнего короля» (первый Вестминстерский статут 1275 г.).

«Ввиду того что изо дня в день растет количество грабежей, убийств, поджогов и случаев воровства, а (обвинительные) присяжные не желают изобличать своими показаниями преступников... наш господин король для уничтожения засилья преступников установил... чтобы во всех собраниях графств и сотен, на рынках, ярмарках, а также во всех других местах, где бывают сборища народа, было бы торжественно объявлено, что впредь никто не может рассчитывать на оправдание по причине его неведения (о совершенном преступлении) и что отныне каждое графство должно так хорошо охраняться, чтобы немедленно после совершения подобных грабежей и преступлений начиналось бы преследование (виновных) по свежим следам из деревни в деревню, из одной местности в другую» (Винчестерский статут 1285 г.).

Одной из основных целей законодательных реформ было искоренение недостатков управления и судопроизводства. Но эта цель так и осталась неосуществленной, о чем свидетельствует один из наиболее ярких законодательных актов средневековой Англии — Ордонанс о судьях, изданный королем Эдуардом III в 1346 г. Текст этого акта не только интересен, но и поучителен. Он развенчивает многие мифы, связанные с историей английского права. Поэтому приведем его лишь с небольшими сокращениями:

«Из многочисленных жалоб, поступающих к нам, мы узнали, что закон нашей страны, который согласно нашей коронационной клятве мы обязаны поддерживать, плохо соблюдается и его осуществление часто нарушается благодаря корыстной поддержке и защите одной из тяжущихся сторон как в судах, так и вообще в стране, осуществляемой разными способами. Поэтому движимые в этом деле совестью и желая быть угодными Богу, облегчить и успокоить наших подданных, а также свою совесть, и для того, чтобы обеспечить выполнение нашей вышеупомянутой (коронационной) клятвы, мы с согласия магнатов и других мудрых людей из нашего совета постановили следующее:

Статья I. Мы приказываем, чтобы наши судьи отныне обеспечивали осуществление закона и прав всем нашим подданным, в равной

мере богатым и бедным, независимо от личности, и не нарушали бы права из-за каких-либо писем или распоряжений, полученных ими от нас, или от кого-либо другого, или на каком-либо ином основании.

И если подобные письма, приказы, распоряжения, нарушающие закон, препятствующие его осуществлению или осуществлению прав тяжущихся, поступят к судьям или к другим лицам, имеющим отношение к законам согласно обычаям королевства, судьи и другие вышеупомянутые лица должны разбирать дело и вести судебные заседания и процесс так, как если бы они не получали никаких писем приказов или распоряжений. И они обязаны уведомить нас и наш совет о подобных распоряжениях, которые противоречат законам. И желая, чтобы наши судьи осуществляли равное право в отношении всех людей, не обнаруживая никакого пристрастия, мы постановили и приказали, чтобы судьи приносили присягу в том, что отныне и в течение того времени, пока они будут исполнять должность судьи, они не будут принимать ни денежного вознаграждения, ни одежды ни от кого, кроме нас самих, и что они никоим образом не будут принимать от людей, дела которых должны рассматривать, никаких подарков или взяток ни сами лично, ни через других, ни открыто, ни тайно, за исключением только пищи или напитков незначительной стоимости... И в связи с этим мы повысили жалованье этих наших судей насколько это необходимо, чтобы удовлетворить их.

Статья II. То же самое мы постановили в отношении баронов Казначейства. И мы открыто потребовали от них в нашем присутствии, чтобы они в соответствии с разумом осуществляли право в отношении всех наших подданных, как больших, так и малых...

Статья IV. Далее мы приказали и твердо настаиваем на том, чтобы под страхом наказания никто из членов нашего дома или наших приближенных, а также ни прелаты, ни эрлы, ни бароны, ни другие большие и малые люди, какого бы они ни были сословия или состояния, не принимали участия в каких-либо тяжбах, не касающихся их лично, с тем чтобы поддерживать в них одну сторону тайно или открыто, за подарки или посулы, ради дружбы или покровительства, из-за недоверия и ненависти или по какой-либо другой причине, так как это нарушает закон и затрудняет его действие. Но каждый человек имеет полное право искать и защищать свое право в наших и других судах в соответствии с законом...

Статья V. Затем нам стало известно, что многие лица поддерживают в корыстных целях одну из тяжущихся сторон в судебных процессах и (в свою очередь) пользуются поддержкой (своих) лордов, что еще более поощряет их к нарушениям законов. Благодаря такой поддержке многие люди в графствах разорялись, права многих нарушались или осуществление их откладывалось, а некоторые невинные люди обвинялись, осуждались или притеснялись другим способом... Поэтому мы приказали и приказываем... чтобы в назначенный день такие лица явились перед нами лично или перед теми членами нашего совета, которых мы для этого уполномочили. Их дела должны быть тщательно расследованы, а им следует приказать, чтобы впредь они воздерживались от оказания подобной поддержки или помощи одной из тяжущихся сторон, которую они ранее осуществляли в этой стране к ущербу нашего народа.

Статья VI. Далее мы желаем и приказываем, чтобы судьи, назначенные для рассмотрения ассиз, имели бы также полномочия для проведения во время (ассизных) сессий расследований... по поводу тех взяток, незаконных вознаграждений и других доходов, которые... должностные лица берут с населения за исполнение своих обязанностей и по поводу всего того, что непосредственно относится к их должности. Расследование должно вестись также по поводу того, что они составляют комиссии присяжных из лиц, пользующихся дурной славой и подозреваемых в злоупотреблениях; а также относительно лиц, поддерживающих тяжущиеся стороны, взяточников, присяжных, которые берут с тяжущихся взятки и вознаграждения, благодаря чему в нарушение всех законов населению ежедневно наносятся тяжелые убытки и ущерб и нарушается общее право.

И все те, кто будет уличен в подобных злоупотреблениях, должны быть наказаны в соответствии с разумом и законом как по жалобам, возбужденным нами, так и по частным жалобам. И мы обязали наших канцлера и казначея выслушивать жалобы на подобные злоупотребления от всех тех, кто пожелает пожаловаться и заботиться о скорейшем пресечении этих злоупотреблений.

Поэтому мы Вам приказываем широко опубликовать вышеизложенные статьи и постановления в нашем городе (или в том месте, которое Вы сочтете наиболее удобным в Вашем округе), чтобы те, кто испытывает вышеперечисленные тяготы, могли добиваться их пресечения согласно вышеуказанному ордонансу; и чтобы наш народ

мог знать наши намерения и желания в этом отношении и наше стремление к тому, чтобы право оказывалось всем нашим подданным, как бедным, так и богатым; и чтобы нарушители (законов) обуздывались бы и подвергались наказанию»¹.

Следующая волна преобразований права началась в эпоху Реформации. Начало этим реформам положил стал Акт о верховенстве, изданный королем Генрихом VIII в 1534 г. с целью расторгнуть узы, связывающие его монархию с католической церковью. Его принятие было обосновано необходимостью «усилить достоинство Христианской религии в Английском королевстве, подавить и искоренить все ошибки, ереси и другие ненормальные явления и злоупотребления». А средством решения этой задачи стало провозглашение короля «единственным верховным главой на земле Церкви Англии, именуемой Англиканской Церковью». Королю передавался не только указанный титул, но и «все звания и знаки отличия, преимущества, юрисдикции, привилегии, власть, иммунитеты, доходы и предметы, принадлежащие и имеющие отношение к званию верховного главы указанной Церкви»².

Аналогичный Акт о верховенстве был принят в 1558 г. королевой Елизаветой I, и он до сих пор остается в силе³.

Самые яркие страницы английского статутного права были написаны во время Английской революции 1640–1660 гг., что подтверждают даже названия актов, отражавшие не только ход яростной борьбы, но и новые начала права: «Петиция о корне и ветвях» от 11 декабря 1640 г., «Великая Ремонстрация и сопровождающая ее Петиция Палаты общин» от 1 декабря 1641 г., «Девятнадцать предложений, посланных двумя палатами Парламента Королю в Йорке» от 3 июня 1642 г., «Торжественный союз и соглашение» от 25 сентября 1643 г., «Соглашение Народа Англии и местностей, в нее входящих, для утверждения прочного мира, основанного на общем праве, свободе и общей для всех безопасности» от 15 января 1649 г., «Акт об объявлении Англии Общим достоянием (*Commonwealth*)» от 19 мая 1649 г., «Орудие управления» от 16 декабря 1653 г. и т.д.⁴

¹ Из Ордонанса о судьях 1346 г. // Постановления о судах и судьях XIV в. Перевод Е.В. Гутновой.

² Henry's VIII's Act of Supremacy (1534) — original text. См. на сайте: <http://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm>.

³ Act of Supremacy. 1558 c.11_Eliz_1. См. на сайте: <http://www.statutelaw.gov.uk>.

⁴ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660 / Sel. and Ed. by S.R. Gardiner. Oxford, 1906.

Изменились содержание, форма, стиль изложения законодательных норм. Они стали образными, яркими и вместе с тем властными. Так проявляла себя поэзия новой, впервые пробудившейся стихии, когда творцом истории стал сам народ.

Особой страстью отличались акты 1649 г., самого драматичного в истории английской революции.

Одним из первых его актов (4 января) стало объявление палаты общин верховной властью в Англии.

«Общины Англии, заседающие в Парламенте:

1. Объявляют, что народ, живущий по заветам Бога, является источником всей власти.

2. И также объявляют, что Общины Англии, заседающие в Парламенте, избранные и представляющие народ, являются высшей властью в государстве»¹.

С этого момента законодательные акты отличает особое, невиданное до тех пор вдохновение. Палата общин не только вершит судьбы Королевства, она несет ответственность за каждый свой шаг перед собственным народом и Богом. По этой причине в ее актах так много строк посвящено обоснованию принятых решений. Поэтому в их текстах закреплено так много общих принципов, устремленных в будущее, и так много норм, обращенных не только к разуму, но и к чувствам.

Примером тому может служить Акт об уничтожении должности (*office*) Короля от 17 марта 1649 г.:

«...Принимая во внимание следующее, установленное и доказанное опытом, а именно:

что должность Короля в этой стране и Ирландии и принадлежность королевских полномочий какому-либо одному лицу бесполезны, тягостны и опасны для свободы, общественной безопасности и публичного интереса народа;

и что в отношении большей части этого народа королевские полномочия и прерогативы были использованы для притеснения, разорения и обращения в рабство подданных;

и что каждое лицо, обладающее такими полномочиями, стремится обычно и в силу естественного порядка вещей посягнуть на законную свободу и вольности народа и старается поставить свою волю и власть

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 71.

выше законов, чтобы можно было поработить для себя указанные выше королевства,

постановляется и объявляется настоящим Парламентом и его властью, что должность Короля этого государства отныне не должна принадлежать какому-либо одному лицу и что никакое лицо не должно и не может иметь либо притязать на трон, титул, сан, власть или полномочия Короля или Принца Уэльского указанных выше королевств и владений или какой-либо их части, вне зависимости от того, что было ранее установлено законами, статутами, традициями или обычаями...»¹

После казни короля Карла I (30 января 1649 г.) перед Англией открылось новое будущее, основные черты которого отразились в Акте об объявлении Англии Общим достоянием от 19 мая 1649 г.:

«Провозглашено и установлено настоящим Парламентом и его властью, что народ Англии и всех принадлежащих ему владений и территорий становится и будет в будущем Общим достоянием и Свободным Государством, так как это установлено, совершено и подтверждено настоящим Актом, и что отныне он будет управляться как Общее достояние и Свободное Государство верховной властью этой нации — представителями народа в Парламенте, а также назначенными ими и подчиненными им должностными лицами и министрами во благо народа и без какого-либо Короля и Палаты Лордов»².

Впрочем, век свободы в Англии оказался недолгим. Через несколько лет вся власть была передана Оливеру Кромвелю, который согласно Орудью управления 1653 г. принял титул Лорда Защитника (*Lord Protector*) Англии, Шотландии и Ирландии. Его правление было единовластным и деспотичным: Парламент был разогнан, суды поставлены под контроль высшего командования республиканской армии, а население лишено многих прав и свобод.

В условиях диктатуры О. Кромвеля законодательные акты вновь становятся серыми, обезличенными, лишенными вдохновения. В них царит иной дух — дух лести и страха перед властью. Ярким образцом тому может служить «Смирненное прошение и совет» — акт Парламента от 25 мая 1657 г., который заменил предшествующие конституционные

¹ The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 384–386; Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 75–76.

² Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660. P. 388.

акты Англии — Орудие управления 1653 г. и Конституционный билль Первого Парламента Лорда Защитника от 11 ноября 1654 г. — 20 января 1655 г.

Устои Республики были разрушены, и после смерти О. Кромвеля (1658 г.) она через два года прекратила свое существование.

Но полностью осуществить реставрацию старого правопорядка династия Стюартов так и не смогла. А вскоре она лишилась власти в результате «славной» и бескровной революции 1688 г. Парламент на время вновь стал верховной властью страны, передав трон новой династии и установив в Билле о правах 1689 г. основы нового конституционного строя Англии.

В *Билле о правах 1689 г.* многое вызывает удивление: новизна содержания, стройность изложения, точность и вместе с тем образность языка и общий лиричный стиль.

В первой его части изложены те обстоятельства, которые привели к отрешению от власти Якова II. И, как зеркальное их отражение, в следующей части закреплены нормы, которые не допустят в будущем каждое из перечисленных нарушений:

«И посему названные Лорды Духовного и Светского звания и Общины, по праву, утвержденному соответствующими грамотами, и в силу избрания собравшиеся ныне в качестве полного и свободного представительства этого народа, обсудив самым серьезным образом наилучшие средства для достижения выше указанных целей, прежде всего (как это делали в подобных случаях обычно их предки) восстанавливают и подтверждают свои древние права и вольности, заявляя:

Что притязание на власть приостанавливать законы или исполнение законов королевским повелением, без согласия Парламента, незаконно;

Что притязание на власть освобождать от ответственности по закону или от исполнения законов королевским повелением так, как это происходило и осуществлялось ранее, незаконно;

Что учреждение существовавшего прежде суда уполномоченных по церковным делам и любых других подобных учреждений и судов подобного рода незаконно и пагубно;

Что взимание сборов в пользу и для нужд Короны по собственному решению, без согласия Парламента, либо на более длительное время или иным образом, чем это установлено Парламентом, незаконно;

Что подданные имеют право подавать петиции Королю и что любые обвинения и преследования лиц, подавших такие петиции, незаконны;

Что набор или содержание постоянного войска в пределах Королевства в мирное время, иначе как с согласия Парламента, противоречит закону;

Что подданные протестантского исповедания могут иметь оружие для собственной защиты, соответствующее существующим обстоятельствам и разрешенное законом;

Что выборы членов Парламента должны быть свободными;

Что свобода слова, дебатов и процедур в Парламенте освобождает от ответственности либо допросов в каких-либо судах или иных местах, кроме Парламента;

Что не допускаются ни требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов, ни применение жестоких либо необычных наказаний;

Что присяжные должны надлежащим образом призываться к исполнению и освобождаться от исполнения обязанностей присяжных и что присяжными по делам об измене должны быть свободные землевладельцы;

Что любые решения и намерения применить штрафы и конфискации до осуждения отдельных лиц незаконны и недействительны;

И что для пресечения любых злоупотреблений и для изменения, укрепления и сохранения законов Парламент должен часто созываться.

И они заявляют, требуют и настаивают, чтобы все эти условия и каждое из них в отдельности соблюдались, как их несомненные права и свободы...»¹

В Билле о правах значительное место уделено описанию порядка вступления на престол Вильгельма и Марии Оранских. При этом нередко оно становится лиричным, приобретая ту легкость языка, которая была присуща драматургии той эпохи:

«Названные Лорды Духовного и Светского звания и Общины, собравшиеся в Вестминстере, постановляют, что Вильгельм и Мария,

¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII–XIX вв. С. 126–133; English Bill of Rights. 1689. An Act Declaring the Rights and Liberties of the Subject and Settling the Succession of the Crown // http://avalon.law.yale.edu/17th_century/england.asp.

принц и принцесса Оранские, признаются и объявляются Королем и Королевой Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений, так, чтобы корона и королевский сан означенных королевств и владений принадлежали пожизненно упомянутым принцу и принцессе и тому из них, кто переживет другого».

Билль о правах использовал многие приемы драматургии, описывая торжественно не только дальнейший ход событий, но и счастливый, как в волшебной сказке, конец:

«После чего их Величества приняли корону и королевский сан Королевств Англии, Франции и Ирландии и принадлежащих им владений согласно решению и желанию означенных Лордов и Общин, высказанным в вышеприведенном заявлении.

И затем их Величества соизволили, чтобы означенные Лорды Духовного и Светского звания и Общины, составляющие две палаты Парламента, продолжали заседать и, совместно с их королевскими Величествами, приняли действенные меры для утверждения веры, законов и вольностей этого Королевства, — так, чтобы они на будущее время не подвергались снова опасности ниспровержения; на что означенные Лорды Духовного и Светского звания и Общины изъявили согласие и приступили к делу согласно вышесказанному...»¹

Билль о правах 1689 г. сыграл большую роль в конституционной истории не только Англии, но и многих других государств. Так, американские колонисты отстаивали свои права и свободы, а в дальнейшем вели борьбу за независимость, ссылаясь на Билль о правах. Многие его нормы вошли в тексты первых конституций американских штатов и Конституции США. Он и сейчас сохраняет свою силу, оставаясь одной из наиболее прочных основ неписаной британской конституции.

Параграф пятый. Основные черты и особенности общего права

В результате сплава указанных сил — судебной практики, доктрин, народного духа и законотворчества — сформировалась особая традиция общего права, которая из Англии была перенесена во многие части света, в основном в бывшие английские колонии — США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Ирландию и некоторые другие.

¹ Конституции и законодательные акты буржуазных государств. XVII—XIX вв. С. 126—133; English Bill of Rights. 1689.

Между этими странами много различий. США, Канада, Австралия относятся к числу самых крупных государств мира. Ирландия и Новая Зеландия им заметно уступают по территории и численности населения.

Соединенные Штаты, Канада, Австралия имеют федеративную форму государственного устройства. Ирландия и Новая Зеландия являются унитарными государствами. Унитарное устройство с автономными образованиями сложилось в Великобритании.

Соединенные Штаты полностью разрушили связи с бывшей метрополией. Из Британского Содружества наций в 1949 г. вышла Ирландия. В настоящее время в ее составе остаются Австралия, Новая Зеландия, Канада, а также многие островные государства Карибского бассейна.

В Австралии, Ирландии, Канаде, США действуют конституции. В Великобритании и Новой Зеландии их нет.

В странах, придерживающихся традиции общего права, различна не только роль законодательства, но и тенденции его развития. Так, в Соединенных Штатах и Канаде все более отчетливо прослеживается тенденция к кодификации, тогда как в Великобритании и Ирландии идеи кодификации в основном отвергаются.

В правовых системах США, Канады, Великобритании традиционные источники права — судебные прецеденты и законы — стремительно вытесняются ведомственными актами (актами делегированного законодательства), тогда как в Ирландии и Новой Зеландии они сохраняют большое значение.

Право Великобритании и Ирландии в последние годы развивается во многом под воздействием внешних факторов, формирующихся в рамках Европейского Союза. Подобного воздействия другие страны общего права не испытывают.

И тем не менее при всех различиях правовые системы этих государств многое объединяет.

Для каждой из них характерно наличие двух основных подсистем — статутного и общего права. И каждой из них отведена особая и далеко не однозначная роль.

В настоящее время во всех странах, относящихся к семье общего права, основное место в правовом регулировании отведено статутному праву. Это обусловлено не только массивностью его свода, который включает конституции (в тех странах, где они есть), статуты и акты делегированного законодательства — правила и ордонансы, изданные

органами исполнительной и судебной власти¹, а также местными органами власти. Существенную роль играет характер статутного права. В нем видят инструмент для регулирования определенных общественных отношений (в частности, бюджетных, налоговых, природно-ресурсных, уголовно-правовых и многих других), а также для проведения необходимых реформ, которые не могут быть осуществлены в рамках традиционного общего права.

Источники статутного права, как правило, не разделяются по отраслям права. Основное деление — по институтам. Вместе с тем они образуют единую систему строгой иерархической соподчиненности, которая упорядочивается судебным надзором. В ходе обычной правоприменительной деятельности суды определяют меру соответствия между источниками права, отказывая в признании тем из них, которые нарушают требования акта, наделенного большей юридической силой.

Общее право — это право судебной практики, и как таковое оно включает не только систему созданных судами правовых норм, институтов и категорий (структурный элемент правового регулирования), но и своеобразный механизм правоприменения, в рамках которого суды разрешают споры, опираясь на цели и принципы, приемы и методы правового регулирования, выработанные в ходе развития общего права (функциональный элемент правового регулирования).

Значение указанных сторон общего права как правовой подсистемы неоднозначно, равно как неоднородны формы их воздействия на статутное право. Развитие законодательства неизбежно сужает сферу применения «традиционного» общего права, его видимой части, отраженной в прецедентах, закрепляющих собственно нормы общего права. Но полной замены при этом не происходит. Не изменяется и характер правовой системы.

В связи с этим необходимо отметить два обстоятельства. Первое. Статутное право развивается в рамках юридической техники, конструкций и категорий общего права. Второе. Судебным решениям, вынесенным на основе конституционных и законодательных норм, придается та же прецедентная форма, что и собственно нормам общего права. Их нормативная сила выражена в принципе *stare decisis*,

¹ Во многих странах общего права верховным судам делегируется право принятия процессуальных нормативных правовых актов.

требующем следовать ранее вынесенным решениям при разрешении сходных или аналогичных судебных дел.

В процессе правоприменения происходит «поглощение» статутного права общим (в данном контексте — судебским) правом. Конституционные и законодательные нормы подменяются прецедентами, ориентированными на разрешение конкретных споров и дел. В известной книге Р. Давида это явление описано так: «Нормы, выработанные законодателем, как бы многочисленны они ни были, несколько смущают юристов, которые не считают их нормальным типом норм права; эти нормы по-настоящему входят в систему американского права лишь после того, как они будут неоднократно применены и истолкованы судами, когда можно будет ссылаться не на сами нормы, а на судебные решения, их применившие»¹. Подобное «поглощение» происходит не только в американском, но и в британском, и в австралийском и канадском праве.

И повсеместно оно ведет к девальвации нормы, сформулированной законодателем, ибо судьбу ее определяет судебная практика. Нормативно значимым признается только то толкование, которое дали судьи, несмотря на то что нормы статутного права подлежат применению и нередко порождают правовые отношения задолго до того, как выработано особое прецедентное право толкования конституционных и законодательных норм.

В структуре источников права штатов прецеденты, закрепляющие собственно нормы общего права, следуют за законами и актами делегированного законодательства. Иное место занимают прецеденты толкования конституционных и законодательных норм. Они как бы поставлены в один ряд с теми источниками права, которые служили основой для их создания. За ними признается значение нормативного толкования, изменить которое вне рамок судебной практики можно только путем формального изменения текстов конституций и законодательных актов.

Отмеченные особенности были впервые раскрыты известным американским теоретиком права Ч. Греем, наблюдения которого не утратили актуальности и в наши дни: «Иногда утверждалось, что право состоит из двух частей — законодательного и судебного права, но в действительности все право — это право, созданное судьями. Форма, в которой

¹ Давид Р. Указ. соч. С. 342.

статут как эталон поведения влияет на общество, есть не что иное, как то толкование, которое дали статутам суды. Суды дают жизнь мертвым словам статута»¹.

Впрочем, в этих словах есть известное преувеличение. Прецедентное, или казуальное, право представляет собой только часть правовой материи. Многие нормы конституций и статутов, не говоря уже о большей части подзаконных актов, действуют, не подпадая под воздействие судебной практики как в силу отказа судов от рассмотрения так называемых политических вопросов, так и по причине отсутствия предмета спора, в котором затрагивались бы признаваемые судами права и интересы личности.

Выше мы отметили, что юристы в странах общего права предпочитают не ссылаться на нормы статутного права. И дело не только в том, что согласно общепризнанной доктрине они должны быть включены в структуру права только в форме, опосредствованной судебной практикой. Существенно и то обстоятельство, что в процессе толкования суды вовсе не чувствуют себя скованными волей законодателя и нередко отступают от очевидного и на первый взгляд бесспорного значения конституционных и законодательных норм.

Подобная система судейского усмотрения объясняется независимостью судов в системе разделенных властей, а также тем, что перед судебной практикой поставлена задача приспособления конституционных и законодательных норм к уже действующим и эффективным, с точки зрения правящих сил, социальным установкам и механизмам — обычаям и традициям, нормам религии, этики и морали.

И здесь мы подходим к следующей черте, которая отделяет романо-германское право от общего права. В системе общего права традиции и обычаи, нормы религии, морали и этики непосредственно вплетены судебной практикой через прецеденты, закрепляющие собственно нормы общего права, в единую структуру правового регулирования.

Суды черпают или «обнаруживают» их в социальной действительности. Естественно, осуществляется отбор. Правовая сила признается лишь за теми социальными нормами, которые отвечают потребностям общества и не противоречат интересам правящих сил. Одной из важнейших гарантий в этом случае служит древний английский институт суда присяжных, призванный корректировать жесткие установления

¹ *Gray J. C. The Nature and Sources of Law. Boston, 1963. P. 125.*

юридических норм. Суд присяжных выносит вердикт: виновен или не виновен, должен или не должен нести ответственность тот, кто привлечен по суду.

Второе основополагающее отличие состоит в том, что через суды происходит взаимодействие статутного и общего права, в процессе которого нормы статутного права в их прецедентной форме сближаются с нормами общего права.

При этом отметим, что при толковании конституционных и законодательных норм осуществляется опосредованная судебной практикой связь между государством и обществом. В этом, если абстрагироваться от политических оценок, следует признать достаточно действенный инструмент правового регулирования.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СКАНДИНАВСКОЕ ПРАВО

Четвертая ветвь великого древа христианского права — правовые системы Скандинавских стран Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании и Исландии. Они имеют столь же древнюю историю, что и славянское право, и сохраняют много самобытных черт, позволяющих выделить их в обособленную правовую семью. Отметим также, что ее влияние распространяется на страны Балтии — Эстонию, Латвию, Литву. Они все более уверенно ассоциируют себя с семьей скандинавского права. Эту тенденцию правового развития одним из первых раскрыл Ю.А. Тихомиров.

Параграф первый. Скандинавские руны права

Согласно преданиям древнескандинавское право было обретено в результате самопожертвования и нравственного очищения Одина, верховного бога скандинавского пантеона.

Один сам принес себя в жертву, повесившись на мировом дереве — ясене Иггдрасиле, чтобы обрести руны познания:

«Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена я, их поднял —
и с дерева рухнул»¹.

¹ Старшая Эдда. Речи Высокого. Стихи 138–139 // Старшая Эдда. С. 27.

Как отмечал великий исландский скальд Снорри Стурлусон, благодаря рунам познания Один овладел «искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой». «В его речи все было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы зовутся мастерами песней, потому что от них пошло это искусство в Северных странах»¹.

Продолжая, Снорри Стурлусон рассказывал: «Один ввел в своей стране законы, которые раньше были у Асов (богов. — *В.Л.*)». Этим законам, как и иным искусствам, он «учил рунами и песнями, которые называются заклинаниями»².

Поэтическая традиция впоследствии была подхвачена скальдами-«законоговорителями», «каждый из которых возвещал закон» задолго до утверждения христианства³. Правосудие также вершилось в поэтической форме или в рунах речи:

«Их слагают,
их составляют,
их сплетают
на тинге таком, где
люди должны творить
правосудье»⁴.

Скальды призывали вершить суд так же, как боги, поскольку суд определяет судьбы не только людей, но и земли. Не случайно боги собирались на суд под сенью ясеня Иггдрасиля:

«В те дни, когда асы
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;
в ту пору священные
воды кипят,
пламенеет мост асов»⁵.

Мост асов — это радуга. Когда она появлялась в небе, викинги видели в ней символ божественного правосудия и верили, что правда возвращается на землю.

¹ Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 10.

⁴ Старшая Эдда. Речи Сигдривы. Стих 12 // Старшая Эдда. С. 110.

⁵ Старшая Эдда. Речи Гринмира. Стих 29 // Старшая Эдда. С. 34.

Они также верили в то, что слово, сказанное на людском суде, — это вечная руна, которая эхом когда-нибудь отзовется на Страшном суде:

«Руны слов ты сведай, чтоб тебе не смели

Злобой воздать за зло.

Их и вьют, их и ткут.

Их все сразу сводят

На тинге том, куда толпы придут

На самый последний суд»¹.

С укреплением феодальных устоев правосудие перешло в ведение местных тингов и правителей, которые должны были вершить суд по тем законам, которые действовали в их землях. Как сказано в «Младшей Эдде», они должны были быть «справедливыми судьями и справедливыми защитниками»².

Древнескандинавский суд отличался от судов многих народов. Основной его задачей было сохранение мира. В этом он должен был следовать примеру Форсети³ — внука Одина, сына Бальдра и Нанны, дочери Непа: «Он владетель небесных палат, что зовутся Глитнир. И все, кто приходят к нему с тяжбой, возвращаются в мире и согласии. Нет равного судилищу Форсети ни у богов, ни у людей»⁴.

Возможно, именно стремление к сохранению мира объясняет то, что судьи у древних викингов были лишены права осуждать своих сородичей на смерть⁵. Это право принадлежало богам. За убийство назначалась вира. Но родные погибшего могли не принять ее, предпочтя кровную месть. Это было такое же священное право, как и право на суд⁶. Самым тяжким приговором было «лишение мира». Виновный объявлялся вне закона, лишался собственности, изгонялся из дома, и каждый мог убить его, свершив тем самым Божий суд⁷.

¹ Сага о Вельсингах // Мировое Древо Иггдрасиль. М., 2002. С. 333.

² Младшая Эдда. Язык поэзии // Младшая Эдда. М., 2005. С. 88.

³ Это имя было синонимом словосочетания «председатель тинга».

⁴ Младшая Эдда. Видение Гюльви // Младшая Эдда. С. 31.

⁵ С укреплением королевской власти это древнее установление было изменено. Так, Ландслаг шведского короля Магнуса Эрикссона обязывал тинги выносить смертные приговоры по многим преступлениям. Так, если слуга убивал своего господина, то тинг должен был осудить его на колесование. Если это сделала женщина, ее по решению тинга должны были побить камнями.

⁶ Старшая Эдда. Третья песнь о Гудрун // Старшая Эдда. С. 133.

⁷ См., например: Сага о Вельсингах // Старшая Эдда. С. 272.

К лишению мира подвергались лица, совершившие злодеяния. Вестгеталаг, или Закон вестьетов, одной из земель Швеции, относил к ним следующие преступления:

«Если кто убьет человека в церкви, это злодеяние. Если кто убьет человека на тинге, это злодеяние. Если кто нарушит мир или совершенное примирение, если кто мстит вору, если кто мстит за наказание, присужденное на тинге, раной, убийством или пожаром, это злодеяние; он потерял право на страну и движимое имущество.

Если кто отрубит человеку обе руки, если кто убьет спящего, это злодеяние. Злодеянием является нести щит через берег моря¹. Если он разрушает в своей собственной стране, он потерял землю, право жить в стране и движимое имущество.

Если кто привяжет мужчину к дереву в лесу, это злодеяние. Если кто выстрелит через дымовое отверстие и убьет мужчину, убьет в бане, убьет, когда он справляет нужду, выколет мужчине оба глаза, отрубит мужчине обе ноги, если кто убьет женщину, все это злодеяние. Она всегда обладает миром встречи и обедни, какова бы ни была вражда между мужчинами. Если кто убьет своего господина, это злодеяние. Если кто убьет мужчину в кабаке ножом, когда он делил с ним нож и кусок мяса, это злодеяние. Если кто зарубит скотину другого человека, ранит ее, как ранит волк, это злодеяние. Если кто убежит на военный корабль и сделается морским разбойником, стоит он на горле или на голове другого и чинит над ним насилие, это злодеяние»².

Другие руны и другие песни права были у финнов, эстов, остальных народов, населявших северные и восточные земли скандинавского мира. Особое место в их ряду занимает финский эпос «Калевала», сохранивший предания о далеких временах вересковой Карелии, когда создавались ее первые песенные руны:

«Мной желанье овладело,
мне на ум явилась дума:
дать начало песнопенью,
повести за словом слово,
песню племени поведать,

¹ То есть совершить нападение на страну.

² Закон вестьетов // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Vestgetalag/frames1.htm>.

рода древнего преданье.
На язык слова приходят,
на уста мои стремятся,
с языка слова слетают,
рассыпаются речами...»¹

Хранителем этих рун стал Вьяннямейнен — «вековечный песнопевец»², создавший многие законы Калевалы. Этим законам он учил песенными рунами, одна из которых звучала так:

«Люди добрые, внимлите, —
никогда, нигде вовеки
не вините невиновных,
праведных не обвиняйте.
Вас возмездие настигнет...»³

Основной темой песен Вьяннямейнена было воспевание труда — основы жизни Калевалы:

«Вот я сею-засаваю,
Я бросаю в землю семя,
Чтоб оно ростки пустило,
Проросло на этом поле.
Пробудись, земля родная!
Недра темные, проснитесь!
Дайте вы росткам пробиться,
Чтобы сотни нежных всходов
Зацвели, заколосились
На широком этом поле,
Что вспахал я и засеял,
Где немало потрудился...»⁴

Эти песни не только хранили народ, но и готовили его для новых свершений, о которых в последних строчках «Калевалы» поется:

«Здесь теперь прошла дорога,
новая стезя открылась
для певцов, что поспособней,

¹ Калевала. Песня 1. Стихи 1–10. Перевод Э. Киуру и А. Мишина (<http://kalevala.gov.karelia.ru/songs/song2a.shtml#7>).

² Калевала. Песня 2. Стих 288. Перевод Э. Киуру и А. Мишина.

³ Калевала. Песня 16. Стихи 400–404. Перевод Э. Киуру и А. Мишина.

⁴ Калевала. Песня 2 // Калевала. М., 1985. С. 12. Перевод Л.П. Бельского.

рунопевцев, что получше,
среди растущей молодежи,
восходящего народа»¹.

Одной из самых примечательных особенностей древнескандинавских песен права было требование равенства. Перед богами были все равны. В «Речи Высокого» (т.е. Одина. — *В.Л.*) сказано, что бедняк невиновен в доле своей и что «может внезапно исчезнуть достаток», ведь «друг он неверный»². Поэтому бедные люди могли на равных участвовать в тингах — народных собраниях. И Один сам призывал их к тому:

«Сытым и чистым
на тинг собирайся,
хоть и в бедной одежде,
сапог и штанов
стыдиться не надо,
а также коня,
коль он неказист»³.

«Старшая Эдда» содержит много советов о том, как должен проходить тинг и как должны вести себя те, кто участвует в нем:

«На тинг придешь ты,
с глупцами не спорь;
злые слова
глупый промолвит,
о зле не помыслив.
Но и смолчать
ты не должен в ответ, —
трусом сочтут
иль навету поверят;
славы дурной
опасайся всегда;
назавтра убей
лжеца, тем отплатишь
за подлую ложь»⁴.

¹ Калевала. Песня 50. Стихи 615–620. Перевод Э. Киуру и А. Мишина.

² Старшая Эдда. Речи Высокого. Стихи 75, 78 // Старшая Эдда. С. 21, 22.

³ Там же. Стих 61. С. 20.

⁴ Старшая Эдда. Речи Сигдривы. Стихи 24–25 // Старшая Эдда. С. 111.

Конечно, в каждой из земель Скандинавии был установлен свой порядок проведения народных собраний. О том, как они действовали в Швеции, Снорри Стурлусон рассказывал: «На тинге председательствует лагман. Его всего больше слушаются бонды, ибо то становится законом, что он возвестит на тинге. А когда страну объезжает конунг, ярл или епископ и держит тинг с бондами, лагман отвечает им от имени бондов и все бонды поддерживают его, так что даже самые могущественные люди вряд ли осмелятся прийти на тинг без согласия бондов и лагмана. А в тех случаях, когда местные законы различаются, все должны придерживаться упсальских законов, а все лагманы должны подчиняться лагману Тиундаланда»¹.

Роль народных собраний падает с утверждением централизованной королевской власти. Первым властителем скандинавских земель стал легендарный Ивар Широкие Объятия, подчинивший себе большую часть Скандинавии, а также некоторые княжества Англии, Балтии и страны саксов. От его рода, согласно преданиям, произошли конунги датчан и шведов².

Конунги управляли своей землей, вели войны, вершили суд. Кроме того, они поддерживали связь народа с богами. И если с этой функцией они не справлялись, народ приносил их в жертву богам. Так случилось со шведским конунгом Олавом Лесорубом. Его народ обвинил в том, что он пренебрегал жертвоприношениями, что вызвало неурожай и голод в стране. Поэтому его принесли в жертву Одину, предав огню в его собственном доме³.

Интересно отметить, что еще в XIII в. народ Швеции сохранял за собой право смещать с престола своих королей. Об этом свидетельствует упомянутый выше Вестгеталаг (Закон вестьетов). Свеи, как гласил он, «властны взять конунга, а также сместить его».

В длинной веренице скандинавских конунгов датский летописец Сакс Грамматик особо отмечал легендарного правителя датчан Скиольда, который отменил прежние и ввел в действие «новые справедливые и милосердные законы». Он оплачивал из королевской казны долги своих подданных и обеспечивал за свой счет лечение больных и увечных. Скиольд был первым, кто ввел правило,

¹ Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 216.

² См. там же. С. 33.

³ См. там же. С. 34.

по которому воинская добыча передавалась солдатам, а слава — их предводителям¹.

Столь же яркими были реформы датского конунга Фроде. Он решительно искоренял преступность и порочные нравы. Добившись этой цели, он запретил своим подданным запираить в сундуки ценности, обещая выплачивать двойную стоимость похищенного. Вместе с тем были введены суровые меры наказания для воров и тех, кто их укрывал. Судебные тяжбы в основном разрешались в поединках, так как, по мнению Фроде, «сражение с помощью оружия более достойно, чем с помощью слов»².

Исландские скальды особенно воспевали норвежского конунга Хальвдана. По описанию Снорри Стурлусона, он «был человек умный, правдивый и справедливый. Он вводил законы, соблюдал их сам и заставлял других соблюдать их, так что никто не мог пойти против законов»³.

Реформы, но уже в других целях, продолжил его сын Харальд Прекрасноволосый. Он присвоил себе многие вотчины. А чтобы еще больше увеличить казну, обложил данью всех бондов, как богатых, так и бедных. В каждый округ (фюльк) он направлял своих ярлов, которые должны были поддерживать закон и порядок и собирать с населения подати⁴.

Более справедливым было правление сына Харальда Хакона Доброго. Были отменены многие прежние законы и введены по совету мудрейших новые законы для разных частей страны⁵.

Первой из Скандинавских стран христианство приняла Дания — примерно в 960 г. В Норвегии первую серьезную попытку введения христианства предпринял Олав, сын Трюггви. Он вел решительную борьбу против прежних обычаев, уничтожая колдунов и ревнителей старой религии. Но в междоусобной войне был убит. Его дело продолжил Олав Святой — святитель Норвегии. Примечательно описание его деяний в «Круге земном» Снорри Стурлусона:

«Обычно конунг вставал рано утром, одевался и мыл руки, а потом шел в церковь к заутрене. Потом он шел решать тяжбы или говорил

¹ *Saxo Grammaticus*. The Danish History. Books I–IX // <http://omacil.org/DanishHistory>.

² *Ibidem*.

³ *Снорри Стурлусон*. Указ. соч. С. 41.

⁴ См. там же. С. 44.

⁵ См. там же. С. 72.

людям о том, что считал необходимым. Он собирал вокруг себя и могущественных и немощественных, и особенно всех тех, кто были самыми мудрыми. Он часто просил говорить ему законы, которые установил в Трандхейме Хакон Воспитанник Адальстейна. Сам он устанавливал законы, советуясь с самыми разными людьми. Одни законы он упразднял, а другие добавлял, если считал это необходимым. Закон о христианстве он установил, посоветовавшись с епископом Гримкелем и другими священниками. Он прилагал все силы, чтобы искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, противоречили христианской вере. И вышло так, что бонды приняли законы, которые установил конунг»¹.

Это описание дополняет рассказ о том, как осуществлялось правосудие: «У Олава конунга было двенадцать мудрейших людей. Они вершили суд вместе с Олавом и решали трудные дела. Это было нелегко, так как хотя конунгу не нравилось, когда судили не по справедливости, он не терпел, если ему перечили»².

Наступила новая эпоха в развитии скандинавского права, яркими памятниками которой стали исландский Закон Серого Гуся 1117 г.³, датский Сканский закон, принятый в 1202–1216 гг. в земле Скании, Закон гутов (*Gutalag*), вступивший в силу на рубеже XIII и XIV вв. на шведском острове Готланд.

Закон гутов в первой же статье закреплял правовой символ веры: «Первое в нашем законе то, что мы должны сказать «нет» язычеству и сказать «да» христианству, и все верить во Всемогущего Бога, и молить Его о помощи, чтобы он дал нам урожай и мир, победу и здоровье и чтобы мы могли сохранить наше христианство и нашу правильную веру, и нашу населенную страну, и чтобы мы каждый день во всех наших делах и наших желаниях делали то, что послужит славе Бога и наибольшей пользе жизни и душе».

Одной из главных задач Закона было привитие христианских ценностей милосердия. Поэтому ст. 2 требовала вскармливать каждого ребенка, который рождался в стране, и запрещала выбрасывать его.

Регулируя отношения общества и церкви, Закон Гутов предписывал, чтобы каждый отдавал на содержание церкви, к которой он

¹ *Снорри Стурлусон. Указ. соч. С. 196.*

² Там же. С. 237.

³ Вероятно, Закон назван так потому, что он был написан гусиным пером.

приписан, десятую часть своих доходов (десятину). Взамен священник должен был исполнять в любое время дня и ночи все требуемые от него обряды христианства (ст. 3).

Языческие жертвоприношения и обычаи были строго запрещены. Никто не мог взывать к рощам или курганам, к языческим богам, священным местам и святыням. Виновные в нарушении этого требования подвергались штрафам. Вместе с тем Закон требовал исполнения всех христианских обычаев и обрядов. В частности, запрещалось выполнять какую-либо работу в воскресенье или в другой святой день (ст. 4).

Закон гутов устранил многие обычаи древности, а в тех случаях, когда он был не в силах это сделать, он пытался ввести их в такие правовые рамки, которые препятствовали их осуществлению. Так, чтобы остановить кровную месть, ст. 13 устанавливала:

«Теперь следующее: если случится злое по наущению врага [дьявола], так что человек убьет человека, то с ним должен бежать отец, сын и брат. Если их нет, то пусть с ним бегут ближние родственники на 40 дней в церковь, которую все люди приняли за священное место, это Фардеим и Тингстеди, и Атлингабо. Там они должны иметь мир как на дворе священника, так и на церковном дворе. Но когда время истечет, тогда пусть скачет он туда, где хочет провести свой «круг мира»¹, и пусть он проведет его вокруг трех усадеб так далеко в лесу от этих усадеб, что будет находиться в середине от других усадеб, которые находятся на другой стороне леса, если он получит разрешение от тех, кто владеет этой землей... Его защищает «круг мира», который он начертил... люди это называют «засвидетельствованным кругом мира»...»²

Закон гутов сохранял роль тингов и многих других учреждений прошлого, возлагая на них функции сохранения и поддержания правопорядка. Так, он предупреждал: «Пусть преступник не полагается на мир тинга, если только это не мир всех людей» (ст. 11).

Скандинавское право не только сохраняло институты народного правления, но и долгое время существенно ограничивало королевскую власть, о чем свидетельствует один из самых ярких памятников скандинавского права — шведский Ландслаг (Закон земли) 1347 г. короля Магнуса II Эрикссона:

¹ То есть то место, где, согласно обычаю, он мог пользоваться относительной безопасностью.

² Закон гутов // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Gutalag/frameset.htm>.

«В королевстве Швеция королевская власть выборная, а не наследственная; если оно лишится короля, то в этом случае ниже названные лагманы, каждый в своем судебном округе, должны в согласии со всеми жителями их судебного округа выбрать двенадцать разумных и сведущих мужей, с которыми они должны явиться в назначенный день и в определенное время на тинг на лугу Мора, чтобы избрать короля... дабы он управлял страной и государством, охранял закон и поддерживал мир...

В тот же самый день и на том же самом месте король должен дать клятву всем жителям королевства в следующем:

Во-первых, он будет любить Бога и святую церковь и защищать ее права и ни в чем не нарушит королевские права, права короны и всего шведского народа.

Во-вторых, он будет защищать, любить и охранять своим королевским правом и властью все справедливое и истинное и подавлять все несправедливое, дурное и незаконное.

В-третьих, он будет верным всему своему народу; никоим образом не будет причинять ущерба ни жизни, ни телу ни бедного, ни богатого, если тот не уличен в преступлении по закону и правам королевства; не будет он никоим образом, кроме как по закону и законному приговору суда, отбирать у кого-либо имущество.

В-четвертых, он будет управлять своим королевством — Швецией — и править вместе со шведами, как это установлено издавна древними законами и обычаями королевства, а не с иноземцами, и не должны иноземцы быть в его совете и управлять замками или областями, или «Упсальским уделом», или коронными имениями, настолько древними, что никто не помнит и точно не знает, когда они стали собственностью короны.

В-пятых, король будет беречь замки и области государства с их ежегодными доходами и защищать их границы всеми силами, дабы ничто из вышеупомянутого не уменьшилось для того короля, который будет править после него...

В-шестых, король имеет право жить в «Упсальском уделе» и в других коронных имениях и ежегодно собирать законные налоги со своих земель...

В-седьмых... Все древние законы Швеции, которые были приняты с одобрения и с согласия народа и были утверждены прежними королями и их королевской властью, он будет соблюдать, укреплять

и защищать так, чтобы ничто незаконное не вошло в истинный закон, особенно чтобы никакие иноземные законы не были введены в закон и право страны и чтобы никакие законы не принимались без согласия народа...

Да приумножится мир и да исчезнет вражда благодаря тому, что есть король»¹.

Параграф второй. Особенности развития скандинавского права от эпохи Кальмарской унии до XX в.

Скандинавское право сохраняло свою уникальность в течение многих столетий. Она стала еще более заметной с момента объединения скандинавских земель под верховной властью датских королей. Проект объединения Дании, Швеции и Норвегии был осуществлен датской принцессой Маргарет I. Сперва (1380 г.) в династическом союзе объединились Дания и Норвегия. Позже (1389 г.) в его состав вошла Швеция. Итоги объединения трех скандинавских стран, а также их заморских владений — Исландии, Гренландии, Фарерских островов, значительной части Финляндии — были оформлены Кальмарской унией, заключенной в 1397 г. с целью создания «вечного мира и союза»².

По условиям Унии все три государства сохранили право на самоуправление. Остались в силе действовавшие на их территориях законы и обычаи. Объединение скандинавских государств позволило им успешно противостоять натиску Ганзейского союза и немецких княжеств.

Но основы союза были непрочны. И в 1523 г. он распался. Из его состава вышла Швеция, недовольная засилием датской знати. Скандинавский мир надолго раскололся на две части. Норвегия осталась в орбите влияния Дании (с 1536 г. — как одна из ее провинций)³, уступив ей юрисдикцию над принадлежавшими ей землями Исландии, Гренландии и Фарерских островов. Швеция сохранила контроль над большей частью Финляндии.

Как отмечено выше, Кальмарская уния не препятствовала самобытному развитию права Скандинавских стран. Более того, его уникальность усилилась в ходе начавшейся в середине 1520-х гг. Реформации.

¹ Ландслаг короля Магнуса Эрикссона // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Skandinav/Sweden/Landslag_Magnusson/frametext.htm.

² История Норвегии. М., 1980. С. 187.

³ Уния Дании и Норвегии существовала до 1814 г.

Протестантство возрождало многие начала самоуправления через церковные приходы, прививавшие христианские ценности справедливости, милосердия и труда.

Швеция и Дания расторгли узы с католической церковью в 1530-х гг. В Дании по Ордонансу 1537 г. была сформирована самостоятельная Датская народная церковь. Она имела достаточно стройную структуру. Во главе церкви стоял король. Ступень ниже занимали епископы, которые избирались духовенством городов и утверждались в должности королем. Духовенство городов в свою очередь избиралось мэрами и городскими советами; сельские священники избирались непорочными и «достойными» людьми. К 1560 г. были приняты основные законодательные акты, регулировавшие порядок проведения служб, проповедей, ритуалов, определявшие правовой статус священнослужителей. В Швеции новое церковное законодательство было кодифицировано в 1571 г.¹ Эти меры не только подчинили церковь государству, но и отвели ей особую роль.

О том, какой она была, можно судить по описанию известного историка Э. Аннерса: «Принятие лютеранского вероучения и устройства церкви имело большое значение для развития правопорядка Северных стран. Духовенство получило еще большее значение в государственной жизни, причем до конца XVIII в. оно играло очень консервативную, если не сказать ортодоксальную, роль в политике. Особенно сильно влияние духовенства было в области семейного и уголовного права. Постоянным и сильным средством его влияния была Библия, чей авторитет оставался непоколебимым до середины XVIII в., несмотря на влияние идей Просвещения. К тому же духовенство пользовалось самостоятельным влиянием в качестве толкователей и проповедников Евангелия, вдобавок оно было орудием влияния государственной власти, независимо от того, кто стоял у ее руля: абсолютный монарх или облеченные властью сословия эпохи свободы. Духовенство помимо своей политической пропагандистской задачи, проявлявшейся, как правило, в благоговейном усердии при исполнении своих проповеднических обязанностей, должно было также заботиться о моральном воспитании населения. В основном такое воспитание проходило в рамках церкви, причем население здесь же знакомилось и с законо-

¹ *Skip Knox E.L., Dr. Europe in the Age of the Reformation* // <http://www.boisestate.edu/courses/reformation/baltic>.

дательством своей страны. Важнейшие законы и указы должны были зачитываться в церкви на паперти, либо же сообщения вывешивались на специальных досках. Поскольку любой совершеннолетний, прошедший конфирмацию, должен был посещать воскресную службу под страхом наказания, то государственная власть была застрахована от того, что ее запрещения не станут известными подданным и не отложатся в их памяти. Такое положение дел было общим для Европы, но только в протестантских странах оно приобрело особый характер благодаря тому значению, которое ему придавали государственная власть и Евангелие»¹.

Следующий этап в развитии скандинавского права наступил с утверждением абсолютизма. В Дании король Фредерик III (1648–1670) распустил общенациональный сословный парламент, а также местные органы самоуправления, сохранявшиеся в течение многих веков. Новая форма правления была закреплена Королевским законом (*Lex Regia*) 1665 г.² Во многом сходные реформы были проведены в 1680 г. в Швеции. Вершиной и вместе с тем концом шведского абсолютизма стало правление Карла XII.

С укреплением абсолютизма была осуществлена также полная ревизия законов. В Дании ее итогом стало издание единого Свода законов (*Danske lov*) 1683 г. В 1687 г. отдельный Свод законов был введен в действие в Норвегии. Вскоре их примеру последовала и Швеция, утвердившая в 1734 г. новый Свод законов, который действовал и на территории Финляндии. Основной их целью было укрепление королевской власти. Вместе с тем они сохраняли в силе многие исконные законы и обычаи. Уникальной была техника систематизации законодательства. Законы и обычаи группировались по книгам, которым предписывалась роль своеобразных строительных балок, скреплявших правовое здание в целом³. К достоинствам указанных сводов следует отнести также форму их изложения. Законодательные нормы были сформулированы простым языком, доступным для восприятия большинства населения. Это объясняет устойчивость созданного ими правопорядка.

¹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 269.

² В настоящее время несколько норм этого акта сохраняют свою силу, в частности нормы ст. 21 и 25, касающиеся обязанностей принцев и принцесс королевского дома.

³ См.: Введение в шведское право. М., 1986. С. 36.

В датском Своде главы обозначались как капители (*capitel* – верхние части опоры). См.: <http://www.retsinformation.dk/Forms/R0710.aspx?id=59516>.

В Дании и Швеции, несмотря на реформы последних трех столетий, указанные своды сохраняют юридическую силу.

В Скандинавии до начала XIX в. влияние иноземного права в целом было мало заметно. Ни в одной из северных стран не было рецепции римского права. Правовые модели Франции, Германии, других государств Европы заимствовались в достаточно узком сегменте, прежде всего в вопросах организации верховной власти, земельных отношений и некоторых других. Не случайно именно в Скандинавии были созданы первые кафедры национального права (в Университете Упсалы в 1620 г.)¹.

Во многих сферах законодательства Скандинавские страны опережали другие европейские государства. Так, в Швеции был принят первый в Европе Закон о свободе печати 1766 г. В Дании после прихода к власти реформаторов (1784 г.) был проведен ряд глубоких реформ по освобождению крепостных крестьян, свободе торговли, всеобщему образованию. В преддверии великих европейских революций Скандинавские страны своим опытом доказывали жизнеспособность либеральных идей. А через три десятилетия многие из них нашли воплощение в первых конституциях Северных стран — Форме правления Швеции 1809 г. и Конституции Норвегии 1814 г.

Конституция (Форма правления) Швеции 1809 г. была принята в условиях внутренних потрясений, вызванных поражением в русско-шведской войне и глубоким экономическим кризисом. Это был дар Карла XIII, последнего короля угасающей великой династии, — дар, который должен был сохранить Швецию как независимое государство, вернуть ей утраченные силы, восстановить в ней согласие и порядок.

Чтобы осуществить эти цели, Конституция 1809 г. соединила в одном механизме обновленной власти древние и новые учреждения, которые должны были поддерживать и контролировать друг друга.

Так, власть короля ограничивал Риксдаг, сословно-представительный орган, состоявший из четырех палат (курий), которые представляли дворянство, духовенство, городское население и крестьян. Для принятия текущих законов требовалось согласие трех курий, а конституционных законов — всех четырех. Тем самым не только сдерживались законодательные инициативы Короля, но и были закреплены гарантии прав и законных интересов отдельных сословий.

¹ См.: Введение в шведское право. С. 37.

Особо ограничивались финансовые полномочия королевской власти. Риксдаг самостоятельно устанавливал налоги, утверждал государственный бюджет. Депутаты Риксдага контролировали деятельность Банка Швеции, заключение займов и выплату государственного долга, расходование бюджетных средств.

Власть короля была ограничена и в сфере государственного управления. Любые его решения могли быть приняты только в Государственном совете. Он не мог уволить либо перевести на другие должности чиновников, если они не были под следствием или судом либо не подали прошения об отставке (ст. 36). Конституцией 1809 г. была предусмотрена судебная ответственность чиновников за ведение дел (ст. 47) и введен парламентский контроль за сферой государственного управления.

В целом Конституция Швеции исходила из общей предпосылки не только ограничения, но и ответственности королевской власти. При этом многие ее нормы воспроизводили положения Закона земли 1347 г. короля Магнуса II Эрикссона либо были созвучны им:

«Король должен поддерживать и поощрять справедливость и правду, воспрепятствовать и пресекать несправедливость и неправду, не наносить и не позволять наносить ущерб ни одному лицу, его чести, свободе, правам и интересам, если только его не обвинят и не осудят в порядке, предусмотренном законом; не лишать и не допускать лишения движимого и недвижимого имущества без следствия и суда и вне форм, предписанных законами и статутами Швеции; не нарушать и не позволять нарушать неприкосновенность жилища; не высылать кого бы то ни было из одного места в другое; не принуждать и не разрешать принуждать в вопросах веры, но покровительствовать каждому в свободном исповедании религии, если он не нарушил общественного спокойствия и не оскорбил общественной нравственности. Король должен следить за тем, чтобы суд над каждым осуществлялся только по закону и только тем судьей, под юрисдикцией которого находится его дело».

В этих строчках ст. 16 Конституции отчетливо прослеживается стремление обеспечить ответственность короля не только перед обществом в целом, но и перед каждым подданным.

Другая особенность конституционной регламентации — закрепление механизмов согласования решений. В подтверждение приведу несколько норм:

«Члены Государственного совета, которые принимают участие в его заседаниях, безусловно обязаны, неся ответственность за свои заключения, высказывать и разъяснять свои мнения, которые будут записаны в протоколах ведения дел, но при этом право принятия решений во всех случаях принадлежит одному Королю. Если вопреки ожидаемому, случится так, что решение Короля явно будет противоречить Конституции Королевства или общему законодательству, то долг членов Государственного совета состоит в том, чтобы они выступили против этого решения с настоятельными возражениями...» (ст. 8, 9).

«Когда Король захочет объявить войну или заключить мир, он созовет всех членов Государственного совета на чрезвычайное заседание, изложит им те мотивы и те обстоятельства, которые должны быть приняты во внимание, и потребует заключений, которые они должны дать каждый по отдельности...» (ст. 13).

Следующая черта Конституции Швеции — укрепление правового порядка:

«Королевские и все другие суды будут судить в соответствии с законами и изданными на основе законов статутами; административные коллегии Королевства, провинциальные и иные управления, а также высшие и низшие должностные лица будут вести свои служебные дела в соответствии с теми инструкциями, распоряжениями и предписаниями, которые уже изданы или могут быть изданы впоследствии; они будут повиноваться повелениям и приказам Короля и взаимно помогать друг другу в их исполнении, а также во всем том, что может потребовать благо государства, оставаясь вместе с тем ответственными по закону перед Королем за свое бездействие или за свои упущения, или незаконные действия» (ст. 47).

В вышеприведенных нормах Конституции Швеции отражены особые черты ее системы «сдержек и противовесов» — ответственность органов власти за свои действия и вместе с тем их единение во благо Королевства. Это несомненно придавало не только устойчивость, но и действенность механизму власти и в конечном счете — Конституции в целом.

Конституция 1809 г. наряду с другим конституционным актом — Актом о Риксдаге действовала с изменениями и дополнениями более полутора столетий. И только в 1974 г. она утратила силу в связи с принятием новых конституционных законов — Формы правления (27 февраля 1974 г.) и Акта о Риксдаге (28 февраля 1974 г.).

Следующий яркий документ той эпохи — Конституция Норвегии 1814 г. Долгое время Норвегия находилась под владычеством Дании, что обрекало ее на нищее существование. Бесправие населения, непосильное налоговое бремя, вывоз и истощение экономических ресурсов — таковы были те причины, которые вызвали к жизни мощное национально-освободительное движение.

10 апреля 1814 г. в местечке Эйдсволл было созвано Государственное собрание, в котором были представлены практически все сословия страны. Оно тут же приступило к разработке конституции на основе принципов национальной независимости, народовластия, разделения властей, свободы печати и религии. Окончательный текст Конституции был утвержден 17 мая 1814 г.

Конституцией были учреждены три разделенные ветви власти. Исполнительная вверялась королю, законодательная — Стортингу, состоявшему из двух палат — Лагтинга и Одельстинга, судебная — Верховному и нижестоящим судам.

В полном согласии с принципом народовластия наиболее широкие полномочия были предоставлены Стортингу. Он имел право принимать и отменять законы, устанавливать налоги, таможенные пошлины и другие повинности, делать займы от имени государства, осуществлять контроль за внешней политикой, расходованием финансов, ведением дел в органах исполнительной власти.

Власть короля была ограничена. Все его указы и официальные письма подлежали контрасигнации соответствующим членом Государственного совета (правительства). Без этого они не имели юридической силы. Стортинг не только утверждал гражданский лист (бюджет) королевской семьи, но и расходование денежных средств.

Конституция содержала много других ограничений королевской власти. Так, ст. 19 Конституции выдвигал следующее требование: «Король должен следить за тем, чтобы управление государственными имениями и расходование сборов с таких имений осуществлялись согласно предписаниям Стортинга и с наибольшей пользой для общества».

Конституция Норвегии была одним из самых демократических документов той эпохи. Это качество она сохраняла в течение многих десятилетий. Даже в 1857 г. К. Маркс выделял ее как самую демократическую в современной ему Европе конституцию¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 14. С. 169.

Многие демократические нормы Конституции Норвегии берут свое начало в традициях и институтах далекого прошлого. Из прошлых веков была позаимствована и та форма, в которую облечены конституционные нормы.

Как отмечают многие источники, текст Конституции Норвегии был переработан «в духе приближения его к стилю старых норвежских законов»¹. При этом использовались приемы «народной» поэтической традиции с ее ясным и четким языком, краткими и вместе с тем созвучными строками.

Приведу лишь несколько статей Конституции Норвегии, которые помогут более полно представить особенности стилистического ее оформления.

«Статья 1. Норвежское Королевство является свободным, независимым и неделимым Государством. Его форма правления — ограниченная и наследственная монархия...

Статья 3. Исполнительная власть принадлежит Королю.

Статья 4. Король должен всегда исповедовать Евангелическо-лютеранскую религию, поддерживать ее и покровительствовать ей.

Статья 5. Личность Короля священна; он не может подвергаться осуждению или обвинению. Ответственность возлагается на его Совет...

Статья 17. Король может принимать и отменять указы по вопросам торговли, налогов, промышленности и полиции; но они не должны противоречить ни Конституции, ни законам, принятым Стортингом. Они остаются временно в силе до ближайшей сессии Стортинга...

Статья 49. Народ осуществляет законодательную власть через посредство Стортинга, состоящего из двух отделений — Лагтинга и Одельстинга...

Статья 85. Тот, кто исполняет приказ, нарушающий свободу и безопасность Стортинга, признается виновным в государственной измене...

Статья 96. Никто не может быть осужден иначе как по закону или наказан иначе как по суду. При допросе пытки никогда не должны применяться...

Статья 99. Никто не может быть заключен в тюрьму иначе, чем в случаях, установленных законом, и в предписанном законом порядке.

¹ История Норвегии. С. 258.

За необоснованный арест или незаконное задержание виновное лицо несет ответственность перед пострадавшим»¹.

Конституция Норвегии сочетала в себе достоинства демократического документа и своеобразного литературного произведения, что несомненно способствовало становлению и укреплению основ конституционного строя.

Со временем в ее текст было внесено большое число изменений и дополнений. Менялись содержание, приемы оформления конституционных норм. Но неизменным оставалось одно — общий отпечаток прежней поэтической традиции, напоминающий о том, что Конституция Норвегии остается второй по времени принятия после американской действующей конституцией мира.

Конституция Норвегии послужила образцом и для Конституции Дании, принятой в 1849 г. на волне нового революционного движения, охватившего страны Западной Европы. Абсолютистская форма правления была преобразована в конституционную монархию, в которой власть короля была ограничена выборным парламентом. Была сформирована независимая судебная власть и подтверждены многие свободы, в том числе свободы слова, прессы, вероисповедания и объединений.

С середины XIX в. усиливается влияние германского права, что объяснялось рядом причин, прежде всего расширением экономических связей Скандинавских стран с Германией, а также близостью их языков, что обуславливало общность не только терминологии, но и образов права.

Но преувеличивать это влияние не стоит. Во многом оно было поверхностным и не затрагивало основ скандинавского права. Даже такой величественный памятник права, как Гражданское уложение Германии 1900 г., не был воспринят ни в одной из трех скандинавских стран. Швеция, Норвегия и Дания ограничились только частичной кодификацией частного права, используя в основном собственные правовые модели. В дальнейшем, после обретения независимости, по тому же пути пошли также скандинавские страны, как Финляндия и Исландия.

Была сохранена также стилистика оформления правовых норм — лаконичная и вместе с тем ясная. Правовые нормы в основном не требо-

¹ Constitution for Kongeriget Norge. Historisk Institut, UiB, 1996; Конституции буржуазных стран. Т. 2. С. 566—583; Конституции государств Европы. Т. 2. С. 658—672.

вали комментарии и могли применяться населением непосредственно, без помощи профессиональных юристов, в отличие от той же Германии, где юристам была отведена кастовая роль служителей права.

Влияние других правовых систем проявлялось в основном в восприятии, в отдельных случаях — в заимствовании, правовых моделей других скандинавских государств. Прежде всего это касалось Норвегии и Швеции, связанных узами личной унии с 1814 по 1905 г.

Параграф третий. Развитие скандинавского права на новом этапе региональной интеграции

К концу XIX в. семья скандинавского права практически оформилась. Ее отличительными чертами стали отказ от кодификации как инструмента систематизации законодательства; ясный, «народный» стиль оформления правовых норм; взаимовлияние родственных правовых систем.

Последний фактор приобретает все большее значение по мере усиления интеграции Скандинавских стран. В 1870 г. была созвана первая конференция по нордическому праву, которая впоследствии созывалась каждые три года. Ее основной целью стало объединение усилий скандинавских юристов по сближению правовых систем региона. В 1880 г. Швеция, Дания и Норвегия принимают первый единообразный правовой акт — Закон об оборотных документах, призванный облегчить формирование общескандинавского рынка.

С той же целью в 1875 г. Швеция, Дания и Норвегия создали Скандинавский валютный союз, который действовал до 1924 г. и впоследствии послужил моделью для создания общеевропейского валютного союза.

В 1919 г. указанные страны образовали Союз Нордических стран, к которому в 1922 г. присоединилась Исландия, а в 1924 г. — Финляндия. В 1945 г. социал-демократические партии и профсоюзные движения Скандинавских стран создали Объединенный комитет Нордического социал-демократического рабочего движения, который выдвинул программу углубления интеграционных процессов в регионе. С этой целью была выработана программа согласования действий правительств в различных сферах политической, социально-экономической и правовой жизни.

Новый этап в интеграции Скандинавских стран наступил в 1952 г., когда по инициативе министров юстиции Дании, Норвегии и Швеции

был образован Нордический совет, в который помимо указанных стран вошла Исландия. В 1955 г. к нему присоединилась Финляндия. Одной из основных его целей стало формирование единого рынка труда.

Контуры нового регионального объединения были оформлены Хельсинкским договором 1962 г. Его целью, как было отмечено в преамбуле Договора, стало содействие в углублении сотрудничества нордических стран в культурной, правовой и социальной жизни, а также их сближение посредством ряда согласованных мер, в том числе посредством единообразных норм законодательства¹. В Договоре особо отмечалась необходимость обеспечения равных прав и свобод (ст. 2) и единообразного регулирования в сферах частного права (ст. 4), уголовных наказаний (ст. 5), в иных областях, которые будут определены участниками Договора (ст. 6).

Реализация этих целей была возложена на Нордический совет, в состав которого в настоящее время входят 87 членов, избираемых национальными парламентами государств – участников Договора. В работе Совета участвуют также представители автономных образований – Гренландии, Фарерских и Аландских островов. В качестве наблюдателей приглашаются делегации саамов и трех балтийских государств – Эстонии, Латвии, Литвы. Совет не наделен правом принятия обязывающих решений, но, согласно Договору, его рекомендации должны приниматься парламентами.

В 1971 г. был сформирован еще один постоянно действующий орган – Нордический совет министров, что существенно расширило возможности для обеспечения интеграции в таких сферах, как культура и средства массовой информации; экономика и бизнес; образование и научные исследования; окружающая среда; законодательство и правосудие; благосостояние; Нордический регион в окружающем мире². Совет принимает программы сотрудничества, которые конкретизируются в ежегодных планах действий соответствующих министров государств – участников Договора (в общей сложности в настоящее время такие планы формируются по 11 направлениям), а также комитетов старших должностных лиц министерств.

¹ Traite de cooperation entre le Danemark, la Finland, l'Islande, la Norvege et la Suede. Helsinki, 23 mars 1962.

² Указанные сферы деятельности приведены на официальном сайте Нордического совета и Нордического совета министров.

В ряду программ сотрудничества можно указать Программу обеспечения гендерного равноправия (2005 г.)¹, Стратегическую программу Нордического Атлантического сотрудничества на 2005–2010 гг.² и т.д.

Многие из них находят воплощение в унифицированных законодательных актах. В настоящее время практически полностью гармонизировано законодательство по вопросам заключения и исполнения коммерческих договоров, транспортным перевозкам, авторскому и патентному праву, брачно-семейным отношениям, оборотным документам, торговым знакам, торговым реестрам и т.д.

Основная их цель – формирование единого экономического пространства, повышение конкурентоспособности коммерческих предприятий и организаций Скандинавских стран. Той же цели служит и Нордический инвестиционный банк, учрежденный в середине 1970-х гг. и в настоящее время включающий не только Данию, Швецию, Финляндию, Норвегию и Исландию, но и прибалтийские страны – Эстонию, Латвию и Литву (с 2005 г.).

В целом необходимо отметить очень высокий уровень интеграции в сфере права Скандинавских стран. Обращаясь к этой теме, А.Х. Саидов выделял следующие факторы: «В Скандинавских странах существовали особенно благоприятные условия для достижения если не единства, то высокого уровня гармонизации права. Историческое развитие и языки Скандинавских стран весьма схожи, культурные связи этих стран очень тесны, между ними не существовало серьезных политических различий, их население, географическое положение и экономический уровень развития были приблизительно одинаковыми. Все эти обстоятельства, а также то, что право в этих странах исторически развивалось параллельными путями, значительно облегчили юридическое сотрудничество. В настоящее время скандинавский опыт рассматривается как модель для соответствующего сотрудничества на общеевропейском уровне»³.

Со второй половины XX в. все более отчетливо проявляется еще одна характерная черта скандинавского права – четкая социальная направленность законодательства и правоприменительной практики.

¹ См. на сайте: <http://www.gender-budgets.org>.

² Nora Action Plan – 2009 // <http://www.nora.fo/en/index.php?pid=210>.

³ Саидов А.Х. Указ. соч. С. 278.

В результате сложилась особая скандинавская модель социального государства — государства всеобщего благоденствия, основанного на началах рыночной экономики, социальном партнерстве, государственном регулировании различных сторон экономической и социальной жизни. Его создание, как отмечал Стиг Стремхолм, стало «целью жизнедеятельности всего общества»¹.

Такой вывод вполне обоснован, если учесть, что основным содержанием законодательных реформ на протяжении по меньшей мере полувека (1930—1970) были социальные преобразования, направленные на существенное облегчение условий труда, поддержку наиболее обездоленных слоев населения, совершенствование форм социального обеспечения, укрепление институтов гражданского общества, развитие научных и образовательных учреждений, оздоровление экономики и общества в целом.

Долгое время скандинавская модель рассматривалась как альтернатива, с одной стороны, социалистическому, с другой стороны, капиталистическому пути развития².

Начиная с 1980-х гг. скандинавская модель государства всеобщего благоденствия подвергается существенным изменениям с целью приспособления экономики к решению новых задач. Основным стержнем новой политики стали меры по развитию образования и науки, созданию новых рабочих мест, совершенствованию пенсионного обеспечения, финансовому оздоровлению. Скандинавские страны вновь берут на себя роль своеобразной лаборатории, в которой кристаллизуется новая модель социального государства.

Уже сейчас достаточно четко определяются ее основные черты. Прежде всего это ориентация на полное раскрытие потенциала нации. Этой цели служит все законодательство в целом. Особое значение в ее реализации отводится усилению роли институтов гражданского общества³, укреплению форм государственно-частного партнерства,

¹ *Стремхолм С.* Введение // Введение в шведское право. С. 30.

² Эта идея обосновывалась во многих работах. В частности, см.: *Howe F.* Denmark: A Cooperative Commonwealth. 1921; *Child M.* Sweden: The Middle Way. 1936; *Galenson W.* Labor in Norway. 1949; *Strode H.* Sweden: Model for a World. 1949; *Einhorn E.S., Longue J.* Modern Welfare States: Politics and Policies in Social Democratic Scandinavia. 1989.

³ В этом отношении наиболее показательны данные о развитии профсоюзного движения. В профсоюзы в Финляндии входит 78%, в Швеции — 86%, в Дании — 90% работающих лиц. По этому показателю Скандинавские страны примерно в два раза опережают другие европейские государства. Еще один показатель. В среднем каждый дат-

преодолению разрыва между самыми бедными и богатыми¹, внедрению научных основ организации экономической, социальной и политической жизни².

Результатом такой политики стало стремительное экономическое развитие региона.

Скандинавские страны начинают опережать другие страны по многим показателям. Красноречиво в этом отношении исследование Института Всемирного банка, в котором по индексу экономики знаний в 2008 г. из первых пяти мест четыре принадлежат Скандинавским странам: Дании (1), Швеции (2), Финляндии (3) и Норвегии (5). Они заметно опережают такие страны, как США, Германия и Россия (соответственно 8, 9 и 53-е места в мире)³.

Приведем еще один показатель: по индексу конкурентоспособности, который ежегодно публикуется Всемирным экономическим форумом, пять скандинавских стран входят в первую двадцатку стран: Дания (3), Швеция (4), Финляндия (6), Норвегия (15), Исландия (20)⁴.

Скандинавская модель социального государства обуславливает позитивные сдвиги не только в экономической и социальной жизни. Она предопределяет устойчивость политических и правовых систем региона.

Это подтверждают многие индикаторы. Так, согласно данным «Евробарометра» (социологических исследований, проводимых под эгидой Комиссии Европейского Союза) в 2009 г. своим национальным правительствам доверяли 68% респондентов в Финляндии, 60% — в Дании, 56% — в Швеции. В среднем по 27 странам Европейского Союза этот

чанин является членом 3,1, а каждый швед — членом 3,2 общественных объединений (подробнее см.: *Einhorn E., Logue J. Economic and Social Security in Scandinavia: A Model for the Baltic Area?* // <http://www.weforum.org/pdf/GCR08/GCR08.pdf>).

¹ Эта задача решается посредством повышения минимальных заработков, пенсий, иных социальных пособий, увеличения налогового бремени на крупный капитал.

² Как правило, все проекты законодательных актов и политических документов, экономических, социальных и политических решений разрабатываются после тщательной научной проработки и экспертизы. О научных основах экономической политики см., в частности: *Лафитский В.И., Нарышкин С.Е.* Зарубежный опыт стимулирования инвестиционной деятельности в промышленности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2006. Вып. 3.

³ World Bank Institute. Measuring Knowledge in the World's Economies // http://sitereources.worldbank.org/INTUNIKAM/Resources/KAM_v4.pdf.

⁴ World Economic Forum. The Global Competiveness Report. 2008–2009. <http://www.weforum.org/pdf/GCR08/GCR08.pdf>.

показатель составил только 34%. Еще более выразительны данные об уровне доверия к региональным и местным властям. Первые три строки занимают скандинавские государства, входящие в состав Евросоюза: Финляндия (72%), Дания (70%), Швеция (68%). В среднем по Союзу уровень доверия к региональным и местным властям составляет 50%¹.

В Скандинавии существенно более высоким остается уровень доверия и к другим государственным и общественным институтам: полиции, политическим партиям, профсоюзам и т.д.²

В заключение отметим, что устойчивость институтов власти, доверие к ним со стороны населения объясняются не только взвешенным политическим курсом, преемственностью в его осуществлении, но и такими чертами скандинавского права, как стабильность правового регулирования, доступность актов для восприятия населения и, что самое главное, его нацеленность на решение социальных проблем.

¹ Special Eurobarometer. 307. The Role and Impact of Local and Regional Authorities within the European Union // http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_307_en.pdf.

² Подробнее о данных «Евробарометра» на 2005 г. см.: *Einhorn E., Logue J. Economic and Social Security in Scandinavia: A Model for the Baltic Area?*

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ПРАВО

Особое место в семье христианского права занимает латиноамериканское право, действующее в пределах бывших колоний Испании и Португалии. В настоящее время оно охватывает около 20 государств Латинской Америки с населением свыше 569 млн человек (по оценкам 2008 г.). В их числе такие крупные государства, как Бразилия и Мексика, Аргентина и Перу, Колумбия и Венесуэла, Чили и Боливия, и такие страны, которые начинают занимать все более видное место в современном мире, как Парагвай, Уругвай, Панама, Никарагуа, Эквадор, Сальвадор, Коста-Рика, Гондурас, Гватемала, Доминиканская Республика¹.

Латиноамериканское право представляет собой уникальный сплав разных правовых традиций: аборигенного и романо-германского, общего и социалистического права, что дает основание для его обособления в отдельную семью правовых систем.

Параграф первый. История формирования латиноамериканского права

Первый источник латиноамериканского права — аборигенное право, которое формировалось на протяжении нескольких тысячелетий. Это было право многочисленных индейских племен, которые населяли земли Северной, Центральной и Южной Америки и создали несколько удивительно ярких цивилизаций — цивилизаций майя, тольтеков, ацтеков, инков и др.²

¹ За рамками латиноамериканского права остаются те государства, чьи правовые системы относятся к другим правовым семьям. В частности, Куба сохраняет социалистическое право, в Белизе, Гайане, других бывших британских колониях Карибского бассейна остаются в силе традиции общего права.

² Высокий уровень цивилизации был во многих частях Центральной и Южной Америки. В этом отношении особый интерес представляет рукопись Гаспара де Кархавала «Повествование об открытии реки Амазонки». Рассказывая о путешествии Франсиско Орильяны, он описывал большие поселения, протянувшиеся на многие лиги вдоль берегов Амазонки, правивших там касиков (вождей), действовавшие в них обычаи. Это, несомненно, свидетельство высокого уровня цивилизации в том регионе, который многие географы и историки традиционно относят к числу самых отсталых.

В подтверждение приведу описание Э. Кортеса одной из провинций империи ацтеков: «Город тот настолько огромен и удивителен, что хотя я опускаю многое из того, что мог бы рассказать, но даже то небольшое, что скажу, почти невероятно: он намного больше Гранады и куда лучше укреплен, а здания там такие же великолепные, и народу проживает куда больше, нежели было в Гранаде, когда ее покорили, и он куда лучше обеспечен плодами земными — хлебом, птицей и дичью, речною рыбой и всяческими овощами... В провинции оной много обширных, красивых долин, и все они хорошо возделаны и засеяны, так что места пустого не найдешь, по окружности же она насчитывает более девяноста лиг. Порядок, какой они установили и какого придерживаются в правлении, похож на то, как правят в Венеции и Генуе или Пизе, ибо тут нет одного господина над всеми... а ежели надо вести войну, все они объединяются и все вместе отдают приказы и распоряжения... У них есть своего рода суды, дабы карать преступников... Много индейцев мы видели в темницах... их держат там за кражи и другие злодеяния»¹.

Еще более яркими были описания столицы империи ацтеков — Теночтитлана с его дворцами, парками, «столь дивно устроенными», что было невозможно передать их красоту и великолепие словами. В Испании, продолжал Кортес, не было «ничего равного».

Изумление вызывал и образ жизни Теночтитлана: «Жители сего города отличаются учтивостью и изяществом в одежде и манерах... здешний обиход и обращение почти не уступают образу жизни в Испании, благоустройства и порядка здесь не меньше, и как подумаешь, что народ здесь дикий и столь далекий от познания Господа и от общения с другими разумными народами, то можно лишь дивиться, сколь разумно здесь все устроено».

В империи ацтеков была создана хорошо продуманная система управления. Куда бы ни посылал ее правитель «своих гонцов, за двести лиг в одну и другую сторону от столицы, всюду его приказы исполнялись, хотя посреди его земель было несколько провинций, с которыми он вел войну... Во всех владениях... у него стояли войска, и в них были его люди, были также его наместники и сборщики повинностей и дани, причитавшихся с каждой провинции; и всему, что каждый

¹ *Кортес Э.* Второе послание императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтара 30 октября 1520 г. // <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Kortes/text1.phtml?id=750>.

обязан доставить, велись счет и запись, ибо у них есть буквы и разные понятные им знаки, которые пишут на изготовляемой здесь бумаге. Каждая из провинций несла повинность особого рода, соответственно свойствам ее земель, так что Моктесуме доставляли все, что в оных провинциях имелось. А боялись его и в столице и вне ее так сильно, как ни одного государя в мире не боятся»¹.

Археологические данные, расшифрованные памятники письменности (в частности, майя), свидетельства испанских и португальских конкистадоров и летописцев, дошедшие до наших дней индейские предания раскрывают многие черты правового устройства доколумбовой Америки.

Наиболее полно сохранились свидетельства о правопорядке древних инков, оставленные испанскими конкистадорами и летописцами первых лет испанского правления². В их ряду особого внимания заслуживает книга Гарсиаласо де ла Вега.

Описывая империю инков, он выделял несколько моделей правовой организации, существовавших до ее создания:

«Правил тот, кто решался на это и имел достаточно духу, чтобы командовать всеми остальными, а став господином, он тиранил и жестоко обращался с вассалами, заставляя их служить себе как рабов... Так появилось множество господ и царьков, среди которых иногда встречались и хорошие, которые хорошо обращались со своими и поддерживали мир и справедливость: таких за их доброту и благородство индейцы по наивности почитали богами, поскольку видели, что они были отличными и совсем другими, чем множество иных тиранов. В других местах они жили без господ, которые бы правили и командовали ими; они не умели образовать у себя государство, чтобы в их жизнь пришли порядок и согласие; в своей простоте они жили как овцы, не творя ни зла, ни добра, и происходило это больше из-за их невежества и отсутствия злого умысла, чем из-за избытка доброй воли»³.

¹ *Кортес Э.* Второе послание императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 г.

² См.: *Херес Ф.* Завоевание Перу и провинции Куско // *Хроники открытия Америки.* 500 лет. М.: Наследие, 1998; *Сапате А.* Открытие и завоевание Перу // Там же; *де Сьеса де Леон П.* Хроника Перу // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XVI/1540_1560/Pedro_Cieza_de_Leon/text11.htm.

³ *Вега И.Г. де ла.* История государства инков. М., 1974. С. 36–37.

Новый порядок был установлен инками — детьми Солнца. В древней легенде, сохраненной в летописи Гарсиаласо де ла Вега, это событие представлено так:

«Наш отец Солнце, видя людей такими... огорчился, и проникся к ним сожалением, и направил он с неба на землю одного сына и одну дочь из своих детей, чтобы они наставили бы их на путь познания нашего отца Солнца... дали им заветы и законы, с которыми они жили бы как здравомыслящие и благовоспитанные люди, чтобы они жили в населенных селениях и домах, умели бы обрабатывать землю, выращивать растения и злаки, растить скот и пользоваться им и плодами земли как разумные люди, а не как звери... Напоследок он сказал им: когда вы приведете этих людей к нашему служению, защищайте разум и справедливость с сочувствием, милосердием и благодушием, выполняя во всем обязанности почтительного отца к своим нежным и любимым детям, подражая и уподобляясь мне, приносящему всему миру добро»¹.

Исполняя этот завет, первый король инков Манко Капак дал своей стране законы, которые должны были сделать ее счастливой. Он учил своих подданных не только возделывать земли, строить дома, проводить оросительные каналы, но «обучал их благовоспитанности, содружеству и братству, которые они должны были проявлять в отношениях друг с другом, в соответствии с тем, чему учили их разум и закон природы... Он ввел смертную казнь для прелюбодеев, убийц и воров. Приказал иметь не более одной жены, и чтобы женились они среди своих, не смешивали бы роды, и чтобы женились после двадцати лет и старше, чтобы они уже могли бы сами управлять своими домами и работать в своих поместьях... Для каждого селения или племени, которые он подчинил, он избрал курак, что означает... господин вассалов; он выбирал их исходя из их достоинств — того, кто больше трудился для покорения индейцев, проявив себя более приветливым, мягким и благочестивым человеком, большим другом к общему добру... Вместе с этими заветами и правилами он обучал их божественному культу своего идолопоклонства. Он указал место для возведения храма Солнцу, где ему будут приносить жертвы, убедив их в том, чтобы они почитали его как главного бога...»²

¹ Вега И.Г. де ла. Указ. соч. С. 43.

² Там же. С. 56–57.

Но в дальнейшем, продолжал Гарсиаласо де ла Вега, правители инков забыли о божественных заповедях и стали тиранами в своей собственной стране. За это расплатой стало нашествие испанских конкистадоров.

А начало ему было положено великим Христофором Колумбом, открывшим в 1492 г. Новый Свет. Это открытие вызвало ожесточенную борьбу между Испанией и Португалией. Каждая из них претендовала на новые земли, которые к тому времени еще не были даже открыты. Спор был разрешен по Тордесильясскому договору 1494 г. Согласно этому документу к Португалии перешли все территории к востоку от островов Зеленого мыса на протяжении 370 лиг (около 2000 км) вдоль воображаемой линии, идущей от одного полюса к другому. К Испании перешли земли, расположенные восточнее этой линии¹: Карибские острова, Центральная Америка, значительные территории Северной и Южной Америки.

Процесс колонизации шел стремительно. В 1502 г. испанцы создали на Эспаньоле (острове Гаити) первое поселение. В течение десяти лет поселения были основаны на Ямайке, Тринидаде, Кубе, других Карибских островах. В 1519–1521 гг. конкистадоры Э. Кортеса захватили империю ацтеков. В 1532–1533 гг. пала великая империя инков. В течение нескольких лет под владычество Испании перешли земли современных Венесуэлы, Колумбии, Аргентины, Чили, Уругвая, других государств Южной и Центральной Америки. И только земли современной Бразилии остались за Португалией.

Огромные колониальные владения Испании были разделены на два вице-королевства. В состав вице-королевства Новой Испании, созданного в 1535 г., вошли территории Северной и Центральной Америки, а также острова Карибского бассейна. В вице-королевство Перу вошли земли Южной Америки. Впоследствии из его состава были выделены два новых вице-королевства — Новая Гранада (1718 г.) и Рио-де-ла-Плата (1776 г.).

Вице-королевства были разделены на провинции, во главе которых стояли губернаторы, которые назначались, как и вице-короли, королем Испании. При губернаторах формировались особые судебные коллегии (*audencia*), наделенные правом рассматривать судебные споры

¹ Договоренности о разделе новых земель были достаточно условны. Оба государства стремились к захвату как можно большего числа земель, не обращая внимания на взаимные обязательства.

и контролировать действия чиновников колониальной администрации. В городах формировались муниципальные советы и суды. Надзор за действиями колониальных властей осуществляли специально созданные для этой цели Торговая палата (1503 г.) и Совет по делам Индий (1524 г.).

В португальской Бразилии система управления была несколько иной. Территория колонии делилась на капитанства, дарованные в основном представителям знати. В своих владениях они обладали по сути неограниченной властью и только формально признавали верховенство генерал-губернатора, назначавшегося королем Португалии.

Владычество Испании и Португалии принесло неисчислимые бедствия коренным народам Америки. По образному выражению одного из первых гуманистов Нового Света Торбио де Бенаvente (Мотилиния)¹, туземцев Господь покарал, как когда-то египтян, «десятью страшными казнями»: оспой, кровопролитными войнами, голодом, жестокими надзирателями, чрезмерными налогами, поклонением золотому тельцу, подневольными строительными работами, рабством, непосильной работой на золотых приисках, постоянными раздорами.

Описание многих «страшных казней» звучали как яростное обличение завоевателей Новой Земли: «Конкистадоры наши поселили в усадьбах и принадлежавших к ним селеньях своих слуг и негров, дабы они собирали дань и ведали сельскими работами. Оные слуги и негры поселились и поныне живут в селеньях, и, хотя в большинстве своем они испанские крестьяне, на сей земле они стали господами и помыкают исконными хозяевами здешнего края, как если бы те были их рабами; впрочем, мне не хотелось бы обличать их дурные нравы, и о своих чувствах я умолчу, скажу лишь, что они понуждают служить им и бояться их, словно они тут всевластные исконные господа, и ничего иного они не делают, только и знают, что требовать, и, сколько бы им ни давали, никогда не бывают довольны и везде, где находятся, причиняют смуту и порчу... они суть трутни, пожирающие мед, который приносят бедные пчелы, сиречь индейцы, и сколько бы те несчастные ни отдавали, наглецам все мало... Обращались с ними как со скотом

¹ Он был одним из первых монахов-францисканцев, прибывших в Мексику с апостольской миссией в 1523 г.

и ценили меньше, чем скотину... В иные годы испанцы так спешили обзаводиться рабами, что сгоняли их в Мехико целыми толпами, вроде овечьих отар, дабы клеймить своим тавром»¹.

В течение нескольких десятилетий после открытия Америки ее коренное население было практически полностью уничтожено на Карибских островах². Огромными были потери и в других испанских колониях.

Обращаясь к этой теме, Бартоломе де Лас Касас писал: «Известно, что христиане своей тиранией и несправедливостью умертвили более 12 миллионов душ индейцев — мужчин, женщин и детей. Я же наверное знаю, хотя меня пытались обмануть, что их было более 15 миллионов человек! Убивали христиане двумя способами: несправедливой, кровавой, жестокой и тиранической войной и обращением в рабство, в какое никогда прежде не бывали обращены ни люди, ни животные. Эти два способа адской тираннии разрушили эти земли и уничтожили людей, которым не было числа. Причиной и единственной целью убийств и разрушений было обогащение христиан золотом. Ради этого они готовы были на любой произвол на этих землях, ибо земли были богаты, а жители скромны и терпеливы. Их легко было завоевать, и христиане это сделали, не имея к ним ни жалости, ни уважения. И то, что я говорю, я знаю, ибо видел все собственными глазами»³.

По убеждению де Лас Касаса, эти злодеяния были глубоко чужды христианству, поскольку оно отвергает не только рабство, но и любые иные формы порабощения. Христианская религия, как пишет он, «принимает в свое лоно одинаково всех людей и никого не лишает свободы и собственности, не превращает людей в рабов под предлогом, что они по своему естественному происхождению являются либо свободными, либо рабами»⁴.

Де Лас Касас неустанно боролся за облегчение участи индейцев. Во многом благодаря его усилиям испанский король принял в 1542 г.

¹ *Торбио де Бенеvente (Мотолиния)*. История индейцев Новой Испании // <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Motolinia/text.phtml>.

² Подробнее см.: *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1953. С. 51.

³ *Лас Касас Б. де*. Кратчайшее сообщение о разрушении Индий // http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Las_Kasas/kratk_soobsc.phtml?id=794.

Де Лас Касас был священником-доминиканцем. Трактат написан в 1544 г.

⁴ Цит. по: История всемирной литературы. Т. 3. М., 1985. С. 410.

Новые законы об Индиях — первые законы о гуманном обращении с коренным населением.

В соответствии с этими законами судебным коллегиям (*audencia*) поручалось проявлять особую заботу о добром обращении с индейцами и их защите. С этой целью судебные коллегии должны были расследовать факты дурного обращения с индейцами со стороны не только частных лиц, но и губернаторов. Впредь запрещалось обращать индейцев в рабов. Те же, кто были в рабстве, могли по суду вернуть себе свободу. Более того, чтобы исключить дальнейшее обращение индейцев в рабство, Новые законы предоставили им статус вассалов самого короля Испании¹.

Но должного эффекта эти меры не принесли, поскольку в силе остались прежние формы подневольного труда индейцев. Одной из основных была энкомьенда (от испанского слова *encomienda*, что означало «попечение», «защита»). В соответствии с этой системой, введенной в испанских колониях в 1503 г., индейцы передавались под управление энкомендеро (поручителей) и были обязаны платить налоги и выполнять разные повинности. Эта разновидность крепостного права действовала до ее отмены в XVIII в.

С принятием Новых законов 1542 г. рабство не было ликвидировано. Изменился его основной объект. Им стали негры-рабы, которых перевозили в колонии из Африки во все возрастающем количестве.

Новые законы 1542 г. занимают особое место в становлении латиноамериканского права, поскольку они впервые допустили параллельное существование двух правовых подсистем — испанского и аборигенного права. Этот принцип был воплощен в следующих нормах: «Судебные коллегии (*audencia*) не должны допускать, чтобы споры между индейцами либо с их участием рассматривались в обычном порядке судопроизводства либо им обманным образом отказывали в правосудии, как это происходит по злой воле некоторых адвокатов и судебных чиновников; но такие дела должны рассматриваться в суммарном производстве с уважением к их привычным порядкам и обычаям, если только они не являются явно несправедливыми; и указанные судебные коллегии (*audencia*) должны следить

¹ New Laws of the Indies. 1542 // Modern History Sourcebook (<http://www.fordham.edu/halsall/mod/1542newlawsindies.html>.)

за тем, чтобы это требование соблюдалось и другими, нижестоящими судьями»¹.

В развитии латиноамериканского права начиная с XVII в. все бóльшую роль начинают играть местные торговые обычаи. Этому способствовал ряд последовательно проведенных реформ, направленных на развитие в колониях сельского хозяйства, торговли и ремесел.

Но, естественно, ведущая роль сохранялась за правом метрополии. Чтобы укрепить ее, испанское правительство осуществило в 1680 г. официальную систематизацию законодательства для своих американских колоний (*Recopilacion de Leyes de los Reynos de Indias*)².

Новый этап в истории латиноамериканского права наступил в эпоху великих революций конца XVIII в., положивших начало широкой волне национально-освободительных движений.

Первой свободой обрела Эспаньола (Гаити). Еще в 1791 г. во французской части острова началось восстание рабов под предводительством Туссена-Лувертюра. Вскоре оно перекинулось на испанскую часть острова. Повстанцы захватили весь остров и 1 января 1804 г. объявили его независимость³.

Переломным в истории испанских колоний стал 1808 г., когда наполеоновские войска вступили на территорию Испании. В колониях начались волнения. В 1810 г. в Мехико, столице вице-королевства Новая Испания, была образована революционная хунта. В том же году революционные хунты были образованы в Венесуэле, Новой Гранаде (Колумбии), Рио-де-ла-Плата (Перу), Чили. Но восставшие потерпели поражение, и к 1815 г. Испания практически полностью восстановила свои колониальные владения в Америке⁴. Впрочем, ненадолго.

Уже в следующем 1816 г. начался новый этап освободительного движения. Независимость обрели Аргентина (1816 г.), Чили (1818 г.),

¹ New Laws of the Indies. 1542.

² Подробнее см.: Гражданское и семейное право развивающихся стран: Учебное пособие / Под ред. В.К. Пучинского и В.В. Безбаха. М.: Изд-во РУДН, 1989. С. 46–49.

³ Суверенитет Испании над восточной частью острова был восстановлен в 1809 г. Но в 1821 г. Испания окончательно ее утратила.

⁴ Независимость, в частности, сохранил Парагвай, отколовшийся в 1811 г. от Аргентины. Через несколько лет власть в стране узурпировал Х. Родригес — первый латиноамериканский диктатор. Он правил без малого 30 лет. Примерно столько же лет власть сохраняли его преемники.

Колумбия (1819 г.), Мексика (1821 г.), Венесуэла (1821 г.), Перу (1821 г.), Эквадор (1822 г.).¹

В 1825 г. независимость получило Верхнее Перу, которое повстанцы в честь своего вождя С. Боливара назвали Боливией.

С. Боливар мечтал о создании единого государства, которое могло бы объединить все бывшие колонии Испании. Но в отсутствие устойчивых экономических связей между бывшими колониями и ввиду начавшейся ожесточенной борьбы за власть осуществить эту мечту было невозможно.

В этом отношении показательна судьба Центральной Америки. В 1821 г. власть в вице-королевстве Новой Испании захватил генерал Августин де Итурбиде, который объявил себя императором и короновался под именем Августина I.

Но такое развитие событий раскололо бывшее вице-королевство. Южные провинции объявили о своей независимости и некоторое время спустя (1 июля 1823 г.) образовали федерацию – Соединенные Провинции Центральной Америки², в состав которой вошли Гватемала, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика. В 1824 г. была принята Конституция. Одной из основных ее целей было сохранение единства нации. Но достичь этого вновь не удалось. В 1838 г. из состава федерации вышел Гондурас. А в феврале 1841 г. она распалась окончательно: о выходе из союза объявил Сальвадор, последний субъект федерации.

В результате освободительных войн Испания лишилась всех своих колоний, за исключением Кубы и Пуэрто-Рико. Но и эти территории в конце XIX в. были утрачены. В 1898 г. в результате скоротечной испано-американской войны Куба и Пуэрто-Рико перешли под юрисдикцию Соединенных Штатов. В 1902 г. США признают независимость Кубы. Пуэрто-Рико до сих пор остается под правлением США.

Менее драматично сложилась судьба колониальных владений Португалии. В 1807 г. в Бразилии обосновался король Португалии, бежав-

¹ На первом этапе Венесуэла, Колумбия и Эквадор образовали Великую Колумбийскую Республику, которую возглавил Симон Боливар, «освободитель Южной Америки». Но она просуществовала недолго. В 1830 г. из ее состава вышла Венесуэла, а в 1832 г. Эквадор.

² В 1824 г. федерация была переименована в Федеративную Республику Центральной Америки.

ший от наполеоновских войск. Была провозглашена задача создания единого государства, объединявшего метрополию с ее колониальными владениями. Реализуя ее, принц-регент, будущий король Жуан VI, провозгласил в 1815 г. создание Объединенного королевства Португалии, Бразилии и Алгарви. Его столицей стал город Рио-де-Жанейро. Но союзное государство сохранялось недолго. В 1822 г. Бразилия провозгласила независимость, но под эгидой португальской короны. Наследник португальского трона Педру I стал императором Бразильской империи. Новая империя просуществовала до 1889 г., когда в результате военного переворота из конституционной монархии она была преобразована в федеративную республику.

Начался этап самостоятельного развития права Латинской Америки.

Параграф второй. Конституционные идеалы и реалии Латинской Америки

После обретения независимости правительства государств Латинской Америки провели крупные реформы права.

Практически повсеместно были приняты конституции, для которых образцом служили конституции не только США (1787 г.), но и Франции (1791, 1793 и 1799 гг.), Испании (1812 г.), отдельных государств Латинской Америки.

Одним из наиболее ярких документов той эпохи стала Конституция Боливии 1826 г. По замыслу ее создателя Симона Боливара Конституция должна была совместить конституционные ценности нового времени и принципы политической организации Древнего Рима.

В основу нового государства были положены те же принципы независимости, единой религии, свободы, народовластия и разделения властей, которые были закреплены в предшествующих конституциях США, Франции, Испании, некоторых других государств. Но здесь не было слепого копирования. Напротив, в каждый из этих принципов были внесены уточнения, которые заметно меняли их смысл. В этом можно убедиться на примере ст. IX, установившей деление верховной власти на четыре ветви: избирательную, законодательную, исполнительную и судебную¹.

¹ Constitutions That Made History. P. 161–162.

Конституция провозглашала суверенитет государства, его приверженность демократии и праву. С. Боливар был убежден, что защитить эти принципы могут только те боливийцы, которые обладают теми же добродетелями, что и граждане Древнего Рима. Поэтому Конституция Боливии призывала:

- «1. Жить в соответствии с Конституцией и законами;
2. Уважать установленные власти и подчиняться им;
3. Вносить свой вклад на общие расходы государства;
4. Приносить в жертву свое имущество и даже свою жизнь, если того требует безопасность Республики;
5. Стоять на страже гражданских свобод» (ст. XII)¹.

С особой тщательностью в Конституции были разработаны нормы о гражданстве. Как и в Древнем Риме, оно не было почетным званием либо формальным свидетельством принадлежности к государству. С ним было сопряжено обладание политическими правами. Поэтому Конституция предъявляла к гражданам повышенные требования (цензы):

- «1. Быть Боливийцем;
2. Быть женатым либо достичь совершеннолетия, то есть быть не моложе 21 года;
3. Уметь читать и писать...²
4. Заниматься ремеслом, торговлей, какой-либо наукой или искусством, не находясь при этом в положении домашней прислуги (*serviente domestico*)» (ст. XIV)³.

В Конституции были подробно описаны условия не только приобретения, но и приостановления и утраты гражданства. Гражданство, в частности, утрачивалось в случае:

- «1. Измены Общественному Долгу;
2. Принятия гражданства другого государства;
3. Применения позорящей меры наказания по приговору суда, кроме случаев восстановления утраченных прав по решению Законодательной Власти;
4. Принятия должностей, званий, содержания от правительств других государств без согласия Палаты Цензоров» (ст. XIX)⁴.

¹ Constitutions That Made History. P. 162.

² Данное условие должно было вступить в силу с 1836 г.

³ Constitutions That Made History. P. 162–163.

⁴ Ibid. P. 163.

По замыслу С. Боливара Конституция должна была не только возродить гражданские добродетели Древнего Рима, но и воплотить в жизнь неосуществленные мечты Гая Юлия Цезаря о новой форме политического устройства.

Во главе новой республики должен был стоять президент, который избирался пожизненно. Предполагалось, что тем самым будут созданы особые гарантии его независимости. Он наделялся большими правами и вместе с тем освобождался от ответственности. Как и в монархиях, его указы вступали в силу только при условии, что они были скреплены подписью министра, который брал на себя ответственность за их исполнение.

Особым образом была сконструирована законодательная власть. Она состояла из трех палат: палаты трибунов, палаты сенаторов и палаты цензоров. Помимо общих вопросов, которые требовали согласия законодательной власти в целом (принятие законов, избрание по представлению президента вице-президента и т.д.), каждая из палат имела свой круг государственных дел. Так, палата цензоров следила за соблюдением исполнительной властью Конституции, законов и международных договоров. Палата сенаторов избирала окружных судей и давала согласие на назначение губернаторов, префектов, других должностных лиц. Палата трибунов выступала с инициативой законов о ежегодном налогообложении и расходовании государственных средств, о долговых обязательствах, о строительстве дорог, о поощрении торговли, ремесел и т.д.¹

Мечты С. Боливара не сбылись. Его Конституция просуществовала чуть более года. Созданная на ее основе громоздкая система власти оказалась нежизнеспособной. Вместе с тем она сыграла в конституционной истории исключительно важную роль. И дело даже не в том, что ее идея пожизненно избранного президента неоднократно использовалась многочисленными диктаторами латиноамериканских стран. Намного более важным был другой ее урок — ценность гражданских добродетелей, без которых невозможно, как убеждал С. Боливар, сохранить независимость государства, демократический строй, права и свободы человека.

В ряду наиболее ярких конституционных документов Латинской Америки следует особо отметить основные законы Перу 1823 г.,

¹ Constitutions That Made History. P. 164—171.

Уругвая 1830 г., Коста-Рики 1844 г., Аргентины 1853 г., Мексики 1857 г., Колумбии 1886 г.

Многие из них внесли заметный вклад в развитие конституционализма. Так, в текст Конституции Мексики 1857 г. была включена норма, которая в XX в. будет положена в основу построения правовых государств: «Основные права человека определяют содержание и являются целью общественных учреждений»¹.

Но наиболее глубоким было влияние Конституции Мексики 1917 г., ставшей, «по сути, манифестом новой конституционной доктрины социального государства»². Вскоре после ее принятия закрепленные в ней принципы и нормы были заимствованы авторами Конституции РСФСР 1918 г., Веймарской Конституции Германии 1919 г., основных законов многих других государств.

Прежде всего отметим, что Конституция Мексики впервые в истории закрепила нормы о социальных ограничителях права собственности. В частности, ст. 27 устанавливала: «Собственность на землю и воды, находящиеся в пределах национальной территории, изначально принадлежит нации, которая имела и имеет право передавать частным лицам владение ими, создавая частную собственность. Нация имеет право в любое время устанавливать такие ограничения частной собственности, которые могут быть востребованы в общественных интересах, она имеет также право регулировать использование природных ресурсов, являющихся объектом присвоения, в целях сохранения и равноправного распределения общественных богатств...»

Но наиболее полными были ограничения, возложенные на работодателей. Закрепляя право на труд, Конституция Мексики провозглашала: «Ни одно лицо не может быть ограничено в праве выбора любой профессии, промышленного или торгового занятия, при условии, что они являются законными. Осуществление этого права может быть запрещено только по судебному приказу, когда нарушаются права третьих лиц, либо по административному предписанию, изданному в порядке, установленном законом, если нарушаются права общества. Никто не может быть лишен плодов своего труда иначе как по реше-

¹ Цит. по: *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья // Конституции государств Америки. Т. 1. М., 2006. С. 15.

² Там же. С. 16.

нию суда... Никто не может быть принужден работать без должной компенсации и без своего полного согласия, за исключением принудительного труда, назначенного в виде наказания по решению суда» (ст. 4, 5).

Эти общие нормы были дополнены другими положениями Конституции, в ряду которых особое место занимает ст. 123, ставшая манифестом новой конституционной доктрины социального государства.

В частности, в ней было установлено, что рабочее время в дневное время не может превышать восьми часов, а в ночное — семи часов. Было запрещено привлекать к ночной работе и принимать на вредные и опасные производства женщин и детей моложе шестнадцати лет. Не допускался прием на работу детей моложе двенадцати лет. Было закреплено также право каждого работника на один день отдыха после шести дней работы (п. I–IV).

Самым подробным образом регламентировались вопросы оплаты труда:

«Минимальный размер заработка, получаемый работником, должен быть достаточным с учетом условий, существующих в соответствующих регионах страны, для удовлетворения обычных жизненных потребностей, получения образования и приобретения законных благ работником как главой семьи. На всех сельскохозяйственных, производственных либо горнодобывающих предприятиях работники имеют право на участие в распределении прибыли в порядке, предусмотренном пунктом IX настоящей статьи.

Одинаковый заработок должен выплачиваться за одну и ту же работу вне зависимости от пола или национальности работника.

Минимальная заработная плата освобождается от налогообложения, штрафов и вычетов...

Заработная плата выплачивается в установленной законом национальной валюте; запрещается оплачивать труд товарами, чеками, расписками либо иным образом взамен денежных знаков...

Сверхурочные работы должны оплачиваться на сто процентов выше, чем за работу в нормальные рабочие часы. Ни при каких обстоятельствах сверхурочные работы не должны превышать трех часов в день либо назначаться более чем на три дня подряд; женщины любого возраста и мальчики-подростки до шестнадцати лет не могут привлекаться к сверхурочным работам» (п. VI–X).

Примечательны положения ст. 123, в которых закреплялись обязательства работодателей по развитию социальной инфраструктуры.

Так, п. XII и XIII обязывали владельцев каждого сельскохозяйственного, промышленного, горнодобывающего предприятия предоставлять работникам комфортабельное и соответствующее санитарным требованиям жилье, за которое они могли взимать ежемесячную ренту в размере не более половины процента от оцененной его стоимости. Они должны были учреждать школы, диспансеры, предоставлять иные услуги, необходимые для лиц, работающих и живущих у них.

Кроме того, Конституция обязывала отводить в рабочих поселках с населением свыше двухсот человек земельные участки размером не менее пяти тысяч квадратных метров для обустройства общественных рынков, строительства зданий учреждений, оказывающих муниципальные услуги, и организации развлечений и досуга. В этих поселках запрещалось создавать питейные и игорные заведения.

Помимо этого предусматривалось также создание кооперативов для строительства дешевого и отвечающего санитарным условиям жилья с последующим его переходом в собственность работников (п. XXX).

По сути в этих положениях впервые в конституционной истории была сформулирована концепция государственно-частного партнерства с целью сохранения общественного мира. Осуществить ее можно было только при сохранении баланса интересов труда, капитала и государства. Развивая эту идею, п. XVI и XVII ст. 123 закрепили право работников и предпринимателей на объединение в целях защиты своих интересов, а также на проведение забастовок и локаутов. Примечательны форма и содержание этих норм:

«Забастовки считаются законными, если они используются как мирное средство для достижения баланса между различными производственными интересами и гармонии между трудом и капиталом» (п. XVIII).

«Локауты считаются законными, если перепроизводство товаров приводит к необходимости закрытия предприятия с целью поддержания цен на уровне, разумно превышающем стоимость производства, при условии если на это будет получено согласие совета по примирению и арбитражу» (п. XIX).

«Разногласия либо споры между трудом и капиталом должны решаться советом по примирению и арбитражу, формируемым из равного числа работников и предпринимателей и одного представителя Правительства» (п. XX)¹.

В целом большей части конституций латиноамериканских государств был присущ высокий уровень правового оформления. Но им крайне редко удавалось добиться стабильности и сохранения демократических форм правления. Причиной была постоянная борьба за власть, вызванная прежде всего крайне неустойчивой социально-экономической ситуацией. Например, в Доминиканской Республике с 1865 по 1879 г. было около 50 военных мятежей и 21 реформа правительства. В Эквадоре только в XX в. было 12 военных переворотов и две гражданские войны. В период с 1923 по 1948 г. в этой стране ни один президент не смог сохранить свой пост до истечения срока своих полномочий². Еще более бурной была история Гондураса. В общей сложности там было более 300 мятежей, восстаний, гражданских войн³.

Такие условия расшатывали конституционные основы демократического правления. Уже в первой половине XIX в. формируются особые, каудильистские политические режимы с характерным мессианским культом вождей и господствующей ролью армии. При этом отметим, что это происходило на волне не только авторитарных, но и демократических движений.

О политической нестабильности в регионе можно судить по такому индикатору, как частая смена конституций. Так, в Мексике, Бразилии и Уругвае действовало семь конституций, в Коста-Рике и Гватемале — девять, в Чили — 10, в Перу — 12, в Сальвадоре, Гондурасе и Никарагуа — 14, в Эквадоре — 20, в Венесуэле — 26, в Доминиканской Республике — 32 конституции (это абсолютный рекорд в мире)⁴.

Определенная стабилизация политической жизни наступила только к концу XX в. Усиливается роль законодательной и судебной ветвей

¹ Constitutions That Made History. P. 285—336.

² См.: *Штатаина М.А.* Вводная статья к Конституции Эквадора // Конституции государств Америки. Т. 3. С. 1074.

³ См.: *Хабриева Т.Я.* Вступительная статья // Конституции государств Америки. Т. 1. С. 16.

⁴ *Cordeiro J.L.* Latin America: Constitution Crazy // Latin Business Chronicle. 2008. 6 Oct.

власти. Развивается местное самоуправление. Демократические выборы (в частности, в 1983 г. — в Аргентине, в 1985 г. — в Бразилии и Уругвае, в 1989 г. — в Боливии, Парагвае, Чили) становятся привычным явлением, знаменуя отказ от прежних авторитарных форм правления.

И, что самое важное, конституции становятся подлинно действующими, а не декларативными актами.

Прежде всего речь идет о реализации конституционных прав и свобод. В целом для латиноамериканских конституций характерны две особенности: расширение перечня прав и свобод и подробная их регламентация. В этом, несомненно, отражено стремление к созданию дополнительных правовых гарантий.

Так, Конституция Венесуэлы подробно регламентирует права индейских народов (ст. 119–126), Конституция Никарагуа — семейные права (ст. 70–79), Конституция Гондураса — права детей (ст. 119–126), Конституция Перу — права в сфере образования (ст. 13–19), Конституция Панамы — права в сфере культуры (ст. 76–86), Конституция Колумбии — формы защиты прав и свобод (ст. 83–94)¹.

Особое внимание конституции латиноамериканских государств обращают на вопросы децентрализации управления. Такая задача решается не только в федеративных (Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Мексике), но и в унитарных государствах. Так, Конституция Колумбии провозглашает, что Колумбия является децентрализованным государством с автономией административно-территориальных образований (ст. 1).

Все более отчетливо прослеживается тенденция к утверждению принципов деконцентрации управления в различных сферах экономической и социальной жизни. Многие конституции регламентируют эти вопросы очень подробно. Так, в Уругвае им посвящены две главы Конституции (ст. 185–205).

К особенностям латиноамериканского конституционализма можно отнести повышенное внимание к вопросам защиты прав коренных народов, охраны природных ресурсов, проведения аграрных реформ.

Следует отметить также значительное усиление конституционного контроля, осуществляемого как специализированными органа-

¹ Подробнее см.: Конституции государств Америки. Т. 1, 3.

ми — конституционными судами (Боливия, Колумбия, Перу, Чили, Гватемала), так и судами общей юрисдикции (Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Эквадор, Никарагуа, Панама, Гондурас, Сальвадор, Доминиканская Республика). В ряде стран эти функции возложены на соответствующие подразделения верховного суда — конституционную палату (Венесуэла, Сальвадор) и судебную коллегию по конституционным делам (Парагвай).

Вместе с тем утверждать о конституционной стабилизации в Латинской Америке еще преждевременно. В первые девять лет нового столетия уже приняты три новые конституции: Боливии (2009 г.), Эквадора (2008 г.), Доминиканской Республики (2002 г.). В ряде государств, в частности в Венесуэле, проведены крупные конституционные реформы. Цель этих реформ, проводимых под давлением «новых левых», — возрождение латиноамериканских наций посредством сочетания наиболее действенных моделей капиталистического, социалистического и традиционного (аборигенного) ведения экономических и социальных дел.

Параграф третий. Особенности правовых систем Латинской Америки

Латиноамериканское право развивалось во многом под влиянием романо-германской системы права — точнее, той ее ветви, которую часто называют «иберийской». И тем не менее есть много оснований для его выделения в отдельную правовую семью.

Одна из характерных черт правовых систем Латинской Америки — высокая степень региональной интеграции права, что служит бесспорным свидетельством обособления латиноамериканского права.

Латиноамериканские страны приступили к созданию общего рынка на рубеже 1950—1960-х гг. В 1960 г. была учреждена Латиноамериканская ассоциация свободной торговли, в которую вошли Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, Чили, Парагвай и Перу. В 1961 г. к Договору присоединились Колумбия и Эквадор, в 1966 г. — Венесуэла, в 1967 г. — Боливия.

Помимо этого формировались более узкие региональные объединения — Центральноамериканский общий рынок (1960 г.), Андская группа (1969 г.), Карибская ассоциация свободной торговли (1968 г.).

С целью углубления интеграционных процессов страны Латинской Америки стали проводить начиная с 1986 г. ежегодные межправительственные совещания стран — участниц Группы Рио.

Новый этап наступил в 1991 г. с созданием Южноамериканского общего рынка — МЕРКОСУРа (*Mercado Comun del Sur*). Его участниками на первом этапе стали Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай¹. В дальнейшем к МЕРКОСУРу на правах ассоциированных членов присоединились Боливия, Колумбия, Чили, Перу и Эквадор.

Новое региональное объединение ставит цель не только экономической, но и политической интеграции. В декабре 2004 г. было принято решение о формировании в 2010 г. Парламента МЕРКОСУРа, в состав которого войдут по 18 представителей от каждого государства-участника.

Важный фактор развития политической и экономической интеграции — все углубляющаяся унификация (гармонизация) латиноамериканского права. Ее цель впервые была сформулирована С. Боливаром. Но конкретное воплощение идея унификации права Латинской Америки получила только к концу XIX в.

В 1875 г. по инициативе правительства Перу было созвано совещание ведущих юристов Латинской Америки с целью выявления потребности в разработке единообразных кодексов в сфере частного права². Приоритетным направлением было признано создание единообразных законов в сфере международного частного права. Было разработано несколько проектов. Но поддержки они не нашли. Более успешной была работа конференции в Монтевидео, созванной рядом государств Южной Америки в 1888 г. Ее итогом стали восемь проектов соглашений по вопросам гражданского, торгового, уголовного, авторского права, которые были ратифицированы Аргентиной, Боливией, Колумбией и Перу.

Однако наиболее крупной работой стал Кодекс Бустаманте — Кодекс международного частного права, принятый в 1928 г. на Панаме-риканской конференции в Гаване и ратифицированный 15 государствами³. Этот акт включал общую часть и четыре книги, посвященные

¹ После утверждения парламентами Бразилии и Парагвая полноправным членом МЕРКОСУРа станет Венесуэла.

² Garro A. M. Unification and Harmonization of Private Law in Latin America // American Journal of Comparative Law. 1992. № 40. P. 588.

³ Боливией, Бразилией, Чили, Коста-Рикой, Кубой, Доминиканской Республикой, Эквадором, Сальвадором, Гватемалой, Гаити, Гондурасом, Никарагуа, Панамой, Перу и Венесуэлой.

вопросам международного гражданского, торгового, уголовного и процессуального права.

В последние годы одним из основных инициаторов унификации латиноамериканского права выступает Организация американских государств. Действующий в ее рамках Межамериканский юридический комитет за более чем вековую историю подготовил большое число проектов конвенций, соглашений, единообразных актов по вопросам не только международного частного права, но и доступа к правосудию, права на информацию, предотвращения дискриминации и т.д.¹

Следует также отметить ряд других инициатив. Так, Иберо-американским институтом процессуального права² в 1988 г. был разработан Иберо-американский модельный гражданский процессуальный кодекс, который впоследствии был воспринят многими государствами региона: Уругваем (1989 г.), Коста-Рикой (1990 г.), Колумбией (1990 г.), Перу (1992 г.), Мексикой (1993 г.), Аргентиной (1995 г.), Бразилией (1996 г.), Боливией (1997 г.), Венесуэлой (2003 г.).

В целом для латиноамериканского права характерен достаточно высокий уровень кодификации права. Эта традиция, заложенная еще в колониальную эпоху, была поддержана многими первыми конституциями государств Латинской Америки. Так, ст. 47 Конституции Боливии 1826 г. обязывала Сенат составить гражданский, уголовный, процессуальный, торговый и церковный кодексы³. Такая же задача была поставлена в первой Конституции Бразилии 1824 г. (ст. 179)⁴. Нормы о кодификации законодательства содержатся и в современных основных законах. Например, Конституция Чили 1980 г. включает норму о кодификации гражданских, торговых, процессуальных, уголовных и других отношений (ст. 60). А Конституция Колумбии 1991 г. по сути ставит задачу кодификации «всех отраслей законодательства» (п. 2 ст. 150).

¹ Сформирован в 1906 г., размещается в Рио-де-Жанейро. Подробнее см. официальный сайт Комитета: http://www.oas.org/cji/nota_centenario_historia_cji.htm.

² Институт размещается в Монтевидео (Уругвай).

³ Constitutions That Made History. P. 167.

⁴ См.: Гражданское и семейное право развивающихся стран: Учеб. пособие. С. 46–49, 51–59; *Безбах В.В.* Частная собственность на землю в странах Латинской Америки (Правовое регулирование): Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 75–100.

Особенностью латиноамериканского права является сочетание механизмов, присущих не только романо-германскому, но и общему праву¹. Вместе с тем оно использует много собственных правовых конструкций. Так, конституции существенно расширяют возможности применения процедуры *amparo* — исков с требованиями о принятии срочных мер по предотвращению нарушений либо по восстановлению прав и свобод. Конституции Бразилии (п. LXIX ст. 5 гл. 1 разд. II), Эквадора (ст. 94), Гондураса (ст. 182) и ряда других вводят такую конструкцию, как *habeas data*, обеспечивающую незамедлительное предоставление либо исправление информации о лицах, хранящейся в публичных и частных учреждениях.

Своеобразно развиваются и другие отрасли права. Так, анализируя особенности административного права, известный специалист М.А. Штатаина отмечает, что в Латинской Америке практикой и текущим законодательством разработаны собственные национальные подходы к решению управленческих проблем. В результате создана своеобразная система регулирования публичной администрации, которая не может быть безоговорочно отнесена ни к одной из классических моделей административного права, действующих в современном мире².

Такую же оценку можно высказать и в отношении других отраслей права. Так, если первые гражданские кодексы Латинской Америки в основном следовали моделям гражданских кодексов Франции и других европейских стран, то в дальнейшем все более отчетливо проявляется стремление латиноамериканцев к самостоятельной обработке правовой материи на основе собственных традиций, судебной практики, научных доктрин. Первыми стали гражданские кодексы Чили (1855 г.) и Аргентины (1869 г.). Вслед за ними появились такие самобытные акты, как гражданские кодексы Бразилии (1917 г.)³, Мексики (1928 г.), Перу (1984 г.), Парагвая (1987 г.). В дальнейшем именно

¹ В частности, англосаксонский институт *habeas corpus*.

² См.: Штатаина М.А. Административное право в странах Латинской Америки: Монография. М.: Изд-во РУДН, 1994; Она же. Источники административного права в странах Латинской Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». М.: Изд-во РУДН, 2005. № 1 (17).

³ Принятию этого акта предшествовали несколько попыток создания Гражданского кодекса. В их числе следует особо отметить проект А.Т. Фрейтаса. В настоящее время в Бразилии действует новый Гражданский кодекс, принятый в 2003 г.

эти акты служили основными образцами для кодификаций в других государствах Латинской Америки. Так, Гражданский кодекс Чили был рецептирован практически без изменений в Эквадоре (1857 г.), Венесуэле (1861 г.), Колумбии (1873 г.), Сальвадоре (1859 г.), Никарагуа (1867 г.) и Гондурасе (1880 г.).

Заметный отпечаток на развитие латиноамериканского права оказывает католическая церковь. Этот факт отражен во многих конституциях. Так, Конституция Парагвая 1992 г. признает «главенствующую роль Католической церкви в историческом и культурном развитии Нации» (ст. 82). Конституция Перу 1993 г. подчеркивает, что государство «признает независимость и автономию Католической церкви — важного элемента исторического, культурного и морально-нравственного развития Перу и оказывает ей содействие» (ст. 50).

О том, какую роль играет католическая церковь в жизни Латинской Америки, можно судить по следующим цифрам. Католиками в Венесуэле, Боливии, Эквадоре, Доминиканской Республике являются 95% населения, в Аргентине — 92%, в Колумбии — 90%, в Парагвае — 89,6%, в Панаме — 85%, в Перу — 81%, в Сальвадоре — 79,1%, в Коста-Рике — 76,3%, в Мексике — 76,5%, в Бразилии — 73,6%, в Уругвае — 58%, в Гватемале — 55%¹. В общей сложности в Латинской Америке проживают около 40% всех католиков, что обуславливает особую их роль в католическом мире². Многие вопросы брачно-семейных отношений, образования, благотворительности, этики регулируются либо контролируются церковью. Нередко священники берут на себя роль мировых судей, разрешая споры, возникающие у их паствы.

Во многом ту же роль играют традиционные учреждения — вожди и старейшины индейских племен. Обращаясь к этой теме, Донна Ли Ван Котт отмечает: «Несмотря на формальный запрет, традиционные правовые системы продолжали действовать везде, где сохранялись традиционные сообщества»³.

¹ Данные приводятся по справочнику ЦРУ (CIA Factbook. 2008).

² В Латинской Америке были рождены такие новые конфессиональные движения, как теология освобождения, которые при всех коллизиях с Ватиканом тем не менее во многом определяют его политику.

³ Lee Van Cott D. Legal Pluralism and Informal Community Justice Administration on Latin America // <http://www.nd.edu/~cmendoza1/datos/papers/vancott.pdf>.

И только к середине XX в. государства Латинской Америки начинают постепенно признавать традиционное право. Так, Закон Эквадора 1937 г. «О коммунах» (*Ley de Comunas*) допустил возможность разрешения споров традиционными институтами, существующими в сельских сообществах. При этом многие исследования показывали, что в отдельных сферах они практически полностью вытеснили государственные суды¹.

Эту тенденцию или, точнее, особенность правовых систем Латинской Америки в конце XX в. отразили многие конституции. Первой стала Конституция Колумбии 1991 г., в которой были закреплены следующие нормы: «Органы власти коренных народов могут осуществлять судебные функции в пределах соответствующих территорий в соответствии с присущими им нормами и процедурами при условии, что они не противоречат Конституции и законам Республики. Закон устанавливает способы совмещения действующей в отношении коренных народов особой юрисдикции с действующей судебной системой» (ст. 246).

Впоследствии нормы, допускающие действие традиционного права, были закреплены в конституциях Боливии (ст. 171), Эквадора (ст. 191), Мексики (ст. 2), Никарагуа (ст. 89), Парагвая (ст. 63), Перу (ст. 149), Венесуэлы (ст. 260).

Наиболее полно они раскрыты в Конституции Мексики 1917 г.:

«Конституция признает и гарантирует право индейских народов и общин на свободное развитие и, как следствие этого, на автономию, с тем чтобы:

1. Устанавливать внутренние формы своего совместного проживания и собственную социально-экономическую, политическую и культурную организацию.

2. Применять собственное обычное право в регулировании и разрешении своих внутренних конфликтов, подчиненное общим принципам настоящей Конституции...

3. Избирать в соответствии со своими обычаями, процедурами и традиционной практикой органы своей власти или представителей для осуществления собственных форм внутреннего управления, гарантируя участие в нем женщин на условиях равенства с мужчинами

¹ *Fernando G.S.* Formas indígenas de administration de justicia // XII Congreso Internacional Derecho Consuetudinario y Pluralismo Legal. 2000.

в рамках, предусмотренных федеральным договором и суверенитетом штата.

4. Оберегать и обогащать свои языки, знания и другие элементы, образующие их культуру и самобытность.

5. Сохранять и улучшать условия проживания и оберегать свои участки земли в соответствии с положениями, установленными данной Конституцией.

6. При условии соблюдения форм и способов осуществления права собственности и владения землей, установленных настоящей Конституцией и соответствующими законами, а также прав, приобретаемых посторонними лицами или жителями общины, давать согласие на использование и извлечение природных ресурсов в местах обитания, занимаемых общинами, кроме тех, которые отнесены к стратегическим зонам в соответствии с настоящей Конституцией...

7. Избирать в муниципиях с индейским населением представителей в муниципальный совет. Конституция и законы субъектов Федерации признают и регулируют эти права в муниципиях с целью усиления их участия и политического представительства в соответствии с их традициями и обычными нормами.

8. Полностью признавать судебную власть государства. Чтобы гарантировать это право, во всех судах при осуществлении процедур, в которых они выступают в качестве индивидуальной или коллективной стороны, должны приниматься во внимание их обычаи и культурные особенности при уважении положений настоящей Конституции. В любое время индейцы имеют право получить помощь переводчика и защитника, которые знают их язык и культуру. Конституция и законы субъектов Федерации устанавливают особенности их свободного развития и автономии, которые наилучшим способом ограждают положение и устремления индейских народов каждого сообщества, так же как и правила признания индейских общин в качестве сообществ публичного характера» (ст. 2)¹.

Обязательства по сохранению традиционных институтов закреплены и Конвенцией Международной организации труда 1989 г. «О коренных и племенных народах», ратифицированной большей частью государств Латинской Америки: Мексикой (1990 г.), Боливией и Колумбией (1991 г.), Парагваем и Коста-Рикой (1993 г.), Перу

¹ Конституции государств Америки. Т. 1. С. 458–460.

(1994 г.), Гватемалой (1996 г.), Гондурасом (1995 г.), Эквадором (1998 г.), Аргентиной (2000 г.), Бразилией и Венесуэлой (2002 г.), Чили (2008 г.)¹.

В заключение отметим усиление тенденции к обособлению латиноамериканского права, чему в немалой степени способствует стремление государств региона (Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Боливии, Чили и др.) сохранять независимость в вопросах внутренней и внешней политики.

¹ International Labour Organisation. Indigenous and Tribal Peoples Convention 1989 // <http://www.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C169>.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга — лишь малая часть того, что я должен был отдать, наполнив ее ароматами и красками жизни. Такими же яркими и сочными, как в жизни той, кому она посвящена.

В ней, в дочери Рязанской земли, было много жизненных сил, как у многих рожденных на границе Дикого поля с его бескрайними полями, плакучими березовыми рощами и гудящими на ветру сосновыми борами.

Ей многое дал дед, ветеринарный врач села Дегтяные Борки. Вместе с ним она собирала лечебные травы, помогала ему ухаживать за животными. Эти знания нередко выручали не только ее, но и других.

Даже сейчас сохранились предания о том, как в десять лет она укрощала огромного быка, который вырывался на свободу, растапывая все на своем пути. Нередко, остановившись посередине села, он страшно ревел, взметая копытами волны пыли. Тогда селяне задворками бежали за ней, умоляя увести зверя домой. И она шла к нему по обезлюдившей улице, приговаривая: «Мишуня, милый, ну что ты? Зачем? Тебе пора домой». И грозный зверь замирал, прислушиваясь, и только судороги волнами пробегали по его могучему телу. А когда она приближалась, его нижняя губа начинала дрожать. И он покорно шел за ней, как будто ничего и не было.

А потом селяне убили его. Но прежде позвали ее: «Иди, попрощайся с ним». Еле сдерживая слезы, она зашла в загон. Почувяв ее, спутанный веревками бык заревел, а когда она приблизилась к нему, молча уткнулся ей мордой в грудь. И с его ресниц закапали крупные слезы. И она плакала вместе с ним.

«Ну, все, пора, — раздался чей-то голос, — иди». И она медленно пошла, а потом побежала, чтобы в поле излить потоками слез нестерпимую боль, разрывавшую сердце.

Она простила. Простила так, как учила мать Агафья Матвеевна — удивительная женщина, о которой и много лет спустя с изумлением будут вспоминать селяне, рассказывая о ее красоте, добром сердце и неземной любви, навеки связавшей ее с моим дедом Алексеем Федоровичем.

Увы, он погиб в первые месяцы войны. И тогда все нерастраченные силы любви они стали дарить другим — немощным и слабым. Это и стало причиной ее смерти. Когда пронесся страшный слух о том, что в селе началась чума, она одна решилась войти в дом к больной. А через несколько дней слегла сама. Уходя из жизни, она молила о том, чтобы болезнь не тронула ее дочерей и селян. И молитвы были услышаны. Смерть отступила, насытившись той, возможно, единственной жертвой, ради которой пришла.

Так моя мама и ее сестры — Клавдия, Татьяна, Елизавета, Анна — полностью осиротели. А вскоре одну за другой их выжили из дома, сказав, что пора самим зарабатывать на жизнь. Моей маме было 15 лет, когда без денег в одном платье она уехала в Москву. Наверное, ее, как и всех сестер, хранил Господь, ограждая от бед, направляя по жизни и посылая в помощь добрых людей. Они выжили, получили образование, создали семьи.

Спутником мамы стал мой отец — человек такой же опаленной многими несчастьями судьбы. К четырем годам он потерял родителей. А в 15 лет бежал на фронт. Войну прошел от Сталинграда до Праги. Получил несколько ранений, горел в танке, чудом остался живым. И чудом сохранил одну-единственную нить — старинные часы, которые связывали его с прошлым. Это было все, что осталось от родителей. Несколько раз он терял их и вновь возвращал. Однажды в первые месяцы войны он проиграл их в карты. А когда узнал, что карты крапленые, потребовал отдать часы. Смеясь, картежный шулер, здоровый мужик лет 35, отпихнул его, сказав, что он вернет их только через его труп. И тогда 16-летний подросток вызвал его на поединок. О том, что было, он помнил смутно. Он падал от страшных ударов и вновь вставал. Казалось, все было кончено. Но вдруг в его тщедушном теле пробудились какие-то неведанные силы. Со страшным криком он вновь ринулся на мужика и, обхватив, бросил его на землю с такой силой, что, потеряв сознание, тот больше уже не вставал.

Взрывной, во многом неуправляемый характер отец сохранял всю жизнь. И только мама могла сдерживать его, проявляя терпение и нежность.

Вместе они прожили пятьдесят лет. В их жизни было все: и радости, и печали. И в последний его час она была рядом с ним.

А я не успел, когда она была в больнице и ждала меня. Разминулись на десять минут, ставшие вечностью...

И все, что мне осталось сейчас, — посвятить эту книгу ей.

Владимир Лафитский

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В ОБРАЗАХ ПРАВА

Том первый

Редактор *А.В. Савкина*

Корректор *Л.А. Галайко, Т.Н. Немчинова*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова*

Компьютерная верстка: *О.Л. Божьева*

Подписано в печать 09.02.2010. Формат 60х84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Печ. л. 27. Усл. печ. л. 25,11. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;
тел./факс: +7(495) 649-18-06
E-mail: book@estatut.ru
www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-0653-1

Российское гражданское право

Учебник. В 2 томах

Под редакцией Е.А. Суханова

Евгений Алексеевич Суханов – заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Вестник гражданского права».

В новом издании учебника «Российское гражданское право» сохранен традиционный для университетского образования научно-методический уровень и учтены последние изменения действующего законодательства РФ. Учебник отличается компактностью изложения. Содержание учебника охватывает все темы гражданского права и полностью соответствует учебному плану и программе курса по этой дисциплине.

Любую информацию о книгах издательства Вы можете получить по телефону:

+7(495) 649-18-06

или на нашем сайте www.estatut.ru

«ВЕСТНИК ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА»

Вестник гражданского права – это первый и единственный научный журнал, который посвящен обсуждению наиболее значимых проектов в области гражданского права России.

Впервые журнал начал выходить еще в дореволюционной России (1913 – 1917 гг.) и, по мнению самых видных цивилистов того времени, был признан одним из самых авторитетных юридических изданий.

Современный «Вестник гражданского права» содержит анализ наиболее острых вопросов российского и зарубежного гражданского права, в нем широко представлена цивилистическая мысль прошлого – материалы, порой неизвестные современному юристу.

Журнал ставит своей целью развитие цивилистической мысли в России, распространение ее влияния на законотворчество и правоприменение.

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

■ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО
(ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

■ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
В КОММЕНТАРИЯХ

■ ИНОСТРАННАЯ НАУКА
ЧАСТНОГО ПРАВА

■ ПОЛИТИКА ПРАВА

■ ЦИВИЛИСТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ПРОШЛОГО

■ КРИТИКА
И РЕЦЕНЗИИ

Главный редактор Е.А. Суханов

ФОРМАТ: 70*100/16

ОБЪЕМ: 300 ПОЛОС

БУМАГА: ОФСЕТ 80 г/м²

С 2010 года ПЕРИОДИЧНОСТЬ ИЗДАНИЯ – 6 НОМЕРОВ в год

Издание журнала осуществляет ООО «Издательский дом В. Ема»

Стоимость годовой подписки на 2010 г. - 2 700 руб.

Оформить подписку можно на сайте www.mvgr.ru или по телефону +7 (495) 649-18-06.

Подписные индексы на 2010 год:

Агентство «Роспечать» - 36771, каталог «Почта России» - 24257 (полугодовая),

«Пресса России» - 36978 (полугодовая).

Приобрести номера журналов Вы можете в магазине юридической литературы
«Лекс-Книга» по адресу: Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2,
тел. + 7 (495) 789-34-06; www.lexkniga.ru (интернет-магазин)

Телефон в Москве:
(495) 789-34-06

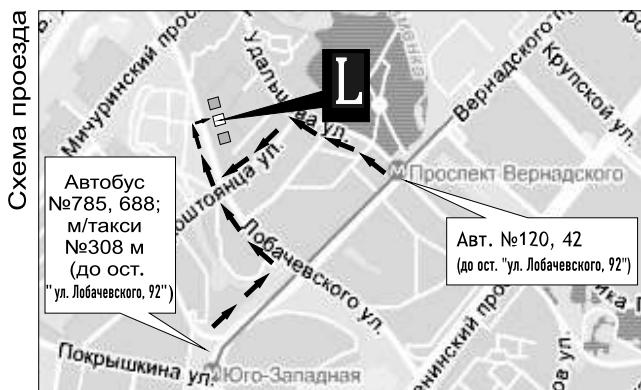
Лекс Книга

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕКС-КНИГА

WWW.LEXKNIGA.RU

- УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ВУЗОВ
- комплектование библиотек
- НОРМАТИВНО-СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА
- подбор литературы для юридических семинаров
- МОНОГРАФИИ
- дисконтная система скидок
- ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
- выгодные условия доставки

Тел. + 7(495) 789-34-06

Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2

Поезд до станции метро Проспект Вернадского или Юго-Западная